

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

Запорожская вольница

В. П. СУПРУНЕНКО

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

В.И. СУПРУНЕНКО

ЗАПОРОЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2007

ББК 63.3(2)
С89

Супруненко В.П.
С89 Запорожская вольница / В.П. Супруненко. — М. :
Вече, 2007. — 448 с. : ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-9533-2097-9

Низовое войско Запорожское возникло в связи с наступлением литовцев и поляков на Среднее Поднепровье и Восточную Подолвию. Казаки вынуждены были с оружием в руках защищать свою свободу и строить небольшие деревянные укрепления — «городки», или «сечи». Приблизительно в 30-х годах XVI века произошло объединение разрозненных казачьих групп, связанных с отдельными «сечами», и образовалась Запорожская Сечь.

Она долго сохраняла свою независимость и занимала видное место в международных отношениях. Героическая борьба Запорожской Сечи против султанской Турции и Крымского ханства серьезно подрывала военную мощь этих государств. Различные европейские государства искали военного союза с Запорожской Сечью и завязывали с ней дипломатические отношения.

Книга В.П. Супруненко рассказывает об истории, славных героях, повседневном быте запорожских казаков.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-2097-9

© Супруненко В.П., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Было время — на Украине
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь курганы в поле.

Тарас Шевченко

Нечеловеческие тайны
Закрыты шумом, точно речью.
Так на Днепре, реке Украины,
Шатры таились Запорожской Сечи.
И песни помнили века
Свободный ум сечевика.
Его широкая чуприна
Была щитом простолюдина,
А меч коротко-голубой
Боролся с чертом и судьбой.

Велимир Хлебников

НАПУТНОЕ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Нередко на лодке я выбираюсь в плавни (болотистая пойма реки. — *Примеч. ред.*). Тихо и укромно в их тростниковой густянке. Однако меня все время не покидает чувство, что рядом со мной кто-то затаился. Так же, как и я, он вслушивается в шоро-

хи, всматривается в глубину плеса, ловя краем глаза тени огромных рыбин. Я оглядываюсь, и вдруг в протоке мелькает смоленый челн. Гребец изо всех сил работает веслом. То ли пытается скрыться, то ли преследует кого-то... Карабкаюсь по днепровским скалам — высоко, круто, неустойчиво. Внезапно сверху в расщелину просовывается древко копья. Я хватаюсь за него и тут же оказываюсь на каменной ровной площадке. Оглядываюсь. Увы, один я над стремниной. Над сине-зеленым долом... То же самое в степи. Забреду в какую-нибудь балочку (балка — овраг в степи. — *Примеч. ред.*), прилягу под кустом бузины, и внезапно сверху раздастся конский топот, залиvistое ржанье. Вздохаю по склону, и все стихает. Лишь бескрайняя степь вокруг, древние курганы с каменными бабами на вершинах и большие молчаливые птицы в вышине...

И посреди днепровских разливов, и в тростниковых плавневых дебрях, и на обочинах степных шляхов (шлях — дорога. — *Примеч. ред.*) — везде в краю за днепровскими порогами можно встретить следы запорожских казаков. Память о них — в одинокой скале, что, словно клык, торчит в днепровском русле, в криничке (криница — родник. — *Примеч. ред.*), что выбивается из-под камня в степной балке, в кроне и корнях многовекового дуба, в облаках, тихо скользящих над ковыльными просторами... Они все помнят. Надо лишь шагнуть за порог и неторопливо пройти по песчаным откосам, примятым травам, щебнистым тропкам, пыльным проселкам и торным шляхам. И взглядеться, вслушаться, различить запахи, вникнуть. И представить, как все здесь — между днепровскими берегами, на скалистых островках и солнечных пляжах, в степях и плавнях Запорожья — было несколько веков назад. Вряд ли это кому-нибудь возможно точно установить во всех характерных деталях и живописных подробностях... А как могло быть? Что помнится, то обязательно воротится. Однако в каком виде? На чем возу? Путь ведь неблизкий. Немудрено что-то потерять, растрясти по обочинам, обтрепать на ветреных перекрестках. Долго я примеривал-

ся, прикидывал, советовался, но вот наконец решился и сделал шаг навстречу моему чубатому предку...

«Это научное исследование про мужей, подобных нам. Они предстают перед нами, порожденные нашим воображением и научными аргументами», — таким предисловием открыл в 1684 году «Историческую диссертацию про казаков» Йоганн Мюллер. Я последовал его примеру и взял в спутники и науку, и воображение, даже вымысел с собой прихватил. Историк у меня плохой, даже вредный помощник. Мне же без него не обойтись... Как не обходились без выдумки, фантастических сюжетов, задушевной отсебятины сельские сказочники, плавневые рыбаки-балагуры, кобзари, сочинители казацких дум (среди них, кстати, есть и «Дума про казака Супруна»). Всегда рядом — под рукой и перед глазами — на книжной полке (а нередко и в походном рюкзаке, дорожной сумке) были труды летописцев, послы, путешественников, историков, этнографов, фольклористов, краеведов многих поколений. Исследования этих дотошных и романтичных собирателей казацкой старины указали направление пути, определили основные его вехи. Вместе с ними я осилил большую часть этой трудной дороги по степному пограничью... Именно оно когда-то родило и сформировало феномен Запорожья и запорожского казачества. По насыщенности драматическими событиями и таинственными историями, по легендарной окраске подвигов и романтическому ореолу вокруг бытового уклада, традиций оно сегодня в мировом культурном наследии в одном ряду со скандинавскими викингами, средневековыми рыцарями, американскими ковбоями, японскими ниндзя.

Запорожское степное пограничье было неизведано, опасно и непригодно для мирной оседлой жизни, но там свободно гуляли ветры, парили в поднебесье орлы и кони догоняли плывущее над горизонтом светило — там была тайна, вольница и страсть. Что в недалеком будущем и в обозримой перспективе? Что за поворотом реки и изломом дороги? Вопросы, кото-

рые всегда с нами и в нас. Ночью, когда над степью распаивается звездное небо и ясно прослеживается на небосклоне звездный путь, вспоминаются слова поэта: «Куда ведет степное бездорожье — не все ль равно! Но посреди реки — гудит камыш, дымится Запорожье, курятся чубы, веют бунчуки...»

I. ВОЙСКО СЛАВНОЕ, ДЕЛА ГРОМКИЕ

Что в имени твоём, казак?

О казаках, что обитали на пограничных окраинах за днепровскими порогами, сложено множество захватывающих историй, любопытных былей, сказок и легенд. Не менее интересны и попытки ученого люда разобраться в корнях слова «казак». Одни считали, что в основе его лежит главное казацкое орудие труда и одновременно грозное оружие — коса. Другие утверждали, что в древности казаки были все-таки не воинами, а пастухами коз. Именно им запорожцы были «подобны скоростью, и ловом которых наиболее упражнялись». Среди запорожских казаков бытовало предание, согласно которому они ведут свою родословную от скитальца-охотника, что поселился за порогами «для битья диких коз, кабанов и прочей дичи». Впоследствии он собрал вокруг себя таких же удалцов, которые «сшили себе кафтаны и штаны из кожи диких коз, и тако произошли в великую славу, что славные стали быть стрельцами, и прозвали их козарами». Между прочим, коза у ряда индоевропейских народов, обитавших на запорожских землях, считалась священным животным. На днепровских берегах «отметились» киммерийские всадники (предшественники скифов, предположительно — ираноязычные кочевники. — *Примеч. ред.*). Этноним «киммерийцы» созвучен греческой Химере — мифическому чудовищу с туловищем козы. В переводе с греческого «химера» значит «коза». Вполне вероятно, что греки враждебных и грозных кимме-

рийцев сопоставляли с этим чудовищем. От одетых в козьи шкуры и прытких, как козы, киммерийцев, к греческой Химере — козе, а от нее к Кикиморе, которая, как полагают некоторые авторы, была воплощением Великой богини — могучего божества древних ариев... Возможно, в «козьей» этимологической цепочке и ощутима некоторая натянутость и слабина звеньев, однако именно эти умозаключения, претендующие на историческую гипотезу, позволили одному историку сделать необычный вывод: «Народ же, поклоняющийся Великой богине Химере-Кикиморе, представляющийся в образе козы, должен был называть себя... козаками! Оказывается, древние киммерийцы никуда не сгинули, как думают историки, а растворились в самых разных племенах и народах, сохранив за собой право именоваться козаками-казаками». Этот же автор упоминает и о воинственном племени касков (они вполне могли иметь отношение к киммерийцам!), что обитали вдоль южного побережья Черного моря и воевали с хеттами. След этих «казацких» племен можно обнаружить даже в Двуречье, где их называли касситами. Между прочим, как сообщают, хеттские тексты, в стране касков, также как и у запорожцев, «правление одного (человека) не было принято».

Козы бродили по степным балкам, птицы вольно летали в небе. Слово «казак» производили и от турко-татарского «коз», что значит «гусь». Некоторые исследователи среди казацких предков выделяют... амазонок-*косачек*. Этих женщин-воительниц отличала длинная коса, которая у казаков через века превратилась в длинный чуб. А вот что написано в труде «История Польши» гданьского историка и педагога XVII века Иоахима Пастория: «Исходя из положения дел, мне лично кажется, что название казаков прежде всего связано с характером их деятельности. Оно могло образоваться так, как и названия других групп людей, — например, бегунов от слова «бегать» — от славянского слова «ходить», от которого легко могло образоваться сначала «ходаки», а потом «казаки»...

Большинство исследователей все же усматривают в этом слове тюркский корень. У тюркских народов казаками называли вольных, подвижных, хорошо вооруженных людей, всегда готовых к войне и дальним походам. Некоторые языковеды разделяют слово на два корня: «кай» — легко и «сак» — вьюк. Весь домашний скарб вольных казаков вмещался в небольшой вьюк. Приторочив его к седлу, казак легко снимался с места и уносился в степную даль. Казацкий корешок прощупывается и в тюркском «гознак» или «гузак» (гусар?) — легковооруженный всадник. Монгольское слово «ко» означает броню, защиту, а «зах» — между, границу, рубеж... Что ж, именно Пограничье в разных регионах породило казацкий тип.

В древнеиндийской литературе «казаками» называли свободных вольнонаемных крестьян. Интересно, что у персов (иранцев) слово «казак» переводится как «хохолок». А, как известно, запорожские казаки гордились своими длинными чубами...

Есть мнение, что у истоков казачества в глубокой древности находился некий загадочный воинственный народ, в названии которого прослеживается корень «аз» («ас»). Он выпячивается, а иногда и громко заявляет о себе в *черкассах, касагах, хазарах*. Все эти народности и народы имеют казацкую окраску. Тот же корень прослеживается и в географических названиях — Азия, Кавказ, Азов, Азовское море. Неукротимый романтик и создатель смелых гипотез норвежец Тур Хейердал соотносил даже Азов (незадолго до смерти он побывал там) с одним из пунктов расселения богов-асов, о которых упоминается в сборнике скандинавских песен («Младшая Эдда», памятник XIII в. — *Примеч. ред.*). Первоначально же небесные предки скандинавов (и не только их!) обитали к юго-востоку от Каспия в «городе асов» Асгарде (возможно, вблизи нынешнего Ашхабада) ... Вольному — воля, а идущему — путь. Некогда он мог пролегать, образно говоря, «из грек в варяги» — то есть не исключено, что предки викингов прибыли в Скандинавию из южных краев. По пути, кстати, часть асов (азов) могли осесть в районе днепровских по-

рогов... Что ж — у викингов и запорожцев весьма ощутимы общие «казацкие» черты: бунтарский дух, преданность воле, бесстрашие, тяга к странствиям, высокое военное искусство на море и на суше.

«Волю имеем за дражайшую вещь...»

Пестрым и многоликим было запорожское казацкое братство. Кого только не собирало оно под свои знамена, кто только не сражался в его рядах! Разные авторы сообщали, что среди запорожских казаков «можно было встретить всякие народности, чуть ли не со всего света выходцев». Кого же можно считать первым запорожцем? Какими были первые казаки? Чем занимались?

В древнерусских источниках и зарубежных хрониках упоминались загадочные бродники, которые обитали в степных балках и на плавневых островах ниже днепровских порогов. Кто они? Отдельный народ с некогда великим прошлым? Кочевники, в силу разных причин лишившиеся скота и осевшие близ богатых плавневых выпасов? Степной сброд, который загнала в эти дикие края злая бродяжья судьба? Так или иначе, однако на бродников, как повествуют разные авторы, не распространялась ничья власть — они жили за границей государств и вотчин князей, ханов, королей, султанов.

Много легенд и таинственных историй связано с бродниками. Они знали все потаенные степные тропы, разумели язык птиц и гадов, с помощью трав лечили смертельные раны, разговаривали с тенями предков, могли провидеть будущее... Однако бродники не только «колобродили», добывая себе пропитание разбоем, участвуя в разных войнах. Занимались они и мирными делами. Давали приют бродячему люду, за счет которого периодически пополняли свои ряды. Обслуживали проходившие по Днепру торговые пути, охраняли и обустроивали

броды (еще одна бродническая версия). Встречали и провожали торговые караваны, снабжали провиантом (в основном рыбой) воинов и купцов. Рыбари бродников пользовались главным образом бреднями, или, как их еще называли, бродаками. От этой весьма уловистой рыболовецкой снасти якобы и произошло название целого народа... Некоторые исследователи считают, что бродники были предшественниками запорожских казаков. Обитали они в районе Протолче — древнего брода через Днепр, проходившего через остров Хортицу.

Когда у запорожца спрашивали, как он очутился за днепровскими порогами, как пристал к сечевому братству, он отшучивался: «Я из рыбы родом, от пугача плодом» (пугач — сыч. — *Примеч. ред.*). Что ж, именно добытчики рыбы и зверя были первыми поселенцами этих диких мест. И поведение, и образ жизни всякой животины были для казака неким примером выживания среди дикой природы, а нередко и эталоном жизни вообще. «Волю имеем за дражайшую вещь, потому что видим, рыбам, птицам, также и зверям, и всякому созданию есть она мила», — говорили сечевики. Именно в поисках воли-вольной, молодечества и добычи оказывались за днепровскими порогами «беглые и отступники от всех вер», военные преступники, беспаспортные бродяги, разорившиеся ремесленники, неудачники-дворяне, погорельцы, паломники, кладоискатели, авантюристы разных мастей. «Это было пестрое сборище самых отчаянных людей пограничных наций. Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший, деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма татарин, может быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днепра», — писал Н. Гоголь. Постепенно для защиты от нападений воинственных степняков и других соседей, промышлявших разбоем, сложилась стихийная военная организация запорожцев. Создавать ее помогали и обитавшие выше по течению Днепра близ крупных населенных пунктов реестровые казаки, которых еще называли «городовиками» (реестровые казаки Украины составляли поме-

стные ополчения — полки и регистрировались в особом реестре, откуда их название. — *Примеч. ред.*) «В Запорогах живут их же братья казаки, переходя из городов для промысла, а иной, который пропьется или проиграется», — отмечали некоторые наблюдательные путешественники.

Гостей со всех волостей охотно принимали запорожцы «без всяких расспросов или благодарности за гостеприимство». Однако не каждого попавшего за пороги и прибывшего к казакам зачисляли в войско; тем более строгим был отбор в элитные казацкие подразделения, совершающие рейды по тылам врага, морские десантные команды. Существовала целая система испытаний, которым подвергались новички. Однако даже тех, кто прошел проверку и на деле доказал свою отвагу, силу и ловкость, не торопились назвать сечевиком. Английский резидент в Петербурге Клавдий Роно писал в 1736 году: «Запорожцы принимают в свое братство вообще всех, без разбору, национальности, которые возьмут греческую веру и согласятся пройти семилетнюю пробу (подготовку) перед тем, как получить звание рыцаря...»

Запорожская школа подготовки разведчиков, десантников (имеется в виду десантирование с плавсредств на речной либо морской берег. — *Примеч. ред.*), полевых командиров высоко ценилась в Европе. Проспер Мериме в своем исследовании про казаков писал, например, что в Запорожье специально приезжали, чтобы «обучиться военному ремеслу, поучаствовать в морских походах, попробовать свои силы в какой-нибудь отважной вылазке». Нередко даже номинальная принадлежность к днепровскому казацкому ордену повышала авторитет военных чинов, наемных воинов. Российские генералы и офицеры считали за честь быть записанными в Войско Запорожское, тем более стать его почетным членом. Фельдмаршал М. Кутузов был, например, «знатным товарищем Ирклевского куреня», князь Г. Потемкин был внесен в куренные списки под прозвищем Грицька Нечесы (носил длинный парик), а позже получил ти-

тул «великого гетьмана Черноморского войска». Почетного звания запорожца был удостоен астроном, картограф, генерал-майор российской армии Христофор Эйлер.

Сечевые столицы

«Сечь — мать, вот где надо помирать», — говорили запорожские казаки, которые называли себя сечевиками. Запорожская Сечь для казака — это и родной Днепр с его грозными порогами и спасительными заводами-тиховодами, и плавневые укромные уголки, и некий духовный центр степного вольного рыцарства, и надежно защищенный стольный град всего казацкого Запорожья, где находилась резиденция казацких старшин и было сосредоточено управление войсковыми делами, и, наконец, боевое товарищество (оно, как и центральный орган управления, могло называться Кошем) как в прямом, так и в широком смысле. Запорожские казаки гордо именовали себя сечевиками. Это слово как бы определяло принадлежность к казацкому рыцарскому ордену, особой его касте самых отчаянных и бедовых...

Название Сечи происходит от слова «секти». От диких степняков когда-то можно было спастись только в лесной чаще, где беглецы вырубали (секли) деревья, расчищая место для временного или постоянного лагеря. Подобные станы казаки устраивали и в плавневых дебрях Великого Луга... Как и чем лучше всего защитить лагерь? Можно обнести его валом, построить крепостную стену, выкопать по периметру ров. А еще — из тех же посеченных деревьев поставить мощный оборонительный частокол, устроить из заостренных бревен засеку. Так и поступали запорожские казаки: и валы насыпали вокруг своих городков, и рвы рыли, а чаще всего засеками огораживались от лютого зверя и подлого врага. Кстати, засечными линиями (засечными чертами, засеками) в XVI—XVII веках назывались оборонительные сооружения на южных и юго-восточных окраинах русского

государства. Они состояли из засек, рвов, валов, частоколов, дополнявшихся естественными преградами (реками, оврагами) и опорных пунктов (острогов, городков-крепостей). Самой главной считалась Большая Засечная черта длиной около двухсот километров.

Не было пощады врагу на поле брани — как капусту, секли головы басурманам лихие запорожцы. Многим исследователям сегодня не дает покоя именно этот разящий оттенок в слове «сечь». В связи с этим они даже вспоминают тяжелую и острую *сакару* (секиру), с которой умело управлялись воинственные степные *саки* (так называли южных скифов, нападавших на Переднюю Азию). Самым страшным секущим и рубящим оружием сечевики была та же секира, а потом сабля.

У казацкой столицы не было своего постоянного центра. Сечевые городки, как «летучие голландцы», исчезали и возникали вновь в зелено-голубой плавневой стихии. Хортицкая Сечь, Томаковская Сечь, Базавлукская Сечь, Микитинская Сечь, Чертомлыкская Сечь, Каменская Сечь, Олешковская Сечь, Новая (Подпиленская) Сечь — в разное время существовали эти боевые, хозяйственные и административные центры Войска Запорожского Низового, однако все они располагались в границах плавневого Великого Луга. А южнее простиралась степь с ее древними курганами, орлиным клетком, ветренным непостоянством, пыльными шляхами и тысячелетней немотой каменных истуканов. Южнее — другие земли, страны, цивилизации. Южнее — другое пространство и время...

Сечевики и зимовчаки

«Пойду на Низ, чтоб никто голову не грыз», — вздыхал иной бедолага, которого жизнь изрядно потрепала, отправляясь к запорожским казакам. В их среде он надеялся найти и душевный покой, и понимание, и применение своим еще нерастрочен-

ным силам, обрести второе дыхание, чтоб начать пусть полную тревог и опасностей, однако новую яркую жизнь. Запорожье не только принимало, но и «понимало» всех, кто решил связать свою жизнь с беспокойным Пограничьем.

Тот, кто жил непосредственно в Сечи и постоянно участвовал в боевых и разведывательных операциях, дальних походах и рейдах, составлял настоящий цвет казачества. Это были запорожцы-сечевики. Их боевым долгом и законами рыцарской чести скрепленная община называлась *товариществом*. Только оно имело право вершить все войсковые дела и распределять добычу. Вот какие воспоминания об этих запорожских вояках сохранились в приднепровских селах: «Сечевики — то уже особая статья. Они жили так, что их и не угадаешь: сегодня тут, в Сечи, а завтра Бог знает где: по степях, по балках и по выбалках; соберутся в ватаги и чимчикуют, куда надо. Эти уже на войне разживались. Разбивали разные города, лядские (польские. — *Примеч. ред.*) или турецкие, и забирали там, что только можно было забрать».

Не всем казакам, однако, приходилось по нраву суровые сечевые порядки, не каждый, кто селился за порогами, готов был подчиняться старшинам и имел охоту к воинской службе. Что ж, на плавневых островах, по глухим степным балкам хватало места всем... Примечательной особенностью Запорожья были многочисленные хутора-зимовники, в которых обитали вольные запорожцы-зимовчаки. Их в шутку называли сиднями, гнездюками, гречкосеями (у турок такие хуторяне были известны, как черуны). Однако зимовчаки не обижались, прекрасно понимая, что сечевикам без них за порогами делать нечего. Всякое отборное элитное войско нуждается во вспомогательных силах. Хутора-зимовники (их еще называли товщами) составляли опорные и почтовые пункты сечевиков. В любой момент запорожцы-лазутчики, отдельные казацкие отряды могли найти там и надежное убежище, и спасение от погони, и медицинскую помощь. Почтовыми гонами называлось расстояние между хуторами-станциями, в которых жили зимовчаки-почтари. Занима-

ясь скотоводством, рыболовством и звероловством, различными промыслами, зимовчаки снабжали сечевиков провиантом, который нередко обменивался на добытые трофеи. С зимовчаков также взималось *дымное* — особая постоянная или временная подать в пользу всего войска.

В любой момент мирный гнездок мог превратиться в не менее чем сечевик отважного и ловкого воина. Причем конного, хорошо вооруженного. Отряды вольных лугарей — *самосбройцев*, которые знали все тайные плавневые тропы, нередко действовали самостоятельно, проводили смелые опустошительные вылазки в тыл врага, внезапно появляясь там, где их не ждали. Опытные зимовчаки часто были проводниками сечевых отрядов, помогали им скрыться от наступавшего на пятки врага. Поэтому многие воспринимали сечевиков и зимовчаков как единое запорожское братство, поэтому сечевики часто именовали себя официально «славным низовым запорожским войском и товариством» — имея в виду и своих вольных запорожских братьев-зимовчаков.

Развитая сеть зимовников на казацких землях в XVIII веке уже позволила разделить *вольности* (т.е. территорию, на которую распространялись вольности. — *Примеч. ред.*) Войска Запорожского Низового на административно-территориальные округа, которые получили название паланки. В буквальном смысле в переводе с турецкого языка это слово означает небольшую крепость. Во время последней Новой Сечи земли, которые контролировались запорожцами, были разделены на восемь паланок. На правом берегу Днепра находилась Кодацкая, Ингульская, Бугогардовская паланки, на левом — Самарская, Орельская, Протовчанская, Кальмиусская и Прогноинская паланки. Самой населенной и экономически развитой считалась Кодацкая паланка, которая размещалась на территории нынешней Днепропетровской области с центром в селении Новые Кодаки. Между речками Самарой и Конской на территории нынешних Днепропетровской и Запорожской областей раскинулась обшир-

ная и богатая Самарская паланка с центром в Самаре (нынешний город Новомосковск). На территории этого округа находились самые большие и знаменитые конские заводы Запорожья. В границах нынешнего Новомосковского района лежали земли Протовчанской паланки, центром которой считалось село Лычковое. Тут было самое большое количество мельниц. Орельская паланка разместилась между верховьями Орели и Самары с центром в селе Козырщина (нынешние Новомосковский и Павлоградский районы Днепропетровской области). Самой малолюдной была Кальмиусская паланка, которая располагалась между реками Кальмиуссом, Волчьей и Азовским морем (нынешние Днепропетровская, Донецкая и Запорожская области). Центр ее — крепость Кальмиусс (нынешний город Мариуполь). Между Днепром, Ингульцом и верховьями Базавлука (Херсонская область) находилась Ингульская паланка с центром в селе Перевозском в устье Ингульца. Бугогардовская паланка занимала степи между Днепром, левым берегом Южного Буга и правым берегом Ингульца. Центр ее находился в урочище Гард (вблизи нынешнего села Богдановки Домановского района Николаевской области). Здесь, кстати, были лучшие рыбные заводы запорожцев. На левом берегу Днепровского лимана километрах в сорока от конца Кинбурской косы разместилась Прогноинская паланка с центром в поселении Прогноинское (возле современного села Геройского), где находился сторожевой пост для защиты добытчиков рыбы и соли.

Атаман и старшины

В диком поле, у себя на хуторе, в зимовнике казак был сам себе и старшиной, и атаманом, и судьей. Сечевое же устройство запорожского рыцарского ордена предусматривало и общественный порядок, и ответственность перед товарищами, и почитание должностного лица, и строгую иерархию.

Дуб без корней — трухлявый обломок, ватага без главаря — ничемный беспомощный сброд. Войсковую, гражданскую и духовную власть на Сечи возглавлял кошевой атаман. От имени товарищества он вступал в дипломатические отношения с государствами, утверждал раздел земель и трофеев между куренями, судебные приговоры, назначения или избрания казаков на должности. Авторитет предводителя (его часто уважительно именовали *батком*) среди казаков был очень высок. «Куда ты глазом кинешь, туда мы кинем головы свои», — говорили запорожцы о своем ватаге (*ватаг, ватажок* — предводитель. — *Примеч. ред.*).

Судебные дела на Сечи вершил войсковой судья. Иногда он даже исполнял обязанности кошевого, когда тот отсутствовал. Сечевую канцелярию возглавлял войсковой писарь. От имени кошевого и запорожцев он сочинял и подписывал различные документы. Должность эту занимали высокообразованные казаки, которые знали иностранные языки и латынь (такие знания требовались в силу необходимости постоянных дипломатических сношений с Польшей, где документация велась на латыни, и периодических — с Турцией и Крымским ханством. — *Примеч. ред.*). Организацией пограничной службы, охраной зимовников и дорог ведал войсковой есаул. Он также проводил следствие и исполнение судебных приговоров, поддерживал дисциплину и порядок среди казаков, занимался распределением провианта. Помогал есаулу войсковой довыш. Ударами в литавры он собирал казаков на раду (общее собрание. — *Примеч. ред.*), направлялся в паланки для сбора податей, присутствовал при исполнении судебных приговоров. Артиллерийским и фортификационным делом на Сечи ведал обозный. Во время похода он занимался обустройством лагеря, консультировал штурмующих укрепления врага. Помощником обозного выступал пушкарь. В его ведении находилась пушкаря, в которой содержались (также. — *Примеч. ред.*) преступники.

Особенно почитался в казацкой среде куренной атаман — непосредственный боевой начальник (командир компактной

группы живших в одном *курене*-казарме. — *Примеч. ред.*) запорожцев. Кто не прошел школу куренного, тот не мог быть избран кошевым атаманом. Куренной атаман имел свой значок, который представлял собой небольшой флажок — его нес куренной хорунжий. Войсковой толмач (драгоман) кроме переводов различных документов и участия в переговорах возглавлял разведку и контрразведку. Войсковые шафары осуществляли сбор податей на перевозах через основные водные пути. У войскового кантаржия хранились весы и мерки, он следил за правилами торговли на Сечи. Атаман сечевой школы под присмотром начальника сечевых церквей руководил обучением детей в сечевых школах (характерно, что атамана школы выбирали сами учащиеся — опыт уникальный для Европы того времени! — *Примеч. ред.*). За кошевым атаманом, судьей, писарем и есаулом на всю жизнь сохранялось звание войсковой старшины (остальные лица после ухода с должности свое звание теряли).

Войсковая старшина без должностей могла во время похода или боевых действий возглавлять временные команды или партии казаков. При формировании боевых отрядов, походных команд назначались походные полковники, которым придавались в подчинение есаул и писарь. Все они назывались походными старшинами. После возвращения из похода они становились старшинами без должностей.

Паланковую старшину составляли полковник (его еще называли *сердюком*), писарь, подьесаул, подписарь и хорунжий. Полковник на территории паланки был чем-то вроде кошевого атамана в Сечи. Он разрешал различным лицам въезд в вольности (т.е. на территорию. — *Примеч. ред.*) запорожских казаков, снабжая их пропуском — знаком в виде копии пернача (символ власти — оружие на коротком древке; также — шестопер. — *Примеч. ред.*). К чиновникам паланки принадлежали атаман *громиды* (который стоял во главе слободы или промысла), войсковой табунщик, скотник и чабан, следившие за общественными табунами коней, стадами скота и отарами овец.

Знатные рады

Однажды на замечание Потемкина о своеволии запорожцев ему от войскового депутата был дан такой ответ: «Кошевой и старшины тому не причина, а делается это от товарищества; кошевого и старшин напутствуют старики, атаманы и войско». И во многих других казацких письмах, челобитных и рапортах наряду со старшинами упоминаются «старики». Нередко это слово встречается и в подписях под приказами и грамотами от всего войска. Кто же они, запорожские «старики»? Какое положение занимали? Какую роль играли в сечевой жизни?

Стариками, дедами или батьками в казацком кругу называли бывших войсковых старшин, прославленных ватагов, опытных, покрытых славой и шрамами воинов-ветеранов. Как батьки-отцы среди домочадцев в многочисленных селянских семействах, так и казацкие батьки-старики среди сечевиков пользовались непрекращаемым авторитетом. Они были «столбами» многочисленного и разношерстного казацкого войска, своеобразными «носителями» всех его неписаных законов и обычаев.

«Стар да умен — два угодыя в нем», — говорили в народе. Молодой казак на битву, а старый на думу. Их недаром называли «знатными радцами» (от слова «рада» — собрание. — *Примеч. ред.*). Старики, как правило, участвовали в разработке ответственных боевых операций, маршрутов дальних походов, присутствовали на войсковых радах, где на виду у всего войска находились рядом со старшиной. Старый волк знает толк, старый ворон не каркнет мимо. Строгий окрик старика усмирал самые буйные головы, тихое и короткое заключительное слово авторитетного батьки часто значило больше, чем даже длинная речь кошевого. А уже про повседневные «обиходные» советы и говорить не приходится. От стариков была немалая польза и в сечевом хозяйстве. Они не сидели без работы — и она не искала их. Сколько батька, столько и рады, сколько деда, столько у казаков и хлеба. Старики заботились о сохранности продуктовых

запасов, следили за соблюдением традиций, участвовали в справедливом распределении военной добычи, постоянно что-то подправляли и подбивали в курнях, занимались пчеловодством, ремонтом лодок, починкой рыбацких снастей. Нередко седоусые казаки возглавляли рыболовецкие бригады, которые по весне снаряжались курнями в плавни для добычи рыбного пропитания. «Хорош был наш дед: каждый день рыбка на обед», — добрым словом вспоминали сечевики старого ватага-рыбаря.

Людей старят годы и тяжелые невзгоды. Был когда-то орех, да свелся на смех, был конь, да изъездился, был казак, да отказывал свое. Однако за плечами седых казаков приключений было больше, чем у зажиточного хозяина — в погребке. Много полезного и поучительного можно было услышать даже от стариков, что уже грели кости на печках. Для молодых казачков они были и добрыми советчиками, и отцами-утешителями, и хранителями увлекательных сказок, чудесных историй, занимательных небылиц. «А сколько же вам лет?» — спрашивал юный слуга-джура у старого казака. Тот усмехался: «Как же мне знать, который мне год? Как родился, то без памяти был, как рос, то ума не имел, а как уже до ума дошел, тогда бы и посчитать — да много лет утекло». Так веселили, подбадривали сечевиков немощные телом, но сильные духом старики—дед как скажет и прикажет, то и молодой не справится.

Старики были на особом положении в Сечи. Их даже «за давние казацкие службы» по старости и убожеству освобождали от податей (имеются в виду старики, переходившие из *товарищества* в *сидни*, на хутора-зимовники. — *Примеч. ред.*). Нередко старые упрямые и характерные батьки внезапно, без предупреждения оставляли Сечь. Поселялись в плавневых зимовниках, в степных хатках-бурдюгах и тихо-мирно доживали свой век, привечая беглецов, бродячий люд и казаков, которые возвращались из походов. «Почему черт мудрый?» — «Потому что старый». Однако и старый черт часто свету не рад, и черт на старости, как бывалые люди говорили, в монахи пошел бы. Нередко и

суровые израненные деды-сечевики, поблагодарив товарищей и побратимов за *панство*, уходили в монахи. Болели, ныли по ночам старые кости за грехи молодости. Бывших рыцарей степи охотно принимали монастыри, где запорожцы спасались, молитвами и постами искупая свои грехи...

К голове — булава...

«На казаке нет знака», — говорили в народе. Это в чистом поле, во время тайной вылазки, разведывательной операции. Однако же казацких послов во время переговоров, различных дипломатических миссий встречали и по уму, и по одежке. Где казак, там и слава. Она в боевых подвигах. Но и в роскошном показушном убранстве, различных клейнодах. Слово это в немецком языке означает «драгоценная вещь». Что ж, клейноды — атрибуты власти старшин, военные значки, штандарты, флаги — действительно ценились очень высоко.

К древнему ударному оружию принадлежала булава. Со временем она превратилась в символ высшей власти. У запорожских казаков булава вручалась исключительно предводителям — *гетьманам* (гетманам) и *кошевым*. Отсюда и поговорка: «До головы надо булавы». *Сквозной* серебряный или позолоченный шар, иногда унизанный драгоценными камнями, надевался на металлическую или деревянную рукоятку (иногда в нее вкручивался кинжал). На булаве мог быть высечен герб или фамилия ее собственника. *Перначами* (шестоперами) у запорожцев назывались булавы меньших размеров, на конце которых вместо шара крепились металлические пластины, что назывались *перьями*. Пернач символизировал власть полковника. Перначи в виде небольших жезлов могли вручаться и другим должностным лицам. К старшинским клейнодам принадлежали различные трости. Один из историков писал, что в «трости содержится кошевого вся честь».

Движущееся по степи казацкое войско было весьма живописно. И едва ли не главный его колорит и *цвет* составляли бунчуки, значки и стяги. *Бунчук* представлял собой двухметровую палку с медным или позолоченным шаром-маковкой на конце, к которому снизу прикреплялись пучки конского волоса, красные ленты. Так называемые казаки *бунчужные* — почетные обладатели бунчуков, составляли свиту гетмана. Значками назывались флажки куреней или сотен. У каждого куреня был свой значок, за которым присматривал «значковый товарищ».

Чья «крыша», того и знамя. Его нередко вручали запорожцам правители той страны, на стороне которой выступали казаки. Известна, например, большая хоругвь для морских походов, с лицевой стороны которой изображен российский двуглавый орел, Спаситель, благословляющий запорожцев, и архангел Михаил с огненным мечом. Ниже расположено трехмачтовое судно. По краям знамени можно прочесть надпись: «Сие знамя в войско его императорского величества запорожское низовое сделано коштом (т.е. на средства. — *Примеч. ред.*) пехоты воюющей тогож войска по Черному морю також по рекам Днепру и Дунаю». Существовали также боевые флаги походных команд, на которых изображались кресты, полумесяцы, звезды. Известны случаи, когда казаки использовали флаги, захваченные у врага.

К клейнодам принадлежали и духовые трубы. Существовала целая система сигналов, с помощью которых трубачи оповещали товарищей о различных событиях. Такое же назначение было и у литавров, которые находились в ведении войскового добыша.

Важной особой среди запорожцев был писарь. Его трудно представить без чернильницы — *каламаря* за поясом и гусяного пера за правым ухом. Войсковую печать держал при себе судья, куренными и паланочными печатями ведали куренные атаманы и паланочные полковники. На сечевой печати был изображен герб Запорожской Сечи — казак с саблей и пороховницей на боку и ружьем на левом плече.

Войсковой круг

«Гуртом и батька легче бить», — говорят в приднепровских селах. Так и среди запорожцев. Недаром их сообщество называлось *товариществом* — среди казаков уважались прежде всего законы дружбы, долга, взаимовыручки. «Кто от товарищества отстанет, пусть от того шукура отстанет, как на вербе весной», — говорили казаки. Общее их решение, касающееся всех без исключения, как правило, принималось на общих собраниях — радах, кругах, колах, сходках. Без них лихая и страстная казацкая вольница, что море без берегов.

Громада всему рада. Именно во время советов-рад казацкая громада утверждала себя, свои законы и свою верховную власть. Чего рада *забажает*, того и царь не поломает. Общие войсковые рады происходили зимой — в начале нового года, весной — сразу после Пасхи и осенью — на Покров. Правда, по настоящему желанию товарищества казаки могли собраться на сечевом майдане (центральная площадь, где происходили рады. — *Примеч. ред.*) в любой момент. На этих представительных круговых собраниях решались, как правило, очень важные для всех вопросы войны и мира, улаживались пограничные споры, распределялись уголья, определялись сроки походов.

Своя воля у казака в Запорогах во всем. И прежде всего — в выборе старшины. Вот как обычно это происходило на раде. С утра после сытного застолья сечевики выражались в свои лучшие одежды и, подправляя и приглаживая чубы — *оселедцы*, выходили на сечевой майдан. Места на нем для всех, случалось, не хватало. Казаки забирались на крыши куреней, на колокольню. Раздавался выстрел из самой большой пушки. Войсковой довбыш бил мелкой дробью в литавры. Над головами плыл войсковой стяг и водружался на возвышении возле церкви. Рядом со знаменем во главе с кошевым выстраивались старшины со знаками своего достоинства. Все были без шапок. Куренные атаманы, судьи, есаулы стояли низко опустив голо-

вы — ожидали приговора рады. Зато рядовые сечевики были веселы. Это их час. Их право выбора. Если казаки были недовольны кошевым, то он бросал свою шапку на землю возле знамени и клал на нее булаву. Каждый курень старался выдвинуть своего кандидата. Когда кто-нибудь из толпы выкрикивал его имя, претендент на самый высокий чин тотчас удалялся в курень. Его присутствие никак не должно было повлиять на итог выборов. Наконец после бурных дискуссий оглашалось имя нового вожака. Именитые казаки торжественно выводили его на майдан, приговаривая: «Ты теперь наш батько. Пануй над нами». По обычаю, который соблюдался очень строго, новоиспеченный атаман два раза отказывался от чести возглавить казацкую ватагу и только после третьего настоящего предложения (которое часто делалось в категорической и не очень вежливой форме. — *Примеч. ред.*) брал в руки булаву. Старые, убежденные седиными сечевики тотчас сыпали на голову своего нового вождя песок или мазали его чуприну грязью (а то и кизяк (навоз. — *Примеч. ред.*) вместо шапки могли прилепить) — ватаг не должен был забывать об изменчивой казацкой судьбе и о своем, как и у всех, земном происхождении. После этого кошевой кланялся всем и благодарил товарищество, обещая служить ему верой и правдой. Дробно били литавры. Вверх летели шапки. Со всех сторон раздавались напутственные возгласы: «Будь, пане, здоровый та гладкий! Дай тебе, Боже, лебединый век, а журавлиный крик (т.е. голос. — *Примеч. ред.*)!» После этого кошевой в честь своего избрания угощал всех верных ему казаков. В Покровском народном краеведческом музее хранится уникальный экспонат — *кухоль* (кувшин. — *Примеч. ред.*) *побратим* с двумя ручками. Рассказывают, что его нельзя было ставить на стол — можно было только передавать из рук в руки. По преданию, из этой оригинальной посуды новоизбранный кошевой лично угощал каждого сечевика. За одну ручку вместительного кухля держал батько-атаман, за другую, опрокидывая в себя содержимое, — рядовой запорожец.

Случалось, выборные рады проходили весьма бурно. Никто никому не хотел уступать. Сечевики распалялись, в ход даже шли кулаки, а некоторые в пылу спора хватались за оружие. Не сладко приходилось и кандидатам в кошевые. В любую минуту казаки, поддавшись настроению или по чьему-нибудь злому предательскому умыслу, могли сменить свою милость на гнев.

Нередко после выборов недовольные, стуча поленьями в котлы и сковороды, пытались созвать новую раду. Пользуясь сумятицей, подвыпившие казачки, для которых выборы были лишь поводом опрокинуть лишнюю чарку и погулять в свое удовольствие (и таких было немало в казачьем войске), случалось, вспоминая старые обиды, сводили с друг другом счеты, задирались со своими собратьями зимовчаками, прибывшими на праздник, грабили сечевые предместья, базары.

Казаки-мамаи

Разных талантов хватало среди запорожцев. Были и такие, что малярной кистью владели не хуже, чем саблей. В Сечи, правда, особых условий для этого занятия не было. Разве что какой-нибудь шутник, чтоб повеселить товарищей, намалюет на песке забавную рожицу или на стене куреня углем да красками, добытыми из плавневых растений, изобразит характерный портрет боевого побратима. Мог и надпись рядом прилепить. Скажем, такую: «Кому доведется в степях бывать, тот может имя мое отгадать».

...Удивительная была популярность у этого героя. Уже и запорожцы разбрелись по белу свету, уже и кресты на их могилах в землю вросли, а сельские маляры продолжали рисовать его на стенах хат и клунь, на дверях и шкафах, на посуде и ульях. Именитым художникам тоже полюбился этот образ, ставший символом запорожского казачества. Даже малые дети угадывали на картинах знаменитого казака Мамай. Что же это за личность?

Откуда ее имя? Оно действительно пришло из степного ветреного далека. Так звали правителя Золотой Орды, не раз ходившего в походы в наши степи. Как же случилось, что герой украинского народа стал однофамильцем его врага? — Ну, во-первых, с татарами запорожцы не всегда воевали. Нередко и мирно *сносились*, соседствовали без распрей и бранных разборок, дела хозяйственные сообща решали. Множество тюркских слов было освоено казаками. До и после хана Мамаю татары словом *мамай* нередко называли некое фантастическое существо, чудище, которым пугали детей. Оно могло быть, скажем, похоже на побитого ветрами и пулями каменного идола, что стоял на кургане. Так мамаями в приднепровских селах и называли эти статуи. В народе слово *мамай* употреблялось и для обозначения гайдамаков, у которых было много общего с запорожскими казаками. Мамаевой дорогой именовался у казаков звездный Млечный Путь. По границам Великого Луга было много мамаявых названий — Мамай-Гора, балка Мамайка, речка Мамайсурка.

Казаки любили шутку, и данное между прочим или в связи с каким-нибудь событием прозвище, взятое из чужого языка, могло привиться более основательно. Таким образом имя было понятным не только казацкому братству, но и врагам. Сечевики как бы давали понять степнякам: вот знаменитый ваш Мамай когда-то еле уволок ноги от дружинников, кончил позором, а наш Мамай отважен и неуловим, никогда не унывает, всегда выходит победителем. Вот, мол, и сравнивайте, мотайте себе на свой жидкий ус, кто с кем и за что воюет, каким способом добывает победу.

На народных картинах казак Мамай изображался, как правило, сидящим по-турецки и с бандурой в руках. Это был спокойный мирный страж степных и плавневых запорожских вольностей. Его характерный образ часто дополняли зеленый дуб, боевой конь, привязанный к копыю, казацкое оружие, шапка, трубка-люлька, бутылка, чарка. А еще были слова из песен и дум, виршики (стишки. — *Примеч. ред.*), просто надписи. Гроз-

ные, насмешливые, философские. «Я казак Мамай, меня не замай», «По трудам, хлопцы, гуляйте, лишь дело свое сполняйте», «Казак душа правдивая, службу добре дбаает, как не ляхов, так нужду бьет, а все не гуляет», «Хотя тиглом не славен, та жизнь весело веду, в делах своих исправен — я вовек не пропаду». Не унывал, не пропадал нигде рыцарь запорожских степей казак Мамай. Вовек не пропадет народ, создавший его образ...

II. ВЕРНОСТЬ ЗЕМЛЕ И ПРЕДАНИЯМ

Степные вольности

Сила, очарование и тайна степи в ее безграничных пространствах, «окоемном» просторе, ветреной открытости, первозданной обнаженности, безоглядном размахе, удивительном единении (и даже родстве!) с небесной стихией. В степи не рождались цивилизации, однако ее ветры баюкали их колыбели. Отсвет степных костров — на многих земных культурах, в их естественных благостях и тайных откровениях яростная и в то же время нежная душа степи, в узорах древних и новых искусств вплетены краски степного чистополя. Скифские курганы и безымянные могилы, каменные идолы и одинокие кресты, вонзающиеся в горизонт дороги и дымки кочевий, посвист одинокой стрелы и затихающий конский топот, чумацкие обозы и посох паломника, чабанская герльга (пастушеский посох с крюком на конце. — *Примеч. ред.*) и плуг ратая (пахаря. — *Примеч. ред.*) — в них летопись южного степного края, его длинная упоительная песня. Каждый, кто приходил и пользовался степным *ничьим благом*, добавлял к ней новый куплет.

Как сообщал летописец, запорожские казаки селились ниже порогов «в пустых местах и диких полях». Разные правители пытались в степи между Днепром и Азовским морем указать запорожцам места их пребывания. Однако казаки недаром на-

зывали свои земли *вольностями*. И недаром даже в циркулярах они значились состоящими «большею частью из пустой и дикой степи». Степь и воля — казацкая доля. Степное Запорожье определило сущность и характер всего низового казацкого рыцарства.

Право первого займа в Диком поле (так летописцы окрестили этот степной край за порогами, где бал правили воинственные степняки) было суровым, однако непреложным законом Пограничья, его культурной нормой и даже своеобразным знаменем. Пренебрегая пунктами указов, ордеров, пограничных «инструментов», договоров и межевых записей, запорожцы часто, где хотели, там и раскидывали свои лагеря; где считали целесообразным, там и устраивали укрытия, засады, походные стоянки; где считали нужным и удобным, там и зверя ловили, и промыслами всякими занимались (при этом, как сообщал летописец, «предусмотрительно, не заводя, однако, оседлостей»). Для тех же, кто пытался ограничить их вольности, был один короткий ответ: «Оце знай, ляше, где твое, а где наше». Любопытным же гостям, которые расспрашивали об особенностях казацкого житья-бытия, чубатые молодцы отвечали: «Не наше дело в ряжи (деревянный сруб, постройка. — *Примеч. ред.*) сить, наше дело казацкое конем по степи гулять». Только в чистом и широком ветреном степном поле казак по-настоящему был на воле, в полной мере ощущая вкус жизни, которая немислима была без свободы и азарта.

«Где буерак, там и казак», — говорили в народе. Что ж, в степи хватало укромных уголков, где можно было спрятаться от врага или, наоборот, устроить на него засаду; расположиться на ночлег, утолить голод и жажду. Речь идет о ложбинах разной глубины, длины и ширины, заросших густым кустарником, которые издавна в степи за порогами называли *балками*. «Всех балок, оврагов и байраков в степях запорожских казаков было поистине необозримое число, точно звезд в бесконечном пространстве небес», — восхищался этой природной достопримечательностью

степного Запорожья один исследователь казацкой старины. В степных балках нередко селились казаки — зимовчаки, казацкие отшельники, добытчики степного зверя.

Река казацкой славы

«Днипре-брате, чем ты славен: чи зелеными лугами, чи крутыми берегами? — Ой, я славен казаками, молодыми бурлаками» — поется в народной думе. Что ж, казацкое прошлое Днепра уже неотделимо от истории великой реки. У нее вообще-то много лиц — природа «протянула во всю длину Днепр с ненасытными порогами, с величественными гористыми берегами и неизмеримыми лугами». Я много раз путешествовал по Днепру от истоков до устья. В северной лесной стороне и даже в среднем течении река еще не осознает своей мощи и богатства. И только после порогов она становится по-настоящему величава, прекрасна и щедра. Геродот, воздавая хвалу Днепру, писал, что эта река «наиболее прибыльная», «самая богатая полезными продуктами». Скорее всего, он имел в виду днепровские плавни в низовьях, где обитали запорожские казаки. «Днепр — это священная и заветная для запорожцев река», — писал Дмитрий Яворницкий, — он был «главнейший источник их войсковых доходов». Прежде всего это переправы и «шляховые» броды через реку, которые контролировали запорожцы. Днепр в изобилии кормил вольных лугарей рыбой, по речному протяжению к морю ежегодно отправлялись сотни «чаек» (казачьих судов. — *Примеч. ред.*). За это реку и прозвали Казацким шляхом. Днепр подпитывал запорожцев и душевно. «При виде страшной пучины, kloкочущей в днепровских порогах, кровь леденеет в жилах человека», — замечали очевидцы. У кого кровь леденела, а у кого играла. «Шум быстрых и сильных потоков всегда что-то говорит имеющим силы бороться за широкие просторы и за вольность», — вспоминал рожденный казацкой гуляйпольской сти-

хий анархист Нестор Махно (он родом из селения Гуляй-поле — нынешнего райцентра Запорожской области) про свои раздумья у порогов. Для запорожцев днепровская стремнина, прорвавшаяся через порожистую грядку, была своеобразным олицетворением их воли, силы духа, символом их неумной энергии. Можно не сомневаться, что «мечтатели в душе, поэты в речах, художники в песнях, запорожские казаки, всегда жившие с природой душа в душу, лицом к лицу» часто любовались и грозными порогами, и широкими разливами Днепра, и его тихими заводями, и таинственным лунным светом, что серебрился между темных скал, и чайками, скользившими над пенистыми волнами.

Исток Днепра следует искать в его верховьях на севере, а чтоб разобраться в подноготной названия великой реки, отправимся на юг — туда, где начинались вольности запорожских казаков, где распростерся их знаменитый Великий Луг Запорожский. Многие исследователи считали, что название состоит из санскритского *дан* или *дон* (река) и готского *перес* (поток), то есть Днепр или первоначально Данперес — «река с сильным течением». С древним корнем соотносятся и названия Дуная, Днестра, Дона. Пороги, которые перегораживали путь реке, дали основание некоторым ученым связать название со славянским *праг* (порог). Что ж, для наших предков, которые с великими трудностями на ладьях, а впоследствии на тяжелых лодках — *дубах* и стремительных суденышках — *чайках* преодолевали каменистую преграду, Днепр вполне мог быть порожиистой рекой. Одновременно они величали его Славутичем — славно скользили по быстрой воде суда, славилась река и лугами, и рыбными богатствами, далеко по степи разносилась слава о запорожских казаках, что жили на ее берегах. Есть, правда, мнение, что «славное» название связано с праславянским корнем *слав-слов* в значении «течь» или «плыть».

Геродот называл Днепр *Борисфеном* — «северной рекой». Скандинавские варяги именовали реку, по которой пролегал

их путь «в греки», *Данп* и *Данпар*. В труде византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» встречаем печенежское название Днепра Варух — «широкий». *Узу-су*, *Узу*, *Юзен* — это тюркоязычные варианты днепровского имени (*уз* — река, *су* — вода). В византийских церковных источниках X—XIII столетий наша река упоминается, как *Элисс*. Предполагают, что название это связано с *Олешьем* (ныне город Цюрупинск), рядом с которым располагалась Олешковская Сечь.

Великий Луг Запорожский

...Низовой ветер дул сильно и напористо, не давая лодке приблизиться к спасительным зеленым островкам. И лишь когда мой спутник соскользнул с кормы на колени и уперся в весла, помогая мне грести, расстояние до плавневой густянки стало заметно сокращаться. Наконец мы вошли в широкую протоку. Обогнули полузатоленный островок, скользнули мимо черного, похожего на паука, *корча* (корч — древесное корневище. — *Примеч. ред.*), протиснулись через узкий проход в камышах и вдруг очутились на краю маленького озерца, затянутого ряской. Если по пути нет цеплючих нитей водяного ореха — чилима и водорослей, которые в этих краях называют *жабуруиння*, то плыть на лодке по ряске довольно легко. За кормой змеится рваный черный след, похожий на широкую трещину. В ней блестят осколки солнца. Через минуту-другую ряска затягивает их, и уже в десяти метрах от кормы — прежняя немая зеленая плоскость. Белые лилии на ней, словно бабочки, принесенные *низовкой* (ветер с моря. — *Примеч. ред.*) с далеких земель. Между ними желтеют тугие кулачки кувшинок. Потрескивают крылышками стрекозы — каждый листок на воде для них надежная твердь. Ряска выдерживает даже маленьких лягушат, и те резвятся на ней, как на лужайке... Начало июня. Много света вокруг: будто не было

ночи, и впереди очень долго — один длинный и радостно понятный всему существу на земле день. Деревья и травы замерли под пристальным взглядом лета — марш будет трудным и жарким.

Подобные уголки в днепровских плавнях и на острове Хортица, и ниже ее по правому, а в особенности по левому берегу можно встретить на каждом шагу. Плавневый зелено-голубой край — это вербы и осоки, травы и цветы, заросли тростника, рогоза и камыша, вся жизнь которых связана с водой. Наши днепровские, дунайские, волжские или кубанские плавни названы так, потому что их низменные берега как будто бы плавают в воде, а буйная плавневая растительность постоянно (особенно во время весенних паводков) подпитывается влагой. В народе говорят: «Растет, как из воды», имея в виду живительную силу влаги, способную в южных степях творить чудеса. И действительно, из воспоминаний старожилов известно, что в плавнях росли деревья прямо-таки сказочной толщины, а в некоторых местах через плавневую густянку (так в Приднепровье называют густую растительность по берегам рек) невозможно было пробиться ни пешему, ни конному. Недаром именно в плавнях (в устьевой части Днепра) Геродот поместил легендарную землю Гилею, путешествуя по которой Геракл встретил прекрасную змей-девицу. А Гилея, как известно, в переводе с греческого означает «лес»...

Плавни, как правило, располагаются на затапливаемых поймах и в дельтах крупных рек. Мне довелось побывать и в дельте Дуная, рыбачил я и на Днестре, и по Дону путешествовал, блуждая между островками в том месте, где река встречается с морем, и на Кубань судьба забрасывала. В каждом крае свой рай. Однако нигде я не встречал ничего похожего на наши днепровские плавни. Ни по красоте проток и плесов, ни по щедрости берегов, ни по чистоте песчаных пляжей, ни по величавости разливов не могут с ними сравниться другие плавневые уголки. Я уже не говорю про отметины истории, следы в народной памяти,

легенды и предания. Речь прежде всего идет не просто о днепровских плавнях, а о «великой плавне» в Запорогах, Великом Луге — плавнях в низовьях Днепра, в его широкой устьевой долине за порогами.

Когда же впервые появилось это название? Русские толковые словари определяют слово *луг*, как «участок, покрытый травянистой растительностью». Возможно, лугом назвали пойменную долину Днепра из-за травянистых пастбищ, где степняки выпасали скот? Однако, скорее всего, дело в другом. Вспомним песню «Ой не шуми, луже, зеленый байраче». Здесь украинское *луг* обозначает *лес на низменности* или, наоборот, *низменность, поросшая лесом*. Кстати, в древнерусском языке слово *луг* употреблялось для обозначения и травной земли, и пастбища, и леса, и болота. Именно дикая лесистость, зеленое раздолье днепровских плавен прежде всего бросались в глаза путешественникам всех времен и народов. Поэтому не случайно плавни были названы Лугом.

...В летних великолужских плавнях всегда по-домашнему тихо, покойно и уютно. Лодка бежит легко и независимо, будто сама вода несет ее. Мимо проплывают берега. Деревянное суднышко скользит по метелкам тростника, счесывает зеленые кудряшки деревьев, сбивает тонкий сухостой... Ничего не стоит мимоходом потревожить этот отраженный мир. Очень хрупкий он, и, как у искры, коротка его жизнь. Я все время ловлю себя на том, что загребая сильнее левым веслом и стараюсь держаться подальше от берега. Но все равно, как осторожно ни опускаю весла в воду, от них расходятся крути, которые упрямо ширятся и задевают береговые отражения. Вхожу в протоку. Дальше мелкие озера и плесы нанизаны на русло, которое когда-то отвлекалось от реки и прочеркивало плавни с севера на юг. Я выбираю тенистый заливчик, «нежно» кладу на борта весла и, сняв среднюю банку, располагаюсь на дне лодки. В плавнях не только вольно дышится, но и легко думается, вспоминается. Первое упоминание нашего плавневого Луга находим в датированной

XII веком летописи, где описывается борьба с лукоморскими половцами Ростислава Рюриковича, который «ехаша в борзе изъездом до Протолчи в Лоузе в Днепрском». Кстати, лукоморские — от *луки, излучины* — поворота реки (Лукоморье — морской залив. — *Примеч. ред.*). Именно в районе порогов Днепр поворачивал на юго-запад. Может, Великий Луг — это все-таки не *луг*, а днепровская лука-излучина, за которой кончались пороги и начинались плавни? Существует и такая версия.

Великим плавневый Луг сделали запорожские казаки, обитавшие на плавневых островах. Недаром запорожцев называли и *лугарями*, и *камышниками*. О Днепре, луге и лугах сечевики не забывали упоминать, подписывая различные письма и грамоты: «Войско Запорожское, днепровское, кошевое, верховое, низовое и будущее на лугах, на полях, на полянах и на всех урочищах днепровских, и полевых, и морских». «Великий Луг — батько, а Сечь — мать, вот где надо умирать», — говорили они о своей плавневой родине. Впервые название Великий Луг встречаем в одном из самых ранних памятников казацкого летописания в так называемой Летописи Самовидца (*самовидец* — очевидец) в 1687 году. Окончательно утвердившись в низовьях Днепра за порогами, казаки превратили плавни в своеобразное государство, за которым в народной памяти утвердилось название Великий Луг Запорожский. Даже официальные рапорты, календари в период расцвета империи отдавали должное громкой истории края, неизменно связывая Великий Луг с запорожским казачеством. Вот строки из Памятной книжки Таврической губернии за 1889 год, составленной Статистическим бюро губернского земства под редакцией К.А. Вернера: «Между Днепром и Конскими водами, от села Царицына Кута до с. Ивановки Мелитопольского уезда тянется на 600 квадратных верст знаменитый в истории Великий Луг (Екатеринославской губернии)... На этом лугу и его окрестностях находилось множество запорожских зимовников, где не раз скрывались и гайдамаки (украинские крестьяне-повстанцы против польского гнета XVIII века — *Примеч. ред.*). Жители Великого Луга

считались самыми храбрыми казаками и славились под именем *лугарей*. Великий Луг издавна принадлежит Запорожской Сечи. По белградским трактатам 1739 года Конка от устья до вершин была принята границею Крымского ханства, и весь Великий Луг оказался в пределах империи (Российской. В тот период Крымское ханство признало зависимость от России. — *Примеч. ред.*).

Трудно сегодня по плавневым лоскутам представить, где точно, между какими именно берегами находился Великий Луг. Однажды мне пришлось в лодке заночевать посреди Каховского моря (искусственное море, образованное на территории древнего Запорожья в целях создания Днепрогэса. — *Примеч. ред.*). Быстро стемнело. Вода и суша померкли и, потеряв плотность, слились с небом. Вечер остывал, густел — и вот в вышине зажглись звезды. Некоторые мерцали совсем низко, и их можно было спутать с береговыми огнями. В то же время те светлячки, что перемигивались по берегам, казались далекими звездами. Кажется, я находился где-то вблизи Кучугурского архипелага — в самой широкой части моря. Подумалось, что береговые и небесные огни зажглись, чтобы четче обозначить и ограничить огромное плавневое пространство, называвшееся когда-то Великим Лугом. Большая часть его сегодня залита водами Каховки. Однако у берегов долгая память. Они помнят то зелено-голубое великолужское раздолье, в котором суша и вода жили в удивительном согласии друг с другом.

Я спросил у далеких берегов, попытался вслушаться в плеск волн, окинул взором звездный мир вокруг и в вышине. Потом обратился к книгам, авторам прошлого. Что же собой представлял Великий Луг? В каких границах располагался? «От Александровска до Никополя, между Днепром и Конкою (Конскими Водами), находится обширнейший поемный заливной Луг, широкая живописная плавня с множеством речек, озер и островов, тот знаменитый исторический Великий Луг, заветный и священнейший для запорожцев, о котором в памяти и в устах народа доселе живет много поэтических рассказов и сладких вос-

поминаний», — так вдохновенно писал о наших знаменитых плавнях епископ Феодосий Макарьевский в своих «Материалах для историко-статистического описания Екатеринославской епархии». Неутомимый исследователь казачества и связанных с ним примечательных местностей Дмитрий Яворницкий попытался более точно определить великолужские координаты. «Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том берегу, вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина», — замечал он в «Истории запорожских казаков». Микитин Рог — мыс, на котором раскинулся город Никополь, Палиивщина — урочище, незатопленная часть которого занимает северную часть сегодняшнего Энергодара. Другой исследователь, определяя границы Великого Луга, спустился ниже по Днепру. У нашего земляка писателя Андриана Кащенко (он родился в помещицком имении родителей «Веселое» неподалеку от села Лукашевого Александровского уезда Екатеринославской губернии) читаем: «Юго-восточной границей Великого Луга и Хортицы стала протока, или речка, Кушугум, а ниже — к лиману Великой Воды — речка Конская, и только на небольшом промежутке — главная водотока Днепра. Юго-западной границей Великого Луга, на протяжении 35 верст от Хортицы, протекал Днепр, а там — аж до лимана Великие Воды — те протоки, что отходят от Днепра справа. Всего Великий Луг от острова Хортицы до лимана Великой Воды, если мерить Днепром, протянулся на 110 верст; самая большая ширина его составляет 20 верст, а наименьшая — 3 версты. Вся эта огромная площадь около 1000 квадратных верст или более миллиона десятин земли поросла лесами, очеретами и высокими травами, украшена озерами и лиманами, порезана протоками Днепра». Лиман Великие Воды, в который через протоки вливалась речка Базавлук, находился между нынешними селом Осокоровкой и поселком городского типа Нововоронцовкой Херсонской области. Днепров-

ская вода, огибая плавневые островки, безвозвратно уносила к морю годы и десятилетия. Однако каждый новый исследователь Запорожья и его примечательных мест считал своим долгом географически и исторически обозначить знаменитые днепровские плавни за порогами.

По мнению запорожского фольклориста Виктора Чабаненко (автора уникального краеведческого историко-топонимического исследования «Великий Луг Запорожский»), Великий Луг состоял из двух плавневых массивов. Конские плавни протянулись (в основном по левому берегу реки) от острова Хортицы до самого узкого участка Луга между Микитиным Рогом и Каменным Затонем. Нижняя часть Луга, так называемый Базавлуг (Базавлутские плавни, Луг Базавлуг, Великая Плавня) охватывала днепровскую пойму от Конских плавней до острова Скалозубового, находившегося в устье реки Базавлук.

...Где, в каких пределах сегодня Великий Луг? Что осталось от его бывшего величия? Прежде всего, конечно, память. Пусть в архивах, книгах, старых картах и лонциях. Но всегда рядом, под рукой. «Умному достаточно», — как говорили древние. Еще есть цепочка больших и малых, пронизанных протоками, островов, которые десятка на два километров протянулись вниз по реке от южных окраин города Запорожья и врезались клином в каховское безбрежье. Это и есть тот легендарный плавневый Луг... Пусть его остатки — ничтожно малая часть. Однако именно она очень точно, ярко и значимо определяет природно-историческое лицо края за порогами, его первозданную пограничную сущность, сотворившую феномен запорожского казачества.

Прекрасный, высокий и уютный остров

«Кзаки сошли с коней своих, взошли на паром и через три часа плавания были уже у берега острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище». Именно на этот

самый большой на Днепре остров и привел своего главного героя с сыновьями Гоголь. Именно на этом островном пятачке писатель разместил сечевую столицу, именно его связал на века с буйным и веселым Запорожьем. Впрочем, ныне так и называется большой современный город, посредине которого находится уникальный заповедный остров. А как было на самом деле? Что здесь происходило в те далекие лихие времена? Об этом чуть позже. Сначала несколько слов о природе этого удивительного уголка земли.

Было Дикое Поле, была Река и был Остров на ней. «Прекрасный, высокий и уютный», как говорили о нем путешественники. Вспоминаю одно летнее утро. Белесые волокна тумана повисли над озером. На черной воде ни всплеска, ни морщинки — тихо в утренних хортицких плавнях. Между метелками тростника краснеет солнце — жарким, веселым будет день! На суке старого осокоря примостилась серая цапля. Застыла, не шелохнется, будто век здесь сидит — на фоне светлого неба она похожа на сухую причудливо выгнутую ветку. Вдруг птица дернула клювом. Внизу, возле зарослей камыша, раздалось чавканье, сопенье, потом скрежет и хруст. Огромный вепрь (кабан. — *Примеч. ред.*) медленно и степенно вошел в воду и стал переплывать протоку... Каждая подобная прогулка по заповедной островной земле, по ее водам, полям и скалам — откровение, восторг, открытие. Кажется, я побывал во всех самых живописных, укромных и отдаленных уголках Хортицы. Спускался в темные скальные расщелины, облазил балки, исходил вдоль и поперек дубравы и сосновые боры, обследовал плавневые протоки. Однако, когда в очередной раз попадаю на остров, не перестаю удивляться этому удивительному природному феномену. Представьте себе, что вы попали в музей, который раскинулся под открытым небом. Экскурсовод познакомил вас с дикими мшистыми скалами, потом их сменили глинистые кручи, через полчаса вы очутились в ковыльной степи, не успели надышаться запахами трав, как перед вами другая картина — буераки, ов-

ражно-байрачные леса, потом тропинка нырнула в сосновую рощу, потом пошли дубки, и наконец вы попали в плавни. И все это на сравнительно небольшом пятачке земли, которую можно легко обойти за день... Люди населяли эту благодатную во всех отношениях островную землю еще в доисторическую эпоху. На скалах вблизи северной оконечности Хортицы, названных в народе Три Стога, обнаружены остатки поселений, возраст которых более трех тысячелетий. И на самом острове немало укромных уголков, ущелий и пещер, которые облюбовали древние жители. В глубь веков уходит своими корнями и само легендарное слово *хортица*. Потому так и противоречивы мнения ученых о его происхождении. Одни считают, что в нем звучит гордое имя Хорса — мифического повелителя Солнца у древних славян, другие — что это отголоски тюркского слова «орт» или «орта», переводимого как *средний* и связываемого с расположением острова между рукавами Днепра.

Первое из известных письменных упоминаний о Хортице датируется X веком. Это сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Нет ничего удивительного, что именитый император обратил внимание на днепровский остров. Дело в том, что в ту пору по Днепру мимо Хортицы проходил известный торговый путь «из варяг в греки». Византийские и скандинавские купцы, караваны славянских лодий непременно останавливались на острове, чтобы в знак удачного предприятия (скажем, преодоления грозных порогов) принести жертву тысячелетнему дубу, который возвышался на скалистом берегу.

«И поидоша на коних и в лодях, и приидоша ниже порог, и сташа в Протолчех и в Хортичим острове...» — узнаем мы из летописи по Ипатьевскому списку. Хортица хорошо была известна русским дружинам. Согласно легендам, тут бывали князья Аскольд, Дир, Олег, Игорь, княгиня Ольга. По преданию, в северной части острова на Черной скале в неравной схватке с печенегами сложил свою буйную голову храбрый князь Святослав. Как

свидетельствует летописец, в 1103 году на Хортице собирались древнерусские князья с дружинами для похода на половцев, а в 1223 году — защищать рубежи родной земли от татаро-монгольских орд. В южной части острова на берегу озера Осокорового археологи раскопали древнерусское поселение Протолче. Предполагают, что тут обитали загадочные бродники. И не просто жили среди роскошной плавневой природы, а выполняли ответственную задачу: охраняли днепровские броды, через которые враг мог легко перебраться с одного берега на другой. Многие считают, что бродники были предшественниками казаков-лугарей, а их землянки — прообразом запорожских сечевых куреней... Нет сомнения, что они тоже обратили внимание на эту землю. Запорожцев недаром называли *островными* людьми — на плавневых островах легко было спрятаться от врага, устроить засаду, пересидеть лихолетье. Вот что, например, пишет в своих путевых заметках посол австрийского императора Рудольфа II Эрих Лассота, побывавший на Хортице в начале лета 1594 года: «На этом острове мы переночевали; козаки имеют привычку держать там своих лошадей в зимнее время. Под вечер упомянутые выше козаки, которые, числом до 400, составляли стражу против татар у Будильского порога, присоединились к нам, а затем вместе с нами отправились в стан». В «Хронике» польского писателя Богуслава Машкевича (1647) можно прочесть, что на острове «всегда пребывает казачий гарнизон для предупреждения татарских набегов: остров этот называется Хортица».

На острове что ни урочище, то легенда, что ни скала, то героическое событие, что ни криница (родник. — *Примеч. ред.*), то предание или забавная история. И многие из них связаны с запорожскими казаками. Вот как, например, вспоминал свое пребывание на легендарной Хортице классик украинской музыки Н. Лысенко: «Зайду бывало куда-нибудь в безлюдный яр. Днепр издаലെка видно, грушевые деревья — дички растут, поразбросаны кое-где. Бывает лежу на посохшей траве спокойно, и кажется мне: вот-вот из-за горы появится казак на коне в крас-

ном жупане. При нем и ружье и сабля острая. Ждешь его и песней вызываешь. Нет, не идет! Мертвая тишина вокруг, а сердце все полно звуков, слышатся мне и голоса могучие, и призывы громкие, шумит, бурлит казацкое море. Так родилась в моем представлении музыкальная сцена Сечи Запорожской, которая потом и вошла в оперу».

Живописные углубления с пологими травянистыми склонами, укромными тенистыми полянками и таинственными сырими овражками представляют собой едва ли не самое замечательное явление хортицкой природы. Более двух десятков больших и малых балок посекали берега Хортицы с восточной и западной стороны. Почти у всех балок есть свои имена. Много природных и исторических тайн хранят урочища острова, среди которых первое место принадлежит заповедным балкам. Вот что рассказывал один хортицкий старожил неумолимо собирателю казацкой старины Д. Яворницкому: «В старые времена, бывало, как пойдешь разными балками острова, то чего только не увидишь: там торчит большая кость от ноги человека, там белеют зубы с широкими челюстями, там вылезли из песка ребра». Названия балок острова — это страницы его прошлого. В балке Совутиной жил запорожский *стадник* Совута, который наблюдал за пастухами и чабанами, в балке Чавуновой рыбак Чавун имел летнюю постоянку. В Музычиной балке запорожцы устраивали веселые гульбища — играли, пели, танцевали. Наумова балка названа в честь вице-адмирала Наума Сенявина, под руководством которого была заложена на острове судовой верфь. Возможно, здесь же в балке находится и пока не найденная могила адмирала, который умер на острове во время эпидемии чумы в 1738 году. Некоторые исследователи считают, что балка получила свое название от запорожца Наума Кармазя, который жил здесь. В Громушиной балке казак Громуха пас скот, поэтому балка еще называлась Громушины Роздолы. Эта балка была знаменита своими родниками. Про один из них в народе рассказывали, что на месте источника когда-то сражались турки с запо-

рожцами. Целое озеро крови насобиралось после побоища. Поэтому вода в кринице красная, и грех ее пить. В балке Карайке держал рыбацкий кош (стан. — *Примеч. ред.*) казак Карайка, в Генералке останавливался какой-то генерал. Широкая, или Оленья, балка известна тем, что в ее байраках было *кышло* гайдамацкого ватага Гаркуши.

В балке Капралке на восточной стороне жил отставной капрал, который сторожил Потемкинский сад. Напротив балки Костиной, где обитал запорожский рыбарь Кость, расположен остров Розстебин, тоже названный по имени рыбака Розстебы. От вершины балки Шанцевой почти через весь остров тянутся земляные укрепления — *шанцы*, в сооружении которых во время русско-турецкой войны принимали участие запорожцы. Возле балки Ушвивой на одноименной скале запорожцы вытряхивали вшей из своих сорочек. В балке Великая Молодняга по праздникам собирались молодцы со всего острова, среди которых, вполне возможно, был и удалой казак Молодняга. Кстати, неподалеку (примерно в треугольнике между балками Совутина, Молодняга и высоткой Брагарня) обнаружены захоронения жрецов эпохи бронзы, ранних славян, запорожских казаков и российских солдат времен русско-турецкой войны. Рыбаки поведали одному краеведу, что однажды зимой, возвращаясь после рыбалки, увидели странные отблески костра, которые лизали черные стволы акаций. Подошли ближе и увидели силуэты людей в ветхих старинных одеяниях, что сгрудились возле огня. До онемевших рыбарей долетали обрывки какого-то бессвязного бормотания — то ли молитвы, то ли заклинания, то ли клятвы. Что это были за люди и что они делали возле костра — неизвестно, однако краевед уверен, что, учитывая близость древних могил, это могли быть призраки казаков-характерников (запорожские ведуны-чародеи. — *Примеч. ред.*), обитавших в вырытых в хортицких балках пещерах и землянках.

Есть у Хортицы брат. Почти близнец. Его так и называют Малая Хортица. А еще — остров Байды. Даже внешне этот кро-

хотный островок похож на своего собрата. Северная часть представляет собой холмистую возвышенность, обрамленную скалами, на севере — песок, плавневая растительность. Рвы и валы в северной части островка — это остатки укреплений, которые соорудил тут в середине пятидесятих годов XVI столетия князь Дмитрий Вишневецкий. Позднее эти укрепления были названы *городками* или *замками*. Многие считают Вишневецкого первым именитым *ватагом* запорожцев, а его крепость вблизи Хортицы — прообразом сечевых укреплений ниже по Днепру.

Смелость не только города берет, но и покоряет сердца врагов. Легендарному казаку Байде султан предложил в жены свою дочь при условии, что он перейдет в мусульманство. Однако запорожец отверг это предложение. Турки схватили молодца и подвесили его на крюк за ребро. Однако Байда и тут не растерялся. Хитростью заполучив лук и стрелы, он поразил самого султана. Народная дума почти в точности передает события, которые произошли с князем Дмитрием Вишневецким. Как и Байда, свою жизнь он закончил на крюке, за который зацепился, падая с башни. С нее прославленного запорожского рыцаря приказал сбросить после допросов и пыток турецкий султан Сулейман. Между прочим, тот самый, которого «женила» на себе украинка Роксолана («первая жена» Сулеймана Великолепного получила это прозвище от европейцев. — *Примеч. ред.*). Мучаясь от нестерпимой боли, князь продолжал прилюдно поносить султана и магометанскую веру. Турки стали расстреливать его из луков. Однако Вишневецкий не переставал поносить янычар. Как гласит предание, враги в надежде перенять его мужество якобы вынули у него еще живого сердце, порезали на мелкие кусочки и съели. Именем Байды-Вишневецкого и назван прилепившийся к Хортице островок на Старом Днепре.

Многие знаменитые казацкие предводители оставили свой след на Хортице. В 1619 году гетман Петро Конашевич-Сагайдачный построил в северной части острова на возвышенности у Совутиной скалы укрепление для поддержки казацкого гарни-

зона. Есть свидетельства, что на острове побывали казацкие ватаги, руководители народных восстаний Жмайло, Тарас Трясило, Иван Сулима, Кизим и другие... Хортица входила в территорию Войска Запорожского, и именно на него в разные времена и разными правителями возлагалась защита этой уникальной островной земли. Кстати, с именем командира Хортицкого форпоста (он устроен был на острове во время русско-турецкой войны 1768—1774 г.) запорожского полковника Ивана Бабурсы связано название села Бабурки. Так в народе стали называть и огромный городской микрорайон на правом берегу. Как бы там ни было, но остается неоспоримым факт: Хортица — единственный сохранившийся до нашего времени большой днепровский остров, на котором стояли пешие и конные отряды запорожских казаков, устраивались их зимовники.

Сегодня в плавневой части острова (кстати, неподалеку от древнего Протолче) за высоким сечевым частоколом находится знаменитый конный театр «Запорожские казаки», в котором потомки славных запорожцев демонстрируют искусство верховой езды, смелые трюки на конях, казацкие забавы. На территории театра размещен и Музей днепровского судоходства, где выставлены поднятые со дна реки корпуса различных судов казацких времен. Время проходит и ничего не возвращает; однако то, что прошло, не исчезло бесследно, не забылось — осталось в памяти земли и народа.

По казацкому следу

...Стоял апрель — чистый, прозрачный, звонкий. Дали были открыты, дороги прямы и стремительны. Иногда, правда, мы сворачивали с наезженных «шоссеек» и по едва заметным тропкам спускались к реке. На плотном прибрежном песке отчетливо были видны следы. Они и вели нас вниз за солнечной вешней водой. Миновав пороги, река будто удивилась плавневому про-

сторую, чуть приостановила свой бег, а потом вольно и плавно понесла свои воды к югу. От острова к острову. От мыса к мысу. От балки к балке. Так мы и продвигались от острова Хортицы по низовым землям былой запорожской вольницы, по заповедным казацким урочищам Великого Луга, где располагались сечевые столицы запорожцев и хутора казаков-зимовчаков. И древние курганы, и старые могильные кресты, и просмоленные челны на солнечных пляжах, и корни, торчащие из глинистых обрывов, и костры на обочинах — все это прочно и надолго легло в память. И еще не раз в ней всплывет и вызовет воспоминание и щемящую грусть о дороге, у которой нет ни начала, ни конца. И вновь протрубит ветер странствий. Поманит, позовет за собой... Надеюсь, что не только меня.

Белогорье

...Пучки сухих трав, торчащие из песка, были похожи на казацкие чуприны. Они трепетали на ветру, отпугивая малых птиц. Те торопливо пробегали по песчаным откосам, оставляя узкие цепочки следов. Внизу темнел Днепр — весенний, холодный, молчаливый. Вода удивительно чистая и спокойная. В ней мудрость и сила, но и печаль. Река легко рвет камни, а уж песок...

После острова Хортица — это первая наша остановка. У «знаменитой в истории запорожских казаков» Лысой горы слава давняя. Я спросил у дедка на окраине села про дорогу к этой достопримечательной днепровской вершине. «Так вы ж, хлопцы, на горе и находитесь», — пожал плечами старожил. Я удивился, но тут же понял, что вершина дала название и всей местности, и селу.

В недалеком прошлом Лысая гора тянулась вдоль берега почти на два километра. Путешественники даже называли эту примечательную местность Белогорьем, а непосредственно саму гору — Белой (от горы и название соседнего села Беленькое).

Издавна путешественников привлекали песчаные холмы, что возвышались над плавневыми островами. «Эти бугры такие высокие и крутые, — вспоминали днепровские старожилы, — что не каждый и взойдет на них; а ямы глубокие, заросли березой, кустарником да хмелем так, что и дна не видно. Странно: там живет зверь разный и плодятся змеи и душегубы». Их по-разному называли — и буграми, и кучугурами, и могилами, однако чаще всего — горами. На степной плоскости любой холм — уже вершина, любой бугор — уже высотка, любая возвышенность — уже гора. Издревле степь не могла смириться с этими горными выскочками, что возвышались над травами и шляхами (дорогами. — *Примеч. ред.*). Злые степные ветры стесывали со склонов любые ростки, в мгновение ока оголяли вершины, являя их ничемную суть. Так вот наши горы и стали «лысыми». Самой же высокой и приметной вершиной была Лысая гора на правом берегу Днепра. Вершина ее как бы парила над Великим Лугом. «Лысую гору далеко видно и со степи, и с плавней. Веселое место! Глянешь оттуда — как на ладони все: и Днепр, и плавни, и слобода! На этой горе везде песчаные кучи да ямы, будто крепость какая!» — рассказывали старики. Крайние хаты Лысогорки сегодня находятся почти вровень с ее вершиной — ветры и люди сделали свое дело. Взобраться на нее не составляет труда. Восхождение на песчаный холм — не более чем пляжная прогулка. Однако вид с вершины по-прежнему впечатляет. Все плавневые островки и урочища как на ладони...

Проявилась ли в этом какая-то закономерность или дорожная судьба так распорядилась, однако лысогорская стезя все время заставляла сворачивать с асфальтового большака. Лысая гора обнаружилась на северной окраине Никополя, где когда-то находилось село Новопавловка. Мы не поленились, съездили туда. Довольно живописный берег. Есть и уютные пляжики, и тенистые полянки, и таинственные овражки. Песка, правда, здесь маловато. В основном — глина. На эту гору обратил внимание еще наблюдательный Эрих Лассота. «Прошли мимо Лысой горы

на левой, русской, стороне и Толстые Пески, большие песчаные холмы на татарском берегу», — писал он в своем путевом дневнике. Из исторических документов 1767 года известно, что здесь когда-то стоял запорожский сторожевой пост, находилось казачье кладбище.

Лысые горы оказались каким-то образом привязаны к Запорожским Сечам... Неподалеку от Каменской Сечи находится еще одна Лысая гора. Трудно сказать, как она выглядела в прошлом. Сегодня это просто бугор над Днепром. В селение Крынки на берегу Конки, которая протекает параллельно Днепру ниже Каховки, мне рассказали о Лысой Могиле в Алешковских песках. Место это засажено соснами. Однако могила по-прежнему остается лысой.

Пушина

...Сначала я увидел огромного полоза, который грелся на солнце. Учув меня, змея тихо соскользнула в сухую траву. Я последовал за ней и заметил глинистую щель. Чуть ниже ее круто вниз спадали ступеньки. По ним мы и спустились на дно оврага. Это было мрачное глинистое ущелье. Вверху голубело небо. Тут же внизу было сумрачно и сыро. Из глинистых круч торчали обрывки корней. Где-то здесь, по словам дачника, что указал нам тропку к роднику, до сих пор видна кость какого-то допотопного животного. Так я очутился в балке Пушинной (местность вокруг нее называют просто Пушиной). За Пушиной — Червонные заборы (заторы), село Червоноднепровка и следующая балка Червоная. Название, скорее всего, от цвета глины. Однако народ по-своему трактует этот топоним. Рыбак Василь Веремеев из Червоноднепровки выдал, например, такую версию: «Забрел сюда казак, которого запорожцы за какую-то провину выгнали с Хортицы. Видит в балке татарва окошилася. Тогда он вернулся к сечевикам и рассказал про бусурманское лого-

во. Пришли казаки и всех перебили. Порубали наголо. Кровь рекой лилась. Всю балку залила, в Днепре камни почервонели. Так вот тут все на червоный манер и прозвали. Може, все и не так было, но как нам деды рассказывали, так и я вам докладаю».

Тарасово гульбище

«В 1740 году здесь поселился отставной войсковой запорожский старшина, — какой-то Тарас, завел огромный зимовник и со своими хлопцами, со своей челядью и наймитами, занимался скотоводством и хлебопашеством, жил долго и умер, оставляя имя свое, на память зимовнику и этой местности» — так в одной старинной книге написано о нынешнем селе Вышетарасовка (это уже соседняя с Запорожской Днепропетровская область). Мы не могли миновать его по многим причинам. Наш маршрут пролегал по бывшим Сечам. Возле них мы также искали следы прототипов литературных героев. Гоголевский Тарас Бульба — фигура колоритная, знаковая, это сила и дух казачества, его вдохновенный образ. Среди запорожских старшин немало было Тарасов (вспомним того же Тараса Трясилу). А были ли Бульбы? В селе Вышетарасовке Бульб, увы, не оказалось, зато рядом нам показали так называемое Тарасово Гульбище, где, по-преданию, полковник Тарас и другие старшины после походов устраивали пиры. От балки Червонной до Вышетарасовки вдоль берега тянутся так называемые Заломы — глинистые обрывчики, яры, провалы, расщелины. «Место очень грандиозное, очень живописное и очень удобное для тех, кто желал бы скрыться в нем от кого-нибудь», — писал об этой характерной местности один исследователь. Рассказывают, что до самого села здесь когда-то под землей тянулся тайный казацкий ход — *пролаз*. Километрах в четырех от Вышетарасовки посреди Заломов и находилась идеально ровная высокая площадка, которую в народе издревле называли Тарасовым Гульбищем. Когда-то

здесь стоял огромный каменный стол с такими же лавками вокруг. Рядом устроен был винный погреб, который запирался железными дверями. Здесь казаки «пили, ели, прохлаждались и с огромной высоты горного отрога любовались широким и далеким Днепром». От Гульбища сегодня почти ничего не осталось — все смыли воды Каховки. Однако вышетарасовцы по-прежнему любят проводить здесь праздники. Особенно много людей собиралось на Пасху. Приезжали даже с окрестных сел. Кстати, по свидетельству Яворницкого, текст знаменитого письма турецкому султану был найден им именно в Вышетарасовке.

Хата казака Несвата

Эта хибарка стоит в селе Ильинка в огороде учительницы Лидии Ивановны Дубачинской. Живет она на Хуторе. Так называется один из многочисленных *кутков* (*кут* — угол. — *Примеч. ред.*) села. Раньше оно именовалось Грушевкой. Именно здесь провел последние дни своей жизни знаменитый Сирко (легендарный кошевой атаман запорожцев, непобедимый воин и *ведун-характерник*. — *Примеч. ред.*). Тут на своей пасеке он и умер. Об этом свидетельствует памятный знак на краю села. Зимовник, в котором обитал прославленный казацкий ватаг, мог быть в точности похожим на эту чудом сохранившуюся старинную хату. Я всю ее облазил. Забрался даже на чердак. Обшарил все его зачатки и нашел старый *рогач* (ухват. — *Примеч. ред.*), какие-то черепки, ржавый обломок ножа, сухие кукурузные початки... Внутри хаты на стене вдруг увидел выцветшую фотографию в грубой рамке.

— Это баба Онися Несватиха, — объяснила Лидия Ивановна. — Девяносто пять лет прожила она тут. Когда умирала, говорит: «Заплетите мне в косу красную *стричку* (строчку, ленту. — *Примеч. ред.*), бо я божа невестка (то есть незамужняя девуш-

ка. — *Примеч. ред.*)». Сильная была старушка, у них весь род такой. А хата эта принадлежала казаку Денису Несвату. У бабы даже грамота хранилась. Я ее сама, своими глазами видела, супруг мой может подтвердить — он тоже читал. Там написано: «Хутор этот подарен казаку Несвату...» Дальше не помню. А в конце подпись Богдана Хмельницкого...

— А где сейчас эта грамота?

— Баба в конце всех и вся боялась. Грамоту ту так уже кохала, так берегла. Куда сховала, никто и не знает... Давайте я вам лучше свои *вириши* (стихи. — *Примеч. ред.*) прочитаю...

Мы уезжали из Ильинки под вечер. Было тихо и тепло. Предзакатное солнце выкрасило белобокие хатки в розовый цвет. Груши еще не зацвели, но в них чувствовалась будущая щедрая сила — говорят, что груш здесь на деревьях больше, чем листьев. Это еще впереди, а пока ранняя апрельская пора — сквозь голые ветки просвечиваются хаты, огороды, пасеки, кладбищенские кресты, плавневые камыши, речушки и балки... Просвечивается прошлое?

Островитяне

— Давайте, хутчее, собирайтесь, я вам все казацкие места покажу.

Зинаиде Алексеевне Будимко уже за семьдесят, однако мы едва поспеваем за ней. Через огород поднялись на бугор и увидели возле дороги большой крест. Символично название села, где живет старушка. Называется оно просто Островом. Это своеобразная память о Великом Луге, в котором было 264 острова! Томаковский (его еще называли Буцьким, Днепровским) — один из самых больших. На нем и располагалась Томаковская Сечь. О ней знают почти в каждой «островной» хате. Не только знают и помнят, но и могут показать места казацких могил, окопов, валов, тайных ходов. От креста с нашей шустрой и веселой про-

вожатой мы обошли всю островную землю. Возле сада старушка показала нам бугорки, под которыми покоился запорожский прах. Потом мы спустились к Городку. Так островитяне называют место, где находились казацкие укрепления.

— Вот здесь, где крайняя хата, как раз проходил вал, а на том месте, где сейчас стадион, — земля там, видите, вроде, как осела — были казацкие *схованки* (укрытия. — *Примеч. ред.*). Баба Тертишиха рассказывала, что сама видела в обрыве по-над водой дубовые двери. Открыла их, а оттуда как потягнет, как заревет... Не иначе, ход внутрь острова там был. Хлопцы малые, когда еще коммуна у нас тут была, люки находили. Открывали их и под землю спускались. Видели крюки, что из стен торчали. Может, к ним запорожцы чайки свои привязывали? Прямо с Днепра заплывали и прятали в горе. Разное люди рассказывают. Тут столько битв было, столько крови. Весной, во время паводка, вода, что с запада остров затопляла, аж иржавой становилась. Не иначе то кровь из земли вымывало...

Вода подмывает берега, ветер превращает в пыль курганы. Однако мы не можем жить без желания оглянуться, вспомнить, не можем шагать по дороге и не думать о ее начале. Память постоянно уносит в прошлое. Не всегда там покойно и уютно, не всегда справедливо. С какой меркой подойти? Как судить? А главное — судьи кто? Пусть будет просто память — под разными крышами и фасадами, в различных одеяниях, образах и ролях, по-разному окрашена и озвучена. Память эта всегда с нами — во всех наших делах и устремлениях.

Возле древнего перевоза

...На ночь мы расположились в старом полуразрушенном здании местного музея. Мой спутник разместился на единственной кровати, я же разыскал на складе фанерный щит и улегся на полу. Из темных закутков тянуло сыростью, поэтому весьма кста-

ти прихлалась предложенная сторожем овчинная шуба. Она ук-рыла и убаюкала меня, наваяв сладкий сон. Такими бурками накрывались в походах запорожцы, под такими кожушанками дремали на возах чумаки (транзитные торговцы и перевозчики, «дальнобойщики» Средневековья на волах. — *Примеч. ред.*), что двигались к переправе на Микитином Роге. Место торговое, бойкое — еще со времен скифов здесь кипела жизнь. Более двух с половиной тысяч лет назад тут находилась переправа, через которую скифы везли криворожскую руду к расположенному на левом берегу административному и ремесленно-торговому центру Скифии. Позже через мыс пролегал торговый Солоний шлях. По нему день и ночь двигались чумацкие валки (караваны. — *Примеч. ред.*). Название поселению дал запорожец Микита Цыган, который обосновался здесь где-то в начале XVI столетия. Собственно, и Сечь, которая перенесена была сюда из Базавлукских плавней, тоже именовалась «перевозом». Микитинская Сечь в отличие от других казацких столиц находилась не на острове, а на слабо защищенном с суши мысу. Почему так случилось? Неужели казацкие стратеги просчитались? Отнюдь! Дело в том, что на строительстве запорожского городка в этом месте настояли поляки, которые в то время контролировали и сам перевоз, и прилегающие к нему земли. Рядом с сечевыми укреплениями расположился польский гарнизон, который наблюдал за действиями запорожцев.

Однако поляки недолго правили здесь бал. В 1648 году Богдан Хмельницкий овладел всеми укреплениями на мысе. Польские вояки бежали, реестровые казаки перешли на сторону запорожцев. И тут же на сечевой Раде Хмельницкий был избран гетманом Войска Запорожского. Сегодня памятник батьке Хмелю стоит в историческом центре города рядом с древним перевозом и сечевым городком, ушедшим под воду. К памятнику ведет улица Ивана Сирко, неподалеку булыжниковый Никитинский *узвоз* (спуск), соседствующая с набережной улица Запорожская. Никополем местечко было названо в 1782 году в честь

победы царских полковников над запорожцами. Много после этого на этой земле было других битв и побед. Памятник прославленному казацкому ватагу, как и названия улиц, — последняя победа. Торжество запорожского духа, казацкой славы. Победная поступь здравого смысла.

...Над Микитиным Рогом низко проносятся чайки. Мыс размывают воды Каховки. Берег обложили камнями, с которых никопольчане удят рыбу. Гранитные валуны укрепили остатки древнего мыса. Укрепили память?

При Чертомлыкском Днеприще...

...Потрескивал сухой тростник. Волны лениво плескались о лодку с корявой надписью по борту «Сирко». Гоготали о чем-то своем сытые чайки. Я забыл о дороге, которая меня сюда привела, не думал о пути, что предстоял. Время будто остановилось и растеклось по высокой и удивительно свежей в эту чистую ранневесеннюю пору воде. Передо мной на песке лежала груда черепков, которые я без особого труда и рвения насобирал на Капуловском мысу. Он заканчивается характерными обрывчиками и ярами, которые местные жители называют *осовинами*. За день в них можно набрать целую корзину древней глиняной всячины. Когда я вечером разложил перед одним местным краеведом черепки, он равнодушно стал сортировать их: «Это скорее всего скифы...Это от амфоры...А это уже казацкое...»

На капуловском берегу можно встретить кладоискателей разных мастей. Здесь им и рыть глубоко не надо — ходи по пляжу и смотри повнимательней под ноги. Капуловка в Никопольском районе на Днепропетровщине — село знаменитое. Здесь «при Чертомлыкском Днеприще» издавна обитали разные народы. Щедрый плавневый край многим пришелся по душе. В реках — рыба, в озерах — дичь, в плавневой чаще — зверь, в степи — выпасы: сытно, тепло, вольготно. Где и зачем искать дру-

гой судьбы? И от напастей разных да лихих людей можно легко и водой себя окружить, и окопаться, и крепкой засекой отгородиться. Так и поступили запорожские казаки, основав здесь Чертомлыкскую Сечь. Возникла она не на пустом месте. Польский король Стефан Баторий, желая укрепить южные рубежи, дал запорожским казакам грамоту, в которой закрепил за ними их плавневые вольности. Так здесь, как считают некоторые исследователи, возникла первая Баториева Сечь. Потом не где-нибудь, а именно тут, при речке Чертомлык, была заложена Базавлукская Сечь. Капуловцы во всяком случае в этом не сомневаются. Как и в том, что Чертомлыкская Сечь была самой славной и легендарной страницей в истории казачества.

Два памятника

Один стоит во дворе капуловской школы, другой — за селом на кургане. Памятники одному и тому же человеку — знаменитому запорожскому атаману Ивану Сирко. Однако бюсты на постаментах разные. В чем дело? Известно, что Сирко, который провел больше пятидесяти битв и ни одной не проиграл, был великим характерником. Мог, например, по признанию очевидцев, принимать различный облик... Таинственный ореол вокруг его имени и образа не померк и после смерти. Умер Сирко у себя на пасеке в селе Грушевке (нынешняя Ильинка). Тело перевезли в Чертомлыкскую Сечь, где и похоронили с надлежащими почестями. В 1709 году, когда царские войска напали на Сечь и разорили многие казацкие могилы, запорожцам удалось спрятать останки атамана. По преданию, они хранились в тайной плавневой казацкой скарбнице. Когда запорожцы после Олешья вернулись в эти места, то перезахоронили своего именитого ватага на новом месте. Старым Сирком в Капуловке и поныне называют это первое его захоронение на краю Капуловского мыса. Когда-то здесь на огороде капуловчанина

Мазая стоял могильный камень, теперь — просто памятный знак на краю села. Любой капуловчанин укажет вам к нему дорогу. В селе много любителей казацкой старины, некоторые могут часами (причем с колоритными подробностями, точными деталями!) рассказывать о Сирко и его боевых побратимах. Владимир Михайлович Саламаха, например, уверен, что его далекий предок Михайло Саламаха был слугой — *джурой* у кошевого. Старый капуловчанин, которого здесь почитают за великого казацкого авторитета (одно время он даже был атаманом местных казаков) и талантливого неутомимого рассказчика, поведал нам и о последнем бое Сирко, и о том, как он умирал у себя на пасеке в Грушевке, и что случилось с его капуловской могилой, когда Чертомлык был разорен царскими войсками. На прощание, смахнув слезу, Саламаха прочитал стих: «У Капуливци на городи Мазая старого е могила великого Сирка кошевого, и казалы стари люды, що в далеки роки сам атаман невмирущий та й по Сечи ходыть».

На Капуловском мысу в 1956 году (уже после образования Каховки) и был установлен бюст атамана. Портрета его не сохранилось, и днепропетровские умельцы-литейщики взяли за основу изображение Сирко на известной картине Репина. В 1967 году, когда море подступило к могиле, останки решили перенести за село на Сторожевую (Бабину могилу). Состоялось еще одно захоронение казацкого характерника. В новой могиле атаман оказался...без черепа. Его отправили в Ленинград в лабораторию антропологической реконструкции. И вот в 1971 году ученые явили миру настоящий облик кошевого. В 1980 году (через триста лет после смерти Сирко) на могиле установили новый бюст. Старый хотели отправить на переплавку, однако капуловские краеведы, посчитав, что это тоже память о легендарном герое, *вытребовали* его у начальства и водрузили на постамент во дворе школы. А что же череп? В 1990 году он вернулся на Украину. Долгое время кочевал по разным музейным хранилищам и сейфам, не давая покоя их владельцам. Наконец

в 2000 году он оказался там, где ему и положено было покоиться, — в могильной толще древнего кургана.

Подобного нет нигде в мире. Два облика — два разных бюста. Но один атаман, один легендарный герой и одна долгая память.

Последний оплот

— Все сплыло, все стерлось, — покачал головой старик и смахнул слезу. Солнце неярко и мягко светило сквозь облачную дымку. От огородов, где сажали картошку, тянуло сладковатыми дымками. Над голыми садами вспархивали голуби — то ли встречали весну, то ли провожали зиму. По крошечному ракушечниковому пляжику бродили сонные чайки. Ничто здесь, в Покровском (по тропке над береговым обрывом до него от Капуловки часа два езды на велосипеде), не напоминало о былом казацком духе края. Лишь две плиты в центре: на одной громкие, но, увы, холодные неживые слова о том, что тут была последняя Запорожская Сечь, на другой — память о последнем кошевом атамане Петре Кальнишевском. Еще есть название магазинчика — «Новая Сечь». Вот, пожалуй, и все. Случайный путник, избалованный заморский турист пройдет мимо и не оглянется. Мне же захотелось узнать побольше, попытаться проникнуть в суть.

Готовясь к экспедиции, в одной старой книге я нашел такую запись о местечке Покровском: «Это гнездо Запорожья, — главное *виталице* (пристанище, приют. — *Примеч. ред.*) сечевого запорожского казачества». Казаки были воинами, свой наемный хлеб отрабатывали пограничной службой и походами, однако, по мере того, как расширялись границы империи и осваивался дикий степной край, все больше становились хозяйственниками. Причем вольными, сметливыми, рачительными. После 1734 года, была основана Новая Сечь, военный казацкий орден превратился в экономическое сообщество. Земли, подконтроль-

ные ему, стали *вольностями* Войска Запорожского. Они делились на восемь административных округов-паланок. Около четырех тысяч казацких хуторов-зимовников на этой территории были гнездышками — *вителищами* нового Запорожья. Его республиканский и рыцарский вольный дух не устраивал имперскую власть. Сечь была уничтожена. Однако дух Запорожья остался. Это дало основание многим авторам считать Покровское едва ли не символом запорожского казачества, его главным гнездом. Всех поражала красота этих мест, характерность и гордая осанка селян, многие из которых считали себя потомками сечевых рыцарей. «Что за красивые люди в Покровском!» — восклицал Афанасий-Чужбинский, путешествуя по низовьям Днепра. Александр Довженко писал о Покровском: «Это одно из самых красивых сел, которые я видел в Украине».

...Покровская сечевая церковь находилась метрах в двухстах от усаженного вербами нынешнего покровского берега. Водолазы довольно точно определили ее место. Над ним был установлен буй с крестом. Потом его снесло льдом. Мне рассказывали, что у покровцев спрятаны иконы из сечевой церкви. Когда я спросил, где, у кого они находятся, мне тихо, с укоризной ответили: «Разве ж о таком говорят». У каждого своя дорога к храму. Даже если он далеко в прошлом. Память его и там достанет.

Где Базавлук?

Мы заночевали на насосной станции в ста метрах от камня, на котором выбито: «Здесь на одном из днепровских островов временно находилась Базавлукская Запорожская Сечь». Именно здесь речка Базавлук сегодня впадает в Каховку. Впадает, правда, не сама по себе (уровень моря оказался выше речных вод), а с помощью мощных моторов. С дамбы открывается панорама широкой пойменной долины Базавлука. Предзакатный луч прорвался сквозь тучи и будто рассек этот удивительный

камышово-озерный край. Раньше эту «великую плавню», отталкиваясь от названия реки, именовали Базавлуком. Это была нижняя часть знаменитого Великого Луга. Здесь запорожцы и решили укрепиться, после того как татары разрушили Томаковский городок. Кстати, именно после Базавлука казацкие плавневые столицы стали официально именоваться Сечами.

— Вон там, километрах в двух от берега еще недавно находился островок, — показал местный рыбак на серую гладь Каховки. — Мы его Грушевским, или Змеиным, называли. Село тут такое было — Грушевский Кут. После того как плавню затопило, все змеи к нам сюда перебрались. Весь остров прямо кишел ими. И кости разные там находили. Жутковатое место. Может, поэтому казаки тут и обосновались. Им плавневое гадье только на руку было — охраняло их скарбы от басурманов...

На этом ли островке находилась Сечь или на другом — неизвестно. Казаки умели хранить свои тайны. Кстати, помогала им в этом сама плавневая природа. Весь комплекс островов в этом месте, где Днепр расширялся до семи километров, назывался Войсковой Скарбницей. Тут можно было спрятать не только пушки и провиант, но и целую флотилию. Остров Базавлук как раз и защищал вход в Войсковую Скарбницу. Кстати, именно отсюда Петр Сагайдачный отправлялся в далекие морские рейды, именно здесь прославленный ватаг вынашивал планы дерзких набегов на прибрежные крепости. С Базавлуком связано и имя посла австрийского императора Эриха Лассоты, который прибыл на Сечь, чтобы уговорить казаков выступить на стороне австрийцев против турок. Посол подробно описал, кто и где его встречал, как выглядела местность и сама казацкая столица. Увы, многое (если не все!) скрыла вода. Я стою на берегу ее огромного хранилища. Вечереет. От базавлукских болот тянет сыростью. С моря ушли последние лодки. Зажглись первые звезды... Все и вся под ними. По чьей злой или доброй воле разлилась эта вода? Теперь это уже не важно. Были реки, озера, заливы-бакаи, стало — море. Не ахти какое, но есть простор, дали,

свежий ветер, паруса, причудливые берега. И есть вода. Много воды. Она и похоронила запорожские скарбы (движимое имущество. — *Примеч. ред.*). Как того и хотели казаки...

На речке Каменке

Белая щебнистая дорога закончилась. Берег круто ушел вниз. На той стороне залива, который, разветвляясь по балкам, на десяток километров уходил от реки, серела гранитная глыба Пугача. Я стоял возле старинного могильного креста и думал, почему именно это место запорожцы выбрали для своей сечевой столицы? Может, скалы по берегам речки Каменки напоминали казакам о родных порогах? И в плавневых урочищах здесь было чем поживиться, и степного приволья было достаточно, и чащи по балкам да буеракам такие густые, непролазные, «каких не выдумать и самой разнообразной фантазии человека». И пограничных опасностей, которые были своеобразным военным хлебом казаков, тут с лихвой хватало. Ведь Каменская Сечь была основана на границе между Османской империей и Россией. Сюда запорожцы во главе с прославленным ватагом Костей Гордиенко (ему и установлен крест на берегу) перебрались в 1709 году после разгрома Чертомлыкской Сечи. «Вот так смаковали мы новую жизнь, благодаря султану, ожидая, пока нас не попросят на новый танец», — писали запорожцы о своем новом пограничном житье-бытие. Было оно в общем-то не таким уж и плохим, во всяком случае привычным, однако граница есть граница: сегодня разделяет государства, завтра — соседские огороды, сегодня роднит, завтра ссорит. Через пару лет царские войска потеснили турок, несладко пришлось и запорожцам. Они подались южнее. А через четверть века опять вернулись к ставшим родными каменским балкам и кручам.

Сегодня место сечевого городка сразу за околицей села Республиканец Бериславского района Херсонской области. Тут и

покрытый мшистой ржавчиной, побитый ветрами и шальными пулями могильный крест Гордиенко (на нем даже можно разобрать слово *атаман*), и памятник ему, и знак на месте раскопок (впервые здесь был раскопан сечевой курень), и пещера-грот на днепровском каменистом склоне, и развалины старинной помещицкой усадьбы. Уже давно не дикий, но по-прежнему замечательный уголок. Его создала и обласкала щедрая природа, а обиходили, пометили люди. Они же и запустили его...

На окраине села возле старого кладбища местные жители показали мне обломок древнего креста, наполовину засыпанного глиной. Я расчистил его и даже попытался гвоздем процарапать буквы и цифры. Время уничтожило следы — стерло слова и даты. Что оставило? В селе уверены, что крест был установлен над казацкой могилой. «А по этот бок дороги, видишь, бугорки, и камень выступает. Там казаки лежали, а тут турки своих хоронили», — объяснил вызвавшийся сопровождать меня бездельный, однако шустрый словоохотливый мужичок с мутноватыми глазами. Я не стал уточнять, что и как здесь происходило два-три века назад, как рядом могли оказаться эти захоронения. Свой крест у каждого в жизни и свой крестный путь к звездам. Вечный покой среди них и могильных крестов. Мир праху всех, кто лежит под ними...

Олесье

...День выдался жарким, однако было сухо и ветрено. Над песчаными дорогами вихрились маленькие смерчи. Песок чувствовался даже на зубах. А слева тянулись плавни. В это время года они еще были неряшливыми, серо-белесыми, дымчатыми. Пейзаж разноцветили лишь зеленые лужи с желтыми крапинками одуванчиков да голубая лента Конки, что тихо трудилась рядом с Днепром, пробиваясь через тростники и плавневые поломы к морю. По этой реке когда-то и приплыли сюда запорожцы, осно-

вав напротив устья впадающей в Конку речушки Пазнюки Алешковскую Сечь. Пришли не по своей воле, пришли не хозяевами — гостями, под надзор турецких властей, однако быстро освоились на новом месте и даже церквушку из камыша соорудили.

Здесь когда-то находилось легендарное Олешье — опорный пункт Киевской Руси в низовьях Днепра. Уже во второй половине XI века тут возле перевоза через Днепр напротив нынешнего Херсона возникло крупное поселение. Оно играло настолько важную роль на торговом пути «из варяг в греки», что в некоторых византийских и итальянских источниках даже сам Днепр именовался по одному из средневековых названий Алешек — Ерексе. Некоторые исследователи расшифровывают Олешье как *олыха* или *елыха* — покрытую кустами болотистую низинку. У простого люда этот «непечатый уголок» с его песками и плавневыми пущами неизменно ассоциировался с диким отшельем, где обитало *лешье* (лешие).

Запорожцам, характерники которых по слухам водили дружбу с разной степной и плавневой нечистью, все это было только на руку. Хоть к черту в зубы, лишь бы — своя воля, своя река и своя дорога по ней. Рыбы здесь было даже побольше, чем в Великом Лугу, птиц и зверей по окрестным плавням тоже хватало. Был здесь когда-то дозорный пункт русских дружинников, стал казачий низовой сечевой дозор. Он сейчас на окраине нынешнего Цюрупинска — крупного районного центра на Херсонщине. Здесь на пустыре — и крест, и памятный знак, и колокол на воротах, который созывает местных казачков. Звон плывет над рекой и песками, плавнями и сосновыми лесками. И будит память, и указывает ей дорогу...

***

Река понесла свои воды дальше на юг. Нам уже не по пути с ней. Пора возвращаться к своим берегам. Что там за дымчатой далью? Чья дорога, чья судьба? Пусть об этом узнают другие...

Шаг за порог

— Держи глаз чуть левее балки — прямо на бакен, — сказал пастух с тонкой жилистой шеей и маленькими искристыми глазами. — Там и был порог.

С пригорка не было видно села. Даже самые высокие дома его утопали в яблоневых и вишневых садах. Зато Днепр от берега до берега — как на ладони. Приближался полдень. Над рекой горкой громоздились облака. Они выплыли из-за бугра и тут же отразились в тихой светлой воде. Как раз в том месте, где проходил Вовнигский порог. Вдруг среди облачных клубов я заметил черное пятно. Показалось даже, что это каким-то чудом явил себя один из валунов порога. Я оторвал взгляд от воды, и тут же все разъяснилось: среди облаков на небе появилась темная тучка.

Будто угадав мои мысли, Иван Смеюха (так звали сельского пастуха) указал на реку длинным шестом с привязанной на конце зеленой тряпкой.

— Сейчас тех порогов нет и в помине — сгнули под водой. Может, уже там и замулились. А вот раньше...

Что сиоминутно, сегодня, а что раньше, очень давно — в глубине веков и даже тысячелетий? Что перед глазами, а что скрыто в земной толще, под водой? За ответами на эти вопросы я и отправился в экспедицию по местам, где проходили днепровские пороги. Мой путь вдоль реки (со старым спутником и испытанным в прошлых поездках по казацким местам велосипедом) пролегал сначала вверх по правому берегу, потом по местам, где проходили пороги, я как по ступенькам спустился вниз по левобережью.

У каждой большой реки своя характерность, своя притягательная сила, свои вечные символы. На одной старинной карте земли по правому и левому берегу нижней и даже устьевой части Днепра были названы Запорожьем. Сегодня это Запорожская, Днепропетровская, Херсонская, частично Донецкая и Николаевская области, когда-то был один вольный степной край — Запороги, Запоро-

жье. Над порогами, возле порогов, за порогами — каменная преграда поперек реки стала природным рубежом, географической широтной чертой, по-своему раскrojившей прилегающие к речному протяжению земли, пограничной полосой, разделяющей эпохи и народы, своеобразной путевой вехой, точкой отсчета. «О, Днепре-Славутичу! Ты пробил еси каменные горы!» — именно так когда-то обращался автор «Слова о полку Игореве» к великой реке. Без этих «гор», сквозь которые с грохотом прорывался днепровский поток, как, впрочем, без степи и плавней нельзя представить казачий край, реконструировать его пограничный облик, ощутить в полной мере вольный дух и славу предков.

Между берегами

Мой спутник остался сторожить велосипеды в балочке, а я поднялся на скалу. Внизу, круто выгибаясь, искрились на солнце водяные струи. Они то перекручивались, то ныряли друг под друга, то сплетались в узлы, то сшибались лбами, пенисто всплескиваясь. Хоть и высоковато я стоял, но было отчетливо слышно, как внизу терлась о камни вода: бормотанье, шепот, вздохи, постанывание. Можно день просидеть на скале, ночь продремать вместе с рыбаками на плоском камне у самой воды, на неделю рядом в балочке задержаться; год пройдет, век просочится — все те же звуки, те же разговоры реки со скалами. О том же диалог тысячу, две тысячи лет назад. Может быть, и раньше...

Как было? На своем пути к морю речной поток встретил докембрийские граниты Украинского кристаллического щита. Обойти? Свернуть в сторону? Затеряться в ковыльных степях, обрести покой в камышовых зарослях? Были, конечно, и окольные пути: часть днепровской воды уходила в плавни, разливалась по старицам и пойменным рукавам. И все же основная дорога Днепра-Славутича пролегла через древние граниты. «Иду на вы!» — громко сказала река и ринулась через каменистую пре-

граду. Где она сегодня? Куда делась после того, как люди решили усмирить поток и построили «перемычку» (так селяне в районе порогов до сих пор называют плотину)?

Прежде всего мне предстояло выяснить, где, в каких местах конкретно проходили пороги. Кодацкий, Сурский, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, Вовнигский, Будильский, Лишний, Вольный — вот девять главных порожистых преград. В самых различных источниках я находил упоминание о них. «А ниже реки Самары на Днепре порог Кодак. Ниже Кодака миля порог Звонець. Ниже Звонца порог Сурский. А ниже Сурского три версты порог Лоханной...», — в «Книге Большому Чертежу» подробно прослеживается весь порожистый участок Днепра. Звонецкий порог, правда, в этом известном описании несохранившейся карты России XVII века ошибочно помещен после Кодака, на самом же деле он следовал после Сурского порога. Академик Дмитрий Яворницкий своими шагами измерил оба днепровских берега, проплыл через пороги на плоту. Ученый детально описал все пороги и прилегающие к ним урочища, острова и вообще примечательные места в труде «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» и потянувшем на целую книгу географо-историческом очерке «Днепровские пороги». Прокладывая маршрут, я прежде всего руководствовался его путевыми наблюдениями, полистал и другие путешественные заметки, нашел в архивах и старые лощи — туда тоже заглянул. И все же окончательно «привязать» пороги к селам, балкам и заливам и наложить их на современную карту удалось только после того, как сам побывал на обоих берегах, расспросил седых, однако весьма памятливых дедов и словоохотливых бабусь. Отмечая места порогов, я постоянно натыкался на запорожский след. Как по правому, так и по левому берегу.

В селе Старые Кодаки под Днепропетровском над старым, заполненным водой карьером на холмике, заросшем чертополохом, высится пирамидка, памятная надпись на которой гласила, что здесь гетман Богдан Хмельницкий с войском Запорожским взял приступом польскую крепость Кодак. Кстати, как сообща-

ется в одном историческом очерке, село Кодак основали «казаки, которые правили за лоцманов». Чуть правее крепости, как раз между карьером и селом Любимовкой на левом берегу, и проходил первый Кодацкий порог. В свое время местность вокруг Любимовки была татарской вотчиной, откуда степняки делали набеги на запорожские займища. Отсюда и название слободки Татарбранки, островов Татарчук и Татарский, речки Татарки (она и сейчас пополняет днепровские воды). Позже, потеснив степняков, здесь сели хуторами и стали *бадаться* хозяйством зажиточные казаки-зимовчаки. Следующий за Кодацким Сурский порог пролег между устьем реки Суры и северной дачной окраиной левобережного села Первомайского. Третий, Лоханский порог (в нем была самая большая скорость воды — свыше пяти метров в секунду) — это уже село Волошское. На плане 1775 года здесь показана «казацкая волошская (волохи — румыны, молдаване. — *Примеч. ред.*) забора» и «казацкая переволока» через Днепр. В селе до сих пор можно встретить дедов, которые полузабытый молдавский язык считают своим родным. Это потомки волохов, «полоненные из-под Очакова» запорожскими казаками в 1770 году. На южной оконечности Волошского находится карьер. На левом берегу тоже есть карьер, который называют Петровским. Где-то между этими карьерами и пролегал «один из страшных губительных порогов», в котором вода плескалась, как в лоханке. Волошские рыбаки до сих пор говорят: «Пошли на Лохань бычков дергать». Местные рыбаки помогли мне определить и место Звонецкого порога. Сегодня под водой он связывает Второй Выступ (*выступами* в Звонцеком называют скалы, которые живописали местные берега от села до Звонецкой балки) и остров Малый Махортет. Село Звонецкое основано на месте старинного запорожского урочища, где возле переправы казаки даже имели свою церковь. Почти на километр растянулся самый грозный и знаменитый днепровский порог Ненасытец. Славянам он был известен как Неясыть, варяги, которые плыли по Днепру «в греки» называли его Айфаром. *Неясытью* наши славянские предки именовали

пеликана. Утверждают, что птица эта обитала в районе порогов. Народ по-своему переименовал название, обозначив им прожорливость «ненасытность» порожистой гряды, на камнях которой разбивались плоты и гибли люди. Нередко, правда, чтобы ненароком даже прозвищем с отрицательным оттенком не обидеть «властелина реки», порог уважительно называли Дедом. Выступающие из воды камни в правобережном Никольском-на-Днепре и левобережной Васильевке-на-Днепре (села названы по именам сыновей правителя Екатеринославского наместничества Синельникова, которому после ликвидации Запорожской Сечи были пожалованы царицей эти «порожистые» земли) довольно точно определяют место порога. Обозначить его сегодня, наверное, мог бы и скромный памятник из гранитного обломка, которых в округе хватает. Идея эта понравилась директору Васильевской школы (обещала даже пригласить на открытие обелиска). Километрах в четырех от Васильевки находится село Ненасытец. Местные жители гордятся тем, что с подобным названием на земном шаре нет ни одного населенного пункта. Рассказывают о земляке, который, посылая письмо из Сибири, написал на конверте всего два слова — фамилию родни и название села. И письмо дошло точно по указанному адресу.

После Деда следовал Внук-порог. Так еще называли Вовнигский порог. Было у него еще одно весьма звучное и поэтическое название — Волнег. Говорят, что так звали казацкого лоцмана, который «посадил» здесь плот. А Вовнег — от волков, что стаями бродили по окрестным балкам и чуть ли не лапами в низкие окна окраинных хат царапались. В селе Вовниги именно так трактуют эти названия. С местной *рыбальни* (рыболовецкой пристани) хорошо виден буй на реке, установленный над порогом. Чуть ниже его на правом берегу живописным заливом выходит в Днепр заповедная Балчанская балка. Будильский порог, шум которого будил зазевавшихся лоцманов, располагался между правобережными селами Вовнигами и Федоровкой в районе балки Башмачки, известной своим Каменно-Зубильским карьером. Села

Приветное на правом берегу и Круглик на левом определяют место восьмого Лишнего порога. Круглик расположен на берегу извилистого залива, который километра на три вдается в балку Лишнюю. От последнего Вольного порога рукой подать до Запорожья. Против порога с правого берега подходит балка Гадючья (порог, кстати, местные жители тоже, случалось, называли Гадючьим), а с левого Левшинский залив, в который впадает речка Вольнянка. Корень в этом гидрониме, как и в названиях порога и райцентра Вольнянска, сегодня ассоциируется с вольными степными просторами и казацкой вольницей, разлившейся плавневым половодьем за последним порогом. Про него, кстати, напоминает название села Подпорожнянского, расположенного теперь уже почти в городской черте...

Шумели «на погоду»...

— Сейчас ветер, а ты выйди ночью — услышишь, как он шумит.

Девяностолетняя баба Настя Тетянчиха из села Васильевки живет на крайней улице возле самого Днепра. Одна и во дворе хозяйничает, и в хате управляется. Целый день хлопочет, а вечером выходит за ворота, садится на лавочку и слушает. Зрение совсем никудышнее. Даже очки не помогают разглядеть прохожего, а вот слух у старушки отменный. Она хорошо помнит, каким был берег возле Ненасытца: пологий, зеленый, где открытый, а где покрытый лозами, деревьями, камнями, одним словом — «ловкенький». Каналы помнит шириной с сельскую улицу, водяную мельницу. С окрестных хуторов приезжали на подводах селяне. Кто по делу, а кто просто размяться, посидеть у бушующей воды, а то и охладить себя под ее струями. Занятие хоть и рискованное, однако весьма зрелищное и похвальное. Однако еще крепче держит в памяти баба Тетянчиха голос Ненасытца — рокочущий, громкий, гневный.

— Вода так кипела, так бунтовала, что аж стекла дрожали. День и ночь на реке гудело...

Многие старики, которых я расспрашивал про пороги, запомнили именно рев самого грозного днепровского порога. Его недаром еще прозвали Ревучим. И Тарас Шевченко (он, кстати, бывал в Никольском возле порога) недаром завещал похоронить себя на днепровском берегу, откуда было бы слышно «як реве ревучий». С каневских круч его голос, конечно, неразличим, однако километрах в пяти от берега Дед-порог уже давал о себе знать. «Уже далеко не доходя Ненасытецкого порога слышен был страшный рев его. При одном взгляде на тот ад, который кипел в пороге, волосы на голове поднимались вверх», — замечал один путешественник, решившийся вместе с плотовщиками спуститься вниз по реке. С особым грохотом клокотала вода в так называемом Пекле. Поблизости от него — хоть уши затыкай, даже раскаты грома не могли сравниться с адским гулом воды. Впрочем, так она звучала для тех, кто впервые услышал трубный глас водяных струй. Жившие же на берегу возле порога люди привыкли к неумолчному рыку ненасытецких водопадов настолько, что спокойно переговаривались во время стирки на прибрежных камнях, пели без надрыва застольные песни и внимали соловьям в своих вишневых садиках. А объединившись в колхозную артель, назвали ее «Шумят пороги». Это звучало гордо, смело и даже революционно.

У каждого порога, каждой *заборы* (забора — преграда. — *Примеч. ред.*) был свой голос. По его силе, тональной окраске опытные лоцманы даже в кромешной темноте легко ориентировались между берегами. В Лоханском пороге вода звучно и «смачно» плескалась, как в лоханке. В заборе Товчинской после Звонецкого порога вода толклась с шипением. Порог Будильский своим характерным скрежетом «будил» расслабившихся после преодоления Ненасытца и Вовнига плотогонов. Один из островков вблизи Вольного порога лоцманы называли Шкварчевым — проносясь мимо этого острова через так называемое

Волчье горло, вода «шкварчала», как сало на сковороде. За последним порогом высилась скала с пещерой, которую лоцманы называли Школой. Возле той скалы был особенно опасный водоворот Казаны — поток в нем крутился и издавал булькающие звуки, будто вода в огромном казане (котле. — *Примеч. ред.*), кипящая «белым ключом».

Посредством звуков, которые издавала падающая вода, пороги могли даже...общаться между собой. «На погоду» часто перегукивается с Дедом-порогом: вот ревет, шумит, гудит, трясет землю Дед-порог; когда это сразу тыць — и будто бы он оборвался и словно аж тяжко застонал. Тогда начинает Внук-порог: ревет, шумит, гудит, когда вот и этот сразу тыць — и оборвался, та аж глухо застонал. И опять Дед-порог, а после него опять Внук-порог», — писал о «переключке» Вовнигского порога с Ненасытцем Дмитрий Яворницкий.

Украинцы словом «погода» нередко определяли ливневый дождь, грозу, бурю, шторм на море или реке, зимнюю вьюжную круговерть. От бабы Насти и других старожилов я слышал, что пороги своим шумом предупреждали селян, рыбаков, лоцманов о приближающемся ненастье. Как это происходило — неизвестно, однако «на погоду», как говорят в приднепровских селах, тот же Ненасытец или его «внук» — Вовнег звучали громче, гуще, с надрывом и пугающими перерывами. Мне рассказывали, что и перед кровавыми событиями некоторые пороги по-особенному шумели. Уйдя под воду, пороги продолжают «вещать», подавая свой голос из пучины. Весть из прошлого — предупреждение о будущем?

Чьему роду нет переводу?

— Возле самого Днепра, ближе к Перуну, гробки были — там «порядком» ховали (хоронили. — *Примеч. ред.*), один коло другого, а чуть выше возле балки Тавлижанской курган стоял, меня тоже туда подрядили, — там костяки *впритул* лежали, все вместе.

При каждом, правда, своя «дань» была — у того горшечок, у того зеркало, у того шаблюка, — так разбитной веселый тракторист Николай Павлятенко из села Орловского рассказывал про раскопки древних захоронений, в которых ему в молодости довелось принять участие. Бывший лихой тракторист выглядел весьма живописно: цветастые трусы, рубашка с оторванными рукавами, которые свисали с локтей, как рукава казацкого кунтуша, недельная щетина и страстное желание направить русло мирной беседы в порожистую крутоверть. Глядя на него, я отчетливо представлял вольного запорожца Орла, рыбацкий кош которого стоял неподалеку в балке. От этого казака-сидня и пошли местные названия — и затопленного острова, и балки, и села Орлянского. За соседним селом Перуном — балка Пластунова. В ней обитал, как объяснил Николай, казак Пластун. «Это чтоб вам было понятно, какого мы тут все колена, — потряс пальцем, будто погрозил кому-то тракторист и добавил: — А запорожцы были дядьками, боже мой!» Разговор снова зашел о раскопках вблизи балки Таволжаной. Николай даже вызывался проводить нас к «гробкам». Засобирались было, однако тут подошел сосед, заговорили о другом — и он тут же забыл о своем намерении...

Люди издавна селились в районе порогов, где было много укромных мест, пещер, добычливых урочищ. В степи было пустынно и ветрено, в плавнях — сыро и страшно, к тому же донимал гнус, пороги же, хоть и пугали своим ревом и крутым нравом, предоставляли все удобства для комфортного существования целых племен. До сих пор на песчаных отмелях, среди прибрежных камней, в устьях балок находят и осколки кремня, и кремневые ножи, и скребки, и костяные иглы, и наконечники стрел, и каменные молотки, и черепки горшков, и старые монеты. Началось с палеолита, с древних охотников на мамонтов, потом чередой здесь прошли степные народы. С XVI века порожистое пограничье стало вотчиной запорожских казаков.

Остатки их доблестного войска после ликвидации Сечи были расселены вдоль Днепра, в том числе и возле самого грозного

порога. Оттого и село стало называться Войсковым. Село расположено чуть ниже Ненасытца, однако и тут в тихую погоду хорошо был слышен его рев. Кстати, он для сменивших саблю на плуг запорожцев был своеобразным гимном их бывлой вольницы, напоминал о громких ратных делах и подвигах. В местной школе мне назвали несколько сельских фамилий (Швец, Песоцкий, Черевченко, Прокопенко) и попросили уточнить, не значатся ли они в реестрах казацких куреней. Потом направили к восьмидесятипятилетней бабе Наталье Омельченко. Еще подвижная, ко всякому двору и хатному делу охочая старушка, оказалось, помнит и голос порога, и вид его.

— Камни все в воде какие-то выделанные были — гладкие, красивые. Я помню, как вода струей летела, а потом будто внизу ее что-то крутить начинало. Во все стороны брызги. Люди там на камнях дневали и ночевали. Нас, правда, малых туда не очень допускали. Я вот надписи разные помню на камнях.

— И что там было написано?

— Тогда нам не очень доходило. Имена всяких вояк.

— Краской рисовали?

— Нет, выбито — на все времена... А вы пойдите, посмотрите. Тут рядом...

— Так под водой все.

— А может, и нет. Хоча, правда ваша — затоплено. Тогда того Днепра считай с ширину нашей балки Мерзлячки было.

Мы решили остановиться в Войсковом. Дочь бабы Натальи местная поэтесса Александра Омельченко (в одном из ее стихотворных сборников я нашел «Балладу про Ненасытца») предложила переночевать у них. До вечера было еще далеко, и мы отправились в соседнее Никольское, напротив которого находился знаменитый порог. Обогнули заводь, где располагалась местная «рыбальня», по разбитой грунтовке спустились в балочку, поднялись на бугор, и вот мы уже в Никольском. Старушки с окраинной Пятихатней улицы (когда-то тут было всего пять хат) направили прямо вниз к Камням. Так теперь тут называют валуны на

берегу, с которых местные рыбоуды ловят бычков. «Надпись» обнаружилась не на этих прибрежных облизанных волнами, скользких камнях, а чуть выше. Сторож расположенного над Камнями детского оздоровительного лагеря показал нам прикрепленную к скале чугунную плиту, на которой было выбито: «В 972 году у днепровских порогов пал в неравном бою с печенегам русский витязь князь Святослав Игоревич». Плита раньше располагалась непосредственно над порогами, потом, когда поднялась вода, ее перенесли выше. Надпись разделена мечом, острие которого обвивает дубовая ветвь. Здесь в районе порогов в древности хватало и дубовых лесов по берегам, в которых прятались «вояки», и кровавых пограничных сражений, и внезапных предательских нападений из скалистых лощин и оврагов. Так, кстати, возвращаясь на ладьях со своей ослабленной после неудачного балканского похода дружиной, погиб у порогов Святослав. По обоим берегам Днепра напротив Ненасытца это, пожалуй, единственный памятный знак, которым отмечено одновременно и место самого грозного порога, и слава чубатых предков (Святослав, кстати, тоже брил голову, оставляя характерный казацкий чуб). Надеюсь, что к нему не зарастет покрытая ныне асфальтом тропа...

Километрах в двух от Войскового над переправой, где во время последней войны наши войска форсировали реку, в граните выбиты слова: «Мы не бронза, мы не камень, мы живые над Днестром и над веками». Свободными и отважными были те, кто селился здесь в Запорогах, на утлых суденышках и плотах пробивался через порожистую грядку, под градом стрел и орудийным огнем переправлялся через реку. Пусть так и будет всегда. Над порогами и веками...

Город-крепостница над Днестром

Старое кладбище представляло собой большую и светлую поляну почти в центре села. Из травы, пестреющей цветами, торчали камни с выбитыми на них крестами. Кое-где валялись

надгробные пирамидки с полустертymi старыми надписями. Козы бродили по кладбищу, обходя кустики чертополоха. Возле самой дороги стоял обработанный мастерами уже нового времени высокий обломок гранитного валуна. Я подошел к нему и прочитал: «В честь Кодацкой крепости запорожской твердыни в час освободительных состязаний 1648—1854. Возрождение украинского государства. Общество “Кодак”. Именно остатки старой крепости я и искал в селе Старые Кодаки. Через балку от него — уже окраинные улочки Днепропетровска. А здесь еще сельская тишь, древние кладбищенские кресты, козы, мальчишки с удочками, пробирающиеся по одним им известным тропкам к реке. До нее, впрочем, не так близко. В угро-финнском языке слово *кодак* означает *водопад*. Это имеет прямое отношение к первому Кодацкому порогу, где вода «падала» с камней. Есть еще одно толкование. В тюркских языках *кой* — это поселение, а *даг* — гора. Порога уже нет, а гора, холм (правда, уже изрядно изрытый), на котором стоит село, а раньше высилась крепость, еще существует. Стал спрашивать дорогу к крепости. В первом дворе, куда я обратился, нам охотно объяснили: «Возьмете чуть правее кладбища и по улочке прямо на карьер и скатитесь. Там сразу ее и увидите».

Сразу за последними хатами открылся Днепр, зеленые берега, уходящие за горизонт, уже тронутые желтизной поля. Густо заросшие травой валы и рвы крепости казались частью местного исконного пейзажа. На плоской вершинке небольшого холмика стоял обелиск. Надпись на нем гласила, что на этом месте в 1848 году гетман Богдан Хмельницкий с Войском Запорожским взяли приступом польскую крепость Кодак.

Ее проект из шести бастионов, с единственными воротами и подъемным мостом, оборонным рвом, в дно которого были вбиты заостренные бревна, был разработан инженером Гийомом Бопланом. Тем самым пытливым французом, который в своих путевых заметках писал и о порогах, и о нравах казаков. Кстати, и первым комендантом крепости был назначен французский

офицер Жан Марион. Поляки весьма удачно выбрали место для крепости. Дело в том, что те, кто преодолевал уже первую порожистую преграду, вынуждены были выходить на берег и перетягивать облегченные суда через камни, пользуясь веревками, или даже переносить челны на плечах. С крепостных же валов хорошо виден был Кодацкий порог и просматривались окрестности: можно было и за рекой наблюдать, и контролировать подходы к ней. Низовым казакам, чувствующим себя привольно и по берегам в устье Самары, и в урочищах ниже порогов, крепостной кордон мешал и пополнению войска беглецами с северных земель, и быстрому продвижению казацкого флота по реке, и переправе через нее, и развитию рыбных промыслов. Вот как об этом сказано в народной думе: «Не схотили паны-ляхи пропустить й трохи, чтоб ездили в Сечь бурлаки та й через пороги. Спорудили над Кодаком город-крепостницю, ще й прислали в Кодак войско, чужу-чужаницу». В песне речь идет о гетмане Иване Сулиме. Именно его отряд вскоре овладел днепровской твердыней, сварив «вражим ляхам пива». События развивались стремительно. Строительство крепости было начато весной и закончено в июле 1635 года, а уже в августе крепость была взята казацкими войсками. Через несколько месяцев соратники и саблей начертанная судьба изменили Сулиме (в то время это было обычным делом) — поляки вновь стали хозяевами бастионов, расширив и укрепив крепостные сооружения. Цитадель у порогов попала на многие европейские карты, став опорным пунктом колонизации южных степей. Как и сами днепровские пороги, рукотворная твердыня имела довольно грозный вид. Однако это не смутило сотника Хмельницкого, который, наблюдая за строительством, хмыкнул: «Рукой сотворено, рукой будет и разрушено». Через десять лет простой сотник стал казацким вождем — знаменитым батьком Хмелем. Ему и его сподвижникам удалось штурмом овладеть Кодаком. С этого времени он стал «защитой всему Запорожью» — своеобразной казацкой столицей возле порогов. Крепостью стал управлять Кош Войска Запорожского.

Кроме пограничной стражи тут находилась также лощманская служба. Вокруг крепости постепенно разрослось торгово-ремесленное предместье.

Кодак — название громкое и звучное. Вскоре после города-крепости Кодака выше по Днепру возник еще один военно-административный центр, который стали именовать Новым Кодаком. В нем во время Новой Сечи и разместилось «правительство» Кодацкой паланки во главе с полковником и старшинами. Российский мемуарист князь С. Мышецкий, посетив днепровские пороги в середине XVIII столетия, отмечал, что против устья Самары «имеется старинный город казацкий, именуемый Койдак». На гербе нынешней Днепропетровской области — запорожец с мушкетом и девять звезд, символизирующих казацкие паланки. И сегодня никто не сомневается, что своему настоящему рождению Днепропетровск обязан не Екатерине II, которая в 1784 году приказала перенести сюда губернский центр под названием Екатеринослав, а Старому и Новому Кодаку.

Современный город возник между двумя казацкими Кодаками. И пусть сегодня они на его окраинах (Кайдаками и поныне жители называют северный городской район), пусть давно днепровская вода скрыла, а может быть, уже и стерла на дне след Кодацкого порога. Но жива по берегам его природная гранитная сила, и крепка, как древние камни порогов, память народа.

«Из-за острова на стрежень...»

В молодости, переплывая Днепр на лодке, я часто задерживался возле каменистых островков, окружавших Хортицу. Удил с них бычков, нырял в днепровскую стремнину, просто лежал на плоских камнях. Скалы были приятно-шершавыми и теплыми, в углублениях лежали зеленоватые в серую крапинку яйца реч-

ных крачек. Птицы проносились над головой и кричали, будто соревнуясь: кто громче и жалобнее. Взмывали и разлетались в разные стороны цапли. Пустынный островок жил своей жизнью, которую я, кажется, нарушил своим присутствием. За островами в порожиистой части Днепра я наблюдал уже с берега. Раньше вся река была ими усеяна. Собственно, и сами порожиистые гряды представляли собой скопление каменистых островков, выступающих из воды камней, одиноких скал. Недаром, кстати, Лоханский порог славяне «по-славянски» называли Островунипрах — Остров-порог (это название сохранилось в византийском источнике. — *Примеч. ред.*).

Ни выступающих из воды приметных скал, ни прежних островных земель уже нет в порожиистом русле Днепра. Из сотен островов остались лишь единицы. Скалистый островок Змеиный на южной окраине села Волошского чуть ниже старого карьера, остров Малый Махортет в районе Звонецкого порога, рядом с ним — остров Большой Махортет, который разделяет Днепр как бы на два русла, дальше напротив правобережной Алексеевки остров Козлов, потом, после того как Днепр делает большую петлю, напротив села Орловского — остров Таволжанский (местные называют его Тавлижанским), и уже перед самой плотиной — остров Ленина — по пальцам можно пересчитать клочки суши, что омываются со всех сторон днепровским потоком. В прибрежных водах, правда, по отмелям разбросаны довольно характерные валуны. Некоторые из них даже имеют названия. В Васильевке, например, есть два каменных зубца, которые местные называют Близнецами. Чуть ниже Вовнига над поверхностью — ближе к левому берегу — при малой воде, случается, показывается скала Бугай.

Острова между порогами и в самих порогах были частью жизни большой реки и ее берегов, с которыми часто были кровно связаны. Острова ушли под воду, однако берега продолжают хранить память о них. В Войсковом мне рассказывали об острове Песковатом, у берегов которого в старину находили

кусочки янтаря. Через остров Таволжанский издавна проходила оживленная переправа, названная на картах VIII века великой. Таволжанская паромная переправа (ею также пользовались и запорожские казаки, и чумаки) просуществовала до 1827 года. Когда же правый берег стал подмываться паводковыми водами, она переместилась в Кичкас. Из села Орловского хорошо просматривается весь остров с редкими деревьями по берегам. Ниже его — маленький зеленый островок, над которым постоянно кружат чайки. Раньше это была одна большая островная земля. После затопления остров Таволжанский уменьшился раза в три. В Орловском и соседнем с ним Перуне даже мальчишки могут показать место, где всего лишь метрах в двух от поверхности находится верхушка знаменитого острова Перуна. Название острова связывают с языческим идолом, посвященным главному славянскому божеству, который стоял в Киеве. После введения христианства его низвергли и бросили в Днепр. «Божественная» колода преодолела почти все пороги и прибилась к одному из островков. «Тут ее нашли и разоблачили», — авторитетно заявил мне один орлянский пенсионер. Перун внешне был удивительно похож на гигантское змееподобное чудовище, плывущее вверх против течения. Старожилы помнят и пещеру на острове, которую в народе называли Змеиной. Туда можно было попасть только в конце лета при низкой воде. Рассказывали, что в пещере жил огромный трехголовый змей — пожиратель людей. На Перуне запорожские казаки добывали слюду («лисняк»), которая заменяла им стекло. Нынешний островок Змеиный возле села Волошского — это своеобразный образ «змеиного» Перуна и подобных ему скалистых островов в порожищем русле Днепра.

Островные земли называли и по растительности, которая там преобладала или вообще отсутствовала (острова Дубовый, Лозоватый — «чудесный, свежий, яркозеленый цветок, кинутый чей-то рукой на поверхность реки», Вербовый, Осокоровый, Таволжаный — от красноватого цвета тонкой лозы-тавол-

ги, Виноградный — на нем чуть ли не каждый куст был обвит диким виноградом), и по зверью, что нашло там пристанище (острова Гадючий, Голубиный, Гавиный, Бобровый, Змеиный, Козлов, Крячок, Муравный).

Жизнь большой реки, как в самом порожи́стом русле, так и по берегам, отразилась в названиях порогов, забор, больших и малых островных земель. На острове Жидовском перед Ненасытцем хоронили евреев, которые погибли возле грозного порога. Соседний Майстров остров обязан своим названием мастерам, которые делали лодки из разбившихся о камни плотов. Как и в плавнях, острова между порогами служили запорожским казакам и надежным убежищем от пограничных напастей, и местом тайных встреч, и «тихой гаванью» в старости. Тут они и коней выпасали, и «кохались в пчелах», и рыбальни устраивали, и собирались для утех и гульбищ. Острова Носуля, Яцев, Орлов, Аврамов, Клобуковский, Лантуховский, Пурисов связаны были в народной памяти с именами и прозвищами запорожских рыбаков и казаков-сидней Носулей, Яцьком, Орлом, Клобуком, Лантухом, Пурисом. На Кухарском острове против балки Лишней «доживали век» казаки Качкар, Паламар, Майборода, Венгер, охотно принимавшие всех, кому по душе была вольная несуетливая жизнь на этом защищенном со всех сторон водой клочке суши. Островные деды любили и умели куховарить, угощая новых поселенцев и гостей ароматными юшками и сытными кулешами. Кстати, и после запорожцев жители окрестных хуторов продолжали устраивать на острове общие трапезы на природе. В селе Запорожском, расположенном в верховьях балки Лишней, мне рассказывали, что селяне особенно любили собираться там на Троицу. Некоторые, стремясь отведать праздничных яств, даже вплавь переправлялись на зеленый гостеприимный остров. С речным куховарством связан и другой днепро́вский островок — Кашеварница. Он был расположен на пушечный выстрел от порога Вольного. Миновав последнюю порожи́стую грядку, лоцманы причаливали к этому скалистому

плоскому островку и варили на нем кашу, отведав которой, уже можно было и чарку опрокинуть в ознаменование успешного прохождения всех порогов...

«Там за балкой у реки...»

...Очередную балку, выходящую к реке, мы решили не обгибать по грунтовке (крюк получался километров пять), а пересечь по едва заметной тропке, которая вилась по склону. Его укрывали густые травы, среди которых пестрели цветы. Это был их праздник, их июньская победная песня. Я легко распознал зверобой, ромашку, коровяк, тысячелистник, цикорий, шалфей, чертополох, чабрец. Было еще множество других видов. Природа соткала из них дивный ковер — в его цветастых узорах можно было найти все земные краски и их оттенки. Из трав выпрыгивали кузнечики, над цветками порхали бабочки, вились пчелы, трещали стрекозы, гудели шмели. Ветер шумел где-то вверху, а здесь стойко держался непривычный густой медовый запах, от которого першило в горле и немного кружилась голова. Таких балок — из всех, которые нам встретились в районе порогов, — мне больше нигде видеть не приходилось. Некоторые из них тянулись на многие километры, были глухи и пустынно.

Днепровские балки — это в некотором роде оконца, в которые можно заглянуть и увидеть первозданный облик степи, ощутить ее изначальную природную силу и красоту. Отдыхая возле кринички на дне балки, вдыхая аромат трав и цветов, вслушиваясь в щебетанье птиц в овражных лесках (иногда это настоящие труднопроходимые чащи), легко представить, как здесь все было в старину. На помощь пытливому воображению приходят местные топонимы. Многие балки, устья которых выходят к Днепру (сегодня во многих местах это глубокие извилистые заливы), обаяны своими названиями запорожским казакам, которые, как раньше говорили, *бадались* тут хозяйством. В заповедной Балчан-

ской балке возле села Петро-Свистуново (тут на обжитом рыбаками берегу Днепра была одна из последних наших ночевок) стоял хутор казака Балчана. На всю округу этот *показной* колоритный запорожец был знаменит своими широкими шароварами, длинными усами, которые он трижды закручивал за уши, и трубкой, что постоянно торчала изо рта. В балках, по долинам степных речек вокруг Петра-Свистуново, обитали казаки-зимовчаки с характерными казацкими прозвищами Бритый, Гайдук, Гречка, Гук, Заруба, Круглый, Натруса, Кукса, Нудьга, Чепинога. Сохранилось в народной памяти и прозвище «осадчего» (первого поселенца) села. Им был богатый казак Кузьма Басараб, который после раздела запорожских вольностей подался на Кубань. Чуть ниже по Днепру с правой стороны в балке Будильской (она расположена километрах в трех от одноименного порога) стоял хутор запорожского казака Дона. Он был «великим силачом» и хитрецом, мог, скажем, кинуть на воду кусок войлока и вместе с гостями, распевая песни, поплыть на нем вниз по течению. На противоположной стороне Днепра возле Лишнего порога в балке Еретичной когда-то обосновался другой казацкий характерник-запорожец Еретик. Рассказывают, что его слушалась вся нечисть (в том числе и черти, что сидели в порогах), и он легко мог превращать людей в песиголовцев, вовкулаков, упырей. В балке Квитяной возле Федоровки жил казак Квит, в правобережных балках Трутовой и Канцоровой (с такими же названиями все эти балки и сегодня существуют) обитали казаки-сидни Трут и Канцора. Через порезанную ярами и заросшую густым дубняком обширную глухую балку Звонецкую, расположенную километрах в трех от села Звонецкого (примерно напротив порога), мы так и не смогли пробиться. Пришлось возвращаться в село и добираться до Майорки и соседнего с ней Волошского сначала по шоссейке, а потом по полевым дорогам. Урочище Звонецкое стали осваивать еще добытчики — *уходники* с верховьев Днепра с начала XVI века. Позже тут прочно обосновались запорожские казаки, контролировавшие всю балку и местность, прилегающую к ней.

Куда метят молнии?

Несмотря на дождь, от которого приходилось прятаться под навесами автобусных остановок, в первый день мы добрались почти до Федоровки. В старину тут находили множество древних захоронений. В одной колодезной яме, например, обнаружили останки воина, а в них — «восемнадцать медных стрелок между костями». В другом месте селяне, копая погреб, наткнулись на целый скелет, в головах которого стояла «тыква» с *оковитой* (оковита — водка или горилка. — *Примеч. ред.*), а с правой стороны лежали трубка, табак, кресало, кремень. Федоровцы решили, что это был запорожец, зимовник которого стоял поблизости. Возле разрытой могилы селяне с удовольствием выпили добрую казацкую горилку за упокой знатного предка.

Поднялись на бугор, откуда просматривался лесистый мыс и огибающий его Днепр. Уже вечерело, однако солнце еще качалось над горизонтом и было достаточно светло. Выбирая полянку для ночлега, я зашел за посадку и вдруг увидел на краю хлебного поля какие-то странные круги. Приблизившись к ним, разглядел полегшие по ровной окружности колосья. Они представляли собой темную полосу, которая опоясывала совершенно круглый пшеничный островок. Разных размеров похожие островки, окаймленные темными кругами, виднелись поблизости. Стало быстро темнеть. Откуда-то подул ветер. Резко похолодало. И тут я вспомнил рассказы о так называемых «ведьминых крутах», которые, случалось, появлялись на хлебных нивах. Как и «закрутки» на колосьях, и «пережины» — выстриженные узкие дорожки, — их, по народным поверьям, производили нечестивые чаровницы, чтобы навредить селянам, чем-то обидевшим их, и даже отобрать часть урожая в свою пользу. Я читал в старых книжках о проделках ведьм, много слышал про них в приднепровских селах, а вот увидеть результат их козней довелось впервые. Не случайно, что произошло это именно в районе порогов.

Торчащие из воды камни, через которые с грохотом и пенными плевками перекатывалась вода, низвергались водопады, пугали людей; в то же время это было завораживающее зрелище, наполняющее душу суеверным трепетом и будоражащее воображение. Невольно в районе порогов люди обращали внимание и на другие необычные явления, а потом отмечали их в преданиях. На следующий день мы спустились к Днепру. Решили пробиваться к Федоровке вдоль берега. Накрапывал дождь. По реке гуляли волны. Они достигали огромного вербового пня с расщепленными, будто развороченными взрывом, черными краями. Может быть, в дерево когда-то угодила грозная стрела? На обгорелом обломке висел чей-то ботинок. Вряд ли его владелец имел отношение к гневу громовержца, однако именно о нем я подумал в тот момент, вспомнив, что напротив у левого берега находится затопленный скалистый островок Перун. Неподалеку же от пня к Днепру выходила балка Трутова (федоровские старушки называют ее Трутенкой), в балке была криница, которая, по преданию, притягивала грозу и молнии. Где-то я слышал, что речные километровые промежутки между днепровскими порогами соизмеримы с космическими расстояниями между большими и малыми планетными телами солнечной системы. Отсюда понятен интерес небожителей к этому пятачку планеты. Они посылали сюда не только град и молнии. Возле села Августиновки (от него рукой подать до Федоровки — проезжая через село под вечер, мы наблюдали необычное смятение преддождевых облаков над окрестными балками) в позапрошлом веке упал, погрузившись в глинозем, огромный метеорит. По отзывам очевидцев, этот необычный «железняк» весил почти тридцать пудов. Между прочим, когда в старой Августиновке-Смольше была затоплена церковь вместе с колокольной (рассказывали, что произошло это чуть ли не в одну ночь, многие даже скотину не успели спасти), жители окрестных сел еще долго слышали звон колоколов, который раздавался из глубины.

Ведьмины круги, грозы, метеориты, колокола — это далеко не все чудеса в районе старого неугомонного Будилы. Не много ли для одного, между прочим, не самого ревучего и страшного порога? Подъезжая к Федоровке, я ничуть не удивился, увидев посредине одного дачного участка возле Днепра огромный деревянный крест. Дачники не поленились и обложили его снизу огромными валунами. Камни и крест — память и оберег...

Обходной путь

...Я вытряхнул из сетки улов на песок и стал искать камень, на котором можно было бы заняться обработкой добычи. И вдруг увидел торчащий из воды валун. Он отличался от остальных правильной формой, приметностью ровных углов. Над камнем явно потрудились человек. Для чего же предназначался этот гранитный «кирпич»? Как оказался в воде? И тут я вспомнил рассказы местных жителей о каналах, которые были устроены в обход порогов. В Вовнигах один старик даже рассказывал мне, что видел в камнях, из которых были сложены стенки каналов, «забитые» свинцом отверстия. По его мнению, свинцовая трубка скрепляла грубо отесанные «накидные» камни между собой, крепко держала гранитные стены, между которыми проносились плоты.

Вода в руслах *божских дорог* (так называли реки в старину) двигалась в одном направлении, а человек спешил в другом, ломая голову над созданием удобных для его стремительного передвижения путей — воля волн и ветра уже не была для него указом. О том, как успокоить Днепр, спрямить, сгладить судовые хода в порожистом русле, стали задумываться давно. В 1724 году Петр I издал указ, который предписывал «пороги осмотреть не мочно ль разобрать». В конце XVIII века Екатерина II, которая, побывав у порогов, испытала на себе нрав стремительных днепровских потоков, поручила французскому ин-

женеру Франсуа де Волану и российскому комиссару М. Фалееву составить проект улучшения судоходства на Днепре. В порожиистой части реки стали взрывать скалы, углублять русла, прокладывать каналы, возводить дамбы. В середине XIX века возле Вольного порога уже стояла пирамидка, на которой была укреплена чугунная доска со словами: «Судообходные каналы в днепровских порогах сооружены по повелению государя императора Николая I распоряжением главнокомандующего путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютанта Клейнмихеля. Работы начаты в 1643 году, окончены в 1854 году». Но со временем гидротехнические сооружения разрушились, ремонтом их никто не занимался, и «ненасытные» днепровские пороги стали для плотогонов притчею во языцех. Российский юмористический журнал «Будильник», подсмеиваясь над тщетными попытками разрешить проблему судоходства по Днепру, поместил на своих страницах стихи: «Пороги будут, как и прежде, ты ждал десятки, сотни лет, пятьсот еще потерпишь, дед».

Дед-Ненасытец и другие пороги продолжают «терпеть». Теперь уже, правда, на дне реки. Человек все-таки затопил... вместе с каналами, водяными мельницами, прибрежными селениями...

По Дону гуляли...

Тонко вился седой ковыль. Искрились на солнце травы. В вышине парили большие птицы. Степь манила своим безбрежьем и открытыми горизонтами, пьянила вольными просторами и дикой первозданностью. «Везде голые, необозримые пустыни: нет ни селений, ни людей; одни дикие звери — козы, лоси, медведи, волки, выдры, бобры смотрят с берега на странников как на редкое явление в сей стране» — все (во всяком случае многое!) было так как в этом старинном описании Подонья. Все (очень многое!) было так, как когда-то в наших — ныне вдоль и поперек

исполосованных дорогами и перепаханых степях за днепровскими порогами. Я отправился в это путешествие от истоков до устья Дона, чтобы вволю надышаться его благодатным воздухом, не торопясь проехать по донским хуторам и станицам, попытаться проникнуть в их казацкое прошлое. Где его корни? Как зарождалась здесь, на Дону, казацкая вольница? В чем и где проявился в ней запорожский след?

... Ранним июньским утром (увы, пасмурным) мы неспешно подкатали к валуну в центре Новомосковска с простой и краткой надписью «Исток Дона» и прислонили к нему свои навьюченные дорожным скарбом велосипеды. Рыжеватая вода струилась по узкой канавке, выложенной камешками. Голуби прыгали по зеленому бережку, тычась клювиками в прозрачную струю. Ритуальным глотком донской водицы (все-таки решились!) отметили начало пути и подвели наших железных коней к их бронзовым собратам, которые застыли на постаменте метрах в пятидесяти от ручья. Семь лет назад у истока Дона появился памятник, освященный донскими казаками. На конях гарцуют два обнаженных мальчика. Один держит в руке над головой бронзовый диск — символ Солнца, дарящего радость бытия воде и людям. Исток реки — ее начало, детство человека — начало жизни.

На планете, пожалуй, немного городов, на центральных площадях которых начинались бы большие реки. Тульскому Новомосковску (на Украине возле нынешнего Днепропетровска есть провинциальный городок с таким же названием, в котором сохранился старинный казацкий храм) повезло. В самом его центре берет начало одна из крупнейших европейских рек. «Дон-дон-дон!» — с древних времен доносится призывный колокольный плеск донской волны. Приметная река приглянулась еще скифам. От их ираноязычного «дон» (вода, река. — *Примеч. ред.*) и ее наименование. У греков она была известна как Тан, Танаис. Донской корень находим и в названиях Днепра, Дуная, Днестра. А с образованием осетинского языка он дал о себе знать и в

реках Северного Кавказа, где текут Садон, Ардон, Аргудон, Гизельдон. Дон когда-то считался главной рекой на Руси, был кровно связан с ее историей. «Дон — через туман — орлит к Азову выстраданной песней», — писал поэт. В этой песне — степная вольница, казацкая удадь и слава.

...Все шире распахивалась степь, все вольнее по ее просторам гуляли горячие ветры и острее пахли травы. И все чаще вспоминался родной полуденный край за днепровскими порогами. Его приметы не только в природе. На юге Воронежской области в селе Новая Калитва одна бабулька, у которой мы попросили молока, вдруг ответила нам на несколько исковерканном, однако вполне «вразумительном» украинском суржике:

— Нема у нас, хлопцы, вы в соседней хате спытайте краще.

Мы разговорились и бабулька объяснила:

— У нас в селе через одного *хохлачат* (говорят «по-хохлацки». — *Примеч. ред.*). Поедете до Богучар, так там рядком все села украинские.

— А как вы на Дон попали? — поинтересовался я.

— За наших прадедов ще то було. Кажуть за якогось царя Калиты. Оттого и село так прозвали. Люди, правда, балакають и про проход — калитку, через яку с Украины сюда на Дон народ бежал...

Во время путешествия по донскому краю связь между народами, что обитали по берегам двух великих рек, воспринималась зримо, виделась все отчетливее, расцветиваясь колоритными деталями. В первой половине XVIII столетия киевский воевода князь Д.М. Голицын в докладе правительству писал: «Украинцы с донскими казаками обвязались свойствами и переходят с Дона на Украину и с Украины на Дон, и по Донцу, и по Айдару все донские городки и села беглыми населены украинных городов». Украинские переселенцы и в дальнейшем непрерывно пополняли население Дона. К 1796 году на Донской земле проживало более пятидесяти тысяч украинцев мужского пола. В то время как все население Войска Донского обоего пола составляло около

трехсот тысяч человек. Присутствие украинцев не могло не сказаться на языке донцов, в котором нередки такие слова, как *хиба*, *нема*, *був*. «Язык на Дону смешанный и заключает в себе два наречия: великороссийское и малороссийское, много испорченное и измененное», — писал один известный исследователь быта донцов. «А про запорожских казаков вы что-нибудь слышали?» — после краткого знакомства и расспросов про жизнь в сельской глубинке это был мой главный вопрос в донских станицах и хуторах. Вспоминали разное. На гербе липецкого Данкова — конь, меч и щит. Когда-то здесь, как объяснил мне рыбак, с которым я разговорился на донском берегу, казаки выпасали лошадей, а название городка — от казака Данко, может быть, даже припшельца с Днепра. Кстати, вернувшись домой и просматривая свои дорожные записи, я с удивлением обнаружил, что основание Данкова (1563) почти в точности совпадает с датой организации первого укрепленного казацкого городка на Днестре — Томаковской Сечи. В Усть-Хоперской станице один старый потомственный казак (деда его расстреляли красные) поведал мне о Гетманском шляхе, который вел на Дон с берегов Днепра. Заместитель директора Раздорского этнографического музея-заповедника Сергей Борисов вспомнил про своего дальнего родича, который был родом из Запорожской Сечи. «Мой прадед был Ковалевым, — сказал Сергей, — а его предок — Ковалем. Наверное, у запорожцев в оружейниках ходил. Тут у нас вообще путаница с фамилиями вышла. После гражданской войны многие, боясь репрессий против казачества, стали переделывать свои фамилии на украинский манер. Так, например, Бойков стал Бойко, а Нестеров записался Нестеренком...». Поведал Сергей и о раздорском казаке Кузьме Запорожцеве, который позировал Сурикову, когда он работал над картиной о Ермаке. Разговорчивая бабулька из Новой Калитвы на вопрос о запорожцах, ничуть не смущаясь, авторитетно выдала: «Так их же Катерина сюда и переселила. Те, у кого были чубы-оселедцы, остались казаками, а у кого хохлы на голове, поделались хохлами».

И такое, оказывается, в народе бытует представление о казачьей старине. А как было на самом деле? В 1540 году ногайский мирза Кельмагмет жаловался Ивану Грозному, что понастроили казаки несколько городов на его земле. На это Грозный ответил ему: «Казанцы, азовцы, крымцы и иные — казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди — как вам тати, так и нам тати и разбойники». Это одно из первых официальных упоминаний о казаках. Возможно, в этом и других документах под казаками окраинных земель (украин) подразумевались как донские казаки, так и запорожские. Через шесть лет путивльский воевода князь М. Троекуров писал московскому царю: «Ныне, государь, казаков на Поле много и черкасцов, и киян (т.е. киевлян. — *Примеч. ред.*), и твоих государевых, вышли, государь, на Поле и всех Украин». Здесь уже границы «всех украин» приобретают более четкие очертания, и конкретно указываются действующие на этой территории *казаки-черкасцы*. Так многие историки называли днепровских казаков (в том числе и запорожцев). Ихним пикам раздолье было в Поле Диком. И в низовьях Дона, и за днепровскими порогами, где на земле казаков не было ни цепей, ни оков, для любого вольного удальца — что ни казачки, то землячки. Вполне возможно, что уже в то время отдельные отряды днепровских и донских казаков действовали совместно на «украинных» землях и даже проникали сюда в верховье Дона, к южным рубежам Московского государства, доставляя немало беспокойства верховным правителям и их наместникам. Позже, когда запорожцы и донцы обрели свое обличье и войсковой статус, в различных документах мы встречаем прямые указания на совместные действия донцов и запорожцев на суше и на море. В 1617 году на Дон из Запорожья прибыло 2 тысячи казаков во главе с Сидором Ермаковым. Через пять лет другой запорожский ватаг Андрей Шумейко в челобитной на имя московского царя Михаила Федоровича писал: «Служу я ...тебе, великому государю, на Дону у черкас атаманом и задерживаю

я, холоп твой, при тебе молодцов-черкас». Казаки с берегов Днепра, прослышав о рискованных *поисках* и удачных «походах за зипунами» Степана Разина, разными путями стали пробираться к нему. Обеспокоенный царицынский воевода сообщал в Москву, что к Разину «черкасцы идут беспрестанно, а он, Стенка, их ссужает и уговаривает всячески». В рядах прославленного донского ватага мы встречаем запорожского атамана Боба, выходца с Украины Леско Черкашенина (Хромого). Отряды запорожских казаков вместе с донцами брали Азов (особенно при этом отличились сечевики-саперы). Струги донцов и запорожские «чайки» часто совместно, под единым командованием отправлялись в дальние морские походы, штурмовали турецкие эскадры, участвовали в десантных операциях на Анатолийском побережье.

Дон принимал всех вольных людей; с Подонья на Днепр — за пороги вело тоже немало проторенных издревле казачьих дорог. Донцы, еще не став полностью служивыми казачками, еще до получения от Петра I насмешливой печати, на которой был изображен голый казак с ружьем на винной бочке (раньше у донских казаков была печать с изображением на ней оленя, пронзенного стрелой) были частыми гостями запорожских братьев. В конце 1707 года у сечевиков побывал Кондрат Булавин, вербуя сторонников для участия в повстанческом движении (пожалуй, последней крупной попытки донцов защитить свою вольницу). Вот как описывал Голицын в своем письме к Петру I подробности этой поездки к берегам Днепра: «Донской казак бунтовщик Булавин жил немалое время в запорожском городе Кодаке, и приехало к нему с Дону 40 человек... и поехал с ними в Сечю и просил запорожских казаков, дабы они с ним поступили к бунту в розорение ваших государевых Великороссийских городов; и кошевой... позволил ему охотников набирать...» Один из сподвижников донского бунтовщика Игнат Некрасов скрылся на Кубани, которая в то время находилась под властью Турции.

В 1710 году он объявился в запорожских землях в верховьях Берды, откуда стал рассылать своих людей в украинские города и села «для возмущения и прельщения в народе».

Донской след мне удалось отыскать в низовьях Днепра неподалеку от бывшей Алешковской Сечи. Тут находится село Казачьи Лагеря, возникновение которого связано с казаками, которые были переселены сюда с Дона после ликвидации Запорожской Сечи. Между прочим, название Алешковской Сечи некоторые краеведы связывают с кошевым Алексеем Шкуррой-Донцом. Прозвищем Донец он был награжден по месту своего прежнего пребывания, откуда он в XVII веке попал к запорожцам. Запорожские старшины, описывая по заданию Петра I земли по левую сторону Днепра в его устьевой части, отмечают Алексею раскопанку, прогон Алексеев, бугор Алексеев.

Путь наш после Дона к родным днепровским берегам пролег через Приазовье. Сначала вдоль Азовского моря от Ростова до Бердянска, потом вверх по Берде и вниз по Конке. И здесь я постоянно наткнулся на следы пребывания донских казаков. Соседствуя с запорожцами, они нередко встречались с ними здесь в приазовских степях, где охотились на лисиц (как известно, среди запорожцев было немало знаменитых охотников — *лисичников*), где, как указывается в одном документе, их «войсковые табуны на Бердах хаживали». В 1696 году после выхода России на побережье Азова московский Разрядный Приказ своей грамотой от 1702 года повелел донским старшинам постоянно выделять казаков как в качестве охраны, так и в качестве рабочих по ломке и вывозке соли из Бердянских соляных озер в устье реки Берды, куда часто наведывались и запорожские казаки. Встречались они с донцами и во время рыбной ловли на Азове. Не всегда, правда, эти встречи были мирными, нередко происходили и споры, и даже военные стычки случались из-за наиболее добычливых уходов, однако пограничье в конце концов всех мирило — вместе юшку хлебали на азовских берегах, вместе по косам и лиманам бури пережидали.

Намечая маршрут экспедиции, я проложил его через бывшие столицы донского казачества. Сегодня и одна из старейших на Дону — тихая уютная станица Раздорская, и утопающая в зелени, романтическая Старочеркасская, и стремительно приобретающий современный облик и лоск Новочеркасск — казацкие музеи-заповедники под открытым небом. В Раздорскую мы скатились с горы под вечер. До темноты успели побродить по станице, осмотреть местный музейчик, во дворе которого на зеленой лужайке под яркими донскими зорями и расположились привычно на ночлег, отказавшись от гостиничной крыши. В конце XVI века на Дону сложилась воинская казацкая община, автономное положение которой и древний обычай «С Дону выдачи нет!» Московское государство, еще не претендующее на статус империи, однако уже пытающееся прибрать к рукам окраинные пограничные земли, вынуждено было признать официально. Центром донского казачества стал укрепленный городок Раздоры (*городками* в то время называли укрепленные поселения). Археологические находки в районе станицы Раздорской, большинство из которых выставлены в местном музее, свидетельствуют о том, что люди облюбовали это место на Дону еще в древности. Здесь река перед большим островом Поречным как бы *раздвигается* на два русла. Отсюда, по всей видимости, и название станицы. Кстати, в казацком степном краю за днепровскими порогами на речке Конке есть большое село Конские Раздоры. Его название тоже связывают с двумя речными руслами. В старину донская станица имела еще одно название — Раздоры Донецкие. Дело в том, что раньше Северский Донец впадал в Дон в районе Раздор. Вполне возможно, что именно по Донцу сюда проникали запорожские казаки, которым не составляло труда, пользуясь волоками, перетаскать суда из Днепра в Донец. По старинным «рописям» и картам установлено, что казацкий городок находился в юго-западном углу острова Поречного — как раз напротив нынешней станицы Раздорской. Ее старожилы до сих пор вспоминают запорожцев, которые, возможно,

были причастны к основанию островного укрепленного поселения. Ведь, как известно, днепровские казацкие городки — *сечи* располагались, как правило, на островах. Запорожцы, поднаторевшие в строительстве островных крепостей, охотно передавали донцам свой речной фортификационный опыт. Подступиться и захватить донские казацкие городки, также как и днепровские сечи, было не просто. «Городки наши не корыстны, но добывать их нужно было твердо головами», — говорили донцы о своих укрепленных центрах.

Монастырское урочище, рядом с которым мы после Раздорской провели ночь, — весьма знаменательное место на Дону. До сих пор суда, проходящие мимо памятника-часовни, установленного на берегу в честь похороненных здесь казаков, оглашают окрестности печальными гудками. С 1620 по 1637 год Монастырский городок был главной столицей донского казачества. Примерно в это же время неподалеку от Монастырщины шло строительство другого городка. Речь идет о нынешней станице Старочеркасской. Все в этом провинциальном городке наполнено поэтическим обаянием казацкого прошлого — каждая церквушка, курень, атаманский особняк дышат ароматом старины. В ней и дух запорожской вольницы, который проявил себя уже в самом названии станицы. В летописях XVII века часто встречается упоминание о Черкасском острове, то есть о городке Черкасске, расположенном на острове. Кто же обосновался тут рядом с донцами? Все те же запорожцы! Вот строки из одного летописного сообщения времен Ивана Грозного: «Пришли из-за Днепра черкасы на Дон с князем Вишневецким и, там поселившись, город Черкасской построили». В «Словаре Географическом Российского государства» уже прямо говорится о том, что запорожцы, помогавшие Ивану Грозному в покорении Астрахани, в 1570 году основали Черкасск. Известный бытописатель донского казачества В.Д. Сухоруков в своем «Историческом описании Войска Донского», изданном в 1903 году в Ново-черкасске, попытался более пристально взглянуть в ту седую

казацкую давность: «В одном акте XVII века сказано, что черкасы из Запорог, со всей рухлядью своею, являлись сюда человек по 10, по 20 и по 50, селились особо, как с достоверностью полагать должно, близь главного городка (Монастырского — В.С.); ибо их беспрерывно видим в оном городке участвующих в предприятиях и торжествах удалых донцов. Их-то поселение, городок, думаю, казаки называли херкасским, то есть принадлежащим черкасам».

В 1644 году донские казаки перенесли свою столицу в Черкасск. С того времени и до 1805 года городок, заложенный запорожцами на донском острове, был административным центром Войска Донского. Иностранцы путешественники называли Черкасск «донской Венецией» — ежегодно город подвергался разрушительному наводнению в результате весеннего разлива Дона, превращая его в плавучую станицу. До последнего времени паром, на котором мы переправились через Дон, следуя в Ростов, был здесь единственным средством связи с «большой» землей... Российское правительство давно собиралось упразднить казачье самоуправление. А тут и повод нашелся. Новое место для казацкой столицы выбрал прославленный атаман М. Платов. Не всем по душе пришлось это удаленное от Дона возвышенное место. Долгое время в народе говорили: «Построил Платов город на горе, казакам на горе». Но со временем свыклись. Город Черкасск был «разжалован» в станицу Старочеркасскую, а Новочеркасск обрел статус казацкой столицы. За два столетия она обросла особняками, обелисками, храмами, памятниками, ставшими признанными достопримечательностями казацкого Дона. Поражает, например, размерами монументальный Вознесенский войсковой кафедральный собор посредине мощенной камнем просторной площади — *майдана* с памятником Ермаку — покорителю Сибири. Это, кстати, третий по величине храм в России. Новое время — новые столицы, другие названия. Однако зрим в них и крепок прежний казацкий (запорожский!) корень.

...К великой чести на Дону все жили вместе. Так было в старину. Потом ситуация изменилась. К пришедшим с украинских земель донские казаки нередко относились подозрительно, называли *бурлаками* и даже считали низшим сословием. В 1755 году войсковой атаман даже издал приказ, в котором говорилось, «чтобы казаки как сами, так и дети их на беглых и на протчих малороссийских женках не женились». Мне рассказывали, что неряшливых, вялых девок нередко называли *хохулями*. Украинцы в долгу не оставались. Одна старая казачка с хутора Дубравного, вспоминая свое детство, рассказала мне, как украинская детвора дразнила казачат: «Казак, казачюра, казак ночи не чула». Это был намек на то, что казаки на своей земле трудились до седьмого пота, в то время как безземельные украинцы (на Дону. — *Примеч. ред.*) в основном батрачили, работали по найму, занимались ремеслом. Почему же произошло это расслоение? Что повлияло на донцов? Откуда их нетерпение к чужакам? Ведь издревле донская вольница, как и запорожская, принимала всех в свои ряды, уравнивая в правах даже людей другой веры. На мой взгляд, ситуация изменилась, когда границы Российской империи значительно расширились и Войско Донское попало в полное подчинение к царскому правительству. Запорожское же казачество в то время еще оставалось относительно свободным. Возможно, опасаясь распространения «самостийных» запорожских идей среди донцов, которые продолжали дружить с сечевиками, центральное правительство всячески старалось оградить донских казаков от контактов с их днепровскими братьями, поощряло донскую обособленность, возвышало и даже поэтизировало образ служивого казака, готового сложить голову на поле брани за веру, царя и Отечество. Все это история, далекая старина. Однако и гнездышко в памяти, для кого-то напоминание, кому-то урок.

...Много по пути нам встречалось казацких крестов, могил, памятных знаков и обелисков. Запомнился недавно установленный в Новочеркасске на майдане рядом с храмом памятник при-

мирения и согласия. На мраморной плите выбиты слова: «Во имя памяти о прошлом, во имя настоящего и будущего казачества мы пришли к примирению и согласию. Слава Богу, мы казаки». У казачества и на Днепре, и на Дону, и на Кубани, и даже на далеком Амуре много общего. Под этой надписью, не сомневаюсь, мог бы поставить свою подпись любой, кому сегодня дорога казацкая история и романтика.

Вояж к Таману

...Мы съехали с трассы и вместе с велосипедами утонули в маковом красноцветье. Оно — на обочинах, в посадках, на заросших травой буграх, посреди пшеничных полей, за которыми вдалеке над сиреневыми сопками плывут белые облака. Конец мая — по берегам моря тепло, солнечно, временами в меру дождливо. В густой траве легко выхватываешь и желтую сурепку, и белые ромашки, и голубые васильки. Жизнь привычно мчит нас по серым и гладким асфальтовым протяжениям. Не остановишься, не свернешь, не оглядишься по сторонам. А на обочинах наливаются зеленым соком травы, пестреют букеты полевых цветов и алеют маки. Бесконечно волнующее диво первозданного радужного разноцветья. В нем тайна сотворения мира и трепетная радость его первых шагов... Мы оторвались от гудящей магистрали и, свернув на обочину, польхавшую маками, легко проделали эти шаги.

Шаги к истокам, преданиям, к следам, что оставили в далеких землях мои чубатые предки. Именно за этим я и приехал на Кубань. Все привычно было здесь и узнаваемо. И степь, и пшеничные поля, и уютные балочки, и травы, и посадки. Вот только алый маковый цвет. Такого я даже у нас не видел. Он будто из другого мира. Того далекого степного, навсегда ушедшего от нас. Остались лишь обочины... Мак для украинцев — цветок особенный. В нем все — и безграничность звездного мира, и солнечная

земная благодать, и трепетная красота, и сладкий сон, и тайная любовь, и чары. В степном краю много легенд о героически погибших в чистом поле казаках, тела которых «зернами проросли, а летом маками зацвели».

Маковая дорога манила, звала вперед. Это было похоже на азартную скачку по степному безбрежью, которой так упивались запорожские всадники. Вскоре, однако, мы почувствовали усталость от этого ветреного порыва, безоглядности. Захотелось осмотреться, обозначить детали, обрмить увиденное. Тогда стали замечать и станичников с прокуренными усами, что сидели на колодах возле калиток, и юных рыбоудов по берегам мутных прудов и каналов, и чабанов, бредущих за отарами. Все легко и прочно ложилось в память. Много было цветов, хватало и ягодок. Возле села Екатериновки нас внезапно накрыл ливень. Благо рядом оказалась автобусная остановка, под навесом которой мы успели спрятаться. Просидели там почти до темноты. На ночлег располагаться уже было поздно, да и мокрота одна вокруг. Пошли проситься в *приймы*. У бабульки на окраине села стали расспрашивать дорогу до школы и вдруг услышали: «А вы звидкиля, хлопци, будете?» Так мы «въехали» в украинское кубанское село. «У нас тут наброд всякий, — объяснила бабулька. — В одних селах говорить, в других гуторять, а в третьих балакають. Вы как раз попали в то, где балакають». На следующее утро мы побывали в сельском краеведческом музейчике. Уже на первом стенде мне бросилась в глаза подпись под фотографией: «Самые первые поселенцы крестьяне из Запорожья». Одной рукой царица разрушала, другой одаривала, в одних землях ее называли «вражьей матерью», в других — «благодетельницей». И все же память — штука каверзная — с одинаковой силой цепляется за злое и доброе.

На следующее утро путь наш пролегал через станицу Старошербиновскую. Здесь «запорожский» след проявился в виде памятника казаку (к нему нас, кстати, привела улица имени Шевченко), который по внешнему виду имел полное основание на-

зываются запорожцем. В руках казак держал грамоту, на которой были выбиты слова: «Всемилоостивейше пожалована Войску Черноморскому в личное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию с землею лежащею на правой стороне реке Кубани от устья Еи к Усть-Лабинскому реду, так чтобы с одной стороны была Кубань, с другой Азовское море. Войску Черноморскому надлежит единение и стража пограничная от набегов народов закубанских».

А еще через несколько дней мы достигли станицы Запорожской, которая располагается на Тамани в двадцати километрах от Керченского пролива. На рекламном щите она названа краем трех морей. Черное, Азовское — понятно (полуостров Тамань расположен между ними. — *Примеч. ред.*), а третья? Под ним, скорее всего, подразумевалось зеленое море виноградников (они безграничны и уходят за горизонт, как у нас пшеничные поля) и вина, которое производится на местном винзаводе. Мускат запорожский, кстати, признан лучшим из кубанских мускатов. Не запорожцы ли, которые знали толк в разных хлебных и виноградных винах (в том числе и заморских!), занесли сюда культуру виноделия? Во всяком случае, украинско-казацкое «Будьмо!» здесь на Тамани и под мускат, и под горилочку—оковитую, и под местный самограй (самогон. — *Примеч. ред.*) (всего довелось попробовать) звучало весьма уместно. Станица Динская стала Запорожской в 1910 году. Посчитали, что раз в крае живут потомки запорожских казаков, то хотя бы один населенный пункт должен точно и конкретно указывать на прародину кубанских казацких удальцов.

Вишни на Кубани такие же, как и у нас, и вареники с вишнями кубанские хозяйки лепят не хуже, чем в украинских селах. И борщи здесь готовят знатные, и галушками не брезгают, и сало любят, и песни украинские поют, и звучные казацкие тосты провозглашают, помня своих днепровских предков. Какое семя, такое и племя. Запорожское семя по всей кубанской земле... А где же все-таки начало? Как, каким путем прибыли

сюда первые запорожцы? Из станицы Запорожской мы отправились в Тамань. Ровное блеклое море, глинистые обрывчики, камышовые болотца, зеленые луга, грязевые сопки вдалеке — ничто здесь не напоминает о легендарном прошлом края. Первыми заглянули сюда греки, основав на месте нынешней Тамани колонию Гермонассы (рядом возле станицы Сенной находилась античная Фанагория). Потом пришли хазары, построив город Таматархи. Наконец и русские добрались до этого солнечного цветущего пятачка. Город Тмутаракань был самой дальней вотчиной русских князей. Остался след и после турок. Турецким фонтаном местные жители называют удивительный источник, вода в который стекает по зарытым на склонах керамическим трубам. Этой криничкой до сих пор пользуются таманцы. Даже объявили местной реликвией и назначили смотрителя.

Самый же колоритный, приметный, во многом знаковый таманский памятник стоит на приморском бульваре, возвышаясь над газонами, кустами, деревьями и даже — морем. Более двухсот лет назад по нему к кубанским берегам был совершен «вожж» черноморских казаков — бывших запорожцев. На гранитном постаменте легко узнаваема фигура сечевика со знаменем. Ниже — барельеф: море, волны, обрывистый берег, два больших военных корабля сопровождения и «чайки» с казаками. О том, что все это означает, можно узнать из надписи: «Первым запорожцам, высадившимся у Тамани 25 августа 1792 года под командой полковника Саввы Белого, сооружен в 1911 году благодарными их потомками казаками Кубанского казачьего войска по мысли Таманского станичного общества в память столетия со времени высадки».

На другой стороне постамент длинный «вирш» на украинском языке. Я не поленился, полностью переписал его к себе в блокнот. «За здоровье ж мы царицы помолимся Богу, что она нам указала на Тамань дорогу...» — в таком незатейливом панегирическом тоне выдержан весь стих. Слова благодарности, как

гласит надпись, якобы принадлежат судье войска верных казаков черноморских Антону Головатому. Это был редкий по уму и храбрости человек, обладавший талантом воина и дипломата. Современники отмечали его необыкновенное чувство юмора, поэтическое дарование, мастерство игры на кобзе. Находясь на должности войскового судьи — второго лица всего Черноморского войска, он организовал переселение черноморцев на Кубань, занимался обустройством новых поселений, наладил охрану беспокойных кавказских границ. По его инициативе в 1793 году в этих местах был построен первый храм Покрова Богородицы. Он существует и поныне. Его колокола, по преданию, отлиты из пушек, которые были установлены на «чайках» запорожцев. Авторитет судьи среди кубанцев был очень велик. О нем казаки сложили поговорку: «Знает об том Головатый Антон: он нам голова, он нам и батько — он нам поголыв головы гладко» (эта поговорка указывает и на мздоимство Головатого, ставшего затем атаманом черноморцев и «гладко оголившем головы» своих казаков. — *Примеч. ред.*). Так запорожские казаки превратились в кубанских. Была вольница днепровская, стала кубанская государева служба... Все равно своя воля, свое право. Своя казачья гордость. Что от нее осталось? Только ли памятник на таманском берегу?..

Дунайская развилка

— Смотри, яблоко плывет...Хватай еще одно по правому борту... А вот груша слева...

Лодка тихо скользила по тенистому Белгородскому каналу: я греб, а мой спутник выуживал из воды яблоки и груши. Они падали с веток, свисающих над водой.

— Ходите, хлопцы, дальше, до церкви — там еще не такое побачите, — усмехнулся расположившийся возле калитки на мостках дедок с рыжими обтрепанными усами. Мне подума-

лось, что точно так же мог выглядеть и запорожский казак-зимовчак, независимо *севший* хуторком на одном из островов Великого Луга.

Минут через двадцать мы подплыли к мосту. За ним был выход в Дунай. По обоим берегам у деревянных причалов стояли длинные деревянные лодки. Бросались в глаза сначала именно они, а потом уже — дома и сараи, машины и велосипедисты, церковные купола. Мы находились в центре Вилкова.

Этот южный тихий плавневый городок километрах в двухстах от Одессы называют «украинской Венецией». Название отражает его водное местоположение. Дунай при впадении в море разделяется на три рукава (их называют *гирлами*): Георгиевское, Сулинское и Килийское. Килийское в свою очередь делится на Старостамбульское, Очаковское и Белгородское гирла. На их стыке, на своеобразной «вилке», и находится Вилково — знаменитый город на воде.

На городской набережной высится бронзовый памятник. Строгий худой мужик с бородой, в лаптях держит в руках большой крест. Рядом с ним — лодка. Кто это? Однажды во время велосипедного путешествия по Румынии, переехав по мосту через Дунай, мы стали расспрашивать у местных жителей дорогу. Вдруг услышали за соседним столиком (дело происходило в придорожном кафе) странную речь. Слова то украинские, то какие-то исковерканные русские, акцент румынский. «Часом не молдаване будете?» — спросил я навскидку. «Не-е, мы липоване», — протянул баском дюжий загорелый мужик: «А вы кто, распутники?» Я кивнул головой, сообразив, что речь идет о дороге и путниках. О русских староверах-липованах я слышал давно. Где-то в XVIII веке, не приняв новое церковное устройство, они ушли из России и обрели новую родину здесь на Дунае. В румынской Добрудже есть целые села, где живут липоване.

Липован можно встретить и в Молдавии, и на Буковине, и на Одессине. Вилково основано в 1746 году. Памятник на набережной поставлен в честь староверов-липован — первых по-

селенцев этих мест. И молодые, и старые вилковцы, сколько мы не пытались дознаться, почти ничего не могут сказать о своих российских корнях. Не знают? Не помнят? Не хотят помнить? Объяснили только, что слово *липоване* происходит то ли от липовых лесов, где прятались борцы за веру, то ли от липовых досок, на которых писались иконы (скорее всего, название идет от Филипповского толка, которого придерживались эти старообрядцы. — *Примеч. ред.*). Многие вилковские липоване считают себя потомками донских казаков. Вилковцы-украинцы же ведут свою родословную от запорожских казаков. Так здесь многие и говорят: «Мы запорожских корней». Некоторые, гордясь своими чубатыми предками, этим даже как будто ставят себя на ступеньку выше других вилковцев. В городке, между прочим, две церкви: в одной правят службу по обычному православному обряду, в другой — по староверскому уставу.

Мне сначала Дунай не приглянулся — мутная вода, заросшие ивняком неряшливые берега, комарье. Запорожцам, чьи «чайки» плутали между островами, тоже, наверное, было здесь и непривычно, и неудобно. Так и жди, что судно сядет на мель, а из зарослей раздастся предательский выстрел. В одной народной думе, где описывается буря на Черном море, идет речь о том, что часть казацких судов «гирло Дунайское пожерло». Вполне возможно, что после этого в казацкой среде родилась поговорка «Кто не пил воды дунайской, тот не ел каши казацкой». С лихвой хлебнуть дунайской водички запорожцам пришлось во время штурмов важных турецких стратегических пунктов в Подунавье — Силистрии, Килии, Измаила. Во время Дунайской экспедиции в 1771—1772 годах российское командование не кому-нибудь, а именно запорожцам поручило опись прилегающих к Дунаю и непосредственно дунайских речных путей. Объяснялось это тем, что запорожцы «по изведанной в них храбрости и отважности скорее других за сие дело возьмутся и удачнее могут исполнить, тем наверное, что места по Днепру и самое оно течение им в скорости известны». Пригодился россиянам

и боевой опыт казацких морских десантников. Ими была создана Дунайская военная флотилия. Быстро освоившись среди дунайских разливов и гирл, запорожцы внезапно нападали и захватывали турецкие галеры, уничтожали аванпосты противника, нападали на береговые укрепления и базы, принимали участие в штурме крепостей. После прекращения военных действий не все запорожцы вернулись к родным днепровским берегам. Будто предчувствуя «руину» запорожской вольницы, часть сечевиков осела в низовьях Дуная. Вполне вероятно, что именно в это время запорожцы и поселились в районе Вилкова, основали хутора по другим дунайским гирлам. Места здесь глухие, неизвестные, добычливые. То, что и надо было днепровским лугарям, привыкшим во всем полагаться на боевую выучку и свой богатый опыт выживания среди дикой природы. Было здесь просторно и вольно, однако плавни есть плавни: тут — топь, там — непролазные камышовые дебри. Хватало и подозрительного иноязычного люду в округе. И свои единоверцы — обосновавшиеся здесь ранее липоване, казачки-некрасовцы — порою досаждали, охраняя свою старообрядческую веру и насиженные гнездовья (некрасовцы, после поражения бунта атамана Булавина, перешли к турецкому султану и сражались за него. — *Примеч. ред.*). Так что приходилось селиться с оглядкой. А то и место под солнцем отвоевывать.

Вскоре к вольным поселенцам присоединились и отряды запорожцев, прибывших сюда после ликвидации Сечи на Днепре. Запорожские казаки решили закрепиться в низовьях Дуная и устроить здесь что-то вроде своей новой сечевой столицы. Турецкие власти препятствий не чинили. Туркам даже было выгодно иметь под рукой военную силу, способную противостоять россиянам. Так днепровские казаки стали задунайскими, при этом по сути и духу оставаясь запорожцами. Задунайская Сечь несколько раз меняла свое место. В 1814 году запорожские казаки овладели главным центром некрасовцев — селением Верхний Дунавец — и основали там свой Кош.

В 1827 году его возглавил Осип Гладкий — последний кошевой атаман Задунайской (Запорожской) Сечи. Через год этот в меру авантюрный, достаточно честолюбивый, умеющий ладить с властями ватаг вывел задунайцев в Россию, где вскоре стал наказным атаманом Азовского казачьего войска. Судьба вела кошевого по старым казацким дорогам. В конце концов седой, но еще достаточно моложавый с виду и крепкий атаман очутился в бывшем гнезде запорожской вольницы. Последние годы он провел на берегу Днепра в уездном Александровске (нынешнее Запорожье). Тут на старом казацком кладбище в 1866 году и упокоился его прах. Через полтора года заштатный пыльный городишко превратился в административный центр края за порогами, который сохранил — за славу предков — и громкое название. Кстати, на старинных российских картах оно обозначало обширный регион — пограничную территорию между Днепром и Азовским морем, которую контролировали запорожские казаки. В память о последнем запорожском кошевом в одном из университетских дворишков Запорожья установлен большой крест и надгробная плита. Часто отсюда я отправлялся в путешествия по казацким следам. В этот раз дорога увела меня вниз по Днепру, дальше — по берегу Черного моря к устью Дуная. Таким путем сюда когда-то попадали и днепровские сечевики.

Сторож на дебаркадере, считавший себя потомком запорожских казаков, выдал свою версию происхождения названия липован: «У запорожцев были такие долбленки — *липками* прозывались. На этих лодках они по Днепру катались. И здесь на них могли промышлять». Как бы там ни было, но сегодня на гербе Вилкова — вода, лодка, рыба, деревья. Это главные богатства края. Были и остаются. В Вилково строят и маленькие жестяные челны, и дощатые одноместные лодочки. Однако больше всего больших длинных лодок с чуть загнутым носом и кормой. Их тут называют *маунами*. На таких суденышках можно и в море выходить, что, собственно, вилковские рыбаки часто и делают.

И тут, наверное, мореходный опыт запорожцев, их лодманские навыки им весьма кстати. Что помнится, то обязательно возвращается.

Каналы, лодки и рыбаки — главная достопримечательность Вилкова. От магистрального водного проспекта — Белгородского канала — ответвляются маленькие улочки-протоки, которые называют здесь «ериками». Во двory некоторых домов, кроме обычных ворот, ведут еще так называемые «ходы» — калитки для лодок. Вдоль вилковских больших и малых водных протяжений проложены деревянные настилы — «кладочки»... В стельку пьяный обычно, как куль, валится набок. Однако есть единственное место на Украине, где принявший «на грудь» лишние сто грамм предпочитает падать вперед. В крайнем случае на спину. Где это? В Вилкове. С «кладочки», качнувшись влево-вправо, можно запросто полететь в воду. Правда, среди вилковцев мне почти не доводилось видеть подозрительно раскачивающихся выпивох, несмотря на то, что на многих заборах виднеются крупные надписи: «вино». Вилково славится своим домашним красным вином, которое делают из местного сорта винограда — *новака*. Им любят угощаться туристы. Липоване тоже потребляют. Однако по случаю и в меру. Потомки запорожцев, правда, более раскованны. Однако же честь казацкую блюдут. Особенно на воде — она здесь везде.

Каналами, протоками и ериками в прошлом был покрыт весь городок. Каждая улица заботилась о чистоте и глубине своего канала: очищала его от ила, укрепляла берега, ремонтировала причалы, мостки и «кладочки». По его водным улицам передвигались в основном на лодках. Вышел из ворот и — за весла. На лодке — и в магазин, и на базар, и на свадьбу, и на крестины, и в церковь, и на работу. На лодке, случалось, везли вилковца из роддома, на лодке часто провожали его и в последний путь. Очковское гирло от Вилкова петляет между островами, берега которых заросли тростником. На островных землях — как когда-то запорожские лугари на островах в днепровских плавнях —

вилковцы до сих пор держат огороды, сенокосы, к которым пробираются через проходы в камышовых прибрежных зарослях. Естественно, на лодках. Часто целыми семьями. Первое, чему учит в детстве отец сына, а мать, дочь, это махать тяжелыми веслами, ловко орудовать небольшим кормовым веслом — *гребкой* с поперечной рукояткой, управляться с шестом — в иные *ерики* можно протиснуться только с его помощью. Да и по широким, однако мелким заиленным каналам иногда продвигаться с помощью длинного шеста и сподручнее, и быстрее. За веслами и с шестами часто можно видеть женщин. Едва лодки причаливают к берегу, мужчины прыгают через борт и спешат по делам. Жены ожидают их, делясь новостями с подругами, что сидят в лодках по соседству. Изучая быт вилковцев, я как будто наблюдал сценки из жизни запорожцев, обитавших среди разливов Великого Луга.

Осваивать дунайские плавни липоване начали с устройства рыбных промыслов. Запорожские казаки тоже были мастаками в добыче рыбной живности. Тут с липованами они, наверное, быстро нашли общий язык. Свой днепровский опыт им передали, кое-чему сами у дунайцев подучились. Каждый вилковский рыбак сам себе и капитан, и лоцман. Дело в том, что дельта постоянно растет, глубины в гирлах и на барах (места выхода Дуная к морю с резко уменьшающейся глубиной. — *Примеч. ред.*) меняются. Нередко случается так, что уходишь на рыбалку по одному руслу, а возвращаться из-за отложения наносов приходится по другому. Для ограждения опасностей рыбаки расставляют вехи различных цветов, буйки. Однако и по ним не всегда ориентируешься. Из-за отложения наносов меняет места кормежки и рыба. Сегодня сети полны серебристой селедки — *дунаечки* (у каждого уважающего себя рыбака есть дома ее соленый запас), а завтра в них одна тина.

Сегодня рыбаки не только ловят рыбу, но и осваивают туристский бизнес. До заработков венецианских гондольеров им, конечно, далеко однако кое-какая копейка все же перепадает.

Туристов им поставляют в основном экскурсионные автобусы. Рыбаки (или те, кто когда-то были рыбаками) застилают сиденья своих лодок грубыми домоткаными ковриками и развозят гостей по каналам и ерикам. Или доставляют на плавневые острова, где угощают липованской юшкой и запорожским кулешом. И льются над водой дивные запахи, и звучат над Дунаем старинные казацкие песни...

На косах Азовских

Полдень. Зной. Бреду по морскому берегу косы — под ногами хрустит ракушечник. Ветерок — ровная азовская полуденка — тянется за солнцем. Заходит с запада, потихоньку продвигается к югу — продержится еще погода! Едва слышно потрескивает на ветру песчаный колосняк (прибрежное травянистое растение. — *Примеч. ред.*). Иду по самой кромке прибоя. Собственно, это даже не волнение, а так — вздох сквозь дрему, легкое бездельное позевывание. Волны лениво, будто спросонья, тычутся в берег... Вода настолько прозрачная и тихая, что приобретает цвет светло-коричневого дна. Чуть дальше море желтеет, потом становится все туманнее, наконец, когда совсем не видно дна, окрашивается в изумрудный цвет. Дальше — полоса ряби, потом — чуть густой синевы и за ней до горизонта — голубизна. Дохожу до оконечности косы, так называемого *шпиля*. Тут слышно, как шумит море, кричат чайки. Лучи солнца натываются на их крылья — от них стремительные тени на песке. В прибойной пене кувываются ракушки. Трудно поверить, что из них состоит суша, на которой надежно стоит маслиновая рощица, маяк, хатка смотрителя — их видно за бугром. Развязываю рюкзак, достаю карту. Прикидываю, в какой бухточке здесь могла бросить якорь казацкая «чайка». Известно, что запорожцы, спасаясь от турецких галер, засакивали в Азовское море и заходили в малые реки. По пути

они могли останавливаться и в гаванях на оконечностях кос, которые загнуты, как рыболовные крючки. Здесь даже можно было найти пресную воду, добыв ее из колодцев-копанок. Беглецам помогали и рыбаки. Они издревле селились на косах. Немало было среди них и запорожцев. Все для лихих днепровских лугарей здесь в Приазовье было привычным, знакомым, изведанным. От Днепра до азовского побережья — хоть по торной дороге, хоть по тайным тропам или глухим балкам — от силы три-четыре дня пути. Простора и воли на побережье хватало. И морская жара не изнуряла. Ее смягчал степной ветер, напоенный ароматом трав. И тарань здесь ловилась такая же, как в Днепре, и судаки в сети попадались, и лещ шел. И осетрам пришлые рыбаки не удивлялись, и даже на белуг глаза не тарасили — этого добра и в плавнях за порогами хватало...

Косы на северном азовском побережье знакомы мне с детства. Самые чудесные и значительные открытия произошли именно тогда. Однако, когда в очередной раз приезжаю к солнечному Азову, он, наверное, по старой дружбе, продолжает раскрывать свои тайны, одаривать сувенирами из далекого прошлого. Каждая дорога что-то обещает, куда-то ведет. Дорога вдоль восточного пляжного берега Кривой косы, как когда-то былинного богатыря, привела меня к удивительному камню. На песке стоял гранитный памятник в два человеческих роста, сделанный в виде дубового ствола с обрезанными ветками. Я подошел ближе и прочитал: «Войсковой старшина (т.е. подполковник Войска Донского. — *Примеч. ред.*) Александр Климович Шурупов. Сконч. 13 июля 1915 г. на 93 году жизни. Мир праху твоему». «Живут же люди», — подумал я тогда. Однако тут же поправил себя: «Жили». Кто? Где? Местные жители объяснили, что памятник с берега сюда специально привезли рыбаки.хлопотное это было дело, однако косяне (жители морской косы. — *Примеч. ред.*) постарались. Многие ведь здесь считают себя потомками войсковых старшин, ватагов рыболовецких казацких артелей, вольных казаков, основавших на побережье хутора. Это

отразилось и в названиях. На Беглицкой косе, которая вдается в море восточнее Кривой, например, когда-то поселились беглые запорожцы. Огибая Азовское море, казаки, которые бежали из турецкой неволи, задерживались в устье Дона, а оттуда уже пробирались домой на Сечь. Многие оставались на косах, примыкая к обосновавшимся здесь ранее беглецам. Некоторые, правда, считают, что казачкам, которые облюбовали эту косу для рыболовецкого уюда, приходилось все время «убегать» от моря, постоянно заливавшего берег. О других казацких поселениях и в памяти местных жителей, и в архивах сохранились более достоверные сведения. Точно известно, например, что запорожские казаки на Белосарайской косе (она расположена западнее Кривой) в устье реки Кальмиусс для защиты своих зимовников, рыбных промыслов и дорог от татар основали сторожевой пост Домаху. Кстати, это название, обозначающее временный рыбацкий стан, было очень распространено в Великом Лугу... В середине восемнадцатого столетия пост стал центром Кальмиусской паланки. В архивах сохранилась жалоба донских казаков, которые в 1743 году жаловались на кальмиусского полковника Кишенского. Тот якобы прибыл в Новочеркасск, собрал ватагу беглых запорожцев и, переплыв Азов (г. Азов стоит в «гирлах» Дона близ Азовского моря. — *Примеч. ред.*), стал рыбачить на Ейской косе, которую донцы считали своей. Запорожцы на азовских перепутьях чувствовали себя настолько вольготно, что даже тогда, когда сечевое начальство потребовало прекратить самовольные вылазки на чужие территории, ничуть не притихли и продолжали рыскать по побережью в поисках фартовой рыбной поживы. Чтобы избежать ссор между донскими и запорожскими казаками, российский Сенат в 1746 году принял решение установить границу между Войском Донским и Запорожским по реке Кальмиусс. Ее левый берег стал донским, а правый — запорожским.

Кстати, запорожские рыбаки, обитавшие на побережье Азова и в любое время года смело бороздившие на «дубках» это ма-

ленькое, однако нередко очень беспокойное море, были весьма искусными мореходами. Они часто входили в состав десантных команд, которые на «чайках» отправлялись из Сечи в дальние морские походы. Кошевые нередко специально посылали на Азовское море поднаторевших в морском деле сечевиков, чтобы прошли дополнительную выучку у осевших на косах казаков, подучились у них разным премудростям сложной морской науки. После плавания рыбаки неизменно возвращались к своим куреням на солнечных азовских косах. Здесь, кстати, в целебных грязевых озерах сечевики имели возможность подлечить свои раны, старые недуги, погреть кости.

Наибольшей известностью пользуются грязевые лагуны Бердянской косы. Недаром древние греки назвали ее Агарским мысом, а речку Берду, впадающую в море чуть западнее Косы, Агары (почти все азовские косы «привязаны» к рекам) Если не знаешь, куда идти, туда тебя приведет любая дорога. Приезжая в Бердянск, я первым делом отправляюсь на Косу. Она больше чем на два десятка километров вдается в море. Я не жалею времени и добираюсь до самого конца, где расположен старый маяк. Поднимаюсь на его верхнюю площадку и обзираю пройденный путь. Передо мной, как на ладони, вся Коса с ее пляжами, лагунами, мысами, островами — *дзедзиками*. Вглядываюсь в эту удивительную полуостровную землю посреди моря и пытаюсь представить, как все здесь происходило. У основания Косы была обнаружена стоянка древних поселенцев Приазовья. Несколько тысяч лет назад тут уже обитали племена охотников и рыбаков. И в море, и в лиманах, и в реке, и по степным балкам поживы им хватало. Многие народы после этого оставили здесь след. Где-то в XVI — начале XVII века в устье Берды обнаруживается присутствие запорожских казаков. Разными путями они попадали сюда, по-разному складывались их судьбы. Так или иначе, однако некоторые считают, что именно здесь у основания Бердянской косы возникло одно из самых старых казацких поселений на Азовском море. В 1770 году на его месте была со-

оружена Петровская крепость — самая крайняя цитадель Днепровской укрепленной линии. До сегодняшнего дня в селе Новопетровке сохранились ее остатки в виде рвов и валов... Крепость представляла достаточно мощное для того времени сооружение. Ее ограждали стены с бойницами, площадками и башнями, окруженные глубоким рвом с водой. Расположенная на главном сухопутном направлении из Кавказа в Крым крепость стояла на крутом азовском берегу. Неподалеку от нее был сооружен деревянный причал. Вокруг крепости возникла слобода, где обитало много бывших запорожцев. В 1779 году Петровский посад (он единственный в Приазовье имел к тому времени свою ратушу) стал даже центром уезда. В 1829 году (в это время по соседству на месте нынешнего Бердянска «с приличной церемонией» была открыта первая пристань) сюда прибыла часть бывших казаков Задунайской Сечи. Запорожцы вновь должны были защитить российское пограничье. Теперь уже — азовское. Чтоб обезопасить свои южные границы от возможного нападения турок, российское правительство разрешило поселиться задунайцам между Мариуполем и Ногайском. Так возникло Азовское казачье войско. Его центром стал Петровский посад, который превратился в казачью станицу с полувоенным общинным устройством. Кошевым атаманом азовцев стал Йосиф Гладкий. В 1953 году в чине генерал-майора он ушел в отставку и поселился в уездном Александровске. Однако на этом не закончилась история запорожцев. В 1855 году во время Крымской войны англо-французская эскадра попыталась высадить десант в районе бывшей Петровской крепости. Однако казаки, вспоминая свой богатый боевой опыт, не дали врагу приблизиться к берегу. В 1865 году после ликвидации Азовского казачьего войска станица превратилась в обычное приазовское село, которое в наше время стало цветущей и богатой восточной «окраиной» курортного Бердянска. Предприимчивые и оборотистые новопетровчане о старине не вздыхают, однако свое казачье родство не забывают, храня в памяти его детали...

Самая длинная азовская коса, отделяющая мелководный залив Сиваш от моря, — Арабатская стрелка. Она протянулась на сто километров от Генического до Крыма. Арабатка, по которой мне не раз довелось путешествовать, — своеобразное земное отражение небесного Млечного Пути. Эта звездная дорога, известная в народе как Чумацкий Шлях, издревле вела к арабатским соляным промыслам, расположенным на Сиваше у крымского берега. До недавнего времени тут еще велась добыча соли. Бассейны с мутно-красноватой водой, где происходила *садка* соли и соляные насыпи — *кагаты* были характерной приметой южной оконечности Стрелки. Сюда с берегов Днепра и приезжали за солью чумаки, среди которых было немало бывших запорожцев. Их отряды, кстати, нередко охраняли чумацкие «валки», что двигались к солепромыслам. Так что казакам хорошо было знакомо это арабатское протяжение.

Бирюзовое море и белая дорога, а между ними мощные трехметровой толщины стены, оплавленные солнцем камни, на которых застыли зеленые ящерицы; под стенами — глубокий ров, над которым вздымается вал, поросший сухой, местами выгоревшей травой. Это, пожалуй, единственная сохранившаяся на Азовском побережье крепость. Расположена она на южном крымском конце Арабатской стрелки (кстати, тюркское слово *арабат* означает предместье или производное от *рабат* — пограничный пункт, крепость; некоторые исследователи, правда, в названии Арабатки видят *араба-йол* — *путь для арбы*). Мимо не проедешь. Ни сегодня, ни тем более в старину. Крепость построена турками, которые в XV веке вторглись в Крым и подчинили своей власти Крымское ханство. Крепостные стены возводились не на пустом месте. Утверждают, что тут существовали укрепления еще во времена Боспорского царства (античное государство, объединившее ряд греческих городов-колоний Северного Причерноморья. — *Примеч. ред.*). Впервые крепость Арабат появилась на карте в 1651 году. Карта, кстати, была составлена по материалам французского инженера Боплана. Да,

именно того Боплана, который оставил нам уникальные историко-географические свидетельства об Украине и запорожском казачестве.

Запорожцы имели непосредственное отношение к последующим боевым операциям российских войск в Приазовье. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов россияне решили прорваться в Крым через Арабатку. Для переправы с Геническа на Стрелку (она осуществлена была по мосту, сделанному из лодок), рейда по самой косе и штурма крепости нужны были специально обученные, хорошо ориентирующиеся в степных и морских условиях десантные команды. И тут россияне вспомнили о запорожцах, которые могли быстро навести любую переправу, выдержать страшный зной во время длительного перехода, незаметно подобраться к стану противника. В 1771 году Арабатская крепость штурмом была взята российскими пехотинцами, среди которых воевали и казаки с берегов Днепра. В ней некоторое время содержался гарнизон, который успешно отражал атаки англо-французских войск во время Крымской войны 1853—1856 годов... После войны надобность в крепости отпала. Военный люд покинул ее, и в крепостной двор за строительным материалом стали наведываться рыбаки из возникшего рядом с крепостью хуторка Арабат. Однако заморские гости строили на совесть — крепостные стены не поддались ядрам, не смогли одолеть их и кирки азовских рыбаков. И вот я стою на глинистом бугре, возвышающемся над одним из фортов (собственно, вся внутренность крепости сегодня представляет собой бугристый холм, приподнятый над стенами). По белой дороге тащится арба времени... На его страже стоит древняя крепость.

... Короткая или длинная дорога предстоит, однако на любой косе я прежде всего добираюсь до ее конца. Здесь на ветреном ракушечниковом берегу голо и дико. Слева и справа — море, впереди — морской простор. Ощущение новой дороги. Нового неизведанного пути, направление которого начертано моими именитыми земляками.

Соловецкий узник

...Вслед за провожатой, согнувшись в три погибели, я протиснулся в дверной проем и оказался в каземате, похожем на пещеру. По низу из стен торчали валуны, покрытые рыжими пятнами. Ближе к потолку просматривалась закопченная кирпичная кладка. Из темных закутков тянуло холодом и сыростью. Я присел на гладкий камень и посмотрел на зарешеченное прямоугольное оконце, из которого едва сочился свет. У самой решетки подрагивали на ветру сухие травинки (окно располагалось почти вровень с землей), дальше был виден косогор, несколько березок, серый забор, старое барачное строение и лохматая черная тучка над его крышей... Что там, на воле? Какая жизнь? Бывший казацкий атаман уже забыл ее запахи и вкус. А что помнил? О чем думал, находясь в этом каменном мешке *первотяжкой* Соловецкой тюрьмы?

За ответом на эти вопросы я и приехал на Соловки. Так в обиходном употреблении называют состоящий из ста островов архипелаг, расположенный в северной части Онежского залива Белого моря. Название одного из шести крупных островов — Большого Соловецкого — было распространено на всю островную группу. Путь от берегов Днепра до Беломорья неблизкий. Однако еще более длинной была дорога сюда последнего кошевого Запорожской Сечи Петра Кальнишевского... Полярный день еще не потерял силу. И в полночь, когда я прибыл на монастырское подворье в Кеми (отсюда и начинается путь паломников на Соловки), можно было легко разглядеть и деревянные тротуары, и молчаливые добротные избы, и маячные вышки, и баркасы на берегу, и даже тоненькие вешки между камней, указывающие проходы для судов в прибрежных водах. Остро пахло подгнившими водорослями, мокрой травой, сосновой стружкой, смолой. Утром, когда приливная вода скрыла прибрежные камни, монастырский кораблик «Святитель Филипп» тихо отвалил от причала и направился в открытое море. Нанятое у куп-

ца судно, на котором в сопровождении усиленного караула двести тридцать лет назад везли в монастырь грозного узника, двигалось другим путем — из Архангельска, однако казацкий ватаг видел те же безмолвные морские просторы и то же низкое небо, размахисто и резко исчерченное облаками. За кормой так же жалобно кричали белые птицы с желтыми клювами и из волн выныривали черные блестящие головки любопытствующих тюленей. Ставший *колодником* (узником — от деревянной колоды, в которой зажимали руки и ноги заключенных того времени. — *Примеч. ред.*) кошевой еще способен был удивляться этому, сравнивать, воскрешать в памяти картинки былого. И островные моренные гряды казались ему удивительно похожими на степные курганы, и в пенистых завитках виделись ему развевающиеся бунчуки, седые казацкие чубы.

К перемене судьбы казак всегда был готов: и на море, и в поле две доли — черная тучка вмиг могла превратиться в белую. И тут же снова почернеть, чтобы опять стать белой пушинкой... Поэтому атаман не клял судьбу и даже в том, что двигался от Черного моря к Белому, усматривал некий ее знак. Ему уже далеко за восемьдесят, сила уже не та в теле, однако ум ясен, дух не ослаб и память крепко держит весь пройденный путь. Родился Кальнишевский в конце XVII века, когда еще гремела Чертомлыкская Сечь, на Слобожанщине — в семье лубенского казака. По всей видимости, отец его был не простым реестровцем, а принадлежал к украинской шляхте (т.е. дворянскому сословию, в которое вошла старшина реестрового казачества. — *Примеч. ред.*). Идея рыцарства, верховенство старшинской власти и силы передались и сыну. Его вторым (крестным) отцом был «военный товарищ» Лубенского полка Максим Яновский — возможно, дальний родственник Николая Гоголя. Как и подобает рыцарю, Кальнишевский на каждой ступени казацкой карьеры оставил свой заметный след — и в открытых стычках с врагом проявил себя, и в разведывательных операциях участвовал, и походным полковником был, и дипломатические миссии воз-

главлял. Отличился во время русско-турецкой войны, был даже по воле императрицы удостоен именной золотой медали с бриллиантами — «за отлично храбрые противу неприятеля поступки и особенное к службе усердие». Десять раз подряд (этого в Сечи «из веку веков не бывало») запорожцы избирали «батька Кальниша» своим атаманом.

Прославился он не только в ратных делах. Именно при Петре Кальнишевском «сабля и плут сдружились между собой», стали своеобразным знаменем казацкой степной общины, стараниями кошевого на казацких землях возводились храмы, строились школы. Богатели старшины, довольны были казаки-хуторяне и даже пришлый люд чувствовал себя за порогами сытно и привольно — все более процветал и становился независимым казацкий край. Этой своей воли, самобытности, а особенно обособления с элементами государственного обустройства как раз и не могла допустить (Российская. — *Примеч. ред.*) империя. В одном из пунктов императорского «Манифеста о разрушенном войске запорожском» сказано: «Заводя собственное хлебопашество, расторгали они тем самым основание зависимости их от престола нашего и помышляли, конечно, составить из себя посреди Отечества область совершенно не зависимую под собственным своим неистовым управлением...» Во все времена у разных народов подобные попытки жить своей волей, умом и языком пресекались круто и подчас весьма жестоко. Не избежал кары и тот, кто осуществлял «неистовое управление» запорожской вольницей. Несмотря на заслуги перед престолом и высокие награды, казацкому ватагу Петру Кальнишевскому даже грозила смертная казнь. Князь Потемкин в своем обвинительном заключении, однако, «упросил» императрицу «объявить милосердное избавление» кошевого от наказания и отправить его на «вечное содержание» в Соловецкий монастырь. «Быть по сему», — начертала собственной рукой императрица, ознакомившись с документом. Через месяц грозный казацкий ватаг превратился в смиренного арестанта-колодника (по-прежнему,

правда, опасного для властей) и «под строжайшим присмотром от одного места до другого военных команд» был отправлен на север.

...Если не штормит, от Кеми до Соловков меньше трех часов неспешного судового хода. Свежеет ветер, открываются беломорские дали. Мимо проплывают серые морщинистые островки с поклонными крестами под треугольными кровельками, маячными пирамидками, кучами плавника в бухточках. Порою кажется, что это последняя земля, последняя суша — дальше море, вода, край света. Но вот впереди будто выплыл из пучины зеленый холм, рядом с ним протянулся другой... Над островной грядой по курсу выросли монастырские стены, сложенные из огромных валунов, поднялись мощные башни, подперли небо купола соборов. Едва кораблик пришвартовался к деревянному причалу гавани Благополучия, я, не мешкая, через главные Святые ворота за толпой паломников и туристов поспешил в монастырь. Будто что-то вело меня — сразу направился к Спасо-Преображенскому собору, где под аркой рядом с церковью Гермогена находился монастырский некрополь. Еще издали от памятного колокола на зеленой лужайке увидел бюст атамана. Совсем недавно его доставили сюда на самолете мои запорожские земляки. Рядом с памятником на вымощенной булыжником земляной плоскости могильная плита. В списке захоронений некрополя, вывешенном на стене, она значится под четырнадцатым номером. Я, кажется, наизусть знаю эту эпитафию, правда, в несколько сокращенном и удобочитаемом виде. На этот раз она передо мной в оригинале, нет сомнения в ее первоизданной достоверности. Водя пальцем по выбитым полтора-два столетия назад в граните строчкам, я прочитал: «Господь наш Иисус Христос положил душу свою на Крест за всех нас, не хочет смерти грешника.

Здесь погребено тело в Бозе почившего Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сечи Казаков Атамана Петра Кальнишевского, сосланного в сию Обитель по Высочайшему повелению в 1776 году на смирение.

Он в 1801 году по Высочайшему повелению снова был освобожден, но уже сам не пожелал оставить Обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного христианина, искренне познавшего свои вины. Скончался 31 октября 1803 года в субботу 112 лет от роду смертью благочестивою, доброю. Блаженни мертви, умирающи о Господе. Аминь. 1856. А.А.»

Как и на других плитах, в конце надписи традиционный символ смирения перед быстротечным временем, напоминание о бренности бытия — череп со скрещенными костями.

Я осмотрел бюст, постоял над плитой, отдышался после дороги, и стали возникать вопросы. Где содержался мой именитый предок? В какой части монастыря находился каземат? Как смог престарелый атаман выдержать в нем двадцать пять лет тяжелой неволи? На эти и многие другие вопросы мне еще предстояло ответить, однако сначала я решил совершить экскурсию по острову. Соловецкий архипелаг — край далекий и дикий, но в то же время весьма живописный. Особенно в короткую летнюю пору, когда дни долги, прозрачны и легки. С вершины высшей точки острова — Секирной горы, которая находится в двенадцати километрах от монастыря, я обозрел лесистые дали, светлые дуга, глубоко вдающиеся в сушу заливы-губы, озера. Именно сюда пятьсот лет назад приплыли на Соловки первые иноки — «искатели безмолвия» и уединенной жизни. В чем-то они были похожи на запорожцев, которые, может быть, не так страстно молились о спасении души, однако так же, как монахи на северных островах, утверждали себя за порогами на плавневых островных землях. Вряд ли Кальнишевский подымался на вершину Секирки, однако наверняка он слышал о ней. И, вполне вероятно, даже в ее названии усматривал некую аналогию с казацкой Сечью. На этой горе когда-то ангелы высекли жену рыбака, которая своим присутствием здесь осквернила святое место; запорожцы-сечевики, как известно, тоже не жаловали особ женского пола, которым вход в Сечь был заказан. И оград — *засек* вокруг монастырских строений хватало. Это позже они пре-

вратились в грозную каменную твердыню, а поначалу это была скромная монашеская обитель, окруженная крепким высоким частоколом.

Иноки обихаживали Соловецкую землю — обустроивали скиты, прокладывали дороги, соединяли каналами озера, возводили дамбы. Ничего зловещего в названии беломорского архипелага не угадывалось и не подразумевалось. Однако вместе с монашеством утверждалась здесь и государева власть. Она в конце концов и превратила монастырь в тюрьму. С шестнадцатого века становится традицией посылать сюда «на смирение» преступный люд, вину и грех которого часто без суда и следствия определяли не небеса, а исключительно мирская власть. Об условиях, в которых содержались колодники, можно судить по названиям местных тюрем. В казематах Корчагиной тюрьмы можно было пребывать только скорчившись, в Жаровиной тюрьме было нестерпимо жарко. Среди заключенных монастырской тюрьмы были известные государственные и религиозные деятели: игумен Троицкой лавры Артемий, царевич Касимовского ханства и земский царь (венчанный на царство Иваном Грозным, который объявил себя опричным царем. — *Примеч. ред.*) Симеон Бекбулатович, летописец Смутного времени келарь Троицкой лавры Авраамий (Палицын), глава Тайной канцелярии при Петре I граф Петр Толстой. Из разных краев попадали на Соловки арестанты. Немало было их и с полуденных украин. В XVIII веке (а возможно и раньше) сюда стали поступать и казацкие чубы. В 1708 году за донос на Мазепу священника Ивана Святайло и чернеца Никанора отправили на далекие северные острова. Чуть позже, когда гетман перешел в стан врага, на Соловках оказались уже мазепинцы. В ранней сводной ведомости соловецких колодников, относящейся к концу петровского царствования, можно найти фамилию казацкого писаря из Лубен Захара Патоки. Перед отправкой в вечное заточение неистовому многострадальному казаку «за неправые его о великих делах доношения» отрезали язык.

С Кальнишевским поступили более гуманно — хоть и преступник, но все-таки атаман, тем более уже в годах. В архивах сохранилась «Тетрадь, данная конторой монастырского правления казначею иеромонаху Иоанну, для записи выдачи кормовых денег бывшему Сечи Запорожской кошевому Петру Кальнишевскому». Именитому арестанту по указу было положено «кормовых денег по одному рублю на сутки». Казна же выплачивала монастырю на каждого колодника всего лишь по девять рублей в год. Деньги получали караульные солдаты, они же по заказу узника покупали ему пищу. Голодом старого атамана не морили, однако содержали в строгости, удалив «не токмо от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения». Лишь три раза в год его под усиленным караулом выводили из каменного мешка, мыли в бане, стригли и препроваживали в церковь, где грешник мог помолиться и осознать свой грех.

Арестант был помещен в один из казематов самой суровой, так называемой первотяжкой тюрьмы. Ныне она обустроивается (в основном, конечно, внешне) для обозрения досужими туристами. Поэтому в южную часть монастыря мы с ученым секретарем Соловецкого музея-заповедника Мариной Луговой, которая вызвалась быть моей провожатой, попали не через двор, а прошли по крытому переходу, протянувшемуся над стеной. Минут через пять оказались в довольно просторном, сухом и достаточно светлом помещении, правда с несколько подкопченными сводами. Это был верхний ярус *сушила*. Оно было возведено во второй половине XVI века. Тогда еще мощные каменные постройки предназначались для сугубо хозяйственных целей. На третьем и втором этажах сушилось и хранилось перед помолом зерно. Снизу все ярусы обогревались большой печью с тепловой камерой. В начале XVII века вокруг сушила возведены были валунные стены и здание стало частью цитадели. Примкнувшие к первому ярусу сушила — три так называемые печуры бойниц *подошвенного боя*, были приспособлены под камеры, где содержались монастырские узники.

Сюда, на тюремный самый нижний этаж (было такое впечатление, что он находится под землей), мы и спустились по крутым ступенькам — будто сошли в преисподнюю. Своды и стены тут были совсем черными от копоти. Узкие проходы вели к казематам. Несладко приходилось узникам в этих каменных мешках. Даже при сносном питании и без телесных истязаний. Через сто лет после заточения запорожского атамана посетивший тюрьму один общественный деятель писал: «Побывав около получаса в удушающей атмосфере каземата, становится душно, кровь прилипает к голове, появляется какое-то безграничное чувство страха... У каждого, побывавшего здесь, будь он самый суровый человек, невольно вырывается из груди если не крик ужаса, то тяжелый вздох и с языка слетает вопрос: «Неужели здесь возможна жизнь? Неужели люди были настолько крепки, что выносили года этой гробовой жизни».

До сих пор для многих остается загадкой, как мог уроженец обласканных солнцем и теплом земель, для которого до рокового 1775 года судьба отнюдь не была злой мачехой, выдержать это двадцатипятилетнее *гробовое* заточение и здесь — на суровых Соловках, не потеряв рассудка и не «уронив» себя душевно, дожить до ста двенадцати лет? До такого возраста не доживали даже самые крепкие и мудрые казаки-характерники, обладавшие секретами долголетия.

Шестнадцать лет просидел здесь атаман. Потом его перевели в *регулярную* тюрьму, устроенную в бывшей иконописной мастерской. Здесь в *молчательной* келье старец, который перешагнул вековой рубеж, провел под арестом еще девять лет. Вообще-то срок его заточения мог бы ограничиться десятью годами и, повернись судьба по-другому, столетний юбилей бывший атаман встретил бы на свободе. Трудно сегодня восстановить в деталях события тех лет. Однако вот что достоверно известно. В журнале «Киевская старина» за 1902 год я наткнулся на заметку «К истории заточения кошевого П. Кальнишевского в Соловецком монастыре». В ней шла речь о том, что в 1787 году по

случаю 25-летия царствования Екатерины II был издан манифест «О разных дарованных народу милостях». Царские милости предусмотрены были и преступникам, причем тех, которые содержались в заточении более десяти лет, повелено было «не мешкая, освободить». Однако гладко было на бумаге... Многие колодники содержались в Соловках по именным спискам. Монастырские власти, получив указ, для подстраховки послали в Архангельское наместничество список тринадцати самых опасных преступников. Под номером седьмым в нем значился «бывший Сечи Запорожской кошевой», который был заключен в тюрьму «за вероломное буйство и разорение российских верноподданных». Ознакомившись со списком и грехами арестантов, архангельский генерал-губернатор тут же уведомил архимандрита, что, по его мнению, перечисленные лица не подходят под действие манифеста. Так вот часто на судьбах соловецких заключенных (во все времена!) отражались прихоти и мнения властных особ.

После этого в монастырских ведомостях регулярно значилось имя Кальнишевского, который, как писалось рядом в отзывах о нем, «ныне житие препровождает смиренно и никаких беспокойств никому от него не происходит». В ведомости за 1801 год против имени бывшего кошевого было выведено всего одно слово — «прощен». Именно в этом году указом Александра I Петру Кальнишевскому была дарована свобода. Однако 110-летний (ровно столько ему к тому времени исполнилось!) узник не захотел воспользоваться царской щедростью. И речь здесь не только о свободе выбора. В своем письме атаман попросил разрешения «в обители сей ожидать со спокойным духом приближающегося конца своей жизни». Сохраняя свое казацкое «лыцарство» и способность в изнанке жизни видеть ее первоначальную сущность, бывший предводитель казаков не без юмора (с этим у запорожца всегда было в порядке!) объяснил, что за четверть века привык к монастырю и его строгостям и свободой «здесь наслаждается в полной мере». Воля для казака была до-

роже всего на свете. Очутившись в каменном мешке Соловецкой тюрьмы, кошевой остался верен извечным заповедям сечевого братства. Свобода его духа в монастырском северном суровом покое сумела воспарить над земной обыденностью, обрела некую высшую самодостаточную силу, сотворила из тюремного заточения подвиг и преподнесла миру иной — духовный смысл порушенной запорожской вольницы. Может, в этом и была причина долголетия казацкого старца?

О Кальнишевском и его соловецком заточении можно услышать множество легенд и чудесных историй и на днепровских, и на беломорских берегах. Среди казаков, например, бытовало предание, что их ватагу удалось бежать в Турцию, где он женился и даже имел сына. Бывалые люди утверждали также, что атамана отправили на Дон, где он верховодил местными казаками. Рассказывают, что императрица после ареста поставила перед атаманом условие: «Получай волю и имение, только отрекись от казачества». На что запорожец ответил: «Нет, или воля вместе с казаками, или тюрьма». Весьма живописно, в казацком былинном духе было «обставлено» освобождение Кальнишевского. Царь якобы спросил старца, чего он хочет за перенесенные муки, на что атаман ответил, что почести его не прельщают, богатства ему тоже не нужно, а есть одно желание: пусть царь-батюшка прикажет выстроить для преступников настоящую тюрьму, чтобы они не маялись в душных и тесных казематах. Из старых преданий вырастают новые были и небывлицы. Один бывший столоначальник весьма высокого полета, которого я встретил на Секирке (благодаря ему меня даже в закрытую на реставрацию церковь пустили), авторитетно заявил, что Соловки обязаны своими тюрьмами не кому-нибудь, а самому... Кальнишевскому. Прозвучало это так, что в тюремном прошлом соловецкой святыни виноваты сами заключенные. Охранник монастырского ботанического сада, который приютил меня на ночь в сторожке, угощая ароматнейшим чаем из местных трав, высказал предположение, что атаман не со-

всем по своей воле захотел остаться на острове. Он, дескать, знал некую монастырскую тайну. Она заключалась в том, что дюжие упорные иноки не только молились, но и занимались добычей... алмазов. Это происходило в подземелье под сушилом, как раз возле камеры атамана. И мельничные круги с подозрительно шероховатой поверхностью, вбитые в тюремный пол, и крест посреди залива Благополучия как раз напротив арестантских казематов — все это остатки старинных механизмов, обслуживающих алмазные шахты. На подсобных работах в них могли использоваться и колодники, имена которых после этого навсегда растворялись в «молчательном» небытии.

Почти сто лет в миру никто ничего не знал о монастырском житие Петра Кальнишевского. Через два года после дарованной свободы он тихо отошел в полумраке своей кельи, почив смертью «благочестивою доброю». Его без скорби и стеланий (это было не принято здесь), однако с прощальной напутственной молитвой похоронили на монастырском кладбище. Через полвека при деятельном и просвещенном архимандрите Александре на могиле появился надгробный камень с известной эпитафией. Архимандрит, который заботился о процветании монастыря и его доброй славе, недаром в конце надписи распорядился высечь свои инициалы. Смирение и сила духа, которые проявил здесь в святой обители бывший казацкий атаман, дожив до столь преклонного возраста, были чудесны, назидательны и конечно же достойны увековечивания. Пройдет время, и подвиг запорожца прославит монастырь и саму Православную церковь.

Вслед за архимандритом Кальнишевского открыл (уже широкой общественности) опальный историк П. Ефименко, который находился в ссылке в Архангельской губернии. Сначала о кошевом ему рассказали беломорские крестьяне. Потом в архиве местной канцелярии ему удалось отыскать дело военной коллегии, где сообщалось об отсылке в Соловецкий монастырь бывшего кошевого. В результате этих изысканий в 1875 году в ноябрьской книжке «Русской старины» была напечатана его статья

«Кальнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи». Чуть позже побывал в монастыре и своими глазами увидел эпитафию «певец запорожского казачества» Дмитрий Яворницкий. В тридцатые годы двадцатого столетия, когда весь Соловецкий архипелаг стал тюрьмой, кладбище было разрушено и плита была перенесена к Спасо-Преображенскому собору, где впоследствии был создан некрополь.

Я поинтересовался у своей провожатой, кто еще из казаков с берегов Днепра, Дона, Кубани мог содержаться в казематах «первотяжкой» тюрьмы после Кальнишевского. Мы выбрались из камеры, и Марина подвела меня к нише, в которой были помещены таблички с именами арестантов. Среди них я нашел атамана Петра Отяева, хорунжего Василия Шулякова, казачьего сына Ивана Панасенко. Из каких пограничных краев, за какие прегрешения попали они сюда? Неизвестно. Как неведома вина моего земляка, который на балке полусгнившей кровли над Святым колодецем оставил корявую надпись: «Сидел на Анзере с 32 г., вызыв воду, украинец». Это уже другой Соловецкий остров — Анзерский, другое время — тридцатые годы XX столетия. Однако одна судьба, одна крестная дорога. Я бродил по ее каменистым мертвым обочинам — пытался представить, повторить, воскресить. Не получалось. Молчали вросшие в песок, холодные (полярное солнце так и не смогло прогреть их) валуны. Блестели открытые морские дали. В лужицах, оставшихся после отлива, барахтались какие-то рачки. Чайки, проносясь над островами, роняли в тихие лагуны жалобные вопросительные вскрики...

Перед отъездом я зашел в некрополь, постоял над плитой, потом еще раз (уже в одиночку) спустился вниз в первотяжку. Именно здесь я и хотел попрощаться с «батькой Кальнишом». Рядом с казематом — его портрет. На нем лицо глубокого изможденного старца с седыми космами, которые спадают на плечи. Это совсем не тот волевой грозный атаман, бюст которого установлен наверху в некрополе. Щеки ввалились, нос заострился, усы обвисли, прикрыл впалый рот. Однако из-под тяже-

лых век смотрят глаза человека, который вытерпел все, всех пережил и до конца прошел свой крестный путь. В усталом и слегка замутненном взгляде нет скорби и страдания, есть дума (уже не тяжкая и обреченная!) и понимание некоего высшего смысла, разгадка запредельной тайны. Не все он уже помнил из далекой казацкой жизни, не в его власти было воскресить прошлое, не обо всем мог (да уже и не хотел) судить даже с вековой высоты, куда вознесла его судьба, однако был уверен, твердо знал, что ждет его впереди. Ждет всех нас?

Афонская обитель

Я стоял на вершине Горы возле огромного креста. Мир вокруг — вся островная земля внизу и легкие полупрозрачные облачка рядом — был освещен слабым оранжевым светом уходящего солнца. Было ощущение беспредельной воли и поднебесного парения. Мышцы еще были напряжены и тверды, ныла ссадина на колене, однако на душе было удивительно светло и покойно. За спиной на востоке из земного погружающегося в темноту мира выросло большое туманное облако. На нем отразилась пирамидка Горы. В ее глубине зажглась звезда.

Что заставило меня проделать этот долгий и жаркий путь от днепровских берегов до средиземноморских оливковых рощ и диких афонских скал? Чей зов слышался мне в рокоте прибоя, жестком шелесте сухой листвы, пение заморских птиц? Чьи следы я искал на пыльной обочине тернистой дороги к афонским святыням? Полуостров Халкидики в Греции называют «ладонью, возлежащей на море». Ладонь эта трехпалая. Полуостров заканчивается тремя выступами-пальцами. Самая восточная фаланга и есть знаменитый Агион-Орос или Афон. Вообще Халкидонский полуостров — земля легендарная. События, которые в доисторическое время произошли здесь, возможно определили лик планеты. Как считали древние греки, в небе над

Халкидической произошла битва чудовищных великанов с олимпийскими богами. Титан Афон в пылу сражения вырвал из земли огромную глыбу и метнул ее в Посейдона. Так и остался этот кусок тверди лежать во владениях морского бога. В виде знаменитого полуострова и одноименной горы, возвышающейся над ним. Другие времена — другие божественные предания. После Вознесения Христа апостолы стали распределять места для своих проповедей. Богородице досталась Иверия (Грузия). Однако в пути ее застиг шторм. Корабль прибило к неведомой чудесной стране. Огляделась Матерь Божия окрест и вдруг услышала глас своего сына: «Да будет место оное уделом твоим, садом твоим и раем, а также гаванью спасительной для желающих спастись». С тех пор полуостров стал «сияющим Афоном», «святой землей», «садом Богородицы».

Среди тех, кто решил обрести покой в этом саду, было и запорожское воинство. У «маститого историка Запорожья и Новороссии» Аполлона Скальковского в его труде «История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского» есть строки о том, что в афонских монастырях «большая часть монашествующих была от российского роду, наипаче же от православно-именитые страны запорожские». Между прочим, в сечевой церкви запорожских казаков долгое время совершал богослужение греческий епископ Анатолий Мелес. Он и другие священнослужители (многие из них, как сообщают старинные книги, попали в Запорожье из Греции — *греческими хатами* в Сечи называли дома для проживания иностранных послов) правили службу и молитвословие в казацких монастырях и церквях «по уставу святой горы Афонской». Так что ее вершина всегда была перед взором степного рыцаря. Он четко знал и твердо помнил: если в конце земного пути у него хватит сил добраться до этой Земли обетованной, то израненное тело его еще получит частицу земной благодати, а душа навсегда успокоится.

Долгие месяцы пробирался к афонским святыням уставший от битв, крови и пограничных неурядиц запорожец. Скакал на

коне, плыл на корабле, однако чаще всего своими шагами мерил он длинную дорогу к Афону. Приходил не на пустое место, не в безлюдную глушь. Кстати, и названия знакомые тут встречались. Самарью называлась одна из афонских пещер. А, как известно, днепровский приток Самара была для запорожцев *святой рекой*. Из разных земель на Афоне еще в VII веке обосновались те, кто решил отречься от мирской суеты и затвориться для спасения души и соединения с Богом. Афонские иноки принимали казаков как братьев. Дело в том, что многие запорожцы любили, как выражались сечевики, жить «по-монастырски» — отдельно от шумного товарищества, наедине с природой и Богом. Плавневые хуторки казаков-зимовчаков в чем-то даже были похожи на афонские скиты — такое же отшельничество, замкнутый островной мирок, каждодневная молитва, свое натуральное хозяйство. Афонские старцы были понаслышаны и о знаменитых казацких характерниках-пустынниках, у которых многому можно было поучиться.

День набирал силу. Кораблек заворачивал в афонские бухточки с удивительно чистой водой, и паломники разбрелись по монастырям. Сегодня на Афоне существуют 20 действующих монастырей и множество более мелких монастырских обителей и подворий. Это своеобразная монашеская страна со своими границами, визами, таможенными правилами, государственным, экономическим и культурным устройством. Есть даже своя полиция, которая следит за тем, чтобы ни монахи, ни паломники не нарушали монастырских уставов, «общежительных» правил. Некоторые из них наверняка пришлись по душе запорожским казакам. На Афон, например, так же, как когда-то на Сечь, запрещен въезд женщинам — насельниками «сада Богородицы» (она, кстати, и определила этот запрет) могут быть только мужчины. Где-то через час мы сошли на пристани Свято-Пантелеймонова монастыря... Русские на Афоне обосновались еще в XI веке. В горах находится полуразвалившийся, заросший площом Старый Русик — первая обитель русских монахов.

В XVIII веке им был передан нынешний монастырь у моря. Еще с борта мы увидели целый город с крепостными стенами, башнями, церковными куполами, колокольнями. Когда-то здесь кипела жизнь — Свято-Пантелеймонов монастырь был одним из самых больших и оживленных на полуострове. Две тысячи монахов не только усердно молились, но и работали на огородах, в садах, кузницах, столярных и иконописных мастерских, ловили рыбу, торговали и даже плавали на парусных судах. Сегодня в монастыре не больше ста монахов. Много иноков с Украины. Мы расспрашивали про нелегкую, однако одновременно и ответственную, сурово-торжественную монашескую службу ребят из Мариуполя, Житомира, Луцка. Разные судьбы, разные пути на Святую землю. Заведующий монастырской библиотекой отец Максим родом из Тернополя. Свою миссию на Афоне он видит в переводе старых богословских трудов на украинский язык. Встретили мы среди монахов и своего земляка из Запорожья отца Исидора. Узнав, что я ищу на афонской земле следы запорожских казаков, он заметил: «Казаки побеждали на поле брани, а сюда приходили, чтобы победить себя. Это главная победа». Отец Исидор рассказал нам, что в получасе ходьбы от Пантократорского монастыря находится скит пророка Ильи. Здесь когда-то стояла келья, отданная в 1757 году выдающемуся (так дословно написано в греческом путеводителе по Афону) украинскому монаху и реформатору Паисию Величковскому (один из запорожских куреней, был назван в честь Величковского). Он и преобразовал келью в *общежительный* скит. Вполне возможно, что именно в этом ските в конце жизни и спасались запорожские казаки. Украинцам во всем мире нужно «до головы» хоть небольшой, но булавы. Отец Исидор заведует в монастыре церковной лавкой. На прощание иеромонах подарил мне открытку с видом монастыря, благословением и надписью: «Стяжи мир душевный, и вокруг тебя спасутся тысячи». Не об этом ли думали запорожцы, совершавшие паломничество на Святую Гору?

Заботу чернецкой (монашеской. — *Примеч. ред.*) братии сегодня хватает. Скучную сухую афонскую землю, которая кормит насельников, нужно рыхлить и поливать, монастырское хозяйство требует надлежащего ухода, громоздкие многоэтажные постройки — ремонта, а храмовые богатства — бдительного ока. Кроме того, надо встречать и провожать паломников. Это давняя традиция здешних монастырей. Афонская благодать не только для черноризников...

Первым делом в архондарике (монастырской гостинице) нас угостили анисовой водкой, белыми и черными сухарями (на выбор), лукумом — обсыпанными сахарной пудрой виноградными кубиками — и родниковой водой (во время постных трапез она впоследствии будет постоянно присутствовать на столе). Это традиционный неизменный в веках ритуал. Потом нам определили келью — светлую комнату с высокими потолками, откуда видны были врата, пальмы, колонны, золотистые луковки храма. Архондаричий отец Философ — строгий монах с художавым твердым лицом — был немногословен: «Вас Господь за чем-то сюда привел. Может быть, чтоб со стороны посмотреть на себя...» После этого началась жизнь по монастырскому расписанию.

Вообще все необычно в жизни монаха — все переиначено, кажется, парадоксальным, странным, в то же время очень много разумного и полезного. Это касается и службы, и работы, и отдыха. Многочисленные поклоны во время молитвы (чем больше, тем лучше), например, «дают телесное здравие, удаляя плесень изнеженности». Молиться лучше всего в уединении — его безмолвие очищает душу, утончает ум и освобождает сердце, плененное суетным миром. Нередко, кстати, само безмолвие является своеобразной молитвой, глубоким проникновением внутрь себя. Однако здесь нужна осторожность и мера, чтобы, как говорят монахи, «не впасть в прелесть», то есть не сойти с ума. Бог создал нужное не трудным, а трудное не нужным. Поэтому работа должна быть простой, неспешной, не тяжелой.

Желательно, чтобы ноги и руки при этом двигались «сами», почти механически, «не имея нужды в помощи ума». Это не касается духовной жизни, которая, как воскресение без распятия, невозможна без напряжения, даже боли. Спать нужно на твердой деревянной кровати, употреблять однообразную грубую пищу. Жирная еда *засаливает душу*, а соусы и консервы *разжижают тело*. Полезно грызть сухари, пить в малом количестве вино, употреблять по утрам разбавленный с теплой водой мед. Наверное, запорожским казакам несложно было приспособиться к строгим афонским правилам. Суровая казацкая жизнь закалила их, в какой-то мере подготовила к афонской аскезе.

Мы бродили по монастырю — никто не обращал на нас внимания. У каждого своя цель и свой путь. Что привело тебя на Афон? Кем ты был в миру, чем занимался? Здесь не принято об этом спрашивать. Как в свое время и при вступлении в казацкий орден. Желаящий остаться в монастыре с согласия его старцев становится *трудником* — проходит испытание молитвой и трудом. Через год ему дают рясу и куфью (шапочку), через некоторое время он уже почти член монашеской общины — послушник, черноризник. Потом только (года через три) ему торжественно вручают мантию, он принимает постриг, получает монашеское имя и полноправный иноческий статус. Примерно так все было и у запорожцев. И испытательный срок, и своеобразный постриг в виде чуба — *оселедца* и новое имя-прозвище.

Казак оставался казаком и здесь на Афоне. Вкушая благодать Святой земли, не расслаблялся, не почивал на лаврах. Различные телесные и душевные испытания для него были правилом жизни. Доказывая свою рыцарскую запорожскую сущность, он неизменно добирался и до вершины. Как бы ему это ни было трудно. И сегодня восхождение на гору Афон для паломников — и проба сил, и ритуал, и обретение своей жизненной высоты. Вместе с вереницей мулов, нагруженных тюками и ящиками, от пристани, куда от монастыря привез нас все тот же кораблик со святым названием, по ступенькам мы поднялись до скита Свя-

той Анны. Ступеньки вверх продолжились и дальше. Утверждают, что это самая длинная в мире лестница. Я досчитал до пятисот. Потом сбился со счета. По пути попадались обихоженные роднички, каменные хижины, кресты. Мы отдыхали возле них и продолжали подъем. Уже по глинистой узкой тропе. Она то петляла между скал, то вилась по щебнистым осыпям, то ныряла в тенистые леса. Иногда нас обгоняли шустрые молодые крепкие паломники с огромными, набитыми современной туристской всячиной рюкзаками, чаще мы обгоняли других. В метрах пятистах перед вершиной последний приют — часовня Панагия. Строение разделено на две половины: в одной — печь и колодец, в другой — ночлежка. Пол устлан циновками, матрацами, одеялами, старыми спальниками. Живи, ночуй, отдыхай, набирайся сил перед последним рывком к вершине. К ней ведут красные указатели. Мы сошли с тропы и рванули напрямик — торопились успеть до захода солнца. В некоторых местах склон был покрыт арчевником. Нога вывертывалась, соскальзывала с его крепких, как железо, веток и проваливалась в пустоту. Из трещин в скалах торчали пучки незабудок. Хотелось схватиться за них, подтянуться. Перед самой вершиной на одном из выступов во время короткого отдыха я оглянулся и с высоты Афона охватил взором и мыслью все, что оставил внизу. Море слилось с небом. Островные земли вокруг были «подмыты» солнечным светом — видны были только их верхушки. Земные острова стали небесными обителями — приютами для ангелов и спасшихся душ. Здесь, на высоте двух тысяч метров, ты как будто примеряешься к существованию в другой ипостаси, заносишь ногу над священной чертой, за которой нет ни жизни, ни смерти, ни греха, ни спасения. А есть лишь вечный благовест, вечное ангельское парение...

Солнце окончательно скрылось. Из нижнего мрака подул холодный ветер. Однако наверху в небесных пределах еще было светло. Мой спутник настаивал, чтобы мы здесь переночевали. В маленькой часовенке под крестом, где мы только что запися-

ми в толстой гостевой книге и печатями в блокнотах засвидетельствовали свое присутствие на вершине, были и спальники, и продукты. Однако я все же решил спускаться вниз. К вершинам стремятся, их покоряют, однако на поднебесных высотах не живут. На небе засияли звезды, а в земных обителях зажглись свечи и лампадки. И оттуда потянуло вкусными дымками. К ним мы и ушли...

Лесбос, Мальта, Беларания...далее везде

...Солнце поднялось над покрытыми оливковыми рошицами холмами. По бирюзовой глади Эгейского моря пробежала рябь. Я стоял на пустынном пирсе маленького курортного городка и вглядывался в золотисто-дымчатую даль. Не мелькнет ли где парусник? Не покажется ли характерный силуэт быстроходной казацкой «чайки»? Среди множества островков в Эгейском море выделяется своими размерами и удобными для стоянок судов обширными бухтами остров Лесбос. В его восточной части находится город Митилини (так же называется и узкий пролив, отделяющий остров от турецкого побережья). В XVII веке тут был порт Метелино. В 1627 году по дороге в Египет в лесбосской гавани бросила якорь эскадра турецкого адмирала Касимбека. На борту галер было много невольников, в том числе и казаков с берегов Днепра. Еще по пути до Лесбоса запорожцы подстрекали галерных гребцов к восстанию. И вот, воспользовавшись ситуацией (адмирал и большая часть команды сошли на берег), невольники перебили охрану и захватили флагманский корабль. Исход короткой отчаянной схватки решили бесстрашие и удаль запорожцев. Их подвиг описан в думе про Самойла Кошку, который, по преданию, и был инициатором восстания на галере. Судно, захваченное казаками (среди них были выходцы и из других земель), взяло курс на Италию. Обогнув Пелопоннес, повстанцы остановились возле маленького остро-

вного архипелага Стрoфaдeс, гдe прoживaли грeчeскиe мoнaxи. Пoпoлнив здeсь зaпaсы прoвиaнтa, прeснoй вoды и пoдeлившись с прaвoслaвными мoнaxами чaстью дoбычи, кaзaки oтпpaвились дaльшe. Нaкoнeц бeглeцы пpибыли нa Сицилию, гдe в чeсть свoeгo спaсeния зaлoжили чaсoвeнку. Сицилийцы рaдушнo встрeтили мoрских скитaльцeв, прeдoстaвив им крoв и пищy. С Мeссины бывшeиe гaлeрныe нeвoльники пeрeбpaлись в Пaлeрмo, a oттyдa yжe нaпpaвились в Рим, гдe их пpинял сaм пaпa римский. Ужe в слeдyющeм, 1628 гoдy истoрия этa пoявилась нa стpaницax зaнимaтeльнoй бpoшyры, издaннoй пpeдпpимчивым итaльянцeм Мaркo Мaрнaвизиo.

Хaрaктeрнo, чтo нe тoлькo oгнeм и мeчoм oтмeчeнo пpeбывaниe зaпopoжцeв нa сpeдизeмнoмoрских oстрoвax. Вряд ли нa Сицилии сoхpaнилaсь зaлoжeннaя кaзaкaми чaсoвeнкa, a вoт нa сoсeднeй Мaльтe тyристy дo сих пoр пeрeстyпaют пoрoг сoбoрa Иoaннa Бoгoслoвa, чтoбы рaссмoтpeть нeoбычнyю фигyрy чyбaтoгo мoлoдцa-слaвянинa. Кaтoличeский xрaм, рaспoлoжeнный в стoличнoй Вaлeттe, гoрдитcя скyльптyрнoй гpyппoй, выпoлнeннoй итaльянским мaстeрoм Джoвaнни Бaптистoй Фeджини. В цeнтpe ee — бюст пpинцa Никoлo Кoнeрo, нaд ним зaвис aнгeл, тpyбящий в гoрн слaвы, a чyть нижe — мнoгoчислeнныe тpoфeи, дoбытыe в жeстoких бoяx с тyрeцким сyлтaнoм. Всe этo в сaмoм низy нeсyт двa чeлoвeкa, oдин из кoтoрых выглядит кaк нaстoящий зaпopoжeц — мyскyлистый, сyрoвый, с хaрaктeрным чyбoм — *oсeлeдцeм* и длинными yсaми. И нa мaльтийских бeрeгax, oкaзывaeтcя, пoбывaли днeпpoвские кaзaки. Их нeдaрoм в рaзличных истoчникax именoвaли рыцaрями, a сaмo кaзaцкoe бpaтствo — *Рыцaрским oрдeнoм Днeпpa*. В 1530 гoдy нa Мaльтy высaдилиcь рыцaри oрдeнa иoaннитoв (члeны рыцaрскoгo oрдeнa, oснoвaннoгo в Пaлeстинe крeстoнoсцaми в нaчaлe XII вeкa), кoтoрыe пoзднee стaли именoвaтьcя мaльтийскими рыцaрями. Вмeстe с зaпopoжскими кaзaкaми мaльтийские крeстoнoсцы срaжались пpoтив Oсмaнскoй импeрии. В рaзличных ee yгoлкax (вплoть дo Бeлapaпии — eгипeтских зeмeль) мoжнo былo встрe-

тить отряды мальтийцев, в состав которых могли входить и запорожцы. Есть сведения, что экипажи «чаек» во время морских рейдов высаживались на Мальте и других островах Средиземноморья. И даже в *беларанских* землях (так в народе называли африканские страны) встречаются следы чубатых молодцев. Египет поразил и тут же опечалил беспредельностью и безысходностью пустынных пространств. Казалось бы, ничего похожего на наши — хоть и тоже опаленные зноем и открытые ветрам, однако живые, меняющие цвет, — ковыльные степи. И все же, наблюдая за парящими в вышине птицами и бредущими через пески караванами бедуинов, я нет-нет да и переносился мысленно к берегам Днепра, от которых по пыльным полуденным шляхам двигались к морю чумацкие «валки», нет-нет да и вспоминал выносливость и неприхотливость запорожцев, их удивительную способность (ее ныне демонстрируют те же бедуины в пустыне) легко переносить степной «жар немерный», который в Диком Поле нередко был даже более жесток, чем африканский пустынный зной.

Связь славянских предков казаков в украинских землях с *беларанскими* народами увидел украинский писатель Сергей Плачинда. «Не следует забывать и про древнеукраинское племя сварогов, которое царица Иванна вывела из-под четвертого ледника в Центральную Сахару, где их теперь называют туарегами», — писал он. Есть у писателя-исследователя (с ним согласны и некоторые ученые мужи) и конкретное указание на древнюю связь народов Нила и днепровских казаков. В гробнице египетского фараона Хоремхеба найдено горельефное изображение воина с казацким оселедцем на темени и длинной косой, что спадает на плечо. Кто это? Четыре тысячи лет назад на территории нынешней Украины существовало развитое государство Ориана (Аратта). Орианское племя гетитов (здесь и далее речь идет о хеттах — индоевропейском народе, образовавшем древнее государство в Малой Азии. Происхождение от них украинцев и казаков, с точки зрения науки, более чем проблематично. — *Примеч. ред.*), ко-

торые носили косу-чуб (признак касты воинов), переправились через Босфор и на малоазийском пяточке основали Гиттию. Отдельные отряды древнеукраинских казаков-геттитов достигли даже берегов Нила. На египетских монументах и сегодня встречаются их изображения. Есть даже общие утверждения историков, что египетские фараоны переняли у ориан-геттитов колесницу, умение управлять конем, обычай носить косу. Геттиты — *полоняники*, военные навыки которых очень ценились в египетской армии, становились даже приближенными фараонов. Со временем они даже составили костяк мамлюкской (состоящей из бывших рабов) гвардии. Все это, конечно, догадки, предположения, простительные для писателей-романтиков натяжки, однако есть и документально подтвержденные свидетельства о пребывании украинских казаков в Африке.

Готовясь к поездке в Египет, я ознакомился со старинными заметками путешественников, которые побывали в южных странах. В докладе артиллерийского офицера Максима Качакова князю Потемкину о борьбе египетских беев против турок я нашел такие строки: «Касум-бек является сыном бахмутского казачьего атамана и выдающимся борцом в Египте. Ибреим-бек и Мурад-бек весьма его почитают». Так что, по крайней мере, один казак был среди правящих мамлюкских беев. А вообще (и тому есть документальные подтверждения) в XVIII веке в мамлюкских войсках Египта среди младших командиров-кашифов (не говоря уже о рядовых воинах) находилось много грузин, русских, украинцев. Особой боевой выучкой и выносливостью среди мамлюков-славян выделялись запорожские казаки, которые, воюя против турок, нередко становились их пленниками.

Кому бы ни приходилось «продавать» свое военное мастерство, куда бы ни забрасывала казака судьба, он везде оставался казаком — бесстрашным, находчивым, решительным. Шведский король Густав-Адольф II, например, стараясь привлечь казаков к службе в своей армии, называл их «вражескими дьяволами». В составе различных воинских формирований запорожцы

побывали почти во всех европейских странах. Выстрелы из казацких пистолей, «рушниц» и пушек звучали на полях сражений и на Балканах, и в Польше, и в Чехии, и в Австрии, и в Испании, и во Франции. Где казак, там и слава — на всем континенте военный престиж днепровских рыцарей был чрезвычайно высок. Особенно проявили себя казаки во время Тридцатилетней войны, участвуя в осаде и взятии Дюнкерка — важного порта при входе с Северного моря в Па-де-Кале и центрального опорного пункта испанцев во Фландрии. Военные операции командующего французскими войсками талантливого полководца принца Конде, как правило, завершались успехом благодаря участию в них наемников-запорожцев. Одним из организаторов этой казацкой экспедиции во Францию, кстати, был Богдан Хмельницкий.

Казацким мореходам, воинам, дипломатам, разведчикам, послам приходилось пересекать границы самых различных полуденных государств. Мне нередко в прошлом довелось бывать на Кавказе. И вершины гор покорял, и через хребты с рюкзаком переваливал к морю, и на стены древних крепостей подымался, и через бойницы сторожевых башен осматривал окрестности. Однажды даже пешим ходом одолел Военно-Грузинскую дорогу из Орджоникидзе до Тбилиси. Крутые зеленые склоны, сверкающие ледники, стремительные реки, чистое прохладное небо и серая лента шоссе, по которому я шел почти неделю. Шагал и повторял как заклинание: «Выхожу один я на дорогу...». Из стихов, как из песен и старинных дум, слов не выкинуть. Как не стереть из памяти имен поэтов, кушцов, воинов, пастухов, паломников — всех тех, кто в одиночку одолевал эти кавказские километры. Итальянский путешественник Пьетро делла Вале в начале XVII века через кавказские перевалы пришел в Персию, где в столичном Фергабаде на берегу Каспия встретил казака Степана. Запорожец попал сюда тем же путем. Степан рассказал путешественнику, что совершил этот рискованный переход по поручению товарищей, которые остались ждать его в черно-

морском порту Каполетте. Дело в том, что правители Грузии часто принимали у себя казаков, которые на «чайках» возвращались после походов к Анатолийским берегам. В благодарность опытные казацкие мореходы сопровождали грузинские суда, которые везли товары в европейские страны. Воевавшим с турками персам тоже хотелось привлечь на свою сторону запорожцев. Казаки не прочь были завязать дружественные отношения с персами. Для переговоров с персидским шахом и был послан казак Степан. Итальянский путешественник в своих мемуарах рассказывает, что шах, которому прямо на улице передал обращение казаков их посольный, воскликнул: «Вы не знаете, что это за люди, не знаете, какая цена этих людей и как надо себя с ними вести. Это те, что властвуют над Черным морем, что добыли столько городов, что сотворили туркам так много беды. Они могут оказать нам громадную услугу». Обласканный шахом казак Степан отправился в обратный путь к черноморским берегам. Через горные перевалы и стремительные реки, мимо заснеженных вершин и древних сторожевых башен. По своим старым, еще не затоптанным следам...

По ним и нам, быть может, предстоит пройти.

III. НА КАЗАКЕ И РОГОЖА ПРИГОЖА

Что за душой?

Он всегда передо мной — пробирающийся на лодке через плавневые дебри, застывший в раздумье на скале, спускающийся на коне по травянистому склону балки. Мне легко представить, как мой далекий чубатый предок выслеживает зверя, как он ловит рыбу, как преследует врага, как варит кулеш, потягивает *люльку*, выбирает атамана. И все же многие черты его характера скрыты временем. Порою, как ни силюсь, никак не удается «влезть» к нему в душу. Тогда я призываю на помощь его совре-

менников, полагаясь на их авторитетные свидетельства. Каким же был запорожский казак? Каков его характер? Что его определило и сформировало? Как и в чем он проявляется сегодня? Что передалось нам? «Влезть» в казацкую душу, рассмотреть, что в ней и за нею, делали попытку немало исследователей народного быта, ученых, писателей, путешественников и просто наблюдательных и любознательных людей.

Дикие степи, ревущие пороги, плавневые дебри, бурные моря — прежде всего, эти «местоположения», по мнению многих, определили характер запорожца, поселившегося здесь. Уйти из обжитых мест за пороги, быстро освоиться и обжиться в этой дикой «земле страха» мог только человек «с железной натурой». Таковыми и были запорожские казаки — «смелый, страстный, характерный народ». Отвага мед пьет или кандалы трет. Третьего казаку не дано. Мужество, бесстрашие запорожцев стали своеобразным символом отваги вообще. «Или умрешь, или повиснешь — один раз мать родила», — любили говорить сечевики. Недаром их в народе называли «отчаюками» — людьми отчаянными, готовыми на все. Даже враги отдавали должное их бесстрашию и железной воле. Турецкий летописец XVII столетия Наим, например, свидетельствовал: «Нужно уверенно сказать, что невозможно найти на земле более храбрых людей, которые бы так мало заботились о своей собственной жизни и так мало боялись бы смерти».

Край за порогами был дикой местностью. Однако и тут когда-то обитали люди. Древние курганы и немые идолы на вершинах хранили память о народах, что кочевали здесь. Запорожцам передалось многое, чем жили степь и река тысячи лет назад. Французский историк Н. де Бартемон писал о запорожцах: «Эти люди выросли в работе, как скифы, закаленные всякими невзгодами, как гунны, способные к войне, как готы, почерневшие на солнце, как индийцы, и жестокие, как сарматы. Львы в преследовании врага, похожие на турок в коварстве, подобные скифам в ярости, они христиане в своей вере».

С древних времен степь была «унавожена костями, утучнена кровью». На род занятий казака и его характер несомненно наложили отпечаток эта земля битв и походов, опустошений и набегов, беспокойное воинственное пограничье, в котором право сильного часто было законом мирного сосуществования. Только тут и мог «образоваться народ воинственный, сильный своим соединением, народ отчаянный, которого вся жизнь была повита и взлелеяна войною». Многие авторы называют казаков *народом*. Это, конечно, условное, метафоричное определение, однако в нем — и удивление, и уважение, и явное признание особой роли казачества, его несомненной социальной и этнографической оригинальности. В статье «Взгляд на составление Малороссии» Н. Гоголь попытался определить сущность этой народности: «И вот составился народ, по вере и месту жительства принадлежащий Европе, но между тем по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатский, — народ, в котором так странно столкнулись две противоположные части света, две разнохарактерные стихии: европейская осторожность и азиатская беспечность, простодушие и хитрость, сильная деятельность и величайшая лень и нега, стремление к развитию и совершенствованию — и между тем желание казаться пренебрегающим всякое совершенствование».

Человек хорош, когда на себя похож. Так и запорожец. В его характере много противоречий, двойственности, ярких и пестрых лоскутов, мистики. И все же это — характер, особенное ни с каким другим не сравнимое запорожское характерничество. Какое семя, такое и племя. Казацкому роду нет переводу по берегам Днепра. «Или добыть, или дома не быть», — упрямо стоит на своем казацкий потомок, удивляя трудолюбием и упорством чужестранцев. Среди какого народа живешь, того и обычай перенимай. Куда судьба наклоняет, туда часто и гнется украинец на чужбине. Однако упрямо шагает своим путем, не забывает ни своей веры, ни обычаев предков. Не богатство без дна и края, а зажиточность и благосостояние, жизнь, в которой се-

мья плавает, как вареник в масле, — вот цель украинца-добытчика, украинца-хозяина. Спокойным за завтрашний день, уверенным в себе он может ощущать себя только тогда, когда есть хлеб — и к хлебу... Многое — из этого, от тех беспокойных казацких времен, когда, утвердив себя и свое в чистом (впоследствии оно стало щедрым и хлебным!) поле и плавневой чаще, буквально кишасей зверем, птицей и рыбой, вольный запорожец-воин стал превращаться в вольного запорожца-хозяина. За порогами же, вдали от обжитых мест можно было только тогда чувствовать себя паном, когда полны мешки, бочки и чаны. Даже титулы для запорожца мало что значили, если не кормили и не одевали. «Наилучший чин не быть ничем», — утверждали казаки-зимовчаки. На плавневых просторах Великого Луга запорожец стремился «жить сам по себе, как ему хочется, желательно подальше от соседей».

У одних такое упрямство и настойчивость в достижении своего вызывали уважение, другие же в этой самостийности, хуторянской философии видели негативную национальную черту, некое родимое пятно, которое украинцы унаследовали от запорожцев. Об этом порою рассуждают серьезные ученые мужи, спорят политики. Детям тоже приходится растолковывать, чье-то они роду-племени. Вот отрывок из популярного когда-то «Журнала для детей»: «В обычаях малоросса вообще больше хорошего, чем плохого; говорят: он настойчивый, несговорчивый и недоверчивый; но настойчивость его является следствием твердости характера и привязанности к привычкам — ведь только бездушный и холодный человек легко бросает впечатления детства! Несговорчивый малоросс тогда, когда ему подробно не растолкуют что-то, когда его не выслушают, не разберутся в сути дела, а только сурово карают. Недоверчивость же в нем образовалась в течение многих веков по историческим причинам. Если малоросс убедится, что ему желают добра, внимательно хотят вникнуть в его положение, посмотрите тогда, с какой лаской он пригласит вас к своему очагу на сенокосе или на рыбной ловле,

тогда его пасека, его дом вам полностью открыты». Это — и про украинского селянина — *гнездюка*, упрямо оравшего клепкой и терпеливо тянувшего свою извечную степную борозду, и про вольного плавневого лугаря, и про нынешнего жителя Украины, и про его далекого чубатого казацкого предка...

Крепки телом, сильны духом

«Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба!» — поучал Тарас Бульба своих сыновей. Путешественников, посллов, гостей со всех волостей удивляла простота жизни запорожцев, их закаленность, способность терпеть любые невзгоды. Где лег казак, там и уснул, где стал, там и стан его, где проголодался, там и добыл пищу — а не добыл, так и корешком, хлебной крохой обошелся. Многие авторы сравнивали запорожских казаков со спартанцами, которые лишения и обиходную простоту сделали нормой жизни. Запорожцы нередко специально демонстрировали перед гостями свое пренебрежение к роскоши, презрение к богатству. Что это? Бравата? Широта души? Насущная необходимость? «На простоту и воздержанность в жизни запорожцы смотрели, как на одну из важнейших и необходимейших причин их непобедимости в борьбе с врагами: только тот, кто победил в себе излишние потребности, в состоянии победить и неприятеля», — писал Д. Яворницкий. Что ж, действительно, высидеть и сутки, и двое в засаде, терпя укусы насекомых, странствовать по выжженным степным просторам, неделями болтаться в море мог только закаленный волевой человек, для которого, как для афонского монаха, суровая аскеза была необходимейшим условием истинной благодати, залогом верного спасения в жизненной круговерти.

С раннего детства казаков приучали к стойкости, лишениям, самоограничению. «Как крестили меня, — вспоминал один старый отгулявший свое сечевик, — то отец еще и порошу подсыпал в

купель, чтоб закалить, видите ли, с самого детства, — уже такая поведенция была у тех запорожцев». Казацкое чадо подрастало, и природная закалка (иногда вынужденная, часто вплетенная в народные обряды) становилась правилом его простой вольной жизни. Это были и купальские прыжки через костер с последующим нырянием в реку, и крещенское купание в проруби, и хождение босиком по юрьевской росе, и бдения у ночных костров во время выпаса сечевых лошадей. Казак просыпался и первым делом ополаскивал лицо и тело холодной водой. В любое время года процедура эта была неизменной. Если не было поблизости воды, то «мылся воздухом», энергично растирая тело куском ткани.

Многие путешественники удивлялись, наблюдая за казаками, которые и у себя в Сечи, и в походе, и даже в бою обходились не только без верхней одежды, но и без нательного белья. Это дало основание одному исследователю определить закалку как главнейшую силу запорожцев. «Казаки представляют собой сильных, закаленных на солнце людей», — авторитетно заявлял он. Конечно, закаленных не только на жгучем солнце, но и на пронизывающем степном ветру, под проливным дождем, и даже на морозе. Как известно, в степном краю морозы случаются пострашнее сибирских. Особенно во время так называемых драных зим, когда ветры землю «обдирают». Как выжить? Чем спастись? Выручала спартанская закалка и воля, однако и находчивость, смекалка помогали противостоять стихии. Еще предки казаков одевались «в козьи шкуры, защищаясь от вредных туманов». Отсюда, кстати, и «козья» теория происхождения казаков. Согревали казаков не только козы, но и овцы, и собаки. Случалось, даже верного коня обрекали на смерть, чтобы выжить. Из хроник известно, что казаки, как и татары, от жестоких степных морозов спасались «единственно только тем, что разрезывали брюха у лошадей, влезали во внутренности и грелись от стужи».

Казак прошел степной огонь и плавневую воду. Однако не только они вместе с ветрами до кости обдирали его тело и испытывали дух. Военные походы и постоянные стычки с коварным

врагом по-настоящему закалили казака, сделали из него спартанца — рыцаря без страха, толстого кошелька и лишнего жира. После любых самых страшных ран легко *выдюживал* запорожец. Даже пытки, которым подвергали казаков противники, не пугали отчаянных запорожцев. Как писал один автор, они «сдирающие шкуры со своих спин воспринимали, как комариный укус». Его живая кость быстро новым мясом обрастала. «Уж он и под святыми леживал, а все жив», — говорили о бывалом закаленном сечевике, который не боялся ни холода, ни жары, ни труб медных, ни сабли, ни черта...

Мешай дело с весельем...

«Со смеха люди бывают», — утверждали бывалые сечевики. И не просто ко всякому ремеслу и делу способные трудяги — а лихие рубаки, выносливые пехотинцы, смекалистые разведчики. По разным признакам набирали опытные старшины запорожцев в штурмовые отряды, диверсионные группы, морские команды. В числе достоинств учитывалась и способность «юморить», шуткой поддержать товарищей, попавших в беду, острым забористым словцом «переломить» безнадежную ситуацию. Вообще о запорожцах в народе сложилось мнение, как о людях, не знающих уныния, в полном смысле слова шутя преодолевающих невзгоды. Деды в плавневых селах рассказывали внукам о казацкой старине: «Запорожцы долго жили и весело. На войну было идут с радостью и смешками, а с войны возвращаются с музыкой и песнями».

Край за порогами — это красота, величие, щедрость, в то же время рядом с ними всегда — настороженность, беспокойство и тревога. Однако не эти чувства все-таки верховодили в казацких душах. Горе поле не вспашет, а беда не заволочит, так чего грустить и истощать себя слезами и напрасными молитвами. «От Днепра до Кракова везде беда одинакова. Но мы ту беду и пере-

борем, и перебудем», — уверяли бравые чубатые молодцы. А седоголовые старые казаки наставляли молодежь: «Кто в радости живет, того и кручина неймет. Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем».

Весело проводили запорожцы время в безделье, всякое дело тоже шуткой подпирали. Как известно, на Днепре казакам не было равных в умении добывать рыбу. В то же время рыбная ловля была для них и веселой забавой. А какая же забава без красного словца, шутки, розыгрыша! Птица поет — сама себя продает, казачий рыбарь хвастает — себя тешит и слушателей веселит. Один поймал плотку, что не лезет в глотку, другой — карася с поросся, третьему ничего не стоит из мухи слона, а из бычка сома сделать. «Честь да место, садись да хвастай», — встречали казаки-лугари своих товарищей, добывавших в плавнях себе пропитание. Тем дважды не надо было повторять. Рыбоуды присаживались к костру, угощались ароматной юшкой и начинали: «Ехал я посреди моря драбынястым возом, оглянулся перед собой — полный кузов раков. То чудо, братцы, а не раки: одного рака-неборака полная торба (сума. — *Примеч. ред.*) и клешня висит. Не верите? Видите: юшка красная — это не доказательство? Давайте крест съем. И тогда не поверите? Натя грош, пойдите купите рака, сварите, а юшку съешьте, рака потом продайте и грош мне отдайте». Если же кто-то попытается усомниться в правдивости слов балагура, он лихо закрутит усы и отрубит: «Чудеса-то в решете: много дырок, а некуда вылезти, мое же слово правдивое и твердое. Турецким сыном буду, коль это не так!»

Жизнь не баловала казаков, не до смеху им часто было и плавневых дебрях, и в дикой степи. Именно поэтому часто казацкая вольная голь на выдумки и насмешки была хитра. «Турки падают, как чурки, а наши, слава богу, стоят там без головы», — отвечал вернувшийся из похода израненный сечевик. Наговорит сердечный казак Голота мешок, торбу и три охапки небылиц о том, будто на осине кислицы, а на вербе груши растут, поворочает языком горы, начнет гнуть про яловых гусей, что на псарню летают и

понемногу молока носят, или же выдумает про кочергу, которая кудахчет, помело, что яйца несет, — и сразу жизнь его заиграет радужными красками, будни превратятся в праздники. Одним смехом, как известно, сыт не будешь, однако душу отведешь и товарищей подбодришь. А кто людей веселит, за того и громада стоит. Во всяком случае, среди казаков балагуры, шутники, которые умели поражать врага с отвагой и весельем, были в особом почете. Часто свой искрометный юмор запорожцы демонстрировали, принимая послов, выпроваживая почетных гостей, отвечая вельможам. Многие иностранцы отмечали, что казацкие «речи и вымыслы остры и большею частью на насмешку похожи». Письменные послания сечевиков порою пестрят издевками, розыгрышами, насмешливыми намеками. После рейда в Крым Сирко отправил крымскому хану письмо, в котором писал: «Если же пребывание наше немного беспокоило вас, то это оттого, что казаки, происходя не от одной матери, имеют также различные нравы и обычаи: иной стрелял вправо, другой влево, третий просто, — только все попадали в цель». Репинские запорожцы, которые надрывают животы, сочиняя письмо турецкому султану, стали олицетворением украинского характера вообще.

«Характерной чертой малоросса служит прирожденная насмешливость, которая не покидает его и в наиболее тяжелые минуты, — утверждал один автор в брошюре “Украина и украинцы”, изданной в Москве в 1918 году. — Эта черта характера просматривается даже в детях, когда слушаешь их меткие прозвища и шутки, которыми они награждают друг друга, слушаешь и поневоле засмеешься». Другой исследователь украинского быта в связи с этим указывал: «Малоросс не только насмехается над другими, но и над самим собой, невзирая иногда на чрезвычайно грустное свое положение». И в подтверждение этого приводил исторический случай, когда за какую-то провину царь приказал высечь казацких старшин. Во время жестокой порки те перемаргивались и кивали на плети: «А что, панове, добрый подарок для наших дружин будет?»

Запорожец умел и плач в радость обращать; по любому самому прискорбному поводу он не ныл, а надсаживал бока смехом — в веселый час ему не только порка, но и даже смерть была не страшна. Рассказывали про одного смельчака, который во время казни, когда его сажали на кол, насмеялся над палачом: «Криво, пан, лезет — прямее загоняй, прямее!»

Смех — насущная природная потребность запорожца. Как глоток воды или кусок хлеба. Сначала это был щит, впоследствии же он превратился в знамя. Стяг этот развевается до сих пор по обоим берегам Днепра...

Зачем казаку оселедец?

Гладко бритая голова и длинный чуб — *хохол* (его еще называли оселедцем) были характерной и оригинальной приметой запорожского казака. Вот как описывал своих воинственных и веселых предков один из казацких потомков: «Ходили запорожцы хорошо, одевались и роскошно и красиво; головы они, видители, брили; обреют да еще и мылом намажут, чтобы, видишь, лучше волосы росли; одну только чупрыну оставляли на голове, длины, вероятно, с аршин, черную да курчавую. Заправит ее, замотает раза два или три за левое ухо, да и повесит, она и висит у него до самого плеча да так за ухом и живет...»

Зачем же запорожцы наголо брили головы, оставляя длинный чуб? Дело тут в очень давних (если не древних!) традициях как степняков, так и вероятных предков казаков. Слово «чуб», как считают некоторые исследователи, произошло от персидского «чоб» — гроздь, кисть, пучок. Интересно, что у персов слово «казак» переводилось как «хохол». У воинственных готтов длинный чуб означал посвящение богу Одину (готское «хох оол» — сын неба).

Считается, что подобную прическу казаки заводили главным образом для форса, *на выхвалку*. Что ж, и в этом был свой смысл. Чуб был для казака своеобразной визитной карточкой, внешним

признаком (часто единственным!), по которому сечевики узнавали друг друга. Запорожец вдали от родных мест (уже не говоря о разведчиках, которые проникали в стан врага) мог вырядиться в любую одежду. Однако чуб под головным убором, даже если это была мусульманская чалма, всегда оставался на месте, был своего рода паролем при встрече с другим казаком. «Совсем казак, да чуб не так», — говорили сечевики. Как правило, чуб положено было носить за левым ухом. Читившие традиции «низового товарищества» и во всем соблюдавшие этикет, старики объясняли, что «чупрына, как знак удалого храброго казака, должна быть обращена к левой стороне». В этом случае чуб был своеобразным знаком «достоинств и отличий», вроде медали, ордена или шпаги. Нередко по форме чуба, его длине и ухоженности судили о звании казака, его старшинском чине, боевой выучке и опытности.

«Добрый казак баче (видит), где атаман скаче», — говорили сечевики. Определяли они это главным образом по чубу. Сечевики шутили, что их ватагу для принятия важного решения необходимо было *посмоктать* (тянуть, потягивать. — *Примеч. ред.*) чуприну, отчего кончик ее имел характерную острую форму. Не потому ли в народе этот казацкий чуб называли *оселедцем*?

«Чубатый идет, беду за собой ведет» — так нередко высказывались о казаках враги. Что ж, развевающийся по ветру чуб часто устрашал противника больше, чем острая сабля. Переселенцев, что попадали за пороги, нередко пугал один внешний вид казаков. Жены, случалось, ругали своих муженьков: «Завезли, дураки, в сторону хохлацкую: горницы белые, а люди выйдут страшные: черные, голова голая, да еще с пюзьмой (чубом)».

В сорочке единой

«Казак — душа правдивая, сорочки не имеет», — говорили о запорожцах (кое-кто, правда, прибавлял, усмехаясь: «Когда не пьет, то так гуляет»). Что ж, для их закаленных, покрытых шра-

мами тел нередко даже нательное белье было вовсе не обязательным. Один путешественник писал в своем дневнике о встретившейся ватаге казаков, которые были «голы, что бубны, без рубах, нагие, страшны зело». Так, правда, выглядели запорожцы у себя дома — в сечевом городке или на плавневом хуторе. На привалах они тоже чувствовали себя вольготно и нередко, сбросив одежду, отдыхали на мягкой траве или горячем речном песочке. А вот во время блуждания по плавневой густянке, скитания по безлюдным степям, в походе запорожцу уже не обойтись было без сорочки. Пожалуй, это главное его нательное одеяние, которое в народе называли «второй душой». «Невеянный (т.е. из неочищенного зерна с половой, мякиной. — *Примеч. ред.*) хлеб не голод, полотняная сорочка не нагота», — утверждали привыкшие к простоте в еде и одежде запорожцы. Среди запорожских казаков распространены были сорочки, которые носили в левобережных украинских селах.

На Левобережье воротник сорочки был, как правило, низким, стоячим, а достаточно широкие рукава не собирались в манжеты. Разрез делали посредине, концы воротника соединялись шнурком или лентой (красной, синей). В Поднепровье были распространены сорочки — *чумачки* и *украинки*. Чумачка шилась из сплошного полотнища (покрой *вперекидку*, без разреза на плечах) и расширялась за счет *бочков* от самого низа и к наиболее узкой части рукава. Просторная чумачка в районе днепровских порогов была известна как *лоцманская*. Как правило, казаки заправляли сорочки в шаровары.

Чтобы сорочки дольше служили и не донимал плавневый гнус, их вываривали в рыбьем жире и высушивали на солнце (чумачки с этой целью использовали деготь). На днепровском острове Хортица есть скала, которую называют *Ушивой* (Вшивой) — по народными преданиям, на этой скале запорожцы выбивали из сорочек вшей. Казаки по давней славянской привычке предпочитали белые сорочки. Однако встречались и серые, и грязно-синие, и рыжеватые. Возможно, такой цвет они приобрели

ретали после пропитки полотна природными антисептиками (имеются в виду те же рыбий жир и деготь. — *Примеч. ред.*). На одной из старинных картин изображен казак в необычной сорочке с полосатыми рукавами. Можно предположить, что *цветные* сорочки использовались казаками во время специальных боевых операций как маскировочное одеяние. «Был у меня халат, семьдесят семь лат (заплаток. — *Примеч. ред.*), можно было еще латать, так некуда иглой хватать», — вздыхал иной обитатель плавневых дебрей, мечтая об обновке. Однако даже если он ее приобретал, то старая покрытая заплатами сорочка еще долго сохранялась в сундуке. В любой момент она могла понадобиться следопыту как своеобразный маскхалат или казаку-разведчику, которому нужно было в тылу врага сыграть роль нищего.

Праздничные, а нередко и будничные казацкие сорочки имели вышивку. Ею украшали воротничок, манжеты, перед, подол. «Ой, у того сотника Харка (Харько, т.е. Захария. — *Примеч. ред.*) — та вышивана сорочка, гей у того сотника Харка та на рукавах мережка (сетчатый орнамент. — *Примеч. ред.*) ...», — поется в одной народной песне. Казацкие характерники утверждали, что вышивка, ее магические узоры и орнаменты призваны были защищать сечевиков от злой вражеской и нечистой силы. Народная память сберегла немало повествований о том, как узоры сорочек — *вишиванок* защищали казаков от пуль, служили им в далеких походах своеобразным оберегом.

Не жнет, не косит, а жупан носит

«На казаке и рогожа пригожа», — говорили в народе. Речь идет не только о казацком духе, рыцарстве, честности, однако же и об одежде. В основном верхней, защищающей от холода и дождя... В плавнях и дикой степи это действительно могла быть простая рогожка. В одной думе, например, упоминается *опанчина* (плащ-спанча. — *Примеч. ред.*) *рогозовая*. Вполне возмож-

но, что первые лугари могли и из рогоза (болотное растение. — *Примеч. ред.*) соорудить себе одежонку. Для этого использовали и камыш, и кора шла в ход, и травяными жгутами себя, случалось, опоясывали. Позже появились и различные полотняные накидки. Шили одежду сами; чаще носили ту, в которой попадали на Сечь.

Наиболее распространенной верхней одеждой на Украине считались свиты. С давних времен белые, черные или коричневые приталенные свиты из домотканого сукна (кое-где они шились из полотна и назывались *полотнянками*) были основной одеждой широких слоев населения. К свитам относились разнообразные *сердаки* и *серяки*, которые шили из серого сукна, *куртины* и *куцины* (короткие свиты). Свита из серого сукна была известна как *сермяга* (сермяжина — самодельная ткань, из которой шили сермяги). Нередко *сермяжкой* называли вообще всякую простую грубую одежду, которая, конечно, могла быть и на казацких плечах. «Хоть в сермяге, однако при доброй тяге», — шутили сечевики. Сякая-такая сермяжка запорожцу была не тяжка. «Ой, лежит казак в глубокой долине, постлал себе в голову сермяжину», — поется в одной народной песне. И в плавнях, и в степи сечевик мог использовать свою ветхую одежонку и как подушку, и как подстилку, и как скатерть, и как маскировочный халат, и как вещевого мешок, и как палатку.

Главной рабочей и праздничной одеждой казаков (кроме, конечно, сорочки) можно считать кафтан (кафтан). О нем упоминали многие авторы. Например, тот же Боплан относил кафтаны из толстого сукна к повседневному одеянию казаков. Кафтаны шились, как правило, на подкладке, были достаточно широкими в плечах и узкими в талии. Воротнички были узкими — «в два пальца». Рукава сужались до краев, где имели разрез, и при потребности отворачивались, превращаясь в манжеты — *закавраши*. С каждой стороны между швов были врезаны карманы — *гаманки*. На груди кафтаны застегивались при помощи петель, пуговиц, *гапλικов* — проволочных крючков, по бокам

иногда вшивались крючки для пистолетов. Разновидностью казачьего «каптана» некоторые считают чемерку (*чумарку*). Имело ли это название отношение к кавказцам-чемерисам (так когда-то называли кабардинцев), или может через чумаков попало на Украину, произошло ли от *черкасина* (вид хлопковой серой ткани) — неизвестно. Так или иначе, но чемерка с казачьих времен распространилась по всей Украине. Шилась она из тонкого черного сукна или хлопка, была достаточно длинна, со стоячим воротничком и мелкими сборами вокруг талии, с двумя рядами пуговиц впереди. Казаки могли носить и «короткие юбки, на манер турецких курток». Что это такое? Дело в том, что когда-то *юбкой* называли совсем не ту одежду, в которую ныне одеты женщины всех возрастов. Это был *холостой* (неутепленный) полукафтан из домашнего сукна.

Не жнет, не косит, а жупан носит. О ком речь в загадке? Одни уверенно бросали: «Пан», другие утверждали: Казак». Жупан — старинная славянская одежда — был типовой одеждой казачьих времен на Украине. Он воспринимался как признак богатства, использовался для разнообразных торжеств. Носили жупан и рядовые казаки, однако чаще всего — казачья старшина, зажиточные хуторяне. «Это уже одежда просторная и долгая, почти до самых косточек (т.е. лодыжек. — *Примеч. ред.*), с широкими рукавами, так как будто подризник у попа или то платье, что архиерейские певчие надевают по городам», — вспоминал один старый запорожец. *Жупаны* шились из шелкового штофа, дорогого сукна, парчи. Цвет верхнего наряда должен отличаться от цвета нижнего: поверх красных кафтанов, как правило, одевались голубые, синие, зеленые жупаны. Они могли быть совсем без воротника (напоминали свиту), но чаще имели стоячий или отложной воротник. Полы, отвороты, манжеты разукрашивались узорами, вышивкой, цветной тканью, тесьмой, шнурами, мехом. Пуговицы размещались в два ряда, но встречались и однобортные жупаны, которые имели пуговицы только по краю одного борта и петли — по краю другого. «Черкеской» у казаков называлась разно-

видность короткого жупана. Иногда жупаны шились «на проволоке». Она вставлялась в середину платья — «сколько хочешь, столько и бей, а не пробьешь» (кольчужные вставки между слоями ткани жупана — память о его происхождении от стеганой одежды, надевавшейся под латы. — *Примеч. ред.*).

Поверх жупана иногда надевался кунтуш — оригинальная старинная верхняя одежда с длинными и узкими рукавами (*вылетами*), которые имели продольные прорезы, в которые просовывались руки. Рукава — вылеты свисали по бокам или их перебрасывали через плечи на спину. Кунтуши украшались галунами и цветными шнурками. «Гуляй душа без кунтуша, лиха прикупив!» — восклицали казаки, столкнувшись с бедой.

Оригинальной и специфической верхней одеждой были опанчи и кобеняки. Их, как правило, одевали в дорогу, во время ненастья. Шились они из одного или двух перегнутого на плечах полотнищ самодельного грубого, но плотного сукна с широкими клиньями по бокам. Капюшон иногда украшался вышивкой, он мог быть сделанным в виде прямоугольного мешка с прорезью для глаз (его, случалось, использовали как котомку для дорожных вещей). Встречались кобеняки без рукавов, которые носились как плащи. Между прочим, у турков слово *каранак* означало *дождевой плащ*. О татарских кобеняках (или мантиях) у запорожцев писал в своем дневнике Эрих Лассота. Опанчей казаки иногда могли называть любую верхнюю плащевую одежду. Скажем, ту же бурку. Это длинный войлочный плащ, покрытый шерстью. Некоторые авторы сообщают, что казаки носили «косматую шерстяную, для непогоды, бурку, что называлась у поляков «вильчурой». В походах бурка для казака-всадника была и крышей и постелью.

«Казак Муха без кожуха» — речь про непутевого, совсем пропавшего запорожца. В зимнюю стылую степь, где ветры лютуют, будто беспривязные голодные псы, не сунешься без теплой меховой одежды. Шкура убитого зверя спасала древнего человека от холода. Без кожухов — *зимогреев* не могли обойтись и обитатели

края за порогами. «Кожушаная заплатка как родная matka», — утверждали хуторяне-зимовчаки. Они были уверены, что душа может быть сытой только тогда, когда есть кожух и свита (их сочетание называли *паровицей*). Пастухи и чабаны, а также дозорные казаки на сторожевых могилах (курганах. — *Примеч. ред.*) зимой могли надевать пошитые из старых кожухов меховые штаны — *мешины*. Водились у запорожцев (в основном у старшин) и подбитые волчьим, лисьим, соболевым мехом шубы. Эрих Лассота, например, сообщает, что казаки подарили ему кунью шубу.

В разных верхних одеяниях встречаем запорожских казаков на старинных картинах. В походах казаки довольствовались плохонькой ветхой (*подлой*, как говорили в те времена) одежкой, подбитой ветром и подшитой запахами трав. Возвратившись же в Сечь с богатой добычей, запорожец начинал прихорашиваться, словно на свадьбу, *выставлять* себя перед товарищами, примеряя трофеи. Как пройдет такой щеголь по улице, «так как будто весь убран звездами или цветами». Про такого в народе говорили: «В убранстве казак всем хорош, как *забрызжит* (забренчит. — *Примеч. ред.*) все слушают». Часто по одежке встречали казаков и в заморских странах, и в центральных районах Украины. Некоторые авторы считают, что нередко запорожцы хвастались нарядами, чтобы привлечь в свое войско смельчаков, жаждущих добычи и славы. Несомненно, что и эти искатели легкой наживы «увеличивали собой запорожское войско и его значение».

Шириной в Черное море

Просторные шаровары были экзотической и приметной частью казацкой одежды. Шились они в основном из сукна, однако могли быть и кожаные. Очевидцев поражала ширина казацких шаровар, которую знаменитый Гоголь даже сравнивал с шириной Черного моря. Важно вышагивающий казак тоже пред-

ставлял собой любопытное зрелище — «точно парус распускает» бравый сечевик, демонстрируя всем новенькие синие шаровары, что нависали на переда сапог.

Известно, сколько материи использовалось для пошива казацких штанов: двенадцать аршин. Такие шаровары назывались рясными. На шаровары же «с достатком» уходило еще больше сукна — до пятнадцати аршин. Зачем запорожцу нужны были такие просторные штаны? «Как идет казак, так и след за собой метет», — говорили о сечевике, который шел будто бы пританцовывая. Конечно, речь шла прежде всего о казаке, что выхвлялся своими шароварами. Однако подразумевался и казацкий следопыт, который двигался легко и бесшумно, не оставляя после себя следов, по которым можно было бы определить маршрут его продвижения. Важна была и маскировка. Порою издали и не поймешь, кто перед тобой — «точно баба в юбке стоит» (скрадывание силуэта — важный принцип маскировки; однако широкими шаровары делались прежде всего для удобства верховой езды. — *Примеч. ред.*).

Очевидцы свидетельствовали, что «в иные шаровары можно штук тридцать арбузов вложить». Арбузы, конечно, казакам ни к чему было таскать в шароварах, а вот саблю или пистоль приходилось прятать частенько. Врагу невдомек было, что разгуливающие в ярмарочной толпе полуголые бродяги в шароварах были казацкими лазутчиками, которые скрывали под ветхой одеждой оружие. В любой момент базарный зевака, крикливый торговец, жалкий попрошайка или слепой кобзарь могли выхватить из шаровар кинжалы или пистолы, превратившись в ловких воинов.

Пара сапог

«Там, где казак походит, там черту приходится побегать», — говорили в народе. Что ж, действительно, много дорог и тропок в Запорогах, и все они были известны запорожцам. Однако и по без-

дорожью в любое время дня и года казацкие следопыты пробирались легко и свободно. И все благодаря надежной, крепкой и удобной обуви. Впрочем, и без нее казак не унывал. «А еще на казаку бедному — *нетязе, сапьянцы* (обувь из сафьяновой кожи. — *Примеч. ред.*) — видны пятки и пальцы», — шутили об отчаянных закаленных лугарях. «На них ни сапог, ни штанов, ни сорочки не было: а на другом сами рубцы висят; будто тот цыган идет — пятками светит», — говорили о бедовых сечевиках, которые нередко с дикими криками вырывались из болота в чем мать родила, пугая своим страшным «голым» видом не только врагов, но и товарищей...

Имеешь какую-то одежду, следует позаботиться и об обуви. Эта забота была не последней в ряду дел первых плавневых поселенцев. Их первой обувью были лапти (*лычаки*), которые изготавливали из растительных стеблей, коры ивы, липы, вяза. В старинной литературе для обозначения обуви встречается слово «черевя». Считают, что это были именно постолы — простая легкая кожаная обувь. Постолы изготавливались быстро и просто: края вырезанного по ноге, но с запасом куска кожи размачивались, загибались и словно сморщивались (говорили *морщить постолы*, а не шить). В прорезы — *островки* просовывался ремешок, который стягивал ногу. Иногда «сморщивалась» только задняя часть, передние же углы сгибались и сшивались так, что ступня входила в это углубление приблизительно на треть. Для сметливого мастеровитого лугаря ничего не стоило изготовить из куска кожи простейшую обувь. Вот что рассказывали об этом очевидцы: «А иной поймает козу, обдерет ее, облупит кожу, очистит от шерсти, оденется, обуе постолы из кожи, толщины в вершок, а длины в две четверти, да и блукает по степи. А другой и того лучше: или вырядится в такие постолы, что в них можно Днепр переплыть, или на одну ногу натянёт постол, а на другую сафьяновый сапог, да еще и припевает: «Одна нога в постоле, а другая в сапьяне».

Постолики-соколики не только спасали ноги. Иногда они становились спасительной соломинкою и для изголодавшегося же-

лудка. «Мужик с медом и свой постол съел», — шутили в народе. Однако не до шутки иногда было казаку, который вдалеке от дома готов был от голода грызть собственные кулаки. Приходилось тогда бедняге разжигать костер и варить в котелке свои кожаные *ходоки*.

Лапти и постолы, конечно, не могли считаться хорошей обувкой даже для рядового члена сплоченной казацкой ватаги. Швец, как известно, не на одну колодку сапоги шьет. Ремесло чеботаря уважали все, кое-кто даже считал, что без помощи потусторонних сил здесь не обходилось. «Швец, мнец, копытец набрал подошв и к черту пошел», — шутили казаки. Они носили сапоги самых разнообразных типов. Они были и повседневной, и праздничной удобной, и практической обувкой. На народных картинах обувь казаков изображалась схематично — сапоги нередко обтягивали ногу и были похожи на чулки. Предполагают, что это могли быть мягкие сапоги без каблуков (так называемые *ичиги* донских казаков). Казацкие чеботари умели шить и *выворотни* — сапоги, шитые драгвой, с подошвой без стелек, и *рантовые* сапоги — с подшитой к голенищам стелькой, к которой приделывается подошва, и гвоздевые сапоги — подошва подбита деревянными или металлическими гвоздиками. Для мягких, удобных, облегчающих ногу казацких сапог часто использовался сафьян — особым образом обработанная козья шкура. «А где ж ваши, хлопцы, славные запорожцы, чоботы сафьянцы», — поется в одной народной песне. Сафьяновые сапоги были предметом гордости казака. «Под шаровары уже надевались сафьяновые чоботы, желтые, зеленые, красные, с золотыми, серебряными и медными подковками, с узенькими носками», — так описывали эту обувь очевидцы. «Видно пана по халявах» (по голенищам. — *Примеч. ред.*) — оценив сорт и качество материала, способ покроя сапог, можно было определить и боевую выучку казака, его опыт и чин.

Даже пропившийся до нитки казак не рисковал надевать сапоги на голую ногу. Ей полагались обмотки-онучи. Перед ответственной боевой операцией или дальним походом они на-

кручивались особенно тщательно. Нередко казаки для обмоток использовали дорогую трофейную материю. «Довольство добычи выражалось у запорожцев тем, что они рвали шелковую и китайчатую материю на куски и обертывали этими кусками вместо онуч ноги», — писал один исследователь казацкого быта. Особым шиком считалось у казаков после успешного похода выпустить край дорогой материи поверх голенищ.

Немец Вердум, побывавший в XVII веке в полуденных степях за порогами, замечал: «Простые люди, хотя бы мороз был самым сильным, обертывают утром ноги пучком соломы и натягивают на это сапоги, выдерживая так целый день на морозе». В некоторых приднепровских селах до сих пор *крутелем* называют соломенный жгут, которым зимой обматывают ноги, одевая большие сапоги. Точно также поступали и запорожские казаки, используя для защиты ног от холода мягкую сухую траву, поверх которой накручивали полотняные онучи. Правда, для таких обмоток требовались сапоги на пару размеров больше обычных, а то и просторная обувь типа валенок. Для сечевика, лежащего зимой в засаде или несущего дозорную службу на продутом ветрами кургане, такие чуни были предпочтительнее самых дорогих «сапьянцев». Известны были у запорожских казаков и другие виды обуви. На одной из народных картин изображен казак, обутый в мягкие башмаки (слово это, кстати, в тюркских наречиях означает «теленок»). Вместо обычных подошв снизу с помощью цепочек прикреплены металлические пластинки. Возможно, подобная обувь применялась для специальных военных операций. Скажем, для лазания по отвесным крепостным стенам...

Дело в шляпе

В теле — сила, в голове — ум и хитрость. Голова — на плечах, а на голове — шапка. Ею прикрывал (*убирал*) запорожец главную свою ценность, с помощью которой и вершились все казацкие

дела. Шапка для сечевика была не просто головным убором, элементом одежды, а неким символом казачества, вольной жизни. Даже сабля на боку и пистоль за поясом не превращали простоволосого парубка в казака. Шапка была «самым первым и самым главным нарядом казака», который, как известно, любил, чтобы и «хустка» (платок) на голове козырем ходила. «Как надел шапку, так уже и казак», — шутили запорожцы.

В народных думках речь идет о казацкой *шапке-бирке*. Что это такое? Вот как в думе изображается этот головной убор: «Шапка-бирка—сверху дырка, мех голый, околыши Бог имеет, она дождем покрыта, травой пошита, а ветром подбита: куда веет—туда и провевает, молодого казака и прохолождает». Что ж, и такими головными уборами пользовались казаки—в далеких походах и лист лебеды, и клочок травы могли защитить от солнца и дождя. А когда находился кусок ткани, которым можно было накрыть голову (а еще лучше обмотать ее), то казак уже совсем был готов к дорожным испытаниям. Вполне вероятно, что запорожцы могли пользоваться и головными уборами, похожими на турецкие чалмы (их в народе называли *завивайлами*).

Среди запорожских казаков были распространены шапки с высоким серого цвета мерлушковым околышем и красным, зеленым, голубым суконным или шелковым верхом (иногда он украшался нашитым крест-накрест золотым или серебряным позументом), который мог заканчиваться кисточкой (*китицей*) и свешиваться с головы. Кисточка часто пристегивалась к шапке крючком. Цвет верхней части шапки нередко зависел от того, к какому куреню был приписан казак. По суконному или шелковому цвету верха шапок определялась принадлежность казака к тому или иному куреню. *Солодким дном* назывался у запорожцев красный вершок. Подобные головные уборы часто называли *шлыками*. В думе о казаке Голоте, скажем, речь идет о том, как он, убив богатого татарина, надел его бархатный шлык. Такое же название носили и невысокие зимние шапки с суконными круглыми верхами — *наголовками* и черной мерлушковой загнутой опушкой.

По тому, как была надета шапка, можно было судить о намерениях казака, его готовности предпринять какое-нибудь действие. Шапка на затылке означала азарт, приподнятое настроение, нацеленность на победу в бою; шапка, сдвинутая на ухо, — сечевик задумал какую-нибудь хитрость; сбитый на брови головной убор — ватаг думает, принимает ответственное решение. Похрапывающий под деревом сечевик надвигал шапку на глаза — не буди и не тревожь отдыхающего воина. В бою, чтобы ошеломить, сбить с толку противника, можно было внезапно бросить шапку в лицо врагу. Головные уборы часто использовались в играх, тренировках. Скажем, один казак подбрасывал вверх свою шапку, а другой подлетал на коне и схватывал ее. Кто не успевал это сделать, за свой счет угощал товарищей.

«Дело в шляпе», — говорим мы о благополучном завершении сделки, принятии ответственного решения, выполнении важного поручения. Выражение это с давних казацких времен. Под шапку прятались важные донесения, с которыми казак скакал к товарищам. Околыши служили вместо карманов: туда прятались различные мелкие предметы. Часто за околыши казак засовывал и любимую трубку-люльку...

Что стоит подпоясаться?

Казак мог не иметь дорогого жупана, нередко даже обходился без кафтана или сермяги, однако пояс был всегда при нем. «Что мне собраться? Встал, подпоясался и совсем готов», — шутили и молодые верзилы, и седоусые деды. Пояс был последним элементом в одежде и казака-зимовчака, и сечевого рыцаря, и чумака — как подпоясались они, так уже готовы к труду, к бою, к путешествию. Пояс охватывал, ограничивал, закреплял, подтягивал, согревал, защищал, украшал — казацкая жизнь без поясного наряда расплзлась, как старая кожушина.

В народных думках упоминается «поясина хмельовая». Что ж, лугарь действительно нередко вместо пояса использовал и лозу дикого винограда, и полоску коры, и травяной жгут. Пояс (даже если его роль играла простая веревка) стягивал изношенную и разорванную одежду, которая мешала быстро и бесшумно продираться через заросли. Кроме этого он держал фигуру, скреплял израненное и изломанное тело, помогал запорожцу сосредоточиться, способствовал собранности и дисциплинарной выучке.

Трудно представить костюм казацкого рыцаря без широкого, восточного происхождения пояса. Назывался он *персидским* или *слуцким*. Каждая сторона такого пояса имела свой цвет и узор. Изготавливались они, как правило, из персидского шелка, на концах разукрашивались растительным орнаментом, который вышивался золотыми и серебряными нитками. Для шалевых поясов использовалась шелковая ткань.

Казацкие пояса были достаточно длинными — до восьми метров, для опоясывания складывались (по ширине) втрое. «Когда требовалось казаку подпоясаться, то он привяжет пояс шнурком к цвяшкю (колышкю. — *Примеч. ред.*) и качается вокруг, так и наматает весь пояс на себя», — описывал этот процесс один старый запорожец. Кстати, в народе способ подпоясывания, когда оба конца свисали с одного бока, называли *по-казацки* (*по-крестьянски* — кисти свисали с обеих боков). Поясные ткани имели на концах разноцветные бахромы, большие шаровидные кисти (*кутасы*). Сами пояса были, как правило, красные и зеленые, но встречались и голубые, и коричневые. Пояса высоко ценились казаками, могли стоить столько, сколько кафтан, иногда были вдвое дороже, чем сапоги.

Для чего эти сложности? Зачем казаку нужно было тратить столько времени на опоясывание? В наряде воина все имело практический смысл, носило сугубо функциональный характер. За пояс затыкались пистолы, кинжалы, трубки, к ним цеплялись фляги, пороховницы, мешочки для пуль и табака, в широ-

кие пояса заматывались различные мелкие предметы, драгоценности, деньги. В плавнях лугари никуда не ходили без веревки в кармане. Вместо нее запорожцы употребляли длинный пояс, который они использовали и при переноске грузов, и при переправах через реки, и для устройства бивуаков. Для остановки кровотечения пояс играл роль жгута или закрутки, а при переломах — шинной повязки. Носили запорожцы и короткие пояса, свитые из конского волоса, или ремни, вырезанные из кожи. К ним приделывались крючки для оружия.

«Люлька в зубах зашкварчала...»

Без курительной трубки — *люльки* невозможно представить ни лихого сечевика, ни его собрата казака-зимовчака, ни убежденного седиными казацкого старейшину. На одной из народных картин, где изображен запорожский казак, есть такая надпись: «Се казак-запорожец, ни об чем не тужит: как люлька есть и *тютюнец* (тютюн — табак. — *Примеч. ред.*), то ему и байдуже».

Трубка была неотъемлемой частью казацкого «ясного» оружия. «Люлька в зубах зашкварчала, сабля в ножнах забряжчала» — даже в жарком бою иной удалой сечевик не выпускал изо рта трубки. За нее он мог и против сильного врага выступить, и даже голову положить. Как не вспомнить здесь гордого Тараса Бульбу, который не захотел оставить на поле брани свою верную боевую подругу. Кстати, в любой момент сечевик мог использовать ее и как оружие. Скажем, ловко ткнуть чубуком в болевую точку или *приснуть* в глаза трубочным жаром.

Утверждают, что табак и трубку придумал не кто иной, как черт, чтоб *казак-самотник* (одиночка. — *Примеч. ред.*), который жил в степной балке, не натворил с тоски и безделья чего-нибудь непотребного. И в дороге посреди неоглядной степи казаку нелегко без трубки. «Люлька для запорожца, — писал один авторитетный знаток казацкого быта, — родная сестра, дорогая

подруга его: он как сел на коня, зараз (сразу. — *Примеч. ред.*) же запалил люльку да так верст шесть, а то и больше все смалит и смалит и изо рта ее не выпускает». На одной из казацких трубок можно разобрать поучительные слова: «Казацкая люлька — добра думка». Что ж, трубка, которую в уединении не спеша потягивал атаман, помогала обдумывать детали предстоящей боевой операции, принимать важное ответственное решение. «Закурим, братцы, трубки, чтоб дома не журились!» — восклицали сечевики, сгрудившись возле походного степного костра. На привалах вдали от родных плавневых островов *трубка-носогрейка* и душу согревала, и сердце веселила. «В трубочку табачку все горе закручу», — вздыхал иной казак-сердега, которого беды обсели, как мухи падаль. И действительно, нередко пахучие пьянящие трубочные дымки уводили из головы мрачные думы, суетную крувоверть мыслей, ненужную расслабляющую грусть.

Каждый казак имел свою собственную обиходную трубку — *буруньку* (от турецкого *бурун* — нос). И при этом чаще всего был сам себе мастером-трубочником. Вырезать из клена, вишни, груши простое курительное приспособление с дырой посредине и приделать к нему чубук мог каждый. Примитивные трубки — *смольки* часто изготавливали по мере необходимости на быструю руку из подручного материала, даже не имея специального инструмента. Были в употреблении у казаков и глиняные трубки — *черепанки*. Встречались у запорожцев и представительные трубки, которые не стыдно было предложить дорогим гостям или выкурить спокойно после торжественной трапезы. Из украинской глубинки попадали к запорожцам изящные покрытые орнаментом глиняные трубочки, характерные плосковатые трубки — *сорочинки*, выделанные медью, с крышечками и цепочками трубки — *зеньковки*. Пускали по кругу запорожцы и большие *обческие* трубки с длинным чубуком.

Чем же набивали трубки запорожские казаки? «Если ты курец, имей свою трубку и тюпюнец», — шутили сечевики. Присев где-нибудь под плетнем на вербовой колоде, седые казаки-

зимовчаки с пожелтевшими вислыми усами любили поспорить о том, чей самосад «лютее». Со знанием дела они вели разговор и про *потерть* (протертый табак), и про *рубанку* (рубаную махорку), и про *шнуровку* (табак с крупным листом), и про *мажорку* или *штамбур* (турецкие сорта табака). Что ж, казакам хорошо был знаком вкус заморского табачка. «Курил в Стамбуле злые табаки...» — эти слова мог пропеть и запорожец. Не редко в табак добавляли различные травы — душицу, мяту, любисток, донник. Среди растительных добавок могли быть и дурманящие травки. Той же беленой можно было не только объесться, но и обкуриться.

IV. КАЗАЦКОМУ РОДУ НЕТ ПЕРЕВОДУ

Богатырская сила

Баба Дуня Евдокимова из села Алексеевки, что расположено на правом берегу Днепра между бывшими Звонецким и самым грозным Ненасытецким порогами, по узкой тропке между глинобитной печью и пузатым бидоном с торчащим из крышки змеевиком, который выдавал предназначение аппарата, провела меня в сад и показала на ряд плоских валунов, ребра которых торчали из земли. Гранитные обломки служили оградой, отделяя ее участок от соседского.

— Камни эти от порогов силачи доставляли. Закатывали на железяку и волами наверх тягли. А то прямо на себе носили — жили по всему телу, что канаты, а не бросали. В селе много таких было. Говорят, все они казацкого роду... Взять хоча б Ивана Гудыма. Приехал он раз на мельницу и стоит вместе со всеми, ждет, когда его черед настанет. Ему и говорят: «Подымешь жернов, пропустим без очереди». Так он взял и перебросил через себя. Сначала один жернов. А потом другой. Теперь таких нет. Народ слабый пошел, негодный. Кто Украину держать будет — не знаю...

О дюжих мужиках, силачах, *богачах* (в смысле — богатырях), что обитали в районе порогов, слышал я и в других селах. Одна бабулька, например, удивлялась: «Раньше все Днипро камнями забито было. Потом после перемычки их не стало. А опосля по берегам опять появились. Сначала маленькие, потом все больше. Вроде, как расти стали. Чи то я меньшаю (или это я меньше становлюсь. — *Примеч. ред.*)? Чи, може, их какой здоровяк понакидал?» Что ж, даже сегодня, глядя на правильные нагромождения валунов, ступенчатую форму скал, отдельные фигурные камни на травянистых склонах балок, трудно удержаться от мысли, что тут не обошлось без людей, обладающих необыкновенной силой, сверхъестественными способностями. Когда-то фантазия и полет вдохновенной мысли создали легенды, теперь древние предания и сказки подпитывают воображение, пробуждают любопытство, воспитывают чувства. Между Лоханским и Звонецким порогом на правом и против него левом берегу торчали два огромных камня, которые в народе называли Богатырями. Рассказывали, что их с одного берега на другой, меряясь силой и определяя, кому какой землей владеть, швыряли русский и турецкий богатыри. Показывали даже на одном валуне в том месте, где русский силач брался за него, отпечатки ладони и пальцев. Поговаривали, что эти отпечатки принадлежали запорожскому силачу из среды казацков-характерников. Свою необыкновенную силу они проявляли не только в поединках, на поле брани. В повседневной жизни они удивляли казаков-гречкосеев, таская от порогов для хозяйственных надобностей и бытовых нужд огромные валуны, ворочая в днепровском потоке камни, взваливая на себя могильные плиты, памятники и кресты.

О подобных подвигах казацких богатырей можно и сегодня услышать в любом приднепровском селе. В старину же ни одной душевной застольной беседы, уличной сходки не обходилось без чудесных историй о широте натуры и феноменальной силе запорожцев. «Страшенный народ был, — рассказывали старики. — Богатыри у них были такие, каким равных нигде не

было». Уже один «мордатый, точно обточенный» внешний вид сечевиков повергал в трепет врага. Вот как в одной легенде описываются казацкие здоровяки: «У каждого по семь пудов голова, у каждого такие усища, что бывало, как возьмет он их в обе руки, да как расправит один ус туда, а другой сюда, так и в дверь не влезет, хоть бы в нее целая тройка с повозкой проскочила».

Внешнему виду казацких богатырей соответствовала и их исключительная физическая сила. Одни тугие луки, над которыми несколько человек справиться не могли, играючи натягивали, другие толстые железные полосы, что снопы в поле, вокруг шеи врага скручивали, третьи везы через броды на себе перетаскивали, ядра через самые широкие реки запросто перебрасывали. Сохранилось множество преданий о казацких богатырях. В приднепровских селах и поныне, например, можно услышать такую бывальщину: «Идет по Сечи казак, видит — его слуга-джура, совсем еще пацанчик, задрал голову и на колокольню смотрит. “Что там такое?” — спрашивает он у мальчика. “Та вот ломовую гармату туда затащил”. — “Ты?” — “Я”, — спокойно ответил хлопец. “Залезь и снеси обратно”, — приказал запорожец. Слуга залез и снес пушку». Возле Буга в степи путешественникам показывали выбитую на гранитной плите человеческую руку, в которой «одна кисть имеет семь с половиной четвертей, а большой палец — три четверти». Утверждали, что рука эта принадлежала одному казацкому есаулу. Однажды он, бахвалясь своей силой, шлепнул по скале ладонью и, обращаясь к атаману, спросил: «Батьку кошевой, а посмотри, чи я таковой?» Из уст в уста передавали сечевики былички о некоем Васюринском козарлюге (казачине. — *Примеч. ред.*), обладавшем невероятной силой: «То был такой силач, что когда он причащался, то четыре человека поддерживали священника, чтобы он не упал от одного духа богатыря». Особой силой отличались казацкие предводители. Вот свидетельство современника казаков немецкого исследователя И. Мюллера: «Войско без вождя — тело без души, а у крепкого вождя — крепкое тело. Исходя

из военной необходимости, они избирают вождя среди сильных людей. Таким могучим вождем был Иван Подкова, гетман низовых казаков, который был такой крепкой породы, что гнул подковы. Вот почему за ним закрепилось прозвище Подкова». А про гетмана Мазепу французский дипломат Жан Балюз писал: «Тело его крепче, чем тело немецкого рейтара, и ездок он знаменитый». Днепровская Палиевская забора у левого берега Днепра заканчивалась так называемым камнем Палия. На ней были выбиты две огромные ступни. Народная молва приписывала их знаменитому казацкому ватагу Семену Палию. Об авторитете и силе этого предводителя-богатыря говорит такая деталь. Если какой-нибудь казак в походе допускал оплошность, то атаман ссаживал его с коня и поручал нести свою саблю. На первый взгляд, это вроде бы и не могло считаться наказанием, если не учитывать того, что сабля Палия весила не меньше ...двух пудов.

Днепровские характерники

«Вельть-люди, знаюки, у, яки знаюки! На всяки прымусии способны...» — так отзывались о запорожцах седоусые хуторские деды-гречкосеи, рассказывающие детворе о чудесах из казацкой старины. В ней действительно было немало удивительного, таинственного, а то и вовсе фантастического. Взять тех же характерников. Это была особая каста среди запорожских казаков. То, что характер они имели крутой, — спору нет. Однако некоторые вошедшие в легенду подвиги казаков-характерников заставляли думать об их особой характерной удаче. Возможно, причина ее крылась в сверхъестественных свойствах, которыми обладали некоторые запорожцы? Может быть, казакам-характерникам помогали в победах тайные каббалистические знания, обладание магическими приемами перевоплощения, общение с потусторонними силами?.. Так или иначе,

однако казацких характерников в народе называли не иначе, как колдунами, чародеями, химородниками.

Особое характерничество проявляли запорожцы во время стычек с врагом. Никакие пули их не брали. Более того: когда у казацких воинов заканчивались боеприпасы, они расстегивали кафтаны и ловили полами ядра. А пули, которые летели в них, просто ссыпали за пазуху. Страх врагов перед запорожскими воинами все время подпитывался легендами и чудесными историями. Например, о том, что казаки «будучи девять раз убиты на месте, всякий раз снова оживают и только после десятого раза умирают». Рассказывали о казаках, которые, убегая от врага, *перекидывались* в различных животных или *переливались* в речку, а то, не мудрствуя лукаво, просто ныряли в... ведро с водой. Чтобы узнать, что делается в стане врага, казацким предводителям достаточно было заглянуть в особое зеркало — *верцадло*, через которое «за тысячу верст» было все видно. Для характерников не существовало слова «невозможно». Из любой ситуации казацкие искусники находили выход. Они умели и любые запоры открывать, и клады отыскивать, и сухими из воды выходить, и раны заговаривать, и мертвых на ноги ставить. В рассказах о боевых подвигах казаков-характерников отмечалась удивительная способность ими владеть своим сухощавым жилистым телом. Однажды разведовательный отряд казаков, возвращаясь с задания, напросился в гости к одной польской панянке. Расслабились казачки после щедрого угощения, потеряли бдительность, в результате оказались запертыми в доме. Хозяйка убежала за подмогой, сечевики же, враз отрезвев, стали искать выход из безнадежного положения. Обследовав помещение, в верхней части сеней они обнаружили узкую щель, через которую сочился дневной свет. Двое запорожцев посадили третьего — самого проворного и худощавого, слышшего к тому же пронырой и хитроvanом. Сжимаясь и играя членами, он протиснулся через отверстие, через которое и уж бы не проскользнул, и отпер снаружи дверь. С тех пор казак этот получил прозвище Шило.

В мгновение ока сечевики-характерники перемещались на значительные расстояния, легко преодолевали степные и морские просторы. «Запорожцы были рыцарями и большими характерниками», — вспоминали о бравых степных вояках в приднепровских селах. — «Катерина хотела подвести их под свою власть, а они не захотели. Чтобы показать силу, бросили войлок на море, взяли землю в сапоги, горилки в баклаги — и отправились в Турцию. Плывут себе и поют». Если даже принять как сказочную версию о войлоке, то одно умение запорожцев смеяться в лицо врагу, «плыть и петь» посреди бушующего моря вызывает и удивление, и уважение к их силе духа.

Много легенд и преданий бытовало в народе об отдельных казаках-характерниках. О них зачастую приднепровские деды рассказывали живо, с подробностями, будто речь шла об их близких родичах: «На Великом Лугу еще при запорожцах жил химеродник Фесько. Его очень боялись и слушались казаки. Вот, бывало, лежит человек, а он режет черную редьку. Как только пустит редька белый сок — человеку станет плохо, как сок почернеет — человек умирает. Он тогда наколдует, что редька вберет в себя сок черный, а пустит белый — и человек оживает...

Джереливский сам ковал ружья и умел заговаривать их. Большой охотник был он и не боялся ни тучи, ни грозы; ему дикий жеребец ухо откусил и, если б не влез на дерево, то и носа не было бы! ...

Савва — тот был характерником известным. В землю смотрел, как в воду (т.е. видел насквозь. — *Примеч. ред.*). Никакой клад, ни на какой глубине от него спрятаться не мог — деньги так сами в руки и шли. С тех скарбов он и разбогател...»

Казацкие характерники знали немало секретов долголетия. «Казацкому роду не было, нет и не будет переводу», — утверждали в народе. Рассказывали про одного столетнего казарлюгу, который на вопрос гостей о старике, что лежал на печи, только пожимал плечами: «Не знаю, сколько себя помню, столько он у нас живет». Долго и трудно умирали такие характерники. Мучи-

тельным был их переход в иной мир и для окружающих. Нередко характерников, полагая, что они при жизни общались с потусторонними силами, хоронили без священника. Некоторым, чтоб не вздумали потревожить живых, случалось, даже забивали в грудь осиновый кол.

Сказка — ложь, но в ней намек... Часто находчивые и смекалистые запорожцы с целью устрашения врага, его предварительной психологической обработки сами распространяли слухи о своих чудесных подвигах и волшебных превращениях. Однажды турки, проведя огневую подготовку казацкого лагеря, ринулись в атаку, однако легко были отбиты будто из-под земли выросшими запорожцами. Взятый в плен сечевик поведал, что между казаками был характерник, который мог заговаривать пули и ядра. Турки не поверили ему и вновь предприняли наступление, однако, понеся большие потери, вынуждены были покинуть поле боя. Оказалось, что запорожцы во время оружейного обстрела своих позиций применили следующую военную хитрость. Как только турецкие пушкарки подносили к пушкам зажженные фитили, сечевики прыгали в заранее вырытые окопчики и становились неуязвимыми для ядер и пуль...

Слава днепровских характерников не давала покоя многим честолюбцам и авантюристам. Один из кошевых потерпел позорное поражение под Перекопом. Когда стали разбираться, откуда и как этот аника-воин появился в Запорожье, то оказалось, что на крымский поход он подбил казачков, объявив себя характерником, который легко земли вражеские усмирит. Среди жаждущих богатых трофеев сечевиков был распущен слух, что новоявленный кошевой «как придет на Крым, пять городов возьмет и будет в них зимовать, бусурманы стрелять не будут, потому что он невидимо будет под города приходить, стены будут распадаться сами, ворота также откроются сами». Этого, однако, не случилось. Противник изрядно потрепал казачье войско, а лжехарактерник бежал с поля боя, едва избежав расправы...

Из глубины веков

— Когда враг, тогда и сила, — сдвинув брови, сурово молвил седоусый сечевик. Резко сблизившись с молодым воином, дотронулся до его затылка и легко нагнул чубатую голову. Потом отступил на шаг и сказал: «Смотри мне на плечо! На два пальца!» Юнец оторопело уставился на характерника, вокруг фигуры которого появилось серебристое сияние толщиной в два пальца. «Вот теперь, — усмехнулся запорожец, — ты любого басурмана одолеешь хоть саблей, хоть дрючком (прутом. — *Примеч. ред.*), хоть голыми руками». Парубок подбежал к товарищам, что готовились к походу. И вот уже взметнулась над гривами коней и шапками казацкая песня: «Ой ты станешь с шавелькою, а я с кулаками, ой чтоб слава не пропала промеж казаками!»

Откуда у запорожцев это умение драться голыми руками с сильным вооруженным до зубов противником? Откуда вообще в казацкой среде появились характерники? «Науке перевоплощения, магическому слову научить нельзя — оно должно позвать тебя», — говорили старые запорожцы. Позвать из глубины веков, седой древности. Там сила и корни казацкой магии, тайной характернической науки, в которую были посвящены лишь избранные.

На особом положении в Древней Руси была каста языческих жрецов, которых называли волхвами. Они были избранниками богов и исполнителями их воли, своеобразными посредниками между небом и землей. У всякого монастыря свой устав, у всякой веры — свой бог и свой обряд. Его совершение поручалось великим, мудрым и избранным. Такими блюстителями древней веры и были волхвы. Они, как правило, жили отшельниками, питались дарами, которые предназначались богам, имели исключительное право отпускать длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений, входить в святилища. С помощью волхования и каждодневных тренировок кудесники усовершенствовали свое тело и дух, овладели высшими знаниями, знали тайную силу вещей и явлений. Все это волхвы применяли на

практике. Прежде всего в стычках, единоборстве с более сильным противником. Византийский историк Лев Диакон в своем труде «Хроники» замечал: «Волхвы действительно есть дети Сатаны... Те из них, которые живут в лесах, а не в городах, владеют руками своими и ногами с таким успехом, что могут самостоятельно противостоять голыми конечностями мечам и копьям десятков вооруженных гоплитов (византийских воинов)».

Волхвы были своеобразными оберегами славянских племен, хранителями его древних законов и традиций. А еще они отвечали за психологическую и боевую подготовку воинов. Можно предположить, что после введения христианства, смут и разорительных войн некоторые волхвы, не желая служить врагу, на легких челнах спустились вниз по Днепру. Здесь, за порогами, в плавневой густянке Великого Луга они и нашли «горсть покоя», свято храня верность земле и преданиям. Тут жрецы — *уходники*, осваивая рыбные промыслы, собирая травы, занимаясь звероловством и пчеловодством, и дождались появления запорожцев, которым передали тайные знания и секреты боевых искусств.

Тайная наука

«Спаси и сохрани», — шептал казак, готовясь к бою или отправляясь в поход. Главное для запорожца в дикой степи и плавневых дебрях — спасти себя, товарищество и сохранить веру и родную землю. Надеялся казак на небесного Спасителя, однако и сам не плошал, спасаясь от стихий, лютого зверя и врага. Помогали ему в этом тайные знания, магические приемы, искусство перевоплощения. Это была целая наука, которую народ называл *спасом*. Слово это, кстати, повсеместно и активно употреблялось еще язычниками. Потом оно перешло в христианство, и благодаря высокому смысловому значению и духовной основе, объединяющей разные народы и племена, стало его главным божественным символом.

И на воде, и на суше выручал и сохранял спас запорожцев. Не все в одинаковой мере знали секреты этой науки, не все в совершенстве владели ее приемами. Непросто давалась она даже авторитетам и мудрецам, в головах у которых перешлелось, перемешалось, чего и под церковной маковкой не найдешь. По пальцам можно было пересчитать тех, кто в полной мере владел всеми тонкостями великого спаса. *Характерниками в почете* называли казаков, для которых эта тайная наука стала смыслом жизни. Рассказывали, что на таких запорожцах (они, как правило, жили отшельниками и редко встречались даже со своими боевыми побратимами) располагались девять божьих невидимых существ. Казак в той компании — десятый. Иногда они спорят с друг другом, даже ругаются, обычно живут в добре и мире. Когда между ними лад, то над головой у характерника появляется голубой *брыль* (шляпа. — *Примеч. ред.*) с желтым донцем, или, как рисуют богомазы на иконах, два желтых кольца. Как старому казаку-сидню зевнуть после вечерних вареников, так такому чаровнику из белого сделать черное, из песка веревку свить или поймать волка за уши. Все, чем утверждает себя казацкое гордое племя, — в голове характерника, спасшего себя и товарищество; весь казацкий опыт — в его необычной памяти, все ремесла запорожцев — в его руках.

Великий спас подразделялся на множество малых. Чаще всего, пройдя начальную подготовку, чаровники специализировались на том или ином спасе, на определенном колдовстве, имевшем свою специфику. Одни могли насылать или отводить дождь, градовые тучи и другие стихийные бедствия... «Тут этой погани и не пройдешь: с гадюкою и ешь, с гадюкою и пьешь, с гадюкою и спишь», — рассказами о степных и плавневых урочищах, где водились змеи, деды-зимовчаки пугали внучат — будущих лихих сечевиков. Дрожащих от страха мальцов в конце концов утешали быличками о праведных характерниках, которые знали, как совладать с различными гадами, чем лечиться от их укусов. Много было среди казацких колдовников *знаюков*, преуспевших

в боевом спасе, знахарстве, поиске старых кладов, травников, и рыбоведов, толкователей языка зверей и птиц.

«Раньше, конечно, и люди были, а еще больше людищ», — вздыхали старики, вспоминая разоренное казацкое гнездо. Среди *людищ* они выделяли характерников, владевших великим спасом. Его наука с исчезновением запорожцев утеряна. Остались, правда, как уверяли в глухих плавневых селах, малые спасы — знахарство, травоведение, *ворожбитство* (гадание), заговоры, различные мелкие чудеса. Кто берег и продолжает беречь остатки этой древней казацкой науки? В чьих умах и душах она сохраняется? «Интересно, что пасечники считались у запорожцев людьми всезнающими, уважаемыми, сказочниками и даже знахарями, то есть ворожбитами. Лишь мельники имели в этом последнем ремесле преимущество над *бджолярами* (пчельниками. — *Примеч. ред.*)», — писал А. Скальковский в своей «Истории Новой Сечи». Что ж, и пасечники, и мельники, и чумаки, и пастухи и многие другие потомки запорожцев свято берегли, передавали из поколения в поколение казацкую науку спасения. Были уверены: ее магические приемы, секреты выживания и долголетия еще сослужат свою службу, выручат из беды народы и племена по обоим берегам Днепра.

«Порубали сами себя»

Двое запорожцев, не поделив между собой какую-то трофейную *цацку*, сначала перебранивались, а потом стали тягать друг друга за чубы. Безобидная потасовка переросла в драку. Дошло до того, что один выхватил из-за пояса пистоль, в руке у другого сверкнула сабля. И тут из толпы казаков вышел седоусый сгорбленный сечевик с кустистыми редкими бровями. Он приблизился к дерущимся, что-то пошептал, потом пристально, в упор поочередно глянул на воинов, готовых пролить братскую кровь. Внезапно один из них сник и опустил пистоль, другой с силой воткнул саблю в землю. Сечевики облегченно вздохнули: конфликт был исчерпан...

Известно, что среди запорожских казаков были люди, обладающие необыкновенной силой внушения. Чаще всего эту гипнотическую способность они использовали в знахарских целях, помогая казакам справиться с недугами, врачуя их страшные раны, полученные во время битв. Очевидцы рассказывали, что «они умели и сон насылать, и людей замовлять (заговаривать. — *Примеч. ред.*)». Случалось, что казацкие характерники гипнотически воздействовали на врага, заставляя его поступать так, как нужно было казакам. Рассказывали про казацкий отряд, вожак которого при приближении ляхов приказал воткнуть *ратища* (копья. — *Примеч. ред.*) в землю, поставить лошадей хвостами к хвостам, а самим спрятаться в середину. Поляки принимали это скопище лошадей и людей за лес и поворачивали обратно. Был и такой случай. Русское войско никак не могло одолеть турков. Тогда царь призвал на помощь казака-запорожца. Тот поднял руку, и тотчас в ней оказалось вражеское ядро. А потом оглянул войско противника и случилось чудо. Вот как о нем рассказывается в легенде: «Посмотрел царь: турок сам себя рубит, сам на себя руку поднял и пошел потоптом (сам себя топчет). Поднялась большая пыль, закричали черные вороны, а потом все стихло. Глянул царь, а уже нет ни одного живого турка, порубали сами себя, а вороны клюют им очи». Существовало и предание о казаке Галагане, который мог делать так, что врагу казалось, будто у него много голов. Поэтому его и не мог никто одолеть. В некоторых исторических хрониках действительно упоминается казацкий полковник Гнат Галаган, который якобы предал сечевое товарищество, позволив царским войскам разорить Чертомлыцкую Сечь.

Волчий след

Вражеский отряд, не доходя до леса, что темнел между двумя озерами, вдруг остановился. Из чащи раздался жуткий волчий вой, от которого застывала кровь в жилах. И если отдельные

всадники еще бодрились, подзадоривая испуганных товарищей, то лошади дрожали и ни за что не хотели идти вперед...

Волчьи озера, Волчий бакай, Волчьи гряды, Волчий брод, Волчья могила, кручи Волки, протока Волчье Горло — в плавнях было много подобных названий. Происхождение объяснялось тем, что по плавневым диким урочищам бродили многочисленные стаи волков. В основе некоторых волчьих топонимов, правда, по утверждению старожилов, была распространенная среди казацких хуторян-зимовчаков и рыбаков кличка Волк. Да и волчьи голоса не всегда принадлежали зверям. Кому же тогда? Вой одинокого волка в глухую зимнюю пору бросал в дрожь и пешего, и конного. Но если путник оказывался за надежными запорами, то уже другие нотки слышались в волчьем голосе — в морозной тишине звучал не то стон, не то плач. И задумывались люди: а может, это вовсе не дикий зверь воет на луну, а человек изливает свою тоску по собратьям? Волка в народе за серый цвет шерсти нередко называли *сироманцем* или *сиромахой*. Употреблялись эти характерные словечки и «в смысле голодного скитальца». Разные люди попадали к запорожцам. Среди них было и немало скитальцев-горемык, которых, как и плавневых волков, прозывали «сиромахами». Была и еще одна причина награждения этим прозвищем. Один исследователь казацкого военного искусства писал, что запорожцы, «скрываясь, будто звери, по тернах и камышах, умея выть волком», побеждали врага малыми силами. И в многочисленных рассказах о доблести и удалестве запорожцев их победы над врагом нередко объяснялись умением казацких характерников перекидываться в различных зверей, чаще всего волков. Их культ, кстати, был распространен у народов, которые в древности обитали в степных краях за порогами (или поблизости), где позже поселились казаки. Вот что, например, писал Геродот о неврах — западных соседях скифов: «У невров нравы скифские. Кажется, что люди эти колдуны; по крайней мере скифы и эллины, живущие в Скифии, рассказывают, что ежегодно однажды в год каждый невр

становится на несколько дней волком, а потом снова принимает человеческий облик...— и рассказы удостоверяют клятвой». Многое в военных и буднично-житейских обычаях и нравах запорожцев — от их беспокойных, поднаторевших в преодолении стихий и кочевых невзгод, коварстве и обмане противника предков.

Запорожские казаки «всегда старались не только поразить, но и напугать, задать страха врагу, что поставлялось даже в подвиг «доброму запорожцу». С целью деморализации противника казаки и имитировали волчий вой. Нередко сечевики сдирали шкуры с убитых волков, наряжались в них, отправляясь в разведку. Подобные приемы казаков и породили в народе рассказы о казаках-оборотнях, которые могли менять свое обличье, превращаясь в волков. В селах их называли «вовкулаками». «Днем человек, а ночью зверюка», — говорили о запорожцах-оборотнях.

Нередко сама дикая природа «подбрасывала» пищу для воображения. В степи, например, известны растения, которые в народе называют «перекати-поле». Во время цветения или под осень, а иногда и зимой кермек, катран, зопник, котовник и другие растения обламываются у корня и тысячами носятся по полям. В лунные ночи, сцепившись с друг другом, эти растения-шары прыгают по степи, напоминая диковинных зверей. Фантастические видения животных-монстров могло вызвать и зерно спорыньи, которое попадалось в плохо пропеченном хлебе. Как известно, такой хлеб как запорожцам (особенно в походах), так и жителям плавневых сел приходилось потреблять часто. Кстати, казаки-зимовчаки во время вражеских набегов нередко прятали зерно в земляных ямах. Прележав пару месяцев в таком хранилище, хлеб испускал тяжелый дух, который мог вызвать у человека галлюцинации.

Так или иначе, однако предания об оборотнях широко бытовали в краю за порогами. Различить по внешнему виду, тем более издали, настоящего волка от оборотня было чрезвычайно труд-

но, а подчас и невозможно. А поэтому следовало остерегаться любого четырехлапного зверя в волчьем обличье. «Что серое, то и волк», — говорили в народе. Поговаривали, что иногда *запорожцу-вовкулаку* не удавалось вернуть себе человеческий облик и он бродил по плавням, пугая и чужих, и своих. Когда же убивали такого волка, то под его шкурой обнаруживали человека.

Рука мертвого атамана

К туркам прибыло подкрепление, и они не сомневались в победе, однако, когда небольшой казацкий отряд приблизился к их лагерю, бусурманы с криками «Урусшайтан! Урусшайтан!» стали разбегаться по степи. Что же так напугало противника? Впереди запорожцев скакал казак с развевающимся по ветру оселедцем. Вместо сабли он размахивал... человеческой рукой со скрюченными пальцами.

Эта мертвая черная рука и была причиной панического бегства турков. Принадлежала она запорожскому атаману Ивану Сирко, которому, как писал один польский хронист, судьба дала «счастье и ум, и мужественное сердце, и оружие, и славу». В легендах и преданиях народ наделял Сирка энергией и силой, многократно превосходивших возможности самых отчаянных казацких рыцарей. «Кошевой Сирко был превеликий колдун. Было, кто бы ни задумал воевать с ним — он уже знает и войско собирает, копьа точит и древки готовит. Недаром его турки прозвали шайтаном», — рассказывали о нем в приднепровских селениях. Даже не очень звучная фамилия (Сирками на Украине обычно называли собак) интерпретировалась как богоданная — Сирко, по словам того же хрониста, был поставлен Богом, как пес на страже христианских овечек, чтоб защитить их от волчьих зубов бусурман.

Общепризнан полководческий талант Сирко. Он провел более пятидесяти походов против Османской империи и Крым-

ского ханства и ни разу не потерпел поражения, выходя победителем из самых тяжелых ситуаций. Сирка восемь раз избирали кошевым атаманом Войска Запорожского. И после смерти он оставался непререкаемым авторитетом для казаков. Его дух незримо витал над сечевиками, вдохновляя их на подвиги. По самым различным поводам запорожцы вспоминали своего атамана. Создавалось даже впечатление, что они невольно, произнося священное имя, подпитывались его энергетикой. И мертвый ватаг продолжал служить своему сечевому братству.

В глубокой древности зародилась вера в чудотворную силу мощей. Наши далекие предки верили, что священные останки героев каким-то образом могут воздействовать на соплеменников. Человеческие добродетели, праведничество или целительные силы не умирают вместе с телом. Нередко достаточно было просто находиться рядом с мертвым, чтобы ощутить благотворное влияние его энергетики. Существовал даже особый ритуал общения с покойником, во время которого он мог передавать часть своего могущества казакам, наделять их чарами, которыми обладал и сам. Рассказывают, что этот ритуал был утвержден самим Сирко: «Кто будет семь лет перед Пасхой выносить по три заполы земли на мою могилу, тот будет иметь такую силу, как я, и будет знать столько, сколько и я». В другом варианте завещания необходимо было поливать могилу на восходе солнца. При этом предписывалось «воду носить ртом из речки».

«Славный был атаман. Уже и по смерти оно по морю мертвого пять лет для славы и счастья запорожцы вживали, понеже был славен и турки весьма имени его побаивались. Когда на войну и с мертвым еживали, то всегда им счастье бывало», — писал князь Мышецкий, неоднократно гостивший у сечевиков. Как же понимать это «и с мертвым еживали»? Неужели казаки для устрашения противника возили труп атамана? В каком-нибудь африканском племени это, наверное, было вполне возможным, однако трудно представить, чтобы подобное могло происходить у нас. Правда, известно, что скифы (некоторые считают запо-

рожских казаков их прямыми потомками) не одну неделю возили набальзамированные тела своих мертвых вождей по степным кочевьям. Возможно, отголоски этого обряда, какие-то его технологические детали (скажем, приемы бальзамирования) дожили до казацких времен? Может быть, сечевикам для устрашения врага достаточно было продемонстрировать бусурманам какую-нибудь часть тела мертвого атамана? Скажем, руку. Тем более что сам Сирко был не против своего расчленения. Более того, он еще при жизни настаивал на нем. В одной из легенд о великом казацком предводителе говорится: «Когда помирал кошевой Сирко, то говорил запорожцам: «Кто из вас, хлопцы, будет поливать мою могилу на восходе солнца, тот будет знать столько, сколько и я... А как пойдет большая сила на белого царя, то пусть хоть руку мою откопают и понесут вперед войска: неприятель сам себя порубит».

Высоко поднятая крепкая и жилистая рука мертвого атамана была своеобразным знаменем казацкого войска. «Где рука, там и удача», — говорили запорожцы. Рассказывают даже, что русским удалось одолеть Наполеона после того, как один черноморец откопал руку Сирко и проскакал с нею на виду у французских вояк...

Казак братом силен

Постоянно сталкиваясь лицом к лицу с беспощадным и коварным врагом, запорожец должен был быть уверен, что рядом с ним — справа, слева и за спиной — находится воин, на которого можно положиться, как на самого себя. Желательно, чтобы это был человек, в котором текла родная кровь, лучше всего братская. Ведь давно известно, что братская дружба пуще каменных стен. Если рядом брат, не страшен любой супостат. Самой природой заложено в человеке стремление защитить честь и достоинство негласного братского союза, своего родового клана. Не-

даром запорожцы называли верных товарищей «братчиками». Не часто в казацких отрядах встречались единокровные братья. Зато побратимов было предостаточно. Испытывая нужду в близости родного человека, казаки нередко братались между собой. При доброй године (в добрый час. — *Примеч. ред.*) и кумовья побратимы, а вот в тяжелом походе или во время жестокой сечи... В общем, как говорится, брат брату друг, да не вдруг.

Перед братанием казаки проходили боевое испытание своих чувств друг другу, сдавали своеобразный экзамен на совместимость. Уверовавшись в том, что готовы жизнью пожертвовать друг за друга, сечевики решались «узаконить» свой братский союз. Обряд, как правило, совершался в церкви, где в присутствии священника давалось *завещательное* слово: «Мы, нижеподписавшиеся, даем от себя сие завещание перед богом о том, что мы — братии, и с тем, кто нарушит братства нашего союз, тот перед богом ответ да воздаст...» Братание завершалось троекратным целованием и обмениванием крестами. Побратимы еще были известны как *названные* или *крестовые* братья. «Брат так брат, а не брат — так отдай мой крест», — говорилось в случае разрыва братского союза. Подобное духовное родство часто было значительнее и весомее плотского. В разведке, в бою, спасаясь бегством от неприятеля, побратимы стремились быть вместе, и нередко выходили победителями в самых безнадежных ситуациях.

В здоровом теле — здоровый дух

На многих народных картинах запорожцы изображались со скрещенными ногами. Как известно, эта восточная поза наиболее способствовала дыхательным упражнениям (в этой позе — «по-турецки» — сидели и сидят кочевники со скифских времен. — *Примеч. ред.*). Можно представить стремительного сухопарого сечевика, на тренированном теле которого играла каж-

дая жилочка, каждый мускул. Уединившись где-нибудь на пустынном берегу Днепра, он забирался на скалу, выбирал ровную площадку, поудобнее устраивался на ней, скрестив ноги, и расслабившись с запрокинутой чубатой головой вдыхал степной воздух. Им пропитывался каждый член, наполнялась каждая клеточка. После подобных тренировок казак готов был к небывалым подвигам. Мог, например, прячась от противника в плавнях, замереть на дне водоема, уцепившись за корягу или корни тростника. Ничего не стоило запорожцу с важным донесением бегом промчаться пару десятков километров, вернуться назад и без малейшей одышки, будто только что после сна, доложить о выполненном задании. А вот что рассказывал одному путешественнику старый казацкий лоцман, предупреждая об опасности преодоления на плоту порожистой преграды: «В старину, говорят, когда разбивало плот, лоцман еще и так делал: соскочит с плота на дно реки да там и сидит, пока проплывут все бревна, а потом уже и вылезит из-под воды. Но, вероятно, в «дуже давню» старину было, когда лоцманы были богатыри — не мы, теперь у нас никто и не отважится так делать».

Из-за рева воды в днепровских порогах, случалось, не слышно было боевых команд и приказов. Нередко старшинам приходилось повышать голос, чтобы гребцы разобрали, куда направить судно. А уж в жарком бою, когда ржали кони и звенели клинки, от силы и пронзительности крика часто зависела жизнь. Условный сигнал, боевой выкрик у казаков назывался *гасло*. При определенной тренировке он был наилучшим способом сосредоточения и выброса внутренней энергии. Подобранное по высоте, интонации и силе гасло было грозным оружием. Эффект его воздействия на противника часто был потрясающим: боевой крик не только пугал, повергал в шок, но мог привести в панику и даже убить врага. «В здоровом теле здоровый дух», — шутили по этому поводу запорожцы.

Среди сечевиков бытовали рассказы о некоем козарлюге, который «только дохнет, и от того дыхания человек с ног упа-

дет». Этот характерник мог даже своим дыханием насмерть поразить рядом стоящего. Рассказывали забавный случай, как однажды он во время причастия не затаил дыхания. Легонько выдохнул и едва не «повредил» священника. Тот испугался, перекрестил богатыря и тихо произнес, пятясь назад: «Изыди из сего града...» После этого, едва завидев запорожцев в церкви, поп предупреждал их: «Паны молодцы, которые из вас имеют великую силу, то втягивайте в себя...»

Думы мои, думы...

Запорожец любил веселый гурт, шумное сборище, однако нередко и в уединении находил утешение и даже прямую пользу для себя и своих соратников. Побывать наедине с собой для казака значило прежде всего побывать наедине со своими мыслями. Недаром старинные казацкие песни названы думами. В них — радость и печаль, гнев и сожаление, однако — и вопросы, и рассуждения, и здравый скептицизм. «Теперь так, а после как? Подожди, братец, это дело нужно разжевать», — так часто относился вольный казак к предложению начать какое-то новое для него дело. Иногда даже от неотложной насущной необходимости что-то переиначить он отбивался насмешливым, но в то же время и философски-успокоительным: «Скачи, бабо, хоч задом, хоч передом, а дела идут своим чередом». Привычка к подобным рассуждениям была свойственна первым поселенцам плавневого Великого Луга, жившим особняком, в обстановке, которая могла измениться в любую минуту. «Человек, что ни день, то мудрохень», — говаривали они, имея в виду прежде всего те практические задачи, которые приходилось решать каждодневно. «Радость — не радуйся, печаль — не журись, — наставлял старый лугарь азартного, но еще неопытного молодца. — Твое еще впереди». Что впереди? А как сложится. Это философствование о смысле жизни, бренности бытия, судьбе, которую не выбирают,

дороге, которую, наоборот, надлежало выбрать, спасало от житейских невзгод, помогало выживать и обживаться в диких, еще не ставших родными краях.

Многие бытописатели прошлого отмечали в характерах и украинских селян-гречкосеев, и казаков-зимовчаков, и бравых сечевиков беззаботность, неторопливость и даже некоторую лень. Рассуждали об этом и с иронией, и с удивлением, и с некоторым даже любованием, а нередко и уважением. Автор напечатанного в многотомном труде «Живописная Россия» очерка «Малороссийское племя» писал об украинце: «Он медлительный в движениях, как римлянин в своей тоге. Мысль его вращается солидно, не быстро, как мысль философа». Может, здесь и собака зарыта. Может, за показной ленью скрывается напряженная мыслительная работа, которая должна предшествовать каждому делу, может, именно медлительность помогала и запорожцам, и их потомкам «обстоятельно разобраться со своим мыслительным материалом». Между прочим, внешне вялое, а то и откровенно дремотное состояние казака нередко призвано было усыпить бдительность врага. «Видющий да на все тямущий» запорожец спит, а мысль его за моря скачет и сквозь землю зрит. Кстати, в казацкой среде такие *знаюки* и *голованы*, ум которых видит дальше, чем их глаз, пользовались особым уважением товарищества. Из них нередко выбирали ватагов. Когда на плечах крепко держится голова, в которую ума так наложено, то к ней не лишней будет и булава.

Какие мысли роились в голове у сечевика, когда он оставался наедине с собой? Что помогало казаку *думу думать*? Один автор, описывая характер запорожца, писал, что он «любит полежать на зеленой травке, на спине, всматриваясь в отдаленное пространство». Другой замечал, что обитатели края за порогами «по существу ничем не могли довольствоваться, а настоящую свободу видели в бесконечных мечтах и бескрайней степи». Что ж, нет сомнения, что и «благорастворенный» воздух степи, и зеленые просторы Великого Луга, и дикие скалы, и солнечные

пляжи, и величавый Днепр, который был чуден в любую погоду, ежечасно вдохновляли запорожцев, располагая их к глубокомыслию, философскому настрою. Природная склонность к умозрительной деятельности, «которую питает к тому же богатая, поэтическая природа», развила в казаке и воображение, и лиризм, и способность к творчеству, и созерцательность, наполненную не только мечтами и мистикой, но и напряженной «думной» работой.

После того как запорожцы вынуждены были покинуть Великий Луг, «очереты (камышы. — *Примеч. ред.*) у Днипра пытаются: “Де то наши диты дилысь? Де вони гуляють?”» Казаки были детьми природы, и часто именно природа помогала им найти ответы на многие жизненно важные вопросы. В людях — не без лиха, в чернолесье — не без зверя. И все же именно в плавневый лес, к ревущим порогам, в дикую степь уходил запорожец, чтобы избавиться от лиха, которое делало несносной жизнь среди людей. Природа оберегала, учила, советовала, наставляла. Стремительный бег облаков, шелест листьев, удар волны, крик ночной птицы — все это казак пропускал через себя. Когда шел дождь, гремел гром и сверкала молния, запорожец не злился, не пугался, а отдавался стихиям, с которыми породнился. Звуки направляли мысли к далеким берегам, где грохотали волны прибоя, резкий ветер, когда не сопротивляешься ему, позволял нести себя к краям, где томилась в неволе товарищи, пробуждал яркие образы и побуждал к действию. Сливаясь с природой, подчиняясь ее ритмам и законам, казаки обретали способность улавливать тончайшие изменения в окружающей среде и постигать волю небес. Благодаря этому они легко приспосабливались к любым условиям, изменяясь в той мере, в какой требовали обстоятельства.

«Думы мои думы, лихо мени з вами», — вслед за поэтом эти слова мог бы повторить и запорожский атаман, озабоченный судьбой всего войска, и сечевик, который вдруг взгрустнул о домашнем тепле и уюте, и уставший от разорительных набегов

хуторянин. Казаки терзались сомнениями, переживали, страдали, тосковали, а потом шли на берег Днепра и тут на теплом песке или зеленой травке погружались в сладкую дрему. А через некоторое время сквозь нее доносился шепот волны: «Радость — не вечна, печаль не бесконечна». А может, это подала голос малая птаха? Или ветер скользнул по верхушкам деревьев? Не важно. Казак всматривался, вслушивался, вдумывался (тем самым, кстати, уже в какой-то мере отвлекался от проблем) и получал точный и ясный ответ. С ним (а еще с облегченной душой и светлыми мыслями) и возвращался к товарищам.

На каменном ложе

Нередко перед сражением или дальним морским походом казацкие атаманы, стремясь побыть наедине, уходили на берег Днепра. Обычно для таких вылазок они выбирали скалы, возвышающиеся над Славутичем. Его вид (в любую погоду!) помогал сосредоточиться, направить в нужное русло разрозненные мысли. Один из исследователей казацкого быта писал, что запорожцы часто «влезали на высокие скалы...поднимались на большие курганы и с высоты птичьего полета любовались ландшафтами и предавались тихим думам и возвышенным размышлениям».

На восточном берегу самого большого на Днепре острова Хортицы есть скала, которую в народе называют Думной. По преданию, именно здесь казацкие ватаги обдумывали детали предстоящих военных операций. Как на самом острове, так и вокруг него известны скальные образования, связанные с определенными именами. Например, вершина одной из днепровских скал в прошлом называлась Ложем Сагайдачного. В камне, по свидетельству очевидцев, было «искусно выдолблено сиденье такого размера, что свободно можно улечься человеку среднего роста; с наклонной стороны камня продолблено место спус-

кать ноги, а сверху — место для головы». Рассказывают, что именно здесь знаменитый казацкий предводитель принимал наиболее важные и ответственные решения. И помогали ему в этом теплые замшелые днепровские валуны. Кстати, в названиях многих из них употребляются такие слова, как «ложе», «диван», «кресло». Так, скажем, один из скалистых островков вблизи северной оконечности Хортицы в народе называют Диван-скалой или Креслом Екатерины. По преданию, тут отдыхала Екатерина II. Один из путешественников прошлого писал, что со скалы «открывается такая богатая картина, для описания которой не достанет воображению красок, а языку — слов. В этом отношении Диван — одно из прекраснейших мест на всем Днепре».

Пожалуй, в округе нет ничего древнее днепровских скал. Граниты, гнейсы и мигматиты, из которых они сложены, представляют собой архейские кристаллические породы. Они образовались еще в докембрийскую эпоху. И поныне, проплывая по Старому Днепру (русло, огибающее остров Хортицу с запада), путешественники удивляются могучим скалам, которые высятся по островному и материковому берегам. Скалы отражаются в воде и смыкаются посреди реки. У каждого камня, обломка скалы здесь свое легендарное прошлое. Издавна каменные образования вызвали у местных жителей и любопытство, и удивление, и страх. Гостям, например, показывали хортицкий Черный камень, который цветом и структурой выделяется среди других валунов. С одной стороны он испещрен какими-то знаками (некоторые исследователи считают, что это очень древние протошумерские письмена). По преданию, на этом камне запорожские казаки выгревали бока, залечивали раны, которые после соприкосновения со священным габброидом (именно к такой породе принадлежит валун) быстрее заживали. А еще казаки отмечали, что после «общения» с Черным камнем, другими примечательными каменными глыбами, утесами, выступами, плитами легче и свободнее думается, вольнее дышится. Многие были уверены, что в этих камнях (они в народе получили на-

звания думных) заключена некая древняя природная сила. Откуда она? Предполагали, что скалы эти, располагаясь в местах выхода на поверхность сокрытой в недрах острова энергии, представляют собой некие энергетические точки. Покрытые сухими шелушащимися лишайниками, валуны с застрявшими в трещинках кустиками чабреца время от времени излучают энергию, врачующую тело и душу человека, активизирующую все жизненные процессы в его организме. Казаки хорошо знали это свойство прогретых солнцем днепровских камней и нередко наполнялись силой возле них после сражений или перед трудными военными испытаниями...

Под сенью священных дубов

На окраине Запорожья в селении Верхняя Хортица стоит знаменитый семисотлетний Запорожский дуб (увы, уже засохший!). По преданию, именно под кроной этого гиганта казаки сочиняли письмо турецкому султану, собирались перед походами и битвами. Утверждают, что даже простое прикосновение к дубовой коре наполняло сердце отвагой и удачью.

Были у запорожцев и другие священные дубы, к которым они прислонялись в трудные минуты. Особенно славился такими дубами остров Хортица. «На этом острове руссы совершали свои жертвоприношения: там стоит огромный дуб», — сообщал византийский император Константин Багрянородный. Через девять веков один из исследователей казацкого быта писал, что хортицкий дуб-исполин «был сборным пунктом для запорожцев, где собиралась у святого дуба казацкая рада для обсуждения политических и общественных вопросов; под дубом когда-то лились и запорожские молитвы, когда казаки брались за оружие против неприятеля...»

Почему именно дубы так почитались у казаков и использовались ими в качестве источников энергии? Дубы одни из самых

долговечных растений на планете. Их мощь и красота вызывали у древних трепет. Общепризнано превосходство дуба над другими деревьями, способными влиять на человека. В Додоне, первой из греческих священных рощ, Зевсу возносили почести, когда он сидел на дубовом древесном троне. Дуб был особым деревом у друидов... Кстати, само слово *друид* означает *знание дуба*. Считалось, что обладающий знанием дуба может вызывать стихии и использовать их по своему усмотрению. Викинги вообще все деревья считали прародителями человеческой расы.

У славян дуб назывался *перуновым деревом*, так как во время грозы в него чаще всего попадали молнии, считавшиеся главным оружием верховного языческого бога Перуна. Возможно, именно эта небесная грозовая энергия время от времени наполняла дуб необыкновенной мощью и биосилой? Может быть, проникнув в сердцевину дерева, она меняла его структуру и делала способной впитывать в себя и сохранять энергетику времен и народных героев? Этой энергией и наполнялись под дубами казаки.

Их характерники утверждали, что пространство между двумя дубами — дверь в другие миры, в которых сходятся различные измерения. Обладая особым даром общения со священными деревьями и каббалистическими знаниями об их чудесной природе, можно было попасть в эти миры, черпать в них телесную силу и духовную мощь. Чаще всего это происходило во время сна под свешивающимися дубовыми ветвями, между которыми формировалось некое пронизанное биотоками пространство. Под левым берегом Днепра напротив выхода протоки Мирошник стоял остров, который запорожцы называли Дубовым Градом. Островная земля вся была покрыта вековыми дубами. К этому островку часто причаливали казацкие «чайки». Островная дубрава для казаков была действительно городом — *градом*, обжитым, удобным и красивым местом, где можно было расслабиться, отдохнуть, набраться сил, а главное зарядиться биотоками, которые излучали священные дубы. Можно было

прикоснуться к стволам «просто на счастье»; нередко же сечевики, прислушиваясь к звукам ветра, что шелестел в листве, общались с древесными духами.

Вещий сон не обманет

Уединившись в степной балочке или в ложбинке под ивовым кустом на днепровском берегу, запорожцы любили проводить время в излюбленной позе — «лежа на животе». «Если б хлеб да одежда, то бы ел казак лежа», — шутили по этому поводу. А, между прочим, в этой сибаритской привычке был свой сугубо рациональный смысл. Кто живет на воле, тот спит боле. Свежий, наполненный ароматами степных трав ветер, дробный шелест листвы, плеск волн расслабляли и навевали дрему, а то и сон. Он, конечно, не обогащал, однако нередко сказывал правду, помогал казацким ватагам принять ответственное и единственно правильное решение. «Спать я не сплю и дремать не дремлю, а думаю я думаю», — говорил предводитель *казакам-братчикам*, устраивая себе ложе в уединенном месте. Что наяву деется, то и во сне грезится — каково жилось, таково и спалось казаку. Спать, известное дело, не воевать, однако именно во сне, случалось, «продумывались» детали предстоящей боевой операции, рисовались картины будущих сражений. Ночь — матка: выспится казак под звездами здорово и гладко да еще и вещий сон увидит. Богатейшую информацию казаки получали и во время послеобеденного короткого сна, отдыха-дремы в тенистом закутке под скалой или на лесной полянке, полусна-полубодрствования у костра. Дело в том, что сны чаще всего приходят во время пограничных дремотных состояний, когда измерения сливаются и прошлое обретает такие же реальные черты, как и настоящее. Нередко даже прорисовывается и будущее, являясь спящему как в виде полутуманного образа, так и в деталях. Тому немало примеров из жизни запорожцев. Вот одна из чудесных, однако достоверных историй.

Задумали как-то казаки построить новый храм в городе Самаре. Причем мастеру Якиму Погребняку было поставлено условие: церковь должна быть возведена без единого гвоздя. И так, и эдак прикидывал казацкий зодчий, однако собор никак не «вырисовывался». Тогда один седовласый казацкий батько посоветовал мастеру уединиться в плавневой густянке и там выспаться вволю, без суеты все обдумать. Так и сделал Яким. Бросив все дела, он залег в камышах. Под голову кулак, а под бока и так — дни и ночи проводил он в такой позе посреди зеленого камышового царства. Спится — снится: рассветет — все минет. Никак не мог мастер ухватить и свести воедино все детали необычного деревянного сооружения, купола которого выплывали из тумана, как только он смыкал глаза. И вот однажды во сне ему явился Николай Чудотворец и подробно объяснил, где и как нужно строить храм. После пробуждения, цепко держа в памяти ночное видение, Яким смастерил из оситняга (болотная трава. — *Примеч. ред.*) модель церкви. Вернувшись в город, мастер рассказал казацким *старшинам-батькам* о вещем сне и тотчас приступил к сооружению храма. Через пять лет он был построен. Самарский собор «считался у казаков чудом на все Запорожье». Дивясь его простоте и в то же время великолепию, смелой до дерзости постановке, запорожцы говорили: «Вещий сон не подвел, не обманул».

На торном оживленном шляху стоял храм — мимо не пройдешь, не перекрестившись, не проедешь, не оглянувшись. Путники дивились казацкому архитектурному чуду. Церковь была построена без единого гвоздя. Концы плах и брусьев окунались в растопленный воск и тут же сцеплялись хитромудрыми замками. Для крепости и устойчивости всей конструкции дубовые и сосновые бревна (они привезены были из окрестных лесов) были соединены при помощи деревянных шипов. Угловатость сооружения (всего по периметру оно имело пятьдесят два угла) делала увенчанный зелеными куполами белый храм вычурным, несколько игрушечным, может быть, даже химеричным, — одновременно все дивились его гармоничной легкости, образному совер-

шенству, величественной устремленности. Таким храм (впоследствии к нему была пристроена колокольня) оставался почти сто лет. Однако дожди, наводнения, ураганы сделали свое дело. Казацкой святыне потребовался ремонт, а потом и реставрация. Произвести ее вызвался мастер из села Водолаги Харьковской губернии (отсюда родом был, кстати, и Погребняк). Сооружение было разобрано и заново поставлено на каменный фундамент с частичной заменой подгнивших колод.

Через Новомосковск проходит магистральная трасса, связывающая города и веси. На обочине этого асфальтового протяжения и высится Самарский Свято-Троицкий собор (так он ныне официально именуется). В изменившейся и принявшей вызывающе-пестрый городской облик округе по-прежнему нет сооружения изящнее и величественнее, чем казацкий храм. Прихожан, паломников, туристов, увлеченных казацкой стариной, поражает не только необыкновенная форма многокупольного и многоугольного собора. Вещим когда-то оказался сон зодчего. Вслед за этим чудом потянулась вереница других чудес, связанных с казацкой святыней. Не прерывается она и в наши дни. Жена настоятеля храма рассказывала мне, что старинные почерневшие иконы в стенах церкви чудесным образом освещаются и обновляются. Заметив мое недоверие, поведала о таком случае: «Три года назад двоюродный брат одного нашего служки принес нам доску. На чердаке, говорит, нашел. Хотел на дрова пустить, но топор, как только он его заносил, все время уводило в сторону. Чуть даже по руке себя не хватанул. Я поставила доску в ризничной — вдруг через несколько месяцев на ней стала проявляться какая-то фигура. Присмотрелась я, батюшки, так это ж сам Христос в терновом венце. Потом доска стала мироточить, вроде как слезы на ней выступили, а на руке Спасителя появилась оранжевая полоса. Мастера, которые для иконы киот сладили, говорили, что от дерева особая теплота шла и на душе легчало...» Новое время открывает старые иконы. В храме есть копии с известных казацких святынь, которые были особенно

дороги запорожцам. Под иконой, на которой изображена Богородица и молящиеся запорожские казаки, я прочитал такую надпись: «Сия святая икона Образ покров Пресвятой Богородицы с молящимися запорожцами писана в иконописной школе Спасо-Преображенского собора г. Никополя 2000 г. месяц май».

Перед входом в собор под изображением Святой Троицы выведено большими буквами: «Аз есмь путь и истина». Вспомнив о дате, когда писана была казацкая икона, я задался вопросом: какой путь и чья истина на пороге третьего тысячелетия? Путь все тот же — старый чумацкий шлях, который пролег в полусотне шагов от собора. А истина? Может, когда-нибудь она придет ко мне во сне...

Пустынные обитатели

В рассказах о запорожцах часто упоминаются *самитники*, *пустельники*, *скительники*, *одинаки*. Так в народе называли отшельников. В землянках, пещерах, хатках-*бурдюгах* жили «совершенно одинокие казаки, искавшие полнейшего уединения от бурной сичевой и от тяжелой семейной хуторской жизни». Распространяющая неизбывное одиночество степь, открытость ее просторов, зримое единение земного и небесного мира побуждали людей (тем более если жизненные обстоятельства к этому подталкивали) оказаться как бы посредине этих миров и, поставив себя между ними, в центре некоего магического круга, наилучшим образом, с наибольшим эффектом воспринять их энергетику.

Одинокие предметы в степи, будь то курган или каменная баба, всегда привлекали внимание, они были своеобразной точкой, в которой перекрещивались степные силовые линии. То же самое происходило и с жившим уединенно казаком. Связь с миром людей и привычных представлений прерывалась, и дух, время от времени покидая тело (чаще всего это происходило во

сне), парил над степью, заглядывая в ее укромные уголки. Протаптывал дух и дорожку в потусторонний мир. Поговаривали, что отшельники регулярно общаются с умершими, теми, кто лежал в степных могилах. Как свои пять пальцев одинаки знали и степное звездное небо, которое всегда было перед глазами. Часто казакам они предсказывали будущее по расположению звезд и луны (ее, кстати, в народе называли *казацким солнцем*). В одиночестве тоньше чувствуешь собственную душу, легче можешь понять и душу другого человека. Интуиция, инстинкт, вдохновение, наитие были у отшельников особо обострены и составляли некое магическое целое, что делало их людьми во всех отношениях особенными, способными творить чудеса. И внешний вид казака-отшельника, и его жилище (оно нередко обставлялось камнями, взятыми из разных святых мест), и утварь в нем — все играло на магический авторитет чародея — *пустельника*. Хотя старых пустельников и побаивались, однако часто именно к ним атаманы приходили за советом перед походами. Отшельники сообщали им о продвижении врага, его намерениях, делились мыслями о том, как в той или иной местности лучше всего организовать нападение.

В народе бытовало множество чудесных историй о запорожских отшельниках. В днепровских селах, например, рассказывали, что в плавневых дебрях обитал бывший сечевик — «высокий-превысокий дидорака, с длинною-предлинною, до самых колен, бородой и со страшными-престрашными, точно у зверя, когтями». Этот отшельник якобы ходил совершенно нагой и говорил только односложными словами. На острове Хортица есть Совутина скала. Место примечательное во всех отношениях. Во многих легендах речь идет о запорожце Совуте, который жил там в пещере: «Страшный, говорят, был Совута тот: глаза такие, как у совы, которая ночью лучше видит, чем днем; днем, говорят, он и не выходил из своих пещер, — ночью обделывал всякие дела; так выскочит, схватит, что ему надо, та опять в свою нору и ныряет, будто тот зверь».

Необходимость уединения запорожцы испытывали, как правило, в конце жизни. Внезапно для товарищей, без всякой огласки одни уходили в степь, где строили землянки, другие селились на плавневых островах, третьи отправлялись в монастыри спасаться. Случалось, что уходу в монастырь предшествовало «прощание казака со светом». Сечевики *прощальники* наряжались в роскошные трофейные одежды, обвешивались дорогим оружием и устраивали для товарищей грандиозную попойку. Пир на весь мир продолжался и по дороге в монастырь. Перед его воротами казак кланялся на все четыре стороны, просил у всех прощения, обнимался с каждым и решительно переступал порог монастырской обители, за стенами которой запорожца уже не могли «достать» ни свои, ни чужие...

Черт знает... что?

«Бес попутал», — оправдывался загулявший казак перед товарищами. «Черт его батька знает», — пожимал плечами недовольный сечевик, когда от него требовали немедленного и точного ответа. С давних времен обитатели Великого Луга верили в существование потусторонней силы. Она меняла свой облик, рядилась в разные одежды, но всегда была рядом, чаще искушала и доводила, приносила неприятности, путала дела, творила козни, поэтому и называлась — нечистой. У запорожцев было свое отношение к нечисти. Чаще всего казаки общались с ней через своих собратьев — характерников, которые «занимались волшебством и ночью на могилах шумели с упырями и мертвецами». И упырей, и песоголовцев, и русалок, и домовиков, и ведьм в казацких преданиях и быличках было предостаточно, однако главным героем их все же выступал черт. Без его участия, как считали казаки, не обходилось ни одно нечестивое дело в земных пределах. Вихрь, поднявший со степной дороги столбик пыли, — это чертова свадьба. Колдобины — *черторои* на

верстовом шляху (пути. — *Примеч. ред.*) — это тоже проделки бесоты. На этом пути черти легко сбивали подгулявшего казачка с дороги, им ничего не стоило и в плавневых дебрях попутать путника. Падающие звезды — это черти, которые подстраивались под ангелов. Для утешения бездомного казака-горемыки бес и табак придумал, и научил запорожцев горилку гнать, и клады их охранял.

Как же выглядел черт? Каким он виделся запорожцу? «И тут же около них какой-нибудь «химерический запорожец» переродился в черта с коротенькими рожками, куцым хвостиком, собачьими когтями, на тонких ножках, и, для большего сходства с нечистым, облился с ног до головы дегтем. Настоящий черт!» — такую колоритную сечевую сценку нарисовало воображение одного авторитетного казацкого исследователя.

Где же обитали черти? Где нашли пристанище в землях запорожских вольностей? Нечестивым хвостатым существам особенно полюбились торчащие из воды камни в порожищем русле Днепра. У каждого днепровского порога была своя тайна и свой «чертов кагал». В Кодакском пороге (первом сверху) черти были особенно злы — они без разбору топили там людей, увлакивая в темные глубины и старых, и малых. К следующему Сурскому порогу, как поговаривают, черти сходились, чтобы справлять там свои надобности. На камнях нередко находили их отметины — черный, как смола, гной. В Лоханском пороге обосновался главный бес, которого днепровские лоцманы наградили прозвищем Вернивод. Со своими подручными он лихо разбивал плоты и даже тяжелые барки. В Дзвонецком пороге черти переворачивали лодки. Причем нередко делали это тогда, когда в них спали люди. Самым грозным считался Ненасытецкий порог, или просто Ненасытец. Его еще уважительно называли Дед-порог. Возле Ненасытца черти устраивали опасные водовороты — *черторои* и мочились в суда. За эту пакость бесы исправно получали чертовы подачки от самого Вернивода, который время от времени навещался к ним. В Вовниговском

пороге черти проводили время в безделье, лишь некоторые из них в поте лица острили вилы. В пороге Волчок жила главного черта жена с чертенятами. Как-то старого лоцмана спросили, почему один и тот же камень зовется то Дядьком, то Чертом. Казак усмехнулся: «Как пройдет мимо него плот, то он Дядько, а как зацепится, то он Черт».

Множество таинственных историй связано с плавневыми чертями. Среди днепровских рыбаков и поныне живет убеждение, что плавневую камышовую гусянку издавна присмотрели для своих утех особого рода *бесы-камышевики* и *черти-очеретяники*. «Любо черту в дудку играть, сидя в очерете: одну испортит, другую вырежет», — говорили в народе. Особенно бесам почему-то пришлись по душе старые дуплистые вербы, коряги и пни. «Влюбился, как черт в сухую вербу», — усмехался старый хуторянин, наблюдая с печи за внуком, что торопился на свидание. Верб разных размеров на плавневых островах без счета, однако еще больше водяной растительности, гуща которой как будто самой природой определена для обитания разной нечисти. Деды-рыбари рассказывали, что опасаются оставаться на ночь в камышовой гуще. Во-первых, комары загрызут, а во-вторых, во тьме к лодке запросто может подобраться черт в образе рыбины или даже птицы. Недаром в плавнях *чертовой курицей* называют большую болотную курицу, а *чертовыми пальцами* — качалки рогоза (качающиеся стебли этого болотного растения. — *Примеч. ред.*). Немало и других названий: чертополох, чертки, чертов орех. Бес-камышевик любил поизгаляться над одиноким рыбаком. Услышит он, скажем, в камышах плач ребенка или стон раненого, поспешит на помощь и потеряется в зеленой чаще. И день, и два может искать выход.

Однако тот же черт может и спасительную соломинку подкинуть, не дать пропасть совсем среди дикой природы. Несмотря на пугающее название и устрашающий рогатый вид, чертов орех, как в народе называют *чили́м*, не раз спасал людей от голода. Его едят сырым, печеным в золе, отваренным с солью (ко-

тору, кстати, не любит нечисть). Между прочим, пригодны в пищу и листья чертополоха. Водить дружбу с плавневым чертом, может, и не стоит, однако негоже и проклинать его — авось когда-нибудь пригодится и его помощь. Убеленные сединами и покрытые шрамами запорожцы, которых не раз заносило «к черту на кулички», учили новичков: если ты смелый, уверенный в себе «лыцарь», то нечисти можно было не бояться. Пусть черт, как ни скачет, а ты свое дело делай. «Не такой черт страшен, как его малюют», — усмехались в прокуренные усы сечевики. «Нам хоть бы черт, абы яйца нес», — вторили им казаки-зимовчаки. Недаром гоголевский Тарас Бульба назвал своего коня Чертом — он не раз выносил из беды своего именитого седока. Рассказывали, как запорожец поймал черта, а тот начал кричать: «Пусти, я черт!» На что молодец ответил: «Даром что черт, — съедят добрые люди с хлебом». Название речки Чертомлык, на которой находилась одна из казацких Сечей, в народе связывают с решительными действиями одного запорожского ватага. Его поединок с бесом закончился тем, что черт упал в реку и «млыкнул в ней до горы (вверх. — *Примеч. ред.*) ногами». А вот что ответил кошевой Иван Сирко своему военному начальству, которое хотело приструнить казаков за своеволие и упрямство: «Когда бы и черт, пане гетмане, помогал людям в крайней их нужде, то брезговати тем не годится; бо кажуть люде: нужда и закон зминая (изменяет. — *Примеч. ред.*)».

Черта можно было одолеть, он действительно не так страшен казаку, как ведьма-чаровница. С ней, увы, даже вооруженный магическими знаниями характерник совладать не мог. Недаром казаки не пускали на Сечь женщин — любая из них могла оказаться злой чаровницей. Кстати, именно ведьмы напророчили запорожцам их гибель от женщины. «Не было в Запорожье целое лето дождя, — вспоминал один ссохшийся от старости, совсем квелый сечевик. — Вся степь выгорела, почернела. Казацкие характерники скумекали, что дождь крадут ведьмы. Отыскали по хуторам двух-трех, хорошенько пришпарили, те и пови-

нились. А как стали их топить в Днепре, то подняли гвалт: “Не губите, запороженьки, нас, сгубит и вас самих баба!” Так и вышло по заклятию вражьей ведьмы — царица Катерина разорила запорожское гнездо».

И рушник вышиваный на счастье, на долю...

«И пробилась было уже козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: “Стой! Выпала люлька с табаком: не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам”. И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома». Эти гоголевские строки в памяти у многих, кому дорога казацкая старина, для кого ее образы и герои — это и сила, и дух, и вдохновение. Трубка-люлька знаменитого казацкого ватага стала символом чести, бесстрашия, преданности родной земле и товариществу.

Рождаются и седеют годы, проходят столетия, однако в повседневной жизни, в быту по-прежнему насущными для нас остаются простые вещи, предметы обихода. К ним привыкаешь, с ними сживаешься, а нередко и одухотворяешь, наделяешь качествами, которые могут существенно повлиять на ход событий и даже на судьбу. Любая деталь оружия, одежды, конского убранства, любая бытовая безделушка, украшение, посудная черепушка, если их соответствующим образом мысленно «заряжали» казаки, могла сыграть свою амулетно-обереговую роль. Трубки, заговоренные характерниками пули, пороховницы, кинжалы, ложки, нательные кресты, серьги, дукачи (монеты, носимые на шее. — *Примеч. ред.*) — все эти предметы были для казаков талисманами и оберегами, которые укрепляли дух, взбадривали, охраняли и спасали от стихий, нечистый и врагов.

Нередко в казацких преданиях и легендах в качестве амулета упоминается «евшан-зелье». Что это такое? На роль этой волшебной травки претендует полынь. При определенных затруднительных обстоятельствах название этой горьковатой степной травки весьма удачно и к месту рифмовалось со словом «сгинь». Однако чаще всего, когда речь заходит об исключительных свойствах степных дивоцветов, называют чабрец, по-другому — тимьян ползучий, богородская трава. В переводе с греческого тимьян («тимус») буквально означал «сила», «дух». Этим обозначалось то воздействие, которое чабрец оказывал на человека. Его особый, сухой, горьковато-пряный дух будто вобрал в себя роскошь и аромат всего степного разнотравья, его силу и поэзию. Недаром наши предки-язычники именно чабрец бросали на угли костра, воскуривая фимиам богам. Запах богородской травки умиротворял небожителей, которые становились более благосклонными к степнякам. Они, кстати, нередко брали с собой чабрец в дорогу. Не пренебрегали этим обычаем и рыцари. Цветок чабреца, окруженный пчелами, в средние века изображали как украшение на рыцарских шарфах, ибо, по преданию, он вселяет в сердца людей мужество и храбрость. У запорожского рыцарского ордена чабрец тоже был в почете — понюхает казак на чужбине этот цветок, и сила степи войдет в него, и дух степной воли подымет его с колен.

Родная земля была для запорожца всем: и ложем, и кормилицей, и матерью, и другом. «Земля дает все и забирает все», — говорили казаки. «Клянусь землей!» — восклицал уверенный в себе сечевик, целуя землю или даже съедая ее. Землей клялись, землей лечились, прикладывая к ранам, землю насыпали в мешочек и, как талисман, брали в дорогу. «А все от того, что они знающий народ были, — рассказывали о запорожцах старики в плавневых селах, — на своей земле их никто не мог взять. Так они как куда ехать, то сразу земли под стельки накладывают, в шапки насыпают та й едут. Кто чоботы скинет — то и смерть, а кто шапку снимет, тому голову снимут». Рассказывали, что за-

порожцы, очутившиеся за Дунаем, стали клясться туркам: «На какой земле стоим, ту и будем защищать». Вскоре, однако, обстоятельства сложились так, что пришлось повернуть оружие против янычар. Казаков стали упрекать, что они нарушили клятву. Сечевики лишь усмехались, подкучивая усы: во время присяги турецкому оружию они стояли не на басурманской земле, а на своей родной «черноземле», которую привезли с собой и насыпали в сапоги.

Снаряжая сына к запорожцам, мать дарила ему вышитое полотенце — *рушник*. Это полотнище было для казака и скатертью, и узелком, где хранились харчи, и при необходимости элементом одежды. Рушники, развешанные в курене, в землянке-бурдюге, плавневой хате зимовчака, должны были оберегать жилище от всего нечистого, что могло в него попасть, поэтому и орнамент, и узоры играли роль оберегов, символических обозначений очень важных для человека предметов и явлений. Ромб с точкой посредине обозначал засеянную ниву, ваза или цветок — дерево жизни, розетки — солнечную благодать. Часто запорожец в дальнем походе, разложив на полотенце нехитрую снедь, вспоминал слова матери: «Пусть стелется тебе, сынок, доля (счастье, судьба. — *Примеч. ред.*) этим рушником!» Ни дома у казака, ни семьи. Лишь степь, верный конь да воля. А еще — натальный крест, люлька-утешительница, веточка чабреца да вышитый рушник. Ими продолжится дорога и свершится доля...

Жили вертко, помидали терпко...

Мысли запорожца за морями, а смерть всегда за плечами. Она весточки не подает и не перебирает. В любую минуту смерть могла своей безжалостной косой пройти по казацким рядам. И в дикой степи, и в плавневых дебрях от всякой смерти не на бережешься — тут не ты смерти ищешь, а она тебя сторожит на каждом шагу.

Запорожский казак, который видел «постоянно грядущую в очи смерть», ставил ее в один ряд с другими «оказиями» — грустными и радостными повседневными прогнозированными событиями. «Был полковник, а стал покойник», — бросал иной сечевик, сопровождавший тело погибшего на поле брани командира. «Жить надейся, а умирать готовься, — встречали новичков седовласые, покрытые ранами старые казаки. — Не на живот рождаемся, а на смерть». «Погоди, придет нитка до клубочка, не отвертишься», — предупреждала ворчливая супруга казака-зимовчака, который, опрокинув рюмку, прихорашивался, словно парубок перед вечерницей (парень перед вечеринкой. — *Примеч. ред.*). Тот не спорил, не сердился, лишь подбивал пальцем седые усы и усмехался: «Твоя правда, старая. Мрут люди, и нам то будет. Как ни живешь, а гроба не минешь — одна мать рожала одну и смерть давала».

«Вечный страх, вечная опасность внушали им какое-то презрение к жизни», — писал о запорожцах Николай Гоголь. Презрение это выражалось и в равнодушии к семейным обязанностям, и в неудержимых «разгулах», и в беспечности и лени, которые вдруг одолевали энергичного сечевика. С издевкой он порою относился и к смерти. От нее ни откреститься, ни отмолиться, однако, с другой стороны, бояться смерти, дрожать перед ней — на свете не жить. Старуха с косой сама боится того, кто над ней насмехается. Новичок попадал к веселым запорожцам, и старшина отводил ему в курене место, приговаривая: «Вот тебе и домовина, а как умрешь, то сделаешь еще короче». А вот с каким воззванием обращались посланцы от запорожской старшины, вербуя по украинским городам молодцев для пополнения войска: «Кто хочет за христианскую веру быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован — приставай к нам!» Совсем как у афонских монахов, которые радуются смерти, как пению птиц и восходу солнца, молясь денно и ночью: «Слава Богу, что я живу, слава Богу, что умру!»

Умел казак «шарпать», умел и умирать «не скыглячи» (не жалуюсь. — *Примеч. ред.*), часто даже с усмешкой на устах. Смерть

была последним подвигом запорожца. На поле брани он «заботился не столько о том, чтобы спасти себе жизнь, сколько о том, чтобы умереть в бою, как умирают истые рыцари на войне». Весело пожить да красно умереть — вот цель вольного запорожца. Однако не всегда так удавалось закончить жизнь. «Жил казак вертко, помирал терпко» — это сказано о запорожце, нашедшем кончину где-нибудь в морской пучине, плавневой болотной жиже или ветреной стылой степи.

Для человека и его родни издревле имело большое значение, где и при каких обстоятельствах наступал роковой «срок». Мать не пускала казака «своим белым телом орлов годувать (кормить. — *Примеч. ред.*), червонной кровью речки напувать, а желтой костью мосты вымощать». Страшна «наглая» смерть на чужбине. В думе «живописуется» смерть казака в чистом поле, где *орлы-чернокрыльцы и волки-сироманцы* «з лоба чорни очи выдирали», «биле тило от желтой кости одрывали» и «жалобно квылылы-проквылялы (плакали-причитали. — *Примеч. ред.*): то ж воны казацкие похороны отправлялы». В народе жалели, скажем, чумаков, казаков, паломников, которые нередко умирали вдали от дома. Живой без места, а мертвый без могилы не будет. Казаков часто хоронили их спутники или совсем случайные люди, завернув в рогожу. «Ой? побудуйте (сделайте. — *Примеч. ред.*) мне молодому домовину из рогожи!» — поется в народной песне. Когда хоронили на обочинах дорог, то прохожие бросали на могилки веточки, щепки, комки, как будто и сами помогали хоронить. «Не дай Боже нагло умереть под тыном!» — крестились зажиточные казаки-зимовчаки. А запорожцы не уставали повторять: «Сечь — мать, а Великий Луг — батько, вот там нужно и умирать».

Смерть и родины не ждут доброй години. Предчувствуя приближение смертного часа, казак нередко «спасался» — уходил в монахи. Некоторые даже добивались до афонских монастырей. При этом, завершая земные дела, запорожец устраивал громкое «прощание со светом». Это были своеобразные поминки по себе с веселой трапезой, песнями, танцами. И тут не мог бравый за-

порожец без лукавства, розыгрыша, насмешки над судьбой, которую хоть на коне и не объедешь, однако можно подразнить, погладить против шерсти. Выпил-закусил «прощальник», добрым словом и веселым тостом «помянули» его товарищи — можно еще и пожить на белом свете. Хоть без бывшего задора и в монашеской рясе, однако еще при своем «земном» уме и при крепкой памяти.

Умирать — не на воз взбираться. День за днем, а к смерти ближе. Рад этому — не рад, а будь готов отправиться в свое последнее путешествие. К грустному событию готовились заранее — еще задолго до того, как костлявая гостья появлялась на пороге. Живому нет могилы, однако может быть — добротный крест. Запорожские казаки нередко «еще за живота» (т.е. при жизни. — *Примеч. ред.*) на досуге после походов вытесывали себе каменные могильные кресты. На них часто вырезались и надписи: «Здесь опочивает раб божий...» или «Здесь погребено тело в бозе почившего...» Хуторские казаки часто мастерили крепкие и добротные гробы. Еще бы! Настоящий «справный» хозяин и на том свете должен иметь жилище, достойное его земного положения. На месте бывших Сечей, как сообщал один исследователь, часто находили «полусгнившие дубовые гробы, скрывающие в себе одни жалкие остовы некогда доблестных и неустрашимых рыцарей». Над могилой казака, которого часто хоронили в полном наряде и с оружием, рядом с крестом втыкали копьё с белым флажком — «в знак безукоризненной чистоты умершего рыцаря»...

V. РЫЦАРИ КОСЫ И КИНЖАЛА

И рубит, и колет, и режет

И для следопыта-зверолова, и для плавневого рыбака, и для пластуна-разведчика, и для лихого всадника-рубаки первым помощником был нож. Он был незаменим в жарком бою, без

него, как без рук, в разведывательной вылазке, во время дальнего похода. Что уже говорить про каждодневную бытовую потребность в этом универсальном инструменте, которым можно было колоть, резать, рубить, строгать, копать, пилить, сверлить. Как и его далекий изобретательный предок, запорожец мог использовать в качестве ножа и каменные отщепы, и створки раковин, и обломки костей. Даже в боевой обстановке они могли при случае выполнить свою смертоносную «ножевую» функцию, выручить в рукопашном бою, помочь бесшумно снять постового.

Ведущее место в казацком арсенале холодного оружия занимали короткие клинки самых разнообразных типов. Запорожские казаки пользовались и различной кривизны ножами, которые имели одностороннюю или полустороннюю (все лезвие с одной стороны и его треть, примыкающая к острию, — с другой) заточку, и специально созданными для боевых целей обоюдоострыми кинжалами, и узкими стремительными стилетами, легко находящими щелку даже в кольчужной защите, и тесаками с длинными массивными лезвиями, с помощью которых можно было пробиваться через плавневые дебри. У каждого казака, как правило, было несколько типов ножей. Нож-засапожник («захалавный» нож) имел треугольный изогнутый клинок и носился за голенищем правого сапога. Ударом этого ножа очень часто кончался смертный бой. И даже упав на землю и получив тяжелое ранение, казак пытался вытащить засапожник и перерезать им противнику подколенную жилу. Про лугаря, в поисках добычи шныряющего по приднепровским балкам и плавням и часто попадающего в различные переделки, говорили: «Запаслив, в рукаве кистень, в голенище засапожник». С левой стороны при сагайдаке (комплект вооружения, состоящий из колчана для стрел и футляра для лука) носился «подсагайдашный» нож. Он, как правило, был более длинным и широким, чем обычный поясной нож с характерной формой лезвия: приблизительно до половины оно было выгнуто в сторону режу-

щей кромки, а потом спрямлено. К рукояткам этих ножей прикреплялась темляк (ременная петля. — *Примеч. ред.*).

Заткнутые за пояс кинжалы с богато украшенной рукоятью были гордостью запорожцев и считались едва ли не символом их рыцарского достоинства. Самым распространенным кинжальным клинком у казаков был так называемый русско-татарский кинжал с грушевидной рукоятью и лезвием, изгибающимся в верхней трети. Выпуклая сторона такого кривого кинжала использовалась для «мажущих» режущих ударов, а внутренняя — для вспарывающих. Режущие удары часто предпочитали наносить снизу вверх, чтобы не порезаться при движении на себя.

Ножи и кинжалы помогали в том случае, когда противник подходил на очень близкую дистанцию, и поразить его основным оружием было уже неудобно или невозможно. Драка на ножах изобиловала прыжками, нырками и уклонами. Каждый казак в совершенстве владел этой техникой. Однако на узкой плавневой тропе, во время короткой ночной схватки, абсордажного морского боя или разведывательной операции хитрость и внезапность часто брали верх над собственно техникой. Очень важно было не подставить себя под удар ножа. Дело в том, что серия порезов и укулов, наносимых ножами, в жарком климате (особенно это касалось морских походов к турецким берегам) заживала тяжело и долго. Ножевые ранения острыми кинжалами с изогнутыми «пламевидными» лезвиями летом для казака нередко были опаснее, чем, скажем, огнестрельная рана. У запорожских казаков на вооружении были и специальные металлические ножи (нередко они делались из одного металла), которыми можно было снимать часовых на расстоянии, и клинки, которые во время разведывательной операции использовали как рычаг для захватов, заломов, обезоруживаний, и парные ножи, с помощью которых даже блокировалась атака копьем.

Запорожцы часто обменивались трофейными ножами и кинжалами. Как правило, этот ритуал сопровождался клятвами, заверениями в дружбе.

Топоры — до поры

На помощь сечевику всегда готов был прийти казак-зимовчак. Нередко оружием этого вольного хозяина плавневых островков и степных балок были предметы, которые находились всегда под рукой, прежде всего орудия его труда — плеть, кол, коса, топор.

По длительности службы и универсальности применения с топором не может сравниться ни одно орудие труда, одновременно использующееся как средство защиты и нападения. «Человеком умелым» назвали ученые предка современных людей, который более миллиона лет назад впервые применил оружие (срок этот порядочно «завышен». — *Примеч. ред.*) — это был целенаправленный удар специально обработанным камнем. Новая «оружейная» жизнь началась у рубила после соединения его с рукоятью-топорищем. Со временем изменялись формы ударной части и совершенствовались рукояти, однако оставались неизменными «топорные» функции: рубить, пробивать, тесать, раскалывать, дробить. И этой «топорной» работы запорожскому казаку хватало и в плавневых дебрях, и на поле боя.

Существует более 700 видов различных боевых топоров. Запорожцы умели обращаться с самым различным ударным оружием, в котором лезвие было насажено на деревянную рукоятку. Кстати, если вдруг она трескалась, ломалась, перебивалась в бою или походе, то ее легко можно было заменить на новую — в плавнях хватало крепких древесных пород, из которых выстругивались ручки, держак и топорища. Казакам знакомы были и легкие алебарды-совны, которыми больше «совали»(кололи), чем рубили, и тяжелые секиры, которыми сокрушали мачты и борта кораблей, и топорики-малютки, которыми удобно было действовать во время стремительных десантных операций. В реляции про разгром польского войска под Пилявцами в 1648 году, составленной польским участником битвы, сообщается, что «казаки выводили им коней из строя больше всего бердышами». Бердыш представлял собой боевой топор с длинной рукоятью и

лезвием в виде полумесяца, нижний конец которого переходил в полоску, которая крепилась к державу. Это оружие в основном предназначалось для отражения конной атаки. Против лошадей — бердыши, против закованных в броню всадников — келепы (клепцы). «А казак казачий обычай знает, келепом по ребрам торкает», — поется в одной думе. Келепом называли боевой молоток, который имел с одной стороны клювообразное острие, а с другой — тупой обушок. Из-за этой тупой ударной части казаки его еще называли «обухом оправным». Казацкий топорик — *чекан* представлял собой ударное оружие с короткой рукоятью, на которую было насажено полукруглое лезвие (в русском оружейном искусстве клевец-келеп и чекан считается одним и тем же оружием. — *Примеч. ред.*).

Копейное дело

Пожалуй, самым ходовым и незатейливым оружием в руках плавневого обитателя была простая палка или кол с заостренным и обожженным концом. Между прочим, как утверждает одна из легенд, первоначально запорожские казаки назывались *киями* (украинское слово «кий» означает «кол», «палка»). «Киями звались оттого, что ходили на разбой с кийками», — говорится в предании. Нередко к короткому, чуть длиннее человеческого роста древку с помощью лыка изобретательный лугарь прикреплял обломок кости, косы или нож. Это охотничье копье сопровождало его в скитаниях по плавневым дебрям, где из-за любого куста мог выскочить опасный зверь. С помощью такого примитивного колющего (а часто и режущего!) инструмента можно было защититься и от лихого человека. В голой же степи, во время конной атаки, в погоне за растерявшимся, однако все еще опасным врагом нужно было другое копейное оружие.

У многих народов в древности оно считалось символом власти и магической силы. На старинных гравюрах запорожский

казак часто изображался вместе с этим «царем всех видов оружия». Недаром в народе говорили: «Казаку без ратища, что дивчине без ожерелья». Для древка казацкой пики (его называли «ратовищем» — от слова «рать») использовали крепкие, прямые и в то же время легкие породы, такие, скажем, как ясень или клен. При необходимости заготовки выпрямляли, предварительно распарив. Наконечник, представляющий собой узкое проникающее острие, укрепленное ребрами жесткости, крепился к древку с помощью «хвостовика», трубки или металлических лент. Иногда наконечник снабжался дополнительными элементами. Скажем, «когтями», которые делали копьё неизвлекаемым, перекладами или ограничительными кольцами, помогающими парировать удар. Иногда под острием или в одной поковке с ним устраивался крюк для стаскивания врага с седла (когда, скажем, нужно было пленить его). Для надежности удержания посреди древка могли нашивать чехол из грубой шершавой кожи. В основании ратовища прожигались (одна над другой) две дырочки, в которые продевались тонкие кожаные ремешки. Сквозь них всадник просовывал сапог, таким образом копьё в походе легко поддерживалось в вертикальном положении. На некоторых копьях были специальные перепонки (их в народе называли «перепелами»). Вот как колоритно рассказывал об их предназначении сын запорожского казака: «А на других древках делался еще и перепел железный, это уже для того, чтобы как проткнешь или там татарина, или турка насквозь копьем, так чтоб он сгоряча не прошел по копьё аждо самих рук и не схватился б опять биться, потому что иному и живот распорешь копьем, а у него и кровь не брызнет, он и не чует, опять лезет биться». Как правило, древки были покрашены черной и красной краской, как «красят столбы, что на шляхах стоят та версты показывают».

Копьями в чистом поле сражались часто не в прямом столкновении (степняки его, кстати, вообще избегали), а в поединках и погонях. Все манипуляции копьем, в том числе и уколы назад

и вниз, казак выполнял, как правило, одной рукой, при этом она высоко заносилась над головой лошади. Движение это носило еще и защитный характер, так как отводило возможный атакующий выпад противника. Тренированный наездник нередко так управлял лошастью, что она как бы сама направляла неподвижное копьё. Казацкая техника владения пикой включала в себя самые различные приемы. Иногда во время поединков, чтобы ввести в заблуждение противника, казак на короткое время «привлекал» вторую руку, вращая копьё над головой или крутя им восьмерки. Нередко в Сечи во время «копейных» тренировок запорожцы соревновались, кто на скаку подденет кончиком пики кольцо или расщепит копьём тонкое дерево. В русских летописях есть свидетельства того, как «половец на скаку играет копьём, аки журавель клювом». Подобное можно было сказать и о запорожских казаках, которые многое переняли у своих кочевых степных соседей.

Трудно представить пеший или конный строй сечевиков, над которым бы не торчали острые копьё. Под наконечниками нередко прикреплялись конские хвосты, султаны, ленты, кисти, вымпелы, флаги, играющие декоративную, опознавательную или даже дезориентирующую роль. В старину такие знаки на копейных древках назывались «стягами» или «знаменами» — поднятое копьё, скажем, с лоскутом материи определенной расцветки притягивало к себе взор, «стягивало» всадников в организованный отряд, было для воинов неким знаменем, отличительным знаком. На древках копий часто насаживались кресты и другие знаки для памяти, передачи тайной информации.

Копьё в быту и походах использовались для самых различных надобностей. Из нескольких копий легко можно было сделать каркас для шатра, часто в степи копьё втыкалось в землю, а к нему привязывался конь. Воткнутое на обочине дороги «ратище» означало, что проезжий люд должен был оставить что-нибудь из съестных припасов или деньги для сторожевых казаков. Во время плавневых переходов копьё использовались для пере-

прав через топкие места. Вот как это могло происходить. Остановившись перед болотом, через которое невозможно было пробраться ни пешему, ни конному, запорожцы «сразу кладут один за одним два ряда копий, — в каждом ряду копья вдоль и поперек, — по ним и переходят: первые пройдут и разберут, останавливаются на втором и мостят из первого третий».

Коси коса!

С древних времен заготовка кормов для домашней скотины была одной из главных забот в цепочке будничных дел лугарей, что обитали в плавневых дебрях. А языком, как известно, сена не накопишь. Для этого нужна удобная острая коса. Когда-то она была короткая, позднее стала почти вдвое длиннее. Коса для вольного хуторянина, обосновавшегося в диких краях за порогами, была помощницей во всем: она и кормилица, и защитница от зверья и лихого человека. Для запорожских казаков и в степи, и в плавнях косовица была делом столь же привычным, как и тренировка в стрельбе или подготовка лодок к дальнему походу. Обычно заготовкой сена или плавневого камыша (его также зимой по льду срезали косами) для сечевых нужд занимались молодые казаки. По тому, как косарь держал в руках косу, как делал замах, куда направлял полотно, определяли его силу и ловкость. Разгильдяй сено косил, а черт его по ветру разносил. Хваткий же косарь, который овладел всеми премудростями ремесла, мог заткнуть за пояс и черта, и с самой смертью, которая не расставалась с косой, посоревноваться.

«Кто способен косой косить, тому и на поле брани первому быть», — утверждали убежденные седиными запорожцы. Дело в том, что коса в случае нужды легко превращалась в грозное оружие, которое по своим боевым возможностям превосходила копье, саблю или топор. Существует даже версия, согласно которой само название «казак» произошло одновременно от косы-

инструмента и косы-оружия. Недаром запорожцы часто сражение, битву называли «косовицей», во время которой врага не убивали, а именно «косили».

Высокая эффективность косы в ближнем бою связана с тем, что ею можно было подсекасть и рубить, резать и колоть, захватывать и вспарывать, блокировать и атаковать. Разворачивая косу с длинной рукоятью лезвием к себе, ею можно было действовать как дубинкой. В умелых тренированных руках казацкого вояки коса походила на страшный пропеллер, который кромсал руки, ноги, тела врагов, независимо от их численности. Вот как, например, очевидец описывал поединок запорожца с косой против вооруженного до зубов врага: «Остался один, который сражался на протяжении трех часов против всего польского войска; он нашел на болотном озере лодку и, прикрываясь ее бортом, выдержал стрельбу поляков против него, истратив весь свой порох, потом взял свою косу, которой отбивал всех, кто хотел его схватить...»

Можно было поражать врага или сражаться против диких животных простой хозяйственной косой (для рукопашного боя лезвие косы слишком хрупко — и его специально «усиливали». — *Примеч. ред.*). Чаще же всего запорожцы применяли специальные боевые косы, для которых, впрочем, использовались лезвия обычных кос. Они вбивались «пяткой» в паз на конце рукояти и являлись как бы ее продолжением. Несмотря на то что рукоять делалась из твердых пород дерева, место соединения лезвия с держакон являлось наиболее слабым звеном такой косы. Его, как правило, дополнительно укрепляли, плотно обматывая тонкой, прочной веревкой, лыком, кожаным шнуром или даже оковывая железом. Есть сведения, что запорожцы применяли и боевые серпы, которые насаживали на рукоятки разной длины. Наконечники таких серпов делались более прямыми, что позволяло наносить колющие удары. При определенных навыках серпы можно было применять и как метательное оружие.

Сабельный удар

Казак при сабле, сабля при казаке — они всегда были неразлучны, как муж с женой. Недаром запорожцы называли саблю и «сестрицей», и «панночкой», и «матерью родной». Даже ночью вместе, даже во сне рядом — одна рука под головой, другая на сабельной рукояти. Сабля олицетворяла лихую воинственную и в то же время вольную поэтическую природу запорожца, была его «серпом бесчисленных битв». «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай», — наставляли опытные запорожские рубки новичков.

Каждый запорожский казак имел две сабли: боевую («черную») и парадную. У старшин и зажиточных казаков было по нескольку сабель. «Убранный казак всем хорош: как зазвенит, то все слушают» — это сказано о «парадно» разодетом красавце-казачке с саблей на боку. Как рассказывали очевидцы, оружие, которое сечевик носил при себе, «все было убрано в золото да в серебро; на оружие они все богатство свое покладали: то и не казак, коли у него скверное оружие». Это касалось прежде всего «ясной зброи» — холодного ручного оружия. Искусно и богато украшенные парадные сабли надевались в праздничные дни, во время торжественных событий и различных гостевых церемоний, переговоров, были элементом костюма, «признаком щеголеватости и богатства», своего рода визиткой сечевика, умеющего и славу добыть на поле брани, и достойно распорядиться этой славой. Дело в том, что для казака считалось делом чести добыть в бою «сабельный» трофей. Понятное дело, что отобрать холодное оружие можно было только у убитого или взятого в плен врага.

На вооружении у запорожцев были турецкие, персидские, венгерские, польские, ордынские типы сабель. Сечевики знали толк в различном сабельном оружии, с одинаковой ловкостью орудовали и ятаганами с вогнутыми в сторону режущей кромки лезвием, и саблями — *венгерками* (кстати, слово «сабля» венгер-

ского происхождения и переводится, как «резак»), и арабскими шамшерами, и «домахами» — саблями из дамасской стали. Сабельное оружие запорожцы добывали в бою, обменивали и покупали у соседей, изготавливали у себя в Сечи из привезенных деталей. Среди казаков ценились свои родные клинки «черкасской» работы, которые делали в Украине. Казацкие сабли были «простые, не очень закрученные и не очень длинные: как пять четвертей, то и хорошо, а только острые как огонь...». Про опытного запорожца-рубачу говорили: «Как рубанет кого, то так надвое и расколет, — одна половина головы сюда, а вторая туда». Утверждали, что острыми казацкими саблями можно было перерубить в воздухе шелковый платок и одним ударом отсечь голову быку. Часто предпринимались попытки утяжелить удар сабли, не увеличивая ее собственного веса. Для этого нередко клинок расширяли вниз, к острию. При этом основная масса сосредоточивалась на рабочем рубящем конце (такое расширение называлось «еломанью»).

Изогнутая сабля, которой рубили «с оттягом», была прежде всего оружием всадников. Не случайно этот тип сабли, как и многие приемы рубки, запорожские наездники переняли у своих степных кочевых врагов и соседей. Однако и казацкие пехотинцы умели обращаться с сабельным «честным оружием». Пешие воины часто использовали сабли типа ятаганов (ятаган скорее относится к категории боевых тесаков — т.е. больших ножей. — *Примеч. ред.*), которые, как говорили, в «обороне — щит, а в нападении — сразу две раны наносит». Дело в том, что при рубяще-режущем ударе ятаганом возникает «эффект серпа»: одна рана наносится серединой лезвия или его частью, прилегающей к рукояти, а другая — противоположной частью лезвия или острием при режущем движении на себя. Пехотинцы могли драться одновременно двумя саблями сразу. В этом случае вокруг воина, крутящего сабли, образовывалось своеобразное защитное поле. И всадники, и пехотинцы нередко использовали широкие с малой кривизной клинки типа «палашей».

Таким оружием удобно было орудовать, пробиваясь через плавневые дебри, рубить лозу и камыш для маскировочных и хозяйственных целей, рыть землю для укрытий, строить землянки. Ножны-*пихвы* казацких сабель, в которые прятались («впихивались») клинки, делались из металла или дерева и обтягивались кожей. Сабля, как правило, носилась на левом боку «по-персидски» — на кожаном ремешке или шелковом шнурке острием к земле и заточенной частью лезвия назад. Случалось, правда, что запорожцы предпочитали турецкий способ — свободное ношение сабли на перевязи или за поясом лезвием (частично обнаженным) вперед или вверх.

«Ой, нагаечка моя...»

Запорожские казаки считали, что против разной вражеской нечисти надобно действовать «не саблями, а плетью». В этом была насмешка над противником, стремление унижить его; в то же время речь шла и об использовании «тайного оружия». Так казаки называли обычные «обиходные» предметы, которые в любой момент могли превращаться в грозное оружие. «У седла у меня аркан и якорец. Арканом, бывало, ловлю турок, а якорцем переворачиваю возы... Полегло много душ и от моего канчука (см. ниже. — *Примеч. ред.*)», — вспоминал один седоусый гречкосей о своей бурной казацкой молодости.

Без кнутика — *погонялки*, простенького батожка лугарю, присматривающему за скотом, в плавневых дебрях делать было нечего. Не обойтись было без кнута и степным пастухам. Плетью загоняли скот, часто их использовали и против диких зверей. Один казак-зимовчак, вспоминая свою встречу с дикими кабанами, говорил, что «если бы не длинный кнут, то и разорвали бы». Опытному охотнику ничего не стоило специальной плетью — *волкобоем* перешибить хребет или проломить череп волку.

По достоинству оценили плетку с утяжеленным концом, как весьма эффективное ударное гибкое оружие, и сечевики. В их обиходе различные кнуты и батоги употреблялись и для подстегивания коней, и для загона скота, и для тренировок, и для испытания новичков, и для наказания. «Дать нагаек» запорожцы могли и своему провинившемуся товарищу, и гостю, что не чтит казачьих законов, и пленнику, которому нужно было развязать язык.

Один исследователь казачьего быта сообщал, что «для походной езды необходимы были запорожским казакам и плети, называемые у них то малахаями, «под серебром», то «ногаями руки малой». Эти плетки (их еще называли «нагайками», «канчуками») часто использовались как оружие. Что же оно собой представляло? Послушаем одного старика из приднепровского села, который рассказывал о своем казачьем предке: «Как умер дед, на горище остался его канчук, пужално толстое, как толкушка, а на конце отлитая пуля. Этим канчуком если бы врезал, то долго не жил бы». Рукоятка — *пужално* вырезалась из твердых пород, скажем, дуба или вишни. Основа рукоятки охватывалась латунным кольцом. Чтоб нагайку легче было удерживать в руке, ее нижнюю часть нередко оплетали кожаными ремешками. Для этого по гладкой деревянной поверхности делались насечки. На конце рукоятки прожигалась дырочка, через которую пропускалось кожаное кольцо. К нему и приплетался основной шнур. Плели его из пяти, восьми и даже двенадцати тонких кожаных косичек. На конце завязывался узел или вплеталась свинцовая пуля. Иногда для крепости и силы удара через всю плетку протягивался тонкий кожаный шнур — «жгут». По всей длине его в разные стороны выпускались маленькие косички, к которым прикреплялись свинцовые бусинки. Для крепости нагаечный шнур заливали горячим воском. Шнур из сыромятной кожи на протяжении суток выдерживали в масле, жире. Самым дешевым и надежным способом обработки плеточной кожи была пропитка ее дегтем. Иногда просмоленную нагайку выдерживали в

соляном растворе. Усовершенствуя конструкцию нагайки, делая ее особенно опасной для противника, казаки не могли не обратить внимания на дробящее оружие степняков — кистень «с навязью и калдашем». Именно его некоторые считают прототипом боевой казацкой нагайки.

В любой момент казак мог выхватить ее из-за пояса или голенища сапога. Нередко на широком тямляке, который удобно охватывал кисть, она болталась на руке, готовая в любой момент взметнуться вверх. Как гибкое ударное оружие нагайка часто применялась запорожцами. Огибающие и захлестывающие способности плетки делали ее незаменимой в ближнем бою, как для нападения, так и для защиты. Вращая кисть «восьмеркой» на уровне груди, можно было отбить сабельный удар и даже летящий нож. Нередко казацкие разведчики, отправляясь за языком в тыл врага, были вооружены одними лишь ножами и плетками. Рукояткой нагайки можно было оглушить постового, а шнуром (он мог быть несколько длинее обычного) захлестнуть его ногу и повалить на землю. В рукоять плетки могли вкладываться тайные донесения. Количество косичек в плетении, их цвет также содержали в себе определенную информацию о численности вражеского войска и его вооружении.

Предательские якорцы

Татарская конница неслась по степи лавиной. Казалось, ее ничто не могло остановить. Однако внезапно посреди степи передние всадники вдруг приостановили свой стремительный бег, заметались по полю. Кони дико ржали, становились на дыбы, сбрасывая седоков. А всему виной были маленькие острые железки...

Плод ореха-чилима, которого было много в плавневых озерах, представляет собой шишку, утыканную остриями. Как ни брось ее, один из шипов оказывается торчащим вверх. И в степи

есть ползучие растения, стебли которых утыканы предательскими колючками в виде рогулек. Вонзаясь в тело, их острия обламываются и часто без посторонней помощи их невозможно вытащить, скажем, из пятки. В народе эти растения и поныне называют якорцами. Одна из степных балок в Запорожском крае была известна как Колючая. Такое наименование она получила, потому что «открытые склоны ее были покрыты ползучим травяным растением — якорцами», поэтому для босоногих пастухов она была непроходимой.

Запорожцы, изобретая новое вооружение, конструируя хитрые приспособления нападения и защиты, многое заимствовали из окружающей природы. Железная боевая «колючка» представляла собой «подобие птичьей лапы с тремя передними пальцами, которыми она ступает по земле, и четвертым задним, в виде отростка, который не достает до земли». Что ж, и у птиц могли подсмотреть запорожцы конструкцию якорцев. Так сечевики называли эти маленькие занозистые железки. Как описывает один исследователь, их делали «из одного продолговатого куска железа, который расщеплялся с одного конца на три отдельные части, а с другого конца оставался нерасщепленным и таким образом представлял собой подобие маленького якоря, но не с тремя, а с четырьмя зацепками и не пригнутыми, как у якоря, а прямыми и очень острыми, как птичьи пальцы».

Якорцы изготовлялись в казацких кузницах. Чтобы обезопасить себя от внезапного нападения вражеской конницы, «целые возы» этих зловредных железных изделий развозились по степи и разбрасывались на пограничных территориях, по дорогам и склонам балок. Шипы якорцев, вонзаясь в копыта лошадей, пугали животных, делали их неуправляемыми. Лишь одиночные разрозненные отряды прорывались через усеянное железными шипами поле. Якорцы могли использоваться и как метательное оружие, которым зацепляли возы (для этой цели, очевидно, использовали якорцы другой конструкции и большего размера. — *Примеч. ред.*). «У седла у меня аркан и якорец, —

вспоминал старый запорожец. — Арканом, бывало, ловлю турок, а якорцем переворачиваю возы... Тогда чумаки хорошо обшивали возы шкурами, то я, было, в примерках разгоню коня, брошу веревку с якорцем на воз, дерну к себе — и пошел воз переворачиваться...»

«Как натяну лук я, брязну тетивой...»

Это скорострельное, бесшумное и легкое метательное оружие было неким символом степного беспредела и плавневой глухомани, где удобно было устраивать засады. Простенький лук для охоты, скажем, на уток сметливый лугарь мог соорудить из подручного материала, например, из согнутой ветки. Звероловы нередко усиливали деревянную основу лука накладками из пластин другого дерева, рога или кости, обматывали сухожилиями, специально обработанными кишками животных... Для поражения цели в открытой степи требовалось более совершенное оружие.

Самыми мощными и дальнобойными были составные луки. Их собирали из нескольких частей, наращивая одну к другой по длине. При этом использовали разные материалы. Основные рабочие части — дуги или рога — могли быть деревянными (чаще сложными клееными), рукоять, с помощью которой они соединялись, — костяной или роговой, а наконечники-подзоры (рогов. — *Примеч. ред.*) — роговыми или металлическими. Тетивы делали из жил и сухожилий, пеньковых нитей, пропитанных особыми мастиками и смолами, тонких кожаных ремешков. Если луки часто покупались, выменивались или «добывались» запорожцами, то стрелы казаки вынуждены были, как правило, изготавливать (и часто в немалых количествах) сами. Что ж, для сметливого мастеровитого лугаря это не было проблемой — в плавнях хватало природного материала не только для этого, но и любого другого метательного оружия. Для стрел употребляли

молодой тростник, камыш, подходил и древесный материал, скажем, ясень или орех. На одном конце стрелы — наконечник (он мог быть плоским, узким граненым или ребристым), на другом — оперение. Для него использовали твердые маховые перья крупных птиц, предпочтительно своих родных водоплавающих, например гусей, цапель. Перья могли крепить в одной плоскости по двум сторонам или крестообразно. Казацким лучникам известно было и крепление в виде перьевой спирали, которая обвивала конец стрелы. Такое оперение заставляло стрелу вращаться в полете, что значительно увеличивало дальность и точность стрельбы. Вообще казаки во время разведывательных вылазок, внезапных нападений, опустошительных рейдов по тылам врага употребляли самые различные типы стрел, например поющие или свистящие, отравленные или зажигательные.

Для боевого лука требовалось специальное снаряжение. Оно известно под названием *сагайдак* (*саадак*). В него входили футляр для лука и колчан для стрел (саадак крепился к поясу: налучье слева, колчан справа. — *Примеч. ред.*). Между прочим, у запорожцев прозвище Сагайдак было весьма распространенным. Сагайдачным, например, прозвали сечевика одного из самых знаменитых своих атаманов — Петра Конашевича. В печатном посмертном панегирике казацкий гетман (он, кстати, в стычке с ордынцами был ранен отравленной стрелой) изображен сидящим верхом на коне и вооруженным луком со стрелами за плечами и сагайдаком, подвешенным с правой стороны (т.е. на картине видна была только правая часть саадака — колчан. — *Примеч. ред.*). В некоторых летописях, где речь идет о запорожских казаках, упоминаются и лучники, которые называются сайдакерами.

На одной из старинных лубочных картин, где изображен запорожец, вооруженный луком и стрелами, можно прочесть такой незатейливый виршик: «Как натяну лук я, брязну тетивой, то должен убежать хан крымский с ордой». Что ж, от сече-

виков, которые переняли степную лучную тактику у своих кочевых соседей, были вынуждены спасаться бегством не только крымчаки. Опытный казак-лучник мог выпустить за минуту до двенадцати стрел, большинство из которых попадали в цель. В 1699 году вице-адмирал Корнелий Крюйс писал о запорожских казаках, что они употребляли луки и стрелы, которыми очень метко стреляли. Как известно, турки были тренированными опытными лучниками. В Стамбуле на Ок-Майдане («площади стрел») ежегодно проводились состязания в стрельбе из лука. Однако нередко в «лучных» поединках побеждали не турецкие стрелки, а запорожцы — *сагайдаки*. В одном предании рассказывается о том, как славный казак Семен Палий затеял необычное соревнование с турецким пашой, который хвастался своим умением стрелять из лука. Противники стали по берегам реки, ширина которой достигала 380 шагов (приблизительно 250 метров). Первому выпал жребий стрелять Палию. Он натянул лук и выпустил стрелу. Она просвистела над рекой, пробила чалму турецкого владыки и унеслась в степь. Блестящий паша отказался продолжать состязание. Один путешественник даже сравнивал запорожских казаков с франкскими лучниками Карла VII.

Казачьи охотники, выслеживающие крупного зверя, или лазутчики, подстерегающие противника в плавневых дебрях и степных балках, могли быть вооружены и самострельными луками. Наиболее распространено европейское название этого оружия — арбалет (в переводе с латинского — «метательный лук»). Именно арбалет, в котором тетива была все время натянутой, давал возможность запорожскому следопыту, не смыкая глаз, часами сидеть в засаде, ожидая «свою» цель. Ведь убойная сила стрелы, выпущенной из лука, полностью зависела от мгновенного усилия стрелка. Лежа в засаде, не всегда была возможность как следует натянуть лук для быстрой, точной и сильной стрельбы. В арбалете же тетива натягивалась (часто с довольно большой силой) заранее. Арбалетная стрела, направленная умелой

рукой, часто пробивала череп коня или самые крепкие доспехи. Нередко этот один-единственный выстрел из засады решал исход последующей схватки.

Пуля не дура

Запорожские казаки были признанными мастерами «огненного боя». Недаром современники называли казаков «ружейным войском». Сами запорожцы про себя говорили, что они воюют «обычаем, саблею и самопалом». Под «самопалом» казаки разумели часто всякое ручное огнестрельное оружие. Послы различных стран отмечали исключительную сноровку и умение запорожских казаков обращаться с огнестрельным оружием. Например, папский посол Гамберини писал про казаков в 1584 году: «Оружие — их сабли и несколько ружей, из которых они никогда не промахиваются». А у посланца Венецианской республики Альберта Вимини в его рукописной «Реляции» можно найти такие строки про ружейное мастерство казаков: «Мне случалось видеть, как они пулей гасят свечку, сбивая нагар так, что можно подумать, будто это сделано с помощью щипцов».

Запорожцам были знакомы почти все виды ручного длинноствольного оружия. Они умели обращаться с примитивными пищалями, разнообразными вычурно оформленными аркебузами, тяжелыми оборонными «гаковницами», кавалерийскими короткими карабинами-бандолетами, легкими турецкими «янычарками», снабженными кремневым ударным замком испаномавританского типа. Особое распространение среди запорожцев получил длинноствольный пехотный мушкет. Казак с этим оружием на правом плече изображен на гербе Войска Запорожского.

Грозен и страшен был запорожец, который размахивал саблей и пистолем на палубе вражеского корабля, который казаки взяли на абордаж. Коротким и беспощадным был этот абордаж-

ный бой. И нередко успех его в открытом море решало пистолетное вооружение казака. Вот как его описывает один из исследователей: «Каждый казак имел при себе четыре пистоля, причем два из них носил за поясом, а два — в кожаных кобурах («кубур» — с татарского на русский — чехол, футляр), пришитых снаружи к шароварам». Пистолы также считались вооружением всадников.

Какой же тактики «огненного» боя придерживались казаки? Во-первых, в отличие от западноевропейских армий, где одна часть войска стреляла, а другая колола или рубила (т.е. делилась на мушкетеров и пикинеров. — *Примеч. ред.*), запорожцы были «универсальными» воинами. Вооруженные «до зубов», они на средней дистанции обстреливали противника из ружей, а когда враг приближался, забрасывали за спину свои мушкеты и действовали пиками и саблями. Как правило, пехотинцы вели огонь залпами. Первой могла стрелять последняя шеренга, при этом первые ряды пригибались. Есть даже информация о том, что передняя шеренга садилась на землю по-турецки (эта восточная поза для тренированных казаков была привычной) и так вела огонь одновременно с шеренгой позади нее. Однако чаще всего стреляла одна только первая шеренга. Благодаря высокой выучке казацких стрелков, по необходимости в частых маневрах всего войска запорожцы использовали трехшеренговый («батовый») порядок построения пехоты. Первая шеренга стреляла, потом делала шаг назад, две другие, наоборот, выдвигались вперед. Есть сведения, что казацкая пехота для увеличения эффективности стрельбы и ее частоты превратила батовый порядок в своеобразную технологическую линию. Первая шеренга стреляла, а две другие — заряжали мушкеты. В зависимости от обстановки и рельефа местности трехшеренговые отряды казаков (в каждой шеренге было до пятидесяти человек) могли располагаться в одну или две линии, образовывать триангулу (треугольник). Кстати, запорожцы заранее готовили заряды для мушкетов (описанная далее техника является всеобщей

для XVI — XVII вв. — *Примеч. ред.*). Порох с пулей упаковывался в бумажный мешочек. Эти мешочки (они использовались вместо пыжей) вкладывались в спаянные между собой тонкостенные металлические трубки. Для хранения зарядов употреблялись железные, деревянные или кожаные футляры — *ладунки*, которые закреплялись на поясе. Мелкий порох, который перед выстрелом подсыпался на запальную полку, хранили в специальных пороховницах-натрусках, сделанных из рога или дерева в форме сердечка, баклажки. Для зарядов также использовались специальные пояса-чересы.

В пушечном дыму

«А ну-ка, гармаши, отзовитесь огоньком! Дайте прикурить бусурманам!» — подбадривал канониров войсковой пушкарь. После его зычной команды раздавался грохот, и из пушечных жерл вырывалось пламя. В клубах дыма мелькали закопченные, но веселые лица. Казаки шутили, азартно бряцали оружием. Дружно заговорили пушки — *арматы* — значит, будет жаркая битва, значит, будет победа.

Артиллерией (она как род войск тоже называлась «арматой») запорожские казаки пользовались очень часто и при обороне, и во время штурма крепостей, и в открытом бою. Из различных источников известно, что запорожцам были известны разные типы пушечного вооружения. Они знали устройство и умели стрелять из бомбард — короткоствольных пушек большого калибра, которые стреляли каменными ядрами, гуфниц — коротких пушек, которые использовались для стрельбы «навесом» по невидимым целям, фоглеров — небольших пушек, которые имели подвижные зарядные камеры, мортир — короткоствольных пушек с крутой навесной траекторией, и легких фальконетов, огонь из которых велся свинцовыми или железными ядрами весом около килограмма или картечью. Пушки у запорожских ка-

заков «по материалу, разделялись на “спежовые”, т.е. медные, и “железняки”, т.е. железные; по величине — на “потужные”, т.е. большие и малые, или “непотужные”; еще иначе арматы назывались “муроломными”, т.е. стенобитными, полевыми и крепостными».

Всем этим разнообразным пушечным вооружением казаки главным образом «одобывчивались» у врага. «Пушек запорожцы у себя не имеют, а пользуются только теми, кои внезапными нападениями с кораблей и галер у турок взяли», — писал контр-адмирал Корнелий Крюйс. В полевых условиях сечевики использовали в основном пушки среднего и малого калибра. Это обеспечивало тактическую маневренность войска. Сохранилось свидетельство польского жолнера о том, как действовали вооруженные пушками казаки на поле боя. Он, например, писал, что казаки с пушками в руках обогнали подвижный польский лагерь. Потом они остановились, соскочили с коней, положили пушки на землю и ударили прямой наводкой по польскому войску. Таким образом они несколько раз изменили позицию. Потери поляков были огромны... Тяжелые пушки служили в основном для охраны сечевых городков или же применялись при осаде вражеских крепостей.

Ракетный переполох

Глубокая ночь. Луна скрылась за тучами, не видно и звезд. Турецкий лагерь затих. Лишь слышно, как переминаются кони возле шатров да перекликаются часовые. Вдруг раздаются громкие хлопки, и лагерь озаряют вспышки. Всполошились и дико заржали перепуганные кони, из шатров, ничего не понимая, стали выбегать полусонные люди. Взметались вверх языки пламени, дергались тени, бряцало бесполезное в темноте оружие, а между шатрами продолжали звучать взрывы и все новые и новые вспышки ослепляли людей и обезумевших лошадей. Переполох

лох во вражеском стане произвели «шутихи большого калибра». Так у запорожцев назывались особые ракеты, которые, взрываясь (до шести раз), подпрыгивали при каждом взрыве и производили оглушительные хлопки, точно современные петарды. После такого ракетного ночного «переполоха» противник был морально подавлен и, если подобное ракетное нападение повторялось, через несколько дней в спешке покидал лагерь.

Про бывалого искушенного в военных передрягах запорожца говорили, что он прошел Крым, Рим и медные трубы. Про Крым и даже Рим, где приходилось бывать запорожским воякам, понятно, а вот при чем здесь медные трубы? Вполне возможно, что запорожские умельцы, конструируя хитроумные ракеты, использовали опыт византийцев, на вооружении которых был так называемый «греческий огонь». До изобретения пороха он представлял собой мощный огнемет. Вот один из рецептов огненной смеси: одна часть канифоли, одна часть серы, шесть частей селитры в тонко измельченном виде растворялись в льняном или лавровом масле. Все это вкладывалось в медную трубу, укрепленную на носу корабля, и поджигалось (горящая смесь выпускалась на вражеские корабли из трубы-сифона. — *Примеч. ред.*). Предки запорожских казаков, да и сами запорожцы, бороздившие южные моря, не понаслышке знали о действии «греческого огня».

Что же собой представляли ракеты запорожцев? По какому принципу они действовали? Как удалось установить, это могли быть глиняные трубки с несколькими камерами, соединенными каналами, в которых была насыпана горючая смесь. Сначала она взрывалась в первой камере. Потом поочередно в остальных пяти. При каждом взрыве казацкая ракета — *шутиха* подпрыгивала. Звуковой и световой эффект при этом были отнюдь нешуточными. Кстати, сделать такую «летавку», даже имея минимальный навык в гончарном деле, было проще простого. Длинный узкий лоток заполнялся глиной. В ней кулаком вминались углубления, которые соединялись канавками, прочерченными пальцами. Две такие заготовки соединялись и обжигались.

VI. НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Испыгание новичков

Стать «истинным» запорожцем мог не каждый. «Какая же кума, коль у кума не была, какой же казак, коль пороха не нюхал», — говорили сечевики. Когда еще новичок попадет на поле брани и «нюхнет» там настоящей опасности, когда еще проявит себя в бою. Не лучше ли заранее проверить молодца? Для кандидатов в степные «лыцари» существовала строгая система отбора, которая включала в себя различные испытания. На острове Хортица есть ущелье, которое называют Сечевыми воротами. Поговаривают, что именно тут устраивали испытания новичкам. Вот как это происходило. Между скалами укрепляли жердь, по которой с завязанными глазами должен был пройти парень, что решил стать казаком. Кто оступался (внизу его ловили дюжие сечевики), приходил сдавать экзамен на следующий год. «Не тот казак, что на коне, а тот, что под конем», — шутили запорожцы. Умение обращаться с конем, владение приемами вольгитжировки было одним из главных требований к кандидату. Один исследователь казацкого быта писал: «Поймают дикого лошака и велят садиться без седла, без уздечки, лицом к хвосту. Кто проскочит степь и вернется здоровым, тот и казак!»

Серьезным испытанием для юношей был бурный Днепр. Его нужно было переплыть туда и обратно в районе грозных порогов. Экзамен продолжался и под водой. Сидел над кручей старый казак, дымил трубкой и рассказывал о подвигах казацких героев. Вокруг него — толпа новобранцев. Вдруг трубка (будто бы случайно) выпадала изо рта и исчезала под водой. Того, кто, не раздумывая, кидался за ней и находил на днепровском дне, казаки охотно принимали к себе, зачисляя в разведывательный отряд, действовавший в плавнях... Существовало у запорожцев

и такое «испытательное» развлечение. Новичкам завязывали глаза и ставили посреди площади. Казаки-ветераны длинными кнутами сбивали с них шапки. Во время этого экзамена на лице парубка, который претендовал называться запорожским воином, не должен был дрогнуть ни один мускул.

«Со смеха люди бывают», — говорили в народе. У казаков были популярны различные розыгрыши. Более того, именно с помощью них они часто испытывали новичков — проверяли их способность противостоять насмешкам. Парня, который попал к казакам, просили сварить кашу. «Когда будет готова, позови нас», — говорили ему и исчезали, будто бы по неотложному делу. Молодец быстро управлялся с несложной готовкой и звал казаков. А те все не появлялись. Едва не плакал от обиды пригрюнившийся кашевар, примостившись возле остывшего котла. Наконец казаки, которые сидели за ближайшим кустом, появлялись в лагере. Увидев растерянного, изменившегося от досады в лице паренька, делали вывод: «С таким настоящей боевой каши не сварить». Другой же весьма находчивый молодец не сидел без дела в ожидании опоздавших сечевиков, не растревлял себя понапрасну обидой, а брался за другую работу. Такого без лишних расспросов и проверок принимали в казацкое боевое братство...

Круговая повестка

Казацкие станы, лагеря, хутора, бурдюги были разбросаны по плавневым островам и степным балкам. Однако благодаря отлаженной системе оповещения запорожцы быстро собирались в одном месте. Накануне, скажем, похода всем, кто причислял себя к казацкому рыцарскому ордену и жил по его законам, посылалась «круговая повестка». Во все стороны из Сечи скакали, плыли гонцы — *машталеры* с распоряжением старшин срочно прибыть в Кош «для взятия на казацтво войсковых приказов».

«Оце як война, то уже кошевой всюду рассылает письма между казаками — где кто есть, чтоб шел воевать, — вспоминали старики. — Забежит рассыльной от кошевого и в бурдюг. Так и так, говорит, идите или там на раду, или там на войну, такой-то и такой город брать. То уже и идут: никто не смеет отказаться». В некоторых случаях, когда поступало известие о приближении больших татарских орд, посылались вербовщики в северные украинские земли. Обычно они обращались к толпе с такими призывами: «Кто хочет за христианскую веру быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов претерпеть всякие муки за святой крест, кто не боится смерти — приставай к нам!» «За «святой крест», правда, жертвовать жизнью соглашались немногие, зато немало было охотников попытать счастья в казацких заморских рейдах, вернувшись домой с богатыми трофеями. Некоторые, вкусив казацкой волюшки и проявив себя в бою, становились полноправными членами казацкого братства.

У запорожцев в Великом Лугу были тайные места сборов, проведения сходок. В Кушугумских плавнях, например, существовала протока Вечище. Название это как раз и означало место, где казаки собирались на сходки, устраивали вече. Нередко *бурсы* (ватаги) запорожцев сходились для обсуждения общих дел и деталей предстоящих походов под так называемыми «башенными» дубами, с которых «выбрасывали огонь, чтобы созывать казаков в ночную пору». «Толстые были дубы! Покойный дед, бывало, рассказывает, что, если не четыре человека, то и не обхватят дуба! — рассказывал об этих необычных деревьях старик из приднепровского села. — Почему они прозваны башенными — Бог его знает, а только говорил покойный дед, что под ними, было, собираются запорожцы на сходку со всего Великого Луга».

На правом берегу Днепра ниже села Червоноднепровки было известно урочище Тарасово Гульбище. Оно представляло собой отрог горы, окруженный кручами и лесом. Рассказывают, что

тут когда-то стоял каменный стол, а вокруг него — скамьи. Тут будто бы запорожцы не только собирались погулять, но и «заседали» перед походами, принимая важные решения.

Рано встает охрана

«Смотри, казаче, чтоб татары сидячего не взяли», — напутствовали сечевики товарища, который отправлялся в наряд на пост. И отправляясь на охранную службу, запорожец подтягивался, суровел, становился немногословным. Даже охотий к гульбе и девкам парубок менялся на глазах, превращаясь в воина. Казак хорошо понимал, что в диком поле он на воле, однако вместе с тем и на страже этой воли, прадедовских земель и обычаев. Казачество, кстати, и возникло на границе леса и дикой степи, славянской оседлой постоянности и разгульной вольницы кочевников. И именно пограничная служба во многом и определила особую казацкую культуру, образ жизни. Постоянно находясь под угрозой притеснений и нападения врагов, без которых, как известно, в мире не проживешь, занимая и обрабатывая свободные земли, устраивая зимовники в плавневой густянке, казаки прежде всего нуждались в охране своих владений. Граница (если это не была речка), конечно, не была резко обозначенным разделом, рубежом; тем не менее четкими и суровыми были правила пограничной службы. Для тех, кто впервые попадал к сечевикам, было интересно, что там на чужой стороне, где, как поговаривали люди, и жук — мясо, и бабу молодницей зовут. Однако ни в коем случае при этом не остри зубы на чужое, чтобы случайно не потерял свое — а тем более не переходи чужой границы, не перепахивай ее. Лучше свое латанное, чем чужое хватанное. А если пришла беда, с родной земли, хоть умри, а не сходи. Как же казаки охраняли свои границы? Как несли пограничную службу?

Пикетами (бекетами) назывались пограничные разъезды вдоль южных и восточных рубежей казацких владений. Погра-

ничную разъездную стражу часто и называли «бекетовыми» казаками. «Гардоном» (кордоном) могли именовать как казацкий дежурный пост, так и казака, который нес службу на границе. «Не строй светлицы около границы», — говорили в народе. Может, и не стоило вблизи границы возводить хоромы, тем более обзаводиться хозяйством, однако о жилых *покойцах*, временной крыше для того, кто охранял эту границу, позаботиться надо было. Пусть это даже была бы землянка или камышовый шалаш. Обычно же для сторожевых команд строились специальные *радуги* (редуты) — сомкнутые квадратные или многоугольные полевые укрепления, способные к самостоятельной обороне. В центре редута, обнесенного деревянным забором, стояла большая казарма-курень, покрытый камышом, «драницей» или землей, в котором могли разместиться около полсотни казаков. К жилому помещению примыкала конюшня. Укрепления стояли «где горы — верст на десять одно от другого, где ровно — на двадцать и тридцать». *Бекетовыми* казаками в радуге командовал начальник — *асаул*. Редуты могли одновременно служить заезжими дворами, где останавливались дорожные люди, чумаки. Кстати, одно из плавневых озер Великого Луга в старину называлось Радугом. Вблизи него как раз и мог располагаться и сторожевой пост, и заезжий двор одновременно. Кстати, там, где границей служила река, сторожевые казаки в свободное от службы и разъездов время занимались добычей рыбы. В различных документах можно встретить просьбы казаков о снабжении продуктами «для стражи и рыбного промысла».

«Ой, выйду я на могилу и взгляну в долину!» — поется в одной казацкой песне. В степи раньше было немало курганов, которые в народе называли «могилами». Далеко было видно с их покрытых пожухлыми травами вершин. На многих стояли каменные бабы, охраняя покой древних воинов. За этими истуканами в окопчике можно было спрятаться не одному казаку. Поэтому не случайно запорожцы использовали «могилы», как своеобразные дозорные пункты. Кстати, в степных селах люди были

уверены, что с этой целью курганы когда-то использовались жителями пограничных районов. Более того, они нередко сами насыпали эти холмы. «Когда люди жили войной, то насыпали могилы на высоких кряжах степи, чтобы высматривать неприятеля», — рассказывали деды.

Где байрак, там и казак, а где могила, там и сечевик-пограничник, который наблюдал за степью — среди высоких трав в любой момент мог появиться вражеский всадник. Запорожец должен был иметь «добрые ноги и верный глаз», чтобы, забравшись на курган, приметить, не «играет» ли где над затаившимся в балочке татарин, стая воронов, не колеблется ли на гряде в разные стороны трава. Зоркий казак «баче» (видит), где враг скачет, и сразу дает знать об этом товарищам. Кстати, «бекетовые» казаки имели привычку забираться на курган поодиночке, а не так, как, скажем, ногайцы — группами по пять-шесть человек. По этому казаки и отличали своих от чужих. Чтобы устроить дозорные посты по всей линии границы, казаки по примеру предков, случалось, сами насыпали могильные холмы, которые назывались «роблеными». Для этого у запорожцев существовали специальные команды «могильников». На вершинах таких курганов часто вкапывали пушки, из которых подавали сигнал о приближении врага. На «могилах» для наблюдения за степью устанавливали дежурные вышки с площадкой, прикрытой камышовым навесом. Нередко казацкие посты устраивались возле подножия «могилы» на обочине дороги. Еще издали путники замечали воткнутые в землю копыя. Подъезжали ближе и, если считали необходимым, клали на «войлок», расстеленный между дровками, деньги и продукты для нужд пограничной казацкой стражи. В народе бытовало немало преданий о степных курганах. Один из них на правом берегу Днепра в районе порогов так и назывался Сторожевым. Вот что о нем рассказывали старики: «В рабочее время, в жатву, стоит, было, казак с вехой на Сторожевой могиле и смотрит кругом, так как с нее видно везде. Как увидит, было, что идет орда, то он веху об землю и убегает в

Кодакскую крепость. Люди в степи все посматривают на вежу. Как только заметят, что вежи нет, тотчас тоже убегают в крепость. Вежу ту далеко было видно, так как и вежа высокая, и могила высокая».

Для того чтобы своевременно заметить врага, казаки нередко залезали на деревья и оттуда осматривали местность. Иногда между ветвями плавневых древесных исполинов лугари устраивали дозорные посты в виде гнезд, шалашей, башен. Дубы, на которых находились казацкие наблюдательные пункты, в народе называли «башенными». О них Якову Новицкому в 1888 году рассказывал один дед из поселка Краснокутовки Александровского уезда Екатеринославской губернии: «Башенные дубы в Великом Луге были возле озера Лебедевого, а потом дальше верст на шесть — и на Большой гряде, которая от границы владений пана Попова, возле Кучутур. На этих дубах, говорят, запорожцы устанавливали какие-то высокие башни, а на них выбрасывали огонь, чтобы созвать казаков в ночную пору. Как сверкнет огонь в Луге на дубах, то сейчас и светят на «могилах»: Безщасной, Градиской, Юрковской, Караватчиной и других, так как и «могилы» были башенные».

Разведка донесла

Дней у запорожца много, а все впереди. И не угадаешь, где в завтрашнем дне встанешь, где упадешь. «Если б знать, не ходить бы в рать», — шутили казаки. И действительно, нередко от того, как угадаешь завтрашний «расклад», где добудешь сведения о замысле противника, что удастся выпытать у языка, зависел исход битвы, похода, военной операции. Без разведки в ратном деле не обойтись. Запорожцы ничего не предпринимали, предварительно тщательно все не взвесив, не разведав обстановку в стане врага. Туда, как правило, отправлялись наиболее опытные и смелые казаки, прошедшие специальную выучку. Позже в Чер-

номорском и Кубанском казачьих войсках личный состав пеших команд назовут «пластунами». Эти подразделения, перенявшие военный тактический опыт запорожцев, чаще всего принимали участие в рейдах по тылам врага, ночных вылазках и разведывательных операциях. Пластун, как и следопыт-лугарь, где бочком, где прыжком, где ползком незамеченным подбирался к самым вражеским постам, притаившись, выводил военные секреты противника, ловко набрасывал аркан на дозорного, связывая его по рукам и ногам, если возникала необходимость, точно метал ножи, часто поражая цель в кромешной темноте, разбирали мосты, выводил из строя лошадей, портил орудия, устраивал диверсии.

В своей земле никто пророком не бывает, что уже говорить про дальние страны. Именно туда часто отправлялись казаки — не столько себя показать, сколько на местный люд поглядеть, потолкаться среди торговцев, послушать их разговоры. И сам обернется казак-разведчик в чужой стороне, и кругом оглянется, все примечая и откладывая в памяти. В «секретах Коша Запорожского» (так назывались казацкие архивы) есть много «доездных доношений» от сечевиков, которые проводили разведку в стане врага. Вот, например, какое «доношение» прислал из Крыма казак Василь Швыдкий: «Во время прибытия в Очаков, от переводчика очаковского, в здешней стороне известного приятеля, грека Юрия Григоровича слышал, что Едисанская орда с ханом крымским намеревались на российские границы на крепость св. Елизаветы, на Сечь и прочие новопоселяемые слободы напасть».

Рыбак в утлом челне, нищий с сумой, странник с посохом, бредущий за возом чумаки, слепой кобзарь — любой из них мог оказаться казацким разведчиком, посланным в чужие земли «для подлинного ведомства и прямых вестей». Запорожцы пробирались в Кафу, Бахчисарай, Варну и даже Стамбул и там, «скитаясь под видом мусульманских нищих, слепцов, калек и убогих», собирали самые различные сведения. Каждый казак-раз-

ведчик в совершенстве владел искусством перевоплощения. Ему ничего не стоило действительно изобразить разбитного торговца, обиженного судьбой слепца, тронувшегося умом калеку (а часто увечья, полученные на поле брани, и имитировать не надо было). Семь раз отмерь, один раз отрежь. И раз «ведал» казак в разведке, и два обо всем узнавал, и семь раз все перепроверял, уточнял. Только потом шел напролом, наступал, атаковал. Поэтому и брал верх в самых безнадежных ситуациях, побеждал более сильного противника.

Достойный ответ

Чем можно поразить, испугать врага? Силой, отвагой, хитростью, а еще словом: грозным окриком, бранью, «предупреждающим» посланием. Словесная перепалка между противниками (устная или письменная) нередко длилась достаточно долго. Она могла непосредственно предшествовать сражению, а нередко и влиять на его исход. Многие правители пытались «достать» непокорных запорожцев письмами. Вот что, например, содержится в грамоте турецкого султана к запорожским казакам: «Я, Султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наследник Божий, владетель вер и царств: Македонскаго и Иерусалимскаго, Малаго и Великаго Египта. Царь над царями, непобедимый хранитель, неотступный гроба Иисуса Христа попечитель, самого Бога надежда и утешение, магометан и к смущению христиан великий защитник, — повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться добровольно и без всякого сопротивления и меня нашим сопротивлением не заставьте беспокоить».

Как же поступили запорожцы? Что они ответили султану? Известная картина И. Репина дает представление о характере и стиле письма запорожцев. А что же в самом тексте? Во многих «ходячих рукописях» в старину находили разные варианты ответа казаков султану. Вот один из них: «Ты — шайтан турецкий,

проклятого черта брат и товарищ, а самого люципера секретарь! Какой ты в черта рыцарь, если голой с... ежа не убьешь? Черт выкидает, а твоё войско пожирает. Не будешь ты способен сынов христианских под собой иметь; твоего войска мы не боимся, землей и водой будем биться с тобой. Вавилонский ты кухарь, македонский колесник, ерусалимский броварник (пивовар. — *Примеч. ред.*), александрийский козолуп, Большого и Малого Египта свинарь, армянская свинья, каменецкий палач, подольянский злодиюка, самого аспида внук и всего мира шут, а нашего Бога дурень, свинячая морда, кобылячая с...а, рещницкая собака, некрещеный лоб, пусть бы побрал тебя черт! Вот так тебе казаки ответили, плюгавый! Числа не знаем, так календаря не маем, месяц в небе, год в книге, в день такой у нас, как и у вас, поцелуй за это вот куда нас!»

Возможно, это не подлинный исторический документ, а всего лишь результат вольного творчества казацких писарей. Ведь, как замечал один современник, «между ними были такие грамотеи, что и в лавре и в столице редко отыскать можно подобных им». Так или иначе, в его стиле отразился дух запорожских казаков, их непокорность, дерзость, уверенность в своих силах. Эти качества часто помогали запорожцам одерживать победу. Сначала в словесной дуэли, а потом и на поле брани.

Татарский танец

Приемом этим казаки пользовались часто. Перед решающей схваткой среди лихих ловких наездников вызывались охотники продемонстрировать свою удаль в виду врага. В полном вооружении они выезжали в чистое поле и там занимались джигитовкой. Это было довольно захватывающее зрелище, как для своих, так и для врагов. Всадники гарцевали на резвых скакунах (отчего эти вылазки назывались *герцами* или *гречами*), проделывая различные номера. Одни размахивали над головой саблей,

стоя на седле, другие на всем скаку пролезали под брюхом коня, третьи вдруг, будто случайно, из-за неопытности, срывались на землю и, зацепившись только за одно стремя, некоторое время волочились за лошадью, а потом подтягивались и снова, как ни в чем не бывало, продолжали скачку. Вероятно, после таких вот акробатических номеров и родилась пословица «Не тот казак, что на коне, а тот, что под конем».

Часто *герцы* превращались в перестрелки. Враг стремился поразить одиноких всадников, а те успешно уклонялись от жужжащих пуль. Гарцуя в непосредственной близости от противника, запорожцы нередко пускали в его адрес иронические едкие слова, насмехались над врагом, подзадоривая к битве, старались расстроить его ряды. Во время подобных *татарских танцев* производилась своеобразная разведка, осмотр рядов противника. Он часто тоже высылал в чистое поле своих удальцов. Тогда между казаками и басурманами происходили короткие лихие поединки. Они зачастую влияли на исход основной схватки. *Герцы* как раз и были своеобразной разминкой, пробой сил перед большим общим сражением.

Ломовая схватка

В поле — две воли: сильнее та, которая побеждает в последней решающей битве. Запорожцы ее называли «ломовой». Как правило, разрабатывая тактику боевой операции, казаки делили войско на четыре части, которые действовали с тыла, обоих флангов и с фронта. Фронтальной атаке в большинстве случаев предшествовала артиллерийская подготовка. «Громя непрерывно в течение нескольких часов *табор* (лагерь. — *Примеч. ред.*) врагов, казаки под конец разрывали его передние ряды, тот же час прекращали пальбу из пушек и направляли с ручным оружием в неприятельский стан свою пехоту», — так историки описывают наступательную тактику запорожцев.

В схватке счастье — великое дело. Прежде всего удача на поле брани зависела от уверенности воина в победе. «Страшные вояки были», — рассказывали о запорожцах современники. При этом отмечали такую их черту, как готовность любой ценой добиться победы, стремление во что бы то ни стало принудить врага к бегству. Поэтому в «ломовой» схватке запорожцы «все усилия свои направляли на то, чтобы перебить у неприятеля обозных лошадей, тем самым прекратить им путь к отступлению...»

Война кровь любит. Жестокой и кровавой была эта битва, в которой сражающиеся «ломали» друг друга. Даже слушать иной раз страшно было про эти степные баталии. После таких схваток на теле казака и живого места не оставалось. Когда где-нибудь на мирном плавневом хуторе во время рубки дров или косьбы прошедшему огонь и воду сечевнику доводилось снимать сорочку, то, по свидетельству родных, «жутко было смотреть на него: все тело, точно решето, пошматовано да побито пулями, а на плечах да на ногах так мякоть и мотается».

«Напролом идут — голов не жалеют» — это о запорожцах сказано. В рукопашном бою, исход которого решали удаля, натиск, ловкость, запорожцы были всегда на высоте. Как сообщал один хронист, на поле брани «наилучший польский гусарин и рейтарин примерен им быть не может». Исход «ломовой» схватки часто решало умелое обращение казаков с различным оружием. «А казак казачий обычай знает, келепом по ребрам торкает», — поется в одной народной песне. Что ж, и боевым молоткам — *келепам* (чеканам), и резвым саблям, и тяжелым секирам, и острым кинжалам находилась в рукопашном бою работа. За косы руками, а в бока и ребра кулаками... Приходилось и ими действовать, «ломая» и «кроша» врага. В кровавой свалке трудно бывало различить своих от чужих. «Гаслом» у казаков назывался условный боевой клич, который время от времени выкрикивали запорожцы.

Казацкий разгордяш

Один, как известно, в поле не воин, однако, когда воинов-одиночек (тем более специально обученных профессионалов) много, то противнику справиться с ними весьма непросто. Нередко запорожцам в условиях дикой степи или в плавневых дебрях приходилось действовать разрозненными малочисленными отрядами. Причем случалось, что казацкие ватаги участвовали в общей битве не по заранее намеченному плану, а каждая группа поступала по своему усмотрению. Такая тактика у казаков называлась *разгордяшем*. Казалось, что хаотические несогласованные действия не способствовали успеху, однако казаки часто побеждали именно благодаря этой «самостийной» тактике. Во-первых, враг, отражая нападение одного отряда, не мог знать о намерениях других подразделений. Их внезапное появление на поле боя (зачастую со стороны, откуда их никто не ждал) было сюрпризом для противника. Во-вторых, если даже накануне боя вражеским лазутчикам удавалось добыть и разговорить «языка», пленный ничего не мог сказать о маршрутах продвижения и тактике других отрядов.

Многие исследователи выделяют в характере украинцев стремление к обособленности, желание все переиначить, сделать по-своему. Один из авторов прошлого, пытаясь разобраться в особенностях национального менталитета, писал, что украинец «настойчивый, несговорчивый, недоверчивый». Не в казацкие ли времена сформировались эти черты? Не степная ли вольница за порогами *выкохала* в украинцах эту *самостийність*? Известно, что запорожец ни перед кем шапки не ломал. Он даже «черту не здоровствовал», что уже говорить про своих старшин. Сабля остра — да никому не сестра. Так и казак. Блуждание по плавневым дебрям в поисках звериной добычи, пограничная служба, частые одиночные вылазки в стан врага выработали у сечевиков умение действовать в сложной боевой обстановке на свой страх и риск, самостоятельно при-

нимать ответственные решения, быть, как говорят в народе, ко всякой масти козырем. Поэтому небольшой отряд, который во время «разгордияша» откалывался от основного войска, мог возглавить практически любой казак. Нередко в рейдах принимали участие и казаки-зимовчаки, имевшие в плавнях свои хуторские хозяйства. Они часто представляли собой небольшие крепости, а сам хозяин, отчаянно и умело защищая свои владения, выступал в роли полководца. Такому сметливому расторопному представителю казацкого рыцарства, который прошел огонь и воду, был на коне и под конем, видел лозы и верболозы, под силу было при необходимости превратить десяток казаков в боеспособный отряд, который мог незаметно подкрасться к врагу и нанести ему внезапный и точный удар. Несколько таких «самостийных» казацких подразделений представляли уже грозную силу.

На коне и под конем

«Выноси, коник, из беды, выноси, родимый», — шептал запорожец, припадая к жесткой гриве своего скакуна. И тот летел по степи, обгоняя ветер и унося от погони. Конь для сечевика был больше, чем просто средство передвижения по бескрайним степным просторам. Он его верный спутник, преданный слуга, неразлучный товарищ, брат родной. «Для казака, бедного сиротины, черная бурка — его сват, сабля и люлька — вся родина, сивый коник — его брат», — говорили в народе.

В легендах нередко конь и казак представляли собой одно существо, похожее на мифического кентавра... Всадник на коне стал вообще символом степного края за порогами. Возле них в древности обитали скотоводческие племена среднестоговской культуры (название происходит от островков, торчащих из воды возле острова Хортицы). Предполагают, что именно они первыми в Европе одомашнили лошадь и приспособили ее для верхо-

вой езды. Потом на быстрых и выносливых конях (уже в седле и при стременах) по ковыльным просторам южной степи пронеслись через века киммерийцы, скифы, сарматы, половцы, ногайцы, татары. Их наезднический опыт — в генах запорожцев, непревзойденных лихих всадников.

Как выглядел казацкий конь? Какими качествами обладал? «Степь, конь, казак, ночь — одна дикая душа» — так описывал запорожца один польский поэт. У казацких коней была стать и норы их диких степных сородичей — тарпанов. Где летом, где скоком, а где и ползком они могли без усталости мерять бесконечные степные версты, находить дорогу ночью, добывать корм из-под снега, терпеть зной и нашествие гнуса. Вот что об этом писал исследователь казацких коней Я. Галета: «Легкость, подвижность, способность пробегать без отдыха 20, а нередко и 30 верст, смелость с одновременной осторожностью, чуткость, особенно ночью, крепкая память, покладистость, а при этом горячий темперамент, выносливость и неприхотливость — все это ценные качества степного коня». Очевидцев поражали удивительное проворство и изящество гнедых (эта масть преобладала) казацких коней, которые были «легкими, как ветер, на все стороны свободно метаться могли». В то же время оседланная лошадь, поводья которой были заброшены на луку (седла. — *Примеч. ред.*), способна была часами стоять неподвижно, терпеливо ожидая хозяина, который беседовал с послами или угощался с пастухами у костра кулишом (каша-размазня — обычное походное блюдо. — *Примеч. ред.*). Самые быстрые и выносливые жеребцы у казаков назывались «огарями».

«Как сел на коня, то и доля твоя», — учил старый наездник молодого. А чтоб доля была благосклонна к всаднику, нужно было заранее позаботиться и о корме для коня, и о его здоровье, и о надежной подпруге, и о седле, и о тренировке скакуна. Запорожец учил его не только догонять врага или уходить от погони в открытой степи. Жившие в балках возле порогов казаки-зимовчаки вспоминали про «конные» забавы сечевых удальцов:

«Кони у них были как змеяки, и все, было, перегоняют их через речиче и назад, чтоб умели хорошо плавать».

Казаку конь был себя дороже, с четвероногого друга все начиналось в жизни запорожца — им часто и завершалось. «Я под Богом, а конь подо мной», — шевелил запекшимися губами сецевик, уносясь от погони. Добрый конь не выдаст и враг никакой не съест. Добрым у казаков считался прежде всего тренированный, хорошо выдрессированный конь, который отличался «удивительной понятливостью», мгновенно отзывался, скажем, на знакомый свист, стук, теньканье струны, с полуслова понимал хозяина. «Крикнет, бывало, запорожец на коня: “ползи!”, то он протянет передние ноги вперед, а задние назад, и ползет, а как почувет, что казак уже на спине, тогда поднимется — и гайда!», — рассказывали очевидцы.

Запорожские казаки были непревзойденными мастерами джигитовки. Во время игровых поединков на лошадях они демонстрировали удаль, отвагу и ловкость. Разогнав коня, скажем, вскакивали на седло, подкидывали шапку и стреляли в нее из ружья, перепрыгивали через канавы и плетни, на скаку пролезали под седлом. Знали такие трюки, как, например, *обрыв* — нога в стремя, а сам всадник волочится по земле, *пистолет* — разворот по ходу коня. Ужас у врага вызывал казак, который, стоя на двух конях, мчался с копьём наперевес или высоко поднятым знаменем. Рассказывают, что Богдан Хмельницкий, когда поляк занес над ним саблю, вдруг нырнул под брюхо коня, внезапно вылез с другой стороны и поразил противника. В народе по этому поводу говорили: «Не тот казак, что на коне, а тот, что под конем».

Казаки воевали со степняками, однако многому и учились у них — подмечали, как они сидят на своих малорослых и поджарых скакунах, как управляют ими. Скажем, татары, чтобы тверже опираться и крепче держаться в седле, высоко подтягивали стремяна, на скаку мизинным пальцем левой руки держали уздечку, остальными пальцами сжимали лук, а правой рукой оттягивали тетиву и пускали стрелы.

Часто сечевик обращался к своему четвероногому другу не как к бессловесному животному, а как к разумному существу, во всем равному человеку. Радовался победе, горевал вместе с ним, оплакивал убитого товарища, спрашивал совета. «Зачем коник под седлом бьет тревожно копытом?» На удачу казак коня седлает, на удачу казака и конь бьет. Значит, беду чует, предупреждает об опасности... Споткнулся рысак — споткнется и казак. Конь воина обнюхивает — быть убитым. А вот если лошадь фыркает в дороге — на радостную встречу, ржет — на добро...

Воздушные трюкачи

Французский посол в Константинополе барон де Сези писал о запорожских казаках: «Эти люди уверенно чувствуют себя на суше, в воде и в воздухе, везде умеют себя поставить и взять верх во всех стихиях». Известно военное искусство казацких пехотинцев и мореходов, а что имел в виду посол, когда сообщал о боевом удалестве казаков «в воздухе»?

Обратимся к классике. «А, товарищи! Не куды пошло» — сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули — и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бультыхнулись прямо в Днестр». Так зримо и красочно описал Гоголь эффектный прыжок казацкой конницы с высоких днестровских круч. Этому «неслыханному казацкому делу» весьма подивились поляки, преследовавшие запорожцев. Один молодой полковник захотел повторить казацкий воздушный трюк, однако конь его, едва взвившись, тут же грохнулся на острые камни.

Казацкого коня нередко сравнивали с птицей. И действительно, запорожец, сросшись с конем, часто осуществлял такие пируэты в воздухе (те же прыжки с круч), что враги принимали его за некоего, каким-то чудом преодолевшего земное притяжение летящего кентавра. Впрочем, и без коня сечевик уверенно

себя чувствовал между небом и землей. Скажем, убегая от врага, запорожец одним махом преодолевал плавневые протоки. Для этого он использовал привязанную к верхушке наклоненного над водой дерева веревку. И уж совсем головокружительные акробатические номера демонстрировал казак во время рукопашной схватки. Как же все это удавалось запорожским воинам? Где, у кого они всему этому научились? В украинских селах популярной забавой среди детворы и молодежи были качели — *гойдалки*, прыжки через костры во время купальских празднеств. Акробатические трюки отрабатывались и во время танцев. «Грай, грай (играй. — *Примеч. ред.*)! От закину я зараз ноги аж за спину, щоб свит здивувався, какой козак вдався!» — поется в одной народной песне. Что ж, приходило время — и сельский парубок становился воином, удивляя мир своим удалством «во всех стихиях». В том числе и воздушной.

Саперы-могильщики

Как правило, каждый сечевой городок был опоясан земляным валом; также вокруг часто вырывались траншеи, которые заполнялись водой. Собственно со строительства этих земляных укреплений и начиналось обустройство казацкой столицы. В нем участвовали все запорожцы. Как свидетельствуют различные источники, на пограничных территориях они часто из воинов превращались в трудяг-землекопов. Папский нунций, который посетил Польшу и Украину, замечал: «Казак воюет столько, сколько мотыгой и лопатой насыпает землю и делает укрепления среди безграничных равнин своего края».

Каждый сечевик обращался с лопатой, киркой, ломом не хуже, чем с саблей или пикой. На поле брани, правда, вместо шанцевого инструмента он мог использовать и боевое оружие. С помощью той же сабли или даже кинжала казаку ничего не стоило в мгновение ока вырыть небольшой окопчик или окоп-

ную траншею. Между прочим, в условиях южной степи запорожцы первыми стали широко использовать неизвестный в Западной Европе способ защиты от огня врага — смоокапывание. «Как только выкопает себе укрепление над какой-нибудь речкой, казак становится “неприступным”, — писал один хронист. У другого находим такие строки: «Нет в мире войска, которое бы умело лучше строить окопы, чем казаки». Доминиканский монах-мемуарист Симеон Окольский отмечал в своем дневнике: «Не один инженер удивлялся, глядя на расположение их валов, окопов, батарей, заслонов; если б коронное войско прошло их преграды и ямы, грудью поломало дубовые колы и частоколы, прошло «привалки» и валы, то еще большей отваги надо было бы на то, чтоб достать их в середине (этих укреплений. — *Примеч. ред.*)».

Для строительства редутов, сложных защитных укреплений и фортификационных сооружений у запорожцев существовали особые саперные отряды. Казаки, которые занимались исключительно землекопными работами, назывались «могильщиками». Насыпные возвышенности по степным грядам, известные у казаков как *робленые могилы*, — дело рук казацких саперов. Они представляли собой своеобразные сторожевые холмы. От погребальных их можно было отличить по траншеям и окопным ходам на вершине.

Казакам хорошо были известны различные «подкопные мудрости, осадные промыслы». Есть сведения о подкопах, которые вырывали казацкие саперы для проникновения в стан врага. В 1637 году во взятии Азова вместе с донскими казаками принимали участие и запорожцы. Для того чтобы одолеть врага, казаки применяли набитые землей плетневые туры, так называемые «гуляй-города» — деревянные щиты на колесах. Ведя огонь по противнику, их подкатывали к самым крепостным стенам. Когда таким способом одолеть турок не удалось, донцы вместе с запорожцами прибегли к «немецкому розмыслу» — стали рыть под крепостными стенами подкопы, через которые попали в

укрепленный город. Подкопы же турок казаки успешно выявляли, используя специальные приборы — *слухи*. Овладев всеми тонкостями «минной» войны, казацкие умельцы даже прибегали к подводному минированию. «Будучи исправными минерами, они не прекращают даже ставить мины под речкой, с помощью покрытых смолой лодок», — замечал очевидец тех «азовских» событий турецкий путешественник Эвлия-эфенди.

А воз и ныне там...

И не где-нибудь, а на пьедестале. Возле степной Каховки, что на Херсонщине, есть памятник тачанке. Эта повозка с легким кузовом стала знаменитой во время гражданской войны. Смекалистые селяне из-под Гуляйполя, которые составляли костяк народной армии батьки Махно, и на войне были столь же изобретательны, как и у себя в хозяйстве. Они додумались установить на тачанке пулеметы, превратив обычную телегу в грозную боевую единицу. Авторами же этой степной «тележной» тактики с полным правом можно считать запорожских казаков. Конечно, и до запорожцев многие народы применяли возы для боевых действий. Так, у византийского историка Феофилакты Симокатта можно найти сообщение о том, что «600 славянских воинов, встретившись с 1000 византийскими, стали табором и под защитой связанных возов причинили византийцам много вреда метательными дротиками».

Кто вообще изобрел колеса и додумался соединить их осями? В степных краях за порогами уверены, что это был степняк, которому мысль о колесе навеял четкий на закате диск солнца или же непрерывный круг окоема (горизонта. — *Примеч. ред.*). Еще рассказывали, что воз — это изобретение царя Соломона, который ехал на нем и все удивлялся: как это так — передние колеса не могут убежать, а задние не могут их догнать. Некоторые, правда, усмотрели в этом происки нечистой силы, поэтому и прозвали

воз «чертопхаем». Так или иначе, но воз уверенно и на века занял место в быту степняков. Телеги различных конструкций были незаменимыми транспортными средствами в повседневной жизни запорожских казаков. Как вспоминали старики, среди запорожцев «были и такие мастера, что делали возы, *гарбычки* (арбы. — *Примеч. ред.*), — тогда этих немецких брычек не было, а были небольшие возы, только хлеб чтоб привезти или сена наложить; эти возы делались с двумя *виями* (оглобли. — *Примеч. ред.*) — одно спереди, а другое сзади, чтоб быстрее можно было запрягать лошадей, когда слух пробежит, что идут татары».

Запорожцы быстро оценили преимущество возов для боевых действий в условиях южной степи. Походные возы казаков отличались от обычных крестьянских телег большими размерами и особой устойчивостью, крепостью и надежностью узлов, отдельных деталей. Воз в походе полагался на каждые десять казаков, которые перевозили в нем палатки, боеприпасы, продукты, шанцевый инструмент. И во время передвижения войска, и на стоянках казацкий отряд представлял собой укрепленный со всех сторон возами табор. Он и стал в условиях степи наиболее эффективным видом боевого порядка. Недаром современники назвали его «движущейся крепостью». Обычно во время похода возы (в один или два ряда) защищали войсковую колонну с боков. Спереди и сзади линия возов имела так называемые *крылья*. В случае вражеской атаки крылья смыкались, защищая *голову* и *хвост* колонны. На привалах возы окружали лагерь в виде прямоугольника, круга или полукруга. Оглобли возов были подняты «вверх, наподобие копий», колеса связаны веревками или даже цепями. Во время длительной обороны колеса закапывались в землю, внутрь возов также насыпался грунт. Кроме этого, вокруг табора рылись окопы, насыпались брустверы. В таком лагере, защищенном со всех сторон возами, казаки могли долгое время выдерживать осаду более сильного противника. Один из очевидцев был свидетелем того, как «500 крымцев не были в состоянии одолеть 50 казаков, заключенных в таборе».

Впоследствии казацкие возы стали называться *чумацкими* — они использовались степными торговцами для перевозки товара на большие расстояния. «Не хочешь казаковать, иди чумаковать», — советовали старики внукам, в которых играла молодая кровь. Опасный чумацкий промысел приравнивался к пограничной казацкой службе. Как для торговца-чумака, так и для вольного казака воз был и транспортом, и домом, и крепостью, и боевым средством...

Пчелиное оружие

«Терпи казак горе, будешь пить мед», — утешали запорожцы товарища, который попадал в сложное положение. Однако «медовой» жизни приходилось ждать долго. Когда голову сечевика покрывала благородная седина, он отходил от военных дел и начинал заниматься пчеловодством. Это занятие было в почете среди казаков, так как пчела — Божья букашка, а пасечник — «угодный Богу человек». Поэтому старые запорожцы в конце жизни (часто) шли «спасаться» не в монастырь, а на пасеку. Там, скорее всего, и родилась мысль об использовании пчел в качестве оружия. Впрочем, казаки имели возможность наблюдать за повадками пчел повсюду, где располагались их лагеря. «А (сколько. — *Примеч. ред.*) тех пчел? А меда? Мед в пасеках, мед на зимовниках, мед и по бурдюгам. Так и стоит, бывало, в зарослях липы: бери сколько хочешь, больше всего — от диких пчел. Дикие пчелы, бывало, всюду сидят», — вспоминали старики о медовой благодати казацкого края. Знали и враги о том, что в балочках по днепровским берегам, в заброшенных казацких бурдюгах можно было «на дурныка» (даром. — *Примеч. ред.*) полакомиться пчелиной сладью. Тут-то сметливые казаки и готовили басурманам сюрприз. Зная, что в тот или иной район могут нагрянуть степные «гости», они специально оставляли для них в приметных местах жбанчики с медом, который сначала приятно услаждал и весе-

лил, а потом валил наповал самых стойких и здоровых воинов. Дело в том, что, если неподалеку от пасеки цвели «дурманящие» растения (тот же дурман, дрема белая или мак), способные влиять на нервную систему и оказывать снотворное действие, пчелы, сами того не ведая, собирали и заготавливали «пьяный» мед. О его своеобразном влиянии на организм человека еще в IV веке до нашей эры довольно образно написал древнегреческий историк и политический деятель Ксенофонт Афинский. Участвуя в походе войск Кира Младшего против Артаксеркса II, он был очевидцем того, как воины, объевшись «пьяного» меда в Колхидской низменности (кстати, ее уголки напоминали плавневую природу Великого Луга), заснули среди белого дня как убитые. Та же участь, но уже в I веке до нашей эры постигла легионеров римского полководца Гнея Помпея... Объевшихся плавневым «пьяным» медом врагов казаки легко брали в плен.

Среди гончарной посуды, найденной на месте казацких зимовников и военных лагерей, привлекают внимание тонкостенные горшки. Для чего они могли использоваться? Ведь в них нельзя было варить пищу, хранить продукты. Существует версия об использовании подобных горшков в качестве...боевых ульев. Весной казацкие пчеловоды добавляли в «кормовую» мед протертую голову щуки, которая разбила хвостом зимний лед, и перец. Делалось это с ритуальной целью, чтоб пчелы были «зубастые, как щука, и сердитые, как перец». «Воспитанных» в таком духе пчел запорожцы использовали, скажем, в борьбе против янычар, находившихся на турецких галерах. Заключив пчелиные семьи в глиняные горшки, они с помощью метательных машин забрасывали их на палубу вражеского корабля. Горшки разбивались, и пчелы нападали на опешивших воинов, которые понапрасну отмахивались от злых и голодных насекомых кривыми ятаганами. В Средние века «боевые ульи» нередко сбрасывались со стен крепостей. Историки полагают, что именно так была спасена от янычар султана Амурата грузинская крепость Альбе-ля-Грек.

Огненный щит

Случалось, что не было никакой возможности уйти от врага. Он буквально наступал на пятки. Тогда запорожцы прибегали к верному и испытанному способу — огневой защите. Это очень древний тактический боевой прием. Воинственные степняки могли продвигаться по степным просторам только при наличии кормов для скота (главным образом лошадей). Не случайно многие тюркские названия балок, речушек, урочищ отражают именно «кормовой» характер местности. Например, в Приазовье есть две реки и лиман, которые называются Утлюк (тюркское *отлюк* — луга, выгон, пастбище). Чтобы остановить орду, достаточно было выжечь травянистые пространства на пути ее конницы. Запорожцам, спасающимся бегством, тоже нередко приходилось поджигать густой травянистый покров. Конечно же это было возможным не во всякое время года... Ранней весной, когда сходил снег, оголялись сухие травы, которые от малейшей искры вспыхивали, словно порох. Обычно это происходило в марте. Недаром древние славяне называли этот месяц *сухий*. С апреля по июнь степь представляла собой плотный ковер, сплетенный из сочных трав и ярких цветов. В июле краски блекли и травы начинали подсыхать. Огонь легко находил поживу на знойных просторах полуденной степи. Однако, чтобы направить пламя в нужное место, необходимо было хорошо знать и характер местности, и направление ветра. Запорожцам, которые легко ориентировались в Диком Поле, иногда удавалось поднять такой «вал, от которого и люди, и лошади, точно мухи от холода, падали в степи». Обычно отряд скрывался за кряжем, а оставшиеся смельчаки поджигали сухостой с разных концов. Врагов останавливало не только жаркое пламя, но и едкий удушливый дым.

У черта как-то спросили: «Куда идешь?» — «Болото поджигать», — ответил бес. «Так не будет гореть», — объяснили

ему. На что нечестивец ухмыльнулся: «А мне лишь бы пакость сотворить». В народе утверждали, что запорожцы-характерники водили дружбу с плавневыми чертями-очеретяниками. Те и научили их поджигать плавневые болота и управлять огненной «пакостью». Прежде всего она доставляла неприятность врагу. Что ж, известно немало случаев, когда запорожцы с целью вызвать панику во вражеском отряде, устраивали пожары в плавнях Великого Луга. Об этом красноречиво свидетельствуют такие плавневые названия, как протока Горелая, озеро Шмалек (сухой камыш поджигали и этим будто бы «шмалили» воду), протока Дымная. Случалось, лугари, приметив в камышовой гуще место, где затаился враг, поджигали густую растительность с разных сторон. Противник как бы оказывался в огненном кольце. Вырваться из него можно было, скажем, лишь через одну-единственную протоку. Возле нее, как правило, сечевики и устраивали засаду. С напуганным огненной стихией и очумелым от дыма врагом справиться было довольно легко.

Из грязи в князи

Казаки торопили атамана, чтоб он дал сигнал к наступлению. Однако опытный ватаг не спешил. Оглаживая усы, он поглядывал на небо, забитое тучами. Вот-вот оно должно было разразиться дождем. Наконец первые капли упали на землю. Атаман махнул саблей. Казаки бросились в атаку, однако не успели преодолеть и половину расстояния до врага, как их предводитель дал команду поворачивать обратно. Под проливным дождем отряд отступил на прежние позиции, спрятавшись за грядой. Запорожцы стали роптать, наиболее горячие головы открыто высказывали недовольство необычным поведением атамана. Тот, однако, лишь посмеивался. Еще несколько раз сечевики атаковали врага, однако тут же отступали.

Неприятель, ободренный нерешительностью сечевиков, ринулся в погоню. Но вдруг вражеские кони беспокойно заматались посреди размокшей под дождем низинки. Вытоптанное лошадьми поле превратилось в сплошное месиво, в котором застряли всадники. Спрятанный в балке запасной казачий отряд выскочил из-за пригорка и легко перебил растерявшегося врага. Подобная тактика боя у запорожцев называлась *топтанием*. Дело в том, что жирный степной чернозем (по-народному *черноземля*) после дождя превращался в грязь, которая делала полевые дороги непроходимыми ни для пешего, ни для конного. Казаки хорошо знали об этой особенности родной «черноземли». «Грязь не сало, помнешь и отстало», — шутили они. А вот для врагов чернозем нередко (особенно ложбинки, где «потоптались» казачьи кони) становился предательской западней, в прямом смысле черной могилой. И отнюдь не бравадой звучало в устах некоторых опытных казачьих атаманов: «Топчи грязь — будешь князь».

Боевой гопак

В вихревом зажигательном украинском танце гопаке и сегодня очевидна его боевая первооснова, которая входила в систему единоборств, используемых запорожскими казаками. Умение «взять» противника голыми руками высоко ценилось у запорожцев. Поэтому даже на досуге после чарки во время танцев со сложными акробатическими пируэтами они отрабатывали приемы поражения противника. Как вам, например, такое описание подгулявшего казачка: «И чего они не выделывают своими неутомимыми ногами? Иной, прежде чем пуститься в пляс, неожиданно присядет на корточки, потом моментально подскочит вверх, снова спустится вниз, затем молодецки возьмется в боки и потом пойдет писать и передом, и задом, и скоком, и боком, и направо, и налево, и на голове, и на руках». Кстати, тренируя вестибулярный аппарат и

глазомер, сечевики, случалось, выплясывали на столе среди тарелок и бутылок, между воткнутых сабель, стоя на коне.

Главными способами передвижения в боевом гопаке являются шаги, бег, прыжки, «ползунки». Среди шагов выделялись: основной шаг, шаг *аркана*, задний шаг, шаги *прибой*, *чесанка*, *дубоны*, *стукалочка*. Анализ названий подчеркивает их тактически-боевую направленность. Так, применяя шаг *дубоны*, казак притопывал ногами, производя шум, который отвлекал внимание противника. Бег включал в себя *дорожку*, *дрибушку*, *галоп*. Удары одной или двумя руками осуществлялись ладонью, локтем, предплечьем, плечом. Особенно разнообразными были удары ладонью. Они насчитывали добрый десяток приемов, среди которых и *ляпас*, и *секач*, и *тумак*, и *дрель*, и *штрык*. Самыми эффективными и впечатляющими приемами в гопаке были удары ногами на месте или во время прыжка. *Разножка* — удар в прыжке двумя ногами в стороны, *щупак* — удар в прыжке двумя ногами вперед, *пистоль* — удар в прыжке одной ногой вбок, *черт* — удар в прыжке с поворотом тела на 360 градусов.

Существовали и всевозможные виды казацкой борьбы, которые применялись в стычках с противником. Среди них — *гойдок*, *спас*, *крест-накрест*, *на ремнях*, *на палках*. Приемами *гойдока* пользовались в основном разведчики-пластуны. Казак как бы приклеивался к противнику, повторяя все его движения, а в случае ошибки нападал на него. Борьба *спас* имела в основном не атакующий, а оборонный характер.

Даже не видя противника, безоружный казак способен был совладать с ним, нанести болезненные, а иногда и смертельные удары. Весьма эффективным средством защиты (а нередко и нападения) в руках слепых нищих и кобзарей, которых казаки часто использовали в качестве разведчиков, были их посохи. «Горба мне жена, а палка — брат родной», — говорили слепцы. Костурцом (слово это в украинском языке как раз и означает нищенский посох) у них назывался особый вид борьбы с применением палок, дубинок.

Раззудись плечо, размахнись рука!

Пуля — дура, штык — молодец, и все же настоящий боец — кулак. Именно в нем зримая удалая сила и ловкость запорожца. Легенды ходили об отчаянных сечевиках, которые, поплевав на кулак, «одним его махом сто басурманских душ побивахом». Однако для того, чтобы кулаком поразить в бою верткого, в злобе неистового противника, казак должен был обладать силой, сноровкой и умением драться по всем правилам «кулачек» — кулачного боя. Его секретами он овладевал на досуге у себя в Сечи. Кулачные бои происходили, как правило, зимой на сечевой площади или на льду плавневого озера. Для запорожцев между сражениями и походами эти стычки, когда за чуприну — руками, а в бока и ребра — кулаками, были и своеобразным развлечением, и пробой сил, и тренировкой. Сходились на бой обычно две партии, состоящие из верхних и нижних куреней. К сражению готовились заранее. Договаривались о правилах, количествах участников, выбирали *кулачных атаманов*. Это, как правило, были рискованные отчаянные сечевики, не всегда, правда, самые сильные и крепкие. В обязанности ватагов входило выступать во главе партии, подавать знак к началу боя, провоцировать стычку. Она нередко, так же как и настоящие сражения, начиналась со словесных баталий — подначивания противника, насмешек над ним, обидных выкриков, демонстрации воинственных поз.

Казачьи кулачные бои бывали двух видов: стенка на стенку (лава на лаву) и один на один (сцеплялка) (правильней было бы перевести — «каждый сам за себя», «каждый — против всех». В России такой бой называли «свальным». — *Примеч. ред.*). В первом случае противные стороны выстраивались в ряд, стараясь удерживать давление неприятеля. В таком сражении присутствовали элементы настоящего боя: казаки держали фронт, шли клином, меняли нападающих, отступали в засаду. Битва заканчивалась, когда одна из сторон ретировалась. Во время же

сцеплялки каждый отвечал сам за себя, выбирая одного противника по силе, с которым дрался до полной победы или поражения. Неукоснительно соблюдались правила кулачного боя: нельзя было бить лежачего, увечного, запрещалось нападать со спины. Однако в пылу сражения нередко лихим молодцам, которые хотели показать себя перед зрителями — старейшинами, «знатными радцами», иностранными гостями, отказывало и чувство самосохранения, и чувство меры. Как свидетельствовали очевидцы этих казацких кулачек, некоторые сечевики «ожесточались до того, что наносили друг другу страшные увечья и даже один другого убивали».

Многие казацкие традиции были живы в краю за порогами и сто, и двести лет после запорожцев. Вот что, например, сообщал о популярных в приднепровских селах и городах кулачных боях этнограф Яков Новицкий: «Потом во время зимних празднеств общим развлечением были “кулачки”. Бывало, выходят чиновники, купцы, мещане, поселяне — занимают улицу на всю длину города и кулачатся на славу... Если прибьют кого, — суда не было: на то и “кулачки”. Заигрывали (начинали) всегда парни, а за ними поднимали кулаки родители, — и пошел ряд на ряд (лава на лаву)»...

Бегство из плена

За одного битого двух небитых дают. Прежде всего битого на поле брани. Однако еще большему «битью» подвергался пленный казак. Вот где настоящее испытание и закалка характера. Прошедший через тяготы плена и сумевший своими силами вырваться из невольничьих пут, запорожец был на особом положении среди боевых побратимов. Чужая сторона обтолчет бока и прибавит ума. К молодому воину, обманутому врага и вернувшемуся домой, обращались как к ветерану, «знатному радцу». Побывавший в плену мог поведать товарищам и про обу-

ройство вражеских крепостей, и про тайные ходы к ним, и про боевую выучку противника, и про его военные тайны. Все эти сведения содержались в «распросных речах невольников», которые составляли едва ли не главную «бумажную» ценность сечевого архива.

На чужбине словно в домовине (в гробу. — *Примеч. ред.*) — и одиноко, и немо казаку. Однако деваться некуда. В какой народ попадешь, такую и шапку наденешь. Нередко плененному запорожцу приходилось по обычаю басурманскому и чалму наматывать, и даже веру «беларапскую» принимать — со своим уставом в чужом монастыре не живут. Однако ни на секунду не забывал казак о побеге, о том, как обмануть врага. Дело в том, что на Сечь стекался презревший холопскую неволю беглый люд, которому были знакомы все тонкости и секреты организации побегов. Поэтому часто именно плененные запорожцы были инициаторами, скажем, захвата галер — *каторг* (русское слово *каторга* происходит от названия гребного судна, на котором использовали труд невольников-гребцов. — *Примеч. ред.*). В 1643 году в Риме была издана брошюра с несколько длинноватым, характерным для того времени названием: «Известие о замечательном происшествии, недавно случившемся, о том, как взята была лучшая турецкая галера, бывшая под начальством Анти-паши Мариоля, как получили свободу 207 человек невольников — христиан из польской Руси и 70 невольников из других христианских стран...» В ней описывается, как запорожские казаки сумели перехитрить стражу, поджечь тайно подложенный под каюты турок порох, освободиться от кандалов и захватить большой корабль.

Неблизким и опасным был путь на родину. Ни прута, ни лесинки, ни барабанной палки в степи. Далеко в ней видать беглеца. Приходилось уходить от погони по берегам рек, балкам. Пробирались в основном ночью, обходя заставы, посты, кочевые станы степняков. Случалось, что возвращение затягивалось на годы. Приходилось скитаться по чужим странам, пе-

ребиваясь случайными заработками. В странствиях, правда, приобретался жизненный опыт, изучались языки, обычаи, перенималось у разных народов все полезное, что могло пригодиться на Сечи. Недаром в народе говорили, что пока под чужой крышей не побываешь, где своя течет, не узнаешь.

В сечевых городках, плавневых зимовниках находилась крыша для всех беглых — убежавших из холопской неволи, вырвавшихся из плена, спасшихся от преследователей. Запорожцев тоже не раз выручали их боевые побратимы. Скажем, пробираясь на родину, сечевики находили приют удонских казаков. На Дону даже одно время специально хранился неприкосновенный продуктовый запас для беглого люда. «А хлебные запасы держим ради невольников, которые выходят с Турецкой, с Крымской земли, с Ногая...», — писали донцы в военной отписке.

...Можно представить восторг беглеца, когда он оказывался в границах запорожских вольностей. Древние курганы, орлы в небе, седые ковыли, днепровские кручи, плавневые верболозы — земной рай для казака только там, где свой родной край. Ради него и в бой, и на плаху, и из плена. Только ступив на свою землю, сечевик нагибался, набирал горсть сухого степного чернозема и нюхал, и целовал его. Своя земля — своя доля и свой прах.

VII. ПЕНИТЕЛИ МОРЯ

И пловцы, и ныряльщики

Под одной старинной картиной, на которой изображен казак, можно прочесть подпись: «Откуда я родом взялся на свете? Всякий из вас хочет знать приметы. Женщин в Сечи немає, всякий то добре знае. Разве скажеш — из рыбы родом или из пугача дед мой плодом?» Вольные чайки или стремительные

щуки были родоначальниками обитавших по берегам Днепра запорожцев — трудно сказать, однако несомненно одно: речная и морская стихии были родными для казаков. «Казак с водою, что рыбак с удою», — говорили в народе. Запорожцы часто устраивали соревнования, переныривая плавневые протоки, подныривая под скалы. Нередко они бросались с высоких круч прямо в бурный днепровский поток. Казалось, что человеку невозможно выбраться из этого кипящего котла. Однако казаки смело ныряли в пучину, точно попадая в водные завихрения, которые выносили их прямо к берегу.

В истории немало и легендарных, и летописных, и конкретных хроникальных сведений о казацких боевых пловцах и подводниках. Фанатичный мусульманин и в то же время наблюдательный путешественник Эвлия-эфенди, отдавая должное изобретательности запорожцев, писал о том, как им удалось попасть в запертый со всех сторон Азов: «Несмотря на большую охрану, много неверных казаков сумели проникнуть в крепость, прыгая, раздевшись, в Дон и плывя под водой на спине с камышиной во рту. Оружие и амуницию они складывали в кожаные мешки, которые тянули за собой, когда плыли». Многие авторы вспоминали о сечевиках, что, скрываясь от неприятеля, ныряли в воду и замирали на дне, дыша через длинную тростину. Один из исследователей казацкого быта, например, писал, что «достаточно было добежать казаку до какой-нибудь степной речки или озерца — и уже он спасся, так как вырежет себе камышину, пробьет в “колене” ее дырочку и, взяв в рот, ныряет в воду с головой. Кончик камышины, который торчал между очеретом и осокой, совсем был незаметен, однако казак через него дышал и мог просидеть под водой, пока татары не удалялись». Вместо камышин запорожцы могли использовать полые трости и даже ножны. Степняки, дивясь смекалке сечевиков, восклицали: «Запорожцы такие черти, что из воды сухими выходят».

В каждой шутке, как говорится, есть доля шутки. И немалая. Однако имеется и доля правды. Тоже немалая. В одной

запорожской легенде рассказывалось о сечевике, который влез в обычное ведро и плыл в нем под водой несколько верст. Ходили также слухи об отчаянных запорожцах, которые неожиданно исчезали под водой чуть ли не на целый день. Любопытные ныряли за ними и обнаруживали, что их товарищи похрапывали себе спокойно под пузырем (скорее всего, имеется в виду надутый воздухом бычий пузырь. — *Примеч. ред.*) в холодке возле коряги, так как на поверхности им, видите ли, было очень жарко.

По воле весел и ветра

Длинная узкая лодка пахла свежей сосной. Обласканная солнцем и ветрами, она ждала встречи со своей родной стихией — водой. Лодка лежала на козлах, а вокруг внизу валялись золотистые стружки. Любопытные куры тыкали клювиками в их затейливые завитки. Старый лодочный мастер отложил топор и погладил теплый бок лодки.

— Из кусков «слепил». Нет ни материала, ни средств, а рыбакам работать надо. Ну, теперь все; осталось законопатить и просмолить. Когда-то такую лодку при необходимости можно было за один день сработать. Теперь торопиться некуда...

Сюда, в селение Келеберда, что расположено чуть ниже Кременчуга в верховьях Днепродзержинского водохранилища, я заехал специально, чтобы познакомиться с работой лодочных мастеров, деревянные лодки которых до сих пор бегают по Днепру. Вольными Кучугурами до недавнего времени тут назывался днепровский берег — в Келеберде и окрестных селах издавна жили свободные и веселые шкипера, лоцманы, лодочники, рыбаки. Селение было своеобразным северным форпостом запорожских казаков. По всему среднему Днепру и ниже за порогами славилась лодки — келебердинки, которые можно узнать по стремительным обводам, острому носу, узкой доске — *бычку*, прибитой

поверх верхней доски — *обгиналки*, торчащим сзади закругленным *вухам*, сделанным «для красоты и чтоб *двигун* (мотор. — *Примеч. ред.*) не бился». Много было в селе плотников — потомков бывших запорожских казаков — умевших ладить такие лодки. Остался один. Может быть, последний...

Селяне в приднепровских хуторках, первые поселенцы Великого Луга, были на воде так же изобретательны и смекалисты, как и у себя в хозяйстве. Сообразуясь с ситуацией и действуя по своим насущным потребностям, они расчетливо и экономно расходовали строительный материал, умели быстро находить среди прибрежной растительности нужный для конструкции лодки элемент. И ныне где-нибудь в узком заливчике — *бакае*, заросшем камышом, можно встретить рыбачка, сидящего в грубо сколоченной плоскодонке. Она может иметь почти квадратную форму и быть похожей на корыто или даже ящик. Хозяин так это объясняет: «Я тут на берегу живу. Мне что надо? Спустился, мелочи на юшку (уху. — *Примеч. ред.*) надергал — и всех тебе делов. Да и ноги никто такой посудине не приделает». В другом заливчике можно познакомиться с владельцем сконструированной из жести лодчонки, у которой вместо шпангоутов приспособлены ивовые ветки. Между прочим, так раньше и делали шпангоуты — *опруги*. Только вместо ивовых брали дубовые ветки. Шпангоут состоял, как правило, из двух соединенных между собой дубовых *корчаков*. Неподалеку от одного плавневого селения в низовьях Днепра я как-то под кустом ивняка обнаружил перевернутый вверх дном грубосмоленный челн — *дощаник*. Я заглянул внутрь и увидел плоский тючок, набитый сеном.

— Так это ж местный човник — *подколенка*, — объяснил мне рыбак, который удил рыбу поблизости. — Становишься на сено коленями и орудуешь одной гребкой (веслом. — *Примеч. ред.*).

Первым судном восточных славян считался корабль — челн, сплетенный из лозы и обшитый корой и шкурами (*короб* — корзина из луба или лозы). Некоторые исследователи даже считают, что слово *корабль* стало известно миру от византийцев, кото-

рые переняли его у славян, переделав на *карабос*. На Таволжанской переправе за Будильским порогом Эрих Лассота видел «большое число маленьких татарских лодок из плетеного хвороста, обтянутых свежей кожей». Можно предположить, что такими же лодками пользовались и запорожские казаки.

Более совершенным плавательным средством была «долбанка» — лодка-однодеревка, которая выдалбливалась из ствола осины, вербы («вербовка»), липы («липка»), дуба («дубок»). Упоминание об этих долбленых челнах я встречал по всему Днепру, а увидеть довелось на окраине Киева в селении Корчеватом. Местный школьник — любитель водных путешествий — купил «долбанку» в одном придеснянском селе. Она до сих пор исправно служит ему. Паренек провел меня по дворам местных жителей. На одном огороде мы обнаружили сразу три старых с прогнившими бортами «долбанки». Нашелся и старик, который рассказал технологию изготовления долбленых челнов: «Дерево для *довбанок* рубали зимой или ранней весной. Ствол резали вдоль на две лодки. Корма располагалась там, где ствол был шире. Сначала топором и рубанком изготавливали «верх» — ту часть, что до воды. Потом теслом выдалбливали середину, оставляя в корме «порожек». Чтоб толщина *довбанки* по бортам везде была одинаковой, в борта забивали колышки — *маячки* одинаковой длины из более темной породы дерева. Как дошел до маячка, так кончай в этом месте тесать. Потом в лодку наливали воды и бросали туда горячие камни, чтоб *развалить* (развести. — *Примеч. ред.*) борта. *Гребки*, весла по, нашему, делали из ясеня, эта порода наименее вбирает воду...»

Запорожские казаки, обживая плавневые заросли Великого Луга и преодолевая речные и даже морские водные препятствия, часто пользовались и плотами, и лодками, обшитыми шкурами животных (скажем, волон), и «долбанками», изготовленными по методу славянских предков. Один из исследователей, описывая сечевую пристань, замечал: «Пологий берег был покрыт множеством вытащенных на сушу лодок, *душегубок*, байдарок и

походными *чайками*. Душегубками у казаков, скорее всего, назывались выдолбленные из целого ствола челны. Неумелый казак в такой лодке мог легко перевернуться на стремнине, загубив в пучине свою душу. Опытные же казацкие лодочники в *однодревских судах*, как сообщали летописи, даже море переплыть дерзали.

Одно из первых упоминаний о казацком судне, которое имело специальное название *липа*, относится к 1626 году. Эрих Ласота писал, что он выехал из Сечи на *сандале* — широкой турецкой лодке, шлюпке. Боплан в 1640 году сообщал, что казаки делали суда, «так сказать, щебевища военные» (*щебека* — длинная и узкая турецкая лодка). В середине XVII века казацкие суда с заостренным носом и кормой и немного расширенными бортами назывались «байдаками» («байдак» — по-турецки «знамя», «знак»; *байдами* в Украине называли гуляк, беззаботных людей).

Военный инженер Мышецкий, который несколько лет жил в Новой Сечи, называл суда запорожцев лодками, «дубами» и «военными дубами». О днепровских лодках — «дубах» и казацких судах — «дубах» речь идет и во многих других источниках. Большинство исследователей название этих лодок выводят от породы дерева, из которого выдалбливалась основа (на ней уже по необходимости наращивались борта). У поляков «дубы», «дубасы» — это лодки, шхуны и паромы. Турки словом «*tombas*» называли речную лодку, понтон, буй, бакен. Существует мнение, что казаки могли позаимствовать «дубовое» название именно от турок. Д. Яворницкий описал казацкий «дуб», найденный около села Покровки. Брус вдоль дна и нижняя часть бортов были сделаны из дубовых досок, а верхняя часть и настил на носу и корме — из ели. Доски к *кокорам* (шпангоутам) прикреплялись ясеневыми и железными гвоздями (через два деревянных гвоздя шел один железный).

Казацкие лодочники, лоцманы и рыбаки пользовались достаточно характерной, сочной и звучной лексикой. Немало слов из казацкой «лодочной» терминологии вошло позже в речь днеп-

ровских речников. Вот некоторые из них. «Беседка» — скамейка для гребцов, *видлывайло* (*штоливо*) — ковш, которым выливают воду из лодки, *бабайка* — большое, прикрепленное к лодке весло, *байловка* — жердь, при помощи которой поднимают якорь на «дуб», *гребка* — весло, *гуза* — корма, *китвица* — доски, по которым скатывают на «дуб» воз, чтобы перевезти его на другой берег, *обгиналки* — бока плоскодонной лодки, *пазуха* — помещение для пассажиров и груза на «дубе», *подсучья* — веревка, на которой привязан поплавок (*сучка*) к якорю, *порижок* — перекладина, поперечная перегородка в лодке, *протяганка* — веревка, которой привязывают к берегу «дуб», *черпак* — нос большой лодки, *ялынка* — длинная жердь с железным наконечником, которым отталкиваются ото дна, идя против течения.

Как выглядела казацкая «чайка»

Успех военно-морских операций запорожцев во многом обеспечивали их стремительные маневренные боевые десантные корабли, известные под названием «чаек». Что же они собой представляли? Как выглядели?

Прежде всего, наверное, интересно будет узнать, откуда это название. По внешнему виду «чайки» напоминали изящные неаполитанские *фелюги* или испанские *баркелонги*, острые с носа и кормы, без киля и без палубы. Издали эти суденышки можно было принять за красивых птиц. Боевое казацкое судно со стремительными тонкими обводами было похоже на сильное маховое крыло серебристой пернатой владычицы воздушных пространств над Днепром и Черным морем. Это, как считают некоторые, и дало повод назвать судно «чайкой». Есть и другие мнения. Вполне вероятно, что этот термин — итальянского происхождения. Во многих странах, где бытовала итальянская морская терминология, так называли большую лодку или даже корабль.

Наиболее подробное описание «чайки» оставил французский военный инженер и картограф Гийом Боплан, который в XVII веке состоял на польской службе и занимался строительством крепостей на Украине. Из чертежа, сделанного Бопланом, видно, что в основе казацкое судно имело цельную колоду (вербовую или липовую), которую выдалбливали, а потом из досок наращивали борта. Инженер указал и размеры «чайки»: длина — около 20 метров, ширина — 4 метра, высота — около 4 метров. Однако дополнительные расчеты современных кораблестроителей показали, что Боплан допустил ошибку при определении высоты. При такой длине и ширине оптимальная высота судна не могла превышать полутора метров. Для равновесия и повышения плавучести к бортам по всей длине корпуса с помощью лыка прикреплялись вязанки тростника. Такая тростниковая обвязка делала «чайку» практически непотопляемой. Рули на носу и на корме обеспечивали судну исключительную маневренность.

Казацкие «чайки» были чрезвычайно быстроходными суднами — они чуть ли не в прямом смысле, словно птицы, летели над волнами. Российский адмирал Корнелий Крюйс указывал, что «чайки» не только татар, но и турок скоро нагоняют». А описавший суда допетровской России профессор Казанского университета Н.П. Загоскин, оценивая скоростные качества «чаек», замечал: «Быстрота хода казачьих лодок усматривается из того, что при благоприятных условиях они достигали Малой Азии суток через двое-трое по выходе из устьев Днепра».

Экипаж «чайки» состоял из пятидесяти человек, которые (кроме атамана судна) посменно гребли на веслах (их было 10—15 пар). При попутном ветре судно двигалось с помощью прямого паруса. Каждый запорожец имел два ружья, саблю, определенный запас пороха и пуль. По бортам было установлено до шести *фальконетов* (малых пушек, вращавшихся на *вертлюгах*. — *Примеч. ред.*).

Поднимались прямо со дна моря...

Умело и хитро действовали запорожцы и в степи, и в плавнях, и среди черноморских волн. Не чужими были для казаков и морские глубины. Есть сведения (разной степени достоверности, конечно), что сечевики имели свой... подводный флот. Французский историк Монжери писал в 1827 году: «По крайней мере, нет сомнения, что такого рода суда (подводные) были употребляемы в Европе в XIII веке. Украинцы часто избегали преследования турецких галер с помощью больших подводных лодок». Монжери при этом ссылался на записи французского философа Фурнье, побывавшего в конце XVI века в Константинополе. Пытливый странствующий мыслитель, который проявлял интерес к нравам и обычаям других народов, свидетельствовал: «Здесь мне рассказывали совершенно необыкновенные истории о нападении северных славян на турецкие города и крепости — они являлись неожиданно, они поднимались прямо со дна моря и повергали в ужас береговых жителей и воинов. Мне и раньше рассказывали, будто славянские воины переплывают море под водой, но я посчитал рассказы выдумкой. А теперь я лично говорил с теми людьми, которые были свидетелями подводных набегов славян на турецкие берега».

Комментируя эти и другие высказывания и хроникальные записи разных времен, Монжери утверждал: «Запорожские казаки пользовались гребными судами, способными погружаться под воду, покрывать в погруженном состоянии большие расстояния, а затем уходить в обратный путь под парусами». Как же выглядела подводная лодка казаков? Монжери попытался дать ответ и на этот вопрос. Корпус обшитого кожей челна был накрыт герметичной палубой. Над ней возвышалась шахта, где находился наблюдатель-рулевой. Через шахту поступал воздух — при плавании в надводном и полупогруженном положении. В погруженном состоянии движение осуществлялось при помощи весел, герметизированных в местах прохода через корпус кожаными манжетами.

Рассказы Фурнье и Монжери не канули в Лету. Их имена, например, упоминаются в книге П. Адамовича «Подводные лодки, их устройство и история», которая была издана в Петербурге в 1905 году. Проявляют интерес к их работам и современные исследователи. Один из них предположил, что подводной лодкой во время похода становилась обыкновенная «чайка». Она имела двойное дно, в котором в погруженном состоянии содержался балласт (скорее всего, песок). Дно было снабжено створками. Когда возникала необходимость всплытия, створки откидывались и песок высыпался. Фантастический корабль, облепленный водорослями и ракушками, вдруг появлялся из морской пучины у самых стен вражеской крепости, повергая противника в ужас. (Эти «проекты» запорожских «подводных лодок» без нужды усложнены. Видимо, запорожцы применяли более простой рецепт: переворачивали «чайку», создавая под ней «воздушный пузырь», притапливали ее при помощи грузов, подвешенных к бортам, и в таком «батискафе» преодолевали незамеченными небольшие водные пространства, которые просматривались с прибрежных укреплений — а затем, обрезав грузы, внезапно всплывали. Такие реконструкции с успехом осуществлялись в наше время. — *Примеч. ред.*) ...

Гавани-тиховоды

Возвратившимся после дальних походов казацким судам нужны были надежные пристани и тихие гавани. Какие дороги вели к ним? По каким береговым приметам ориентировались казаки, пробираясь на своих судах к спасительным заводям и затонам? На острове Хортица у самой воды лежит огромный валун, похожий на медведя, подползшего к реке. Уже издали заметно в нем отверстие полуметровой глубины. Один из крае-

ведов предположил, что скала служила запорожцам своеобразным маяком. В отверстие наливался жир и вставлялся фитиль. Если зажженная свеча ночью видна почти за километр, то свет хортицкого маячка был замечен с расстояния в три, а то и во все пять километров. На этот огонек и правили казацкие лоцманы, направляя в темноте суда к тайным гаваням. Где они располагались?

В плавнях было много озер, ериков, бакаев, где мог укрыться казацкий флот. Однако не все водоемы из-за мелководности, легкой доступности (вражеским лазутчикам) с берега годились для длительной стоянки судов. Обустроивая очередную Сечь, запорожцы прикидывали, как и где поблизости будут располагаться гавани. Например, в глубину Покровской Сечи, отделяясь от протоки Подпольной, вел так называемый Ковш (позднее назывался еще Уступом) — залив, куда заплывали корабли. Тут у Царской пристани швартовались как казацкие «чайки», так и суда иностранных купцов (чаще всего «царские» — из заморского Царыграда). Царской пристанью, кстати, называлось и урочище на правом берегу Днепра напротив северо-западной оконечности Хортицы. Здесь в 1739 году была построена «от россиян запорожская верфь». У запорожских казаков это место еще называлось «тиховодом». В залив, вдающийся в устье балки, по тихой воде заходили казацкие боевые «чайки», транспортные «дубы», стремительные лодки-байдаки. До сих пор в этом месте на дне находят остатки запорожских и «царских» судов, якоря, оружие.

Как правило, гавани располагались в затонах — тихих, укромных, защищенных с берегов густой плавневой растительностью бухточках. Известны были Великий Затон, Каменский Затон, Ореховый Затон. В некоторых озерах, названных по имени запорожцев (скажем, озеро Лебедивщина получило свое название от прозвища легендарного атамана Лебеда), могли временно отстаиваться отдельные казацкие сторожевые суда.

Озера на замке

Как свои пять пальцев знал запорожец все тайные протоки Великого Луга — ему ничего не стоило, ускользая на лодке от врага, затеряться в плавневых дебрях. Причем нередко он буквально растворялся в камышовых зарослях. Как это ему удавалось? Сегодня в плавнях повсеместно рыбаки-карасятники на резиновых лодочках прячутся в зарослях, прокашивая в тростниковой чаще ниши и коридорчики. Казаки поступали так же, срезая в нужных местах косами (а с ними лугари, как известно, управлялись не хуже, чем с саблями) густую озерную растительность. В устроенных тайным образом карманах — «схованках» можно было легко спрятаться вместе с лодкой, затаиться, поджидая врага. В нишах помещались не только легкие *корячки*, но и тяжелые грузовые *дубы* и даже судна — *чайки*. Искусственные коридорчики—прокосы могли соединять два озерца.

Нередко запорожцы скрывались в протоке, особым образом «замыкали» ее, делая недоступной для вражеских лазутчиков. Для этого они использовали плавучие островки — *пльвуны*, которые образуются из отмерших стеблей рогоза. Издалека эти островки можно определить по характерной желтой полосе внизу. Основу пльвуна, как правило, составляют переплетения рогозовых корней, которые или промываются быстрой проточной водой, или волнами вырываются из илистого грунта. На корнях вповалку лежат сухие стебли. Обычно плавучие островки прибывает к зарослям камыша. На их твердых и прочных пятачках любят селиться чайки, устраивают гнездовья утки, строят свои жилища ондатры. Отдельные островки (особенно если сверху разложить вязки сухого тростника) могут даже выдержать человека. Казаки, случалось, пользовались подобными рогозовыми плотиками, переправляясь через реки и протоки. Кстати, пльвущий по течению зеленый ком не вызывал подозрения у врага. Противнику было невдомек, что за «пльвуном» мог прятаться вооруженный лугарь.

Проскользнув на лодке через протоку в озеро, запорожцы тут же «затыкали» проход рогозовой «пробкой», получая замкнутый, недоступный для врага водоем, в котором могла скрываться целая казацкая флотилия. У сечевиков в плавнях было множество подобных тайных «замыкающихся» водоемов.

Дерзкий прорыв

В заливах и протоках Великого Луга казаки чувствовали себя в безопасности. Однако дорога к морю была полна неожиданных препятствий, которые устраивал неприятель. Известно, например, что турки попытались в полном смысле слова замкнуть водный казацкий путь, перегородив Днепр цепью. Ее протянули в районе нынешней Каховки через остров Тавань от крепости Кызыкермень до городка Арслана. Оставили лишь небольшой проход, на который были нацелены береговые пушки. Казалось, запорожцам не было никакой возможности проскочить незамеченными мимо турецких бастионов. Тогда казаки прибегли к следующей хитрости. Дождавшись ночи, они пускали по течению срубленные деревья. Те, ударяясь о цепи, производили немалый шум. Турки, думая, что это прорываются к морю сечевики, палили из всех орудий. Когда огонь стихал, казацкие суда вылетали из прибрежных камышовых зарослей и проскакивали мимо турецких постов.

Ниже Тавани турки пытались задержать казаков, устраивая засады — *оклики*. Однако здесь на просторах Днепровского лимана (особенно ночью или во время ненастья) казакам был «путь чист». Тем более что запорожцы хорошо знали тайные проходы в прибрежных зарослях высокого тростника — *дударя*. Иные из этих каналов в обход лимана через мелководные водоемчики — *прогнои* (гнилые озера с солоноватой водой) выводили прямо в море. Нередко до лимана сечевики пробивались мелкими партиями на легких *каючках*. Их можно было замаскировать в трост-

никовых дебрях, перетащить по суше через водораздельные гряды до тайных озер и морских заливов...

В дальнем походе

И месяц, и два, и три длились морские «одиссеи» запорожцев. К дальним походам по бурным водам сечевики готовились особенно тщательно. Лишний груз легким и стремительным «чайкам» был ни к чему, однако вооружались основательно: на каждого казака полагалось по две рушницы. Правда, пороха и пуль к ним, а также ядер к легким пушкам-фальконетам брали немного, надеясь пополнить запас боеприпасов во время нападения на корабли и крепости.

В морские команды подбирались наиболее опытные, отличившиеся в боях казаки. Однако запорожцы хорошо понимали, что на голодный желудок не повоюешь ни на суше, ни на море. Поэтому в экипажах кроме лихих и отчаянных рубак присутствовали и умелые ответственные кашевары. Впрочем, они тоже были закаленными морскими волками — во всяком случае, слыли мастерами на все руки (такие тоже нужны были) и отменными гребцами. Хозяйственные и расторопные кашевары заранее готовили припасы: набивали сухарями бочки, коптили мясо, солили рыбу, перетирали с салом пшено (его часто жевали сырым), просеивали и подсушивали муку, из которой готовили различные болтушки.

Вели подготовку к походу скрытно, будто занимались обычными хозяйственными делами. Покидали Сечь без спешки и суеты, однако действовали быстро, бесшумно, четко — обычно случалось это темной ночью перед новолунием или во время ненастья. Выскользнув из гаваней-*тиховодов*, суда рассеивались по реке, а потом сходились и шли тесным порядком. Впереди под атаманским флагом двигалась «чайка» кошевого, который осуществлял общее командование флотилией. Кроме него на

каждом судне свой начальник — *чайковый атаман*. Он сидел на носу и, наблюдая за работой гребцов, разрабатывал план предстоящей операции. Зрелищедвигающихся по реке казацких судов было весьма впечатляющим. «Во всю длину реки, на сколько хватало око, алели верхушки красных шапок, блестели стволы самопалов да мелькали, словно светлые птичьи крылья, полуискривленные загребистые весла» — это строки из одного серьезного исторического труда о казачестве, автор которого не удержался от попытки поэтически описать вид флотилии.

Суровы были походные законы. Только соблюдая их, можно было совладать и со стихией, и с врагом. Хотя казаки слыли азартными и бесшабашными гуляками, в морском походе «трезвость считали необходимой при исполнении своих предприятий». Если кто в походе был замечен в употреблении спиртного, того ждало суровое наказание. Случалось даже, что пьяниц выбрасывали за борт. В плавнях Великого Луга было озеро Царьград. Рассказывают, что во время одного из походов похмельный казак, когда флотилия тихо скользила по его водам, вдруг спросонья закричал: «Царьград! Царьград! Давай на Царьград!» Крик услышали враги и открыли стрельбу. В тот раз «чайкам» так и не удалось незаметно проскользнуть мимо постов. По приказу атамана, пьяница, которому не терпелось добраться до Царьграда, был выброшен за борт... Возвращаясь же из похода, запорожцы уже могли и помечтать о доброй победной чарке. И затянуть песню. Скажем, такую:

С понизовья ветер веет,
Повеваёт,
Ветер лодочки лелеет
И качает.
Гей, хлопцы, живо, живо!
В Сечи водка, в Сечи пиво...
Будем отдыхать!
Дружно в весла! Чайкой чайку

Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запевайте!

Казацкое море

...Берег стремительно приближался. Сначала видны были только горы, похожие на зеленые копны, и непонятно клубившиеся над ними облака. Горный хребет, казалось, обрывался прямо в море. Однако вскоре на его склоне обозначились разделенные лощинами холмы. На их вершинах появились сверкающие точки. Купола мечетей? Скорее всего, они... Через полчаса уже можно было разглядеть минареты, отдельные дома, мосты. В сопровождении дельфинов, которые выпрыгивали из воды то по правому, то по левому борту, паром шел к Анатолийскому берегу. Впереди по курсу — турецкий Трабзон. Небо, горы, море — простор, свобода, полет. Все, как всегда — как очень давно, как тогда, когда Трабзон был Трапезундом. Вот мы и добрались до него. «Струснем?» — спросил я у своего спутника, вспомнив терминологию старинных казацких хроник. Он пожал плечами: «А зачем тогда вся эта затея? Опровергнем до фундамента!» И мы стали, говоря языком тех же хроник, «опровергать» черноморские километры и прибрежные поселения, которые когда-то были крепостными твердынями. За два месяца я задумал объехать на велосипеде все Черное море. Вместе с моими чубатыми казацкими предками. Их следы — и в Крыму, и в России, и в Турции, и в Болгарии, и в Румынии. По всему черноморскому кольцу...

Это море — часть необозримой ветреной Атлантики. В то же время очевидна его «средиземноморность» — со всех сторон море окружают разноликие земли Европы и Азии. В солнечных бликах «самого синего в мире» даже безнадежные скептики вряд ли углядят мрачные оттенки. Тем не менее у древних индийцев, а

вслед за ними и у других народов море это было «темной пучиной», а у турков даже стало «Фенер Кара дениз» — «Злым Черным морем». Однако по мере освоения кораблями и колесницами Черноморского пространства оно становилось приветливее и добрее к мореплавателям, добытчикам рыбы, кочевьям, колониальным поселениям. Так море стало Понтом Эвксинским — «гостеприимным». Разные народы пытались утвердиться на его просторах и берегах. Однажды утром неподалеку от Синопа мой спутник залез на крепостную башню, что стояла на обрыве у самого моря, и крикнул: «Кажется, я вижу Крымскую гряду!» Я посмотрел в том же направлении и вроде тоже разглядел горы. Конечно, это были не они, а очень похожие на горные вершины...а может все-таки и не облака, а образ древней земли... Согласно одной из гипотез, на месте Черного моря между Крымом и Малой Азией существовала суша. На ней на протяжении сотен тысяч лет и формировалось человеческое общество. Уже тогда здесь обозначился некий «крест пространства» — будущий перекресток народов и культур. Постепенно суша стала уходить под воду. Однако прошлое не забылось. Между южной оконечностью Тавриды и Анатолийским побережьем, по выражению древних мореходов, «прогнутом наподобие скифского лука», примерно день плавания на быстроходном паруснике. Этот путь от крымских берегов до Синопа издревле был освоен многими народами. В том числе и славянскими мореходами. После того как их ладьи появились на черноморских просторах, море стало называться Русским или еще более пышно — Морем Русов. Прошло несколько столетий, и на море освоились казаки. В основном это были отчаянные запорожцы, однако и вольные люди с Дона частенько ловили своими парусами черноморские ветры. «Ходили донских казаков тысячи з две да с ними ж де на море пристали в трехсот стругах с десять тысяч запорожских черкас», — читаем мы в одной хронике. Быстро переняв у греков и турок основные навыки мореходства, казаки громко заявили о себе, как о непревзойденных отчаянных «пенителях моря». Вот что писал о них турецкий

хронист Мустафа Наима: «Можно смело сказать, что во всем мире не найдется людей более смелых, которые менее заботились бы о жизни, меньше боялись бы смерти; опытные в морском деле люди рассказывают, что эта голь своей ловкостью и отвагой в морских битвах страшнее всякого врага». Приведу здесь еще строки из описания Черного моря и Татарии, которое составил префект Каффы (генуэзская колония в Крыму. — *Примеч. ред.*) Эмиддио Дортелли д'Асколи в 1614 году: «Если Черное море было всегда сердитым с древних времен, то теперь оно несомненно чернее и страшнее по причине многочисленных “чаек”, все лето опустошающих море и сушу». С того времени почти на всех берегах, окружающих черноморское водное пространство, его даже в официальных источниках стали именовать Казацким морем. Быстроходные «чайки» и струги казаков от днепровских, крымских, азовских, донских берегов добирались до Трапезунда, «опровергали до фундамента» Синоп, залетали в Босфор, «мушкетным дымом окуривали» Стамбул, освобождали Варну, «брали на саблю» гарнизоны Несебра и Балчика, штурмовали Измаил и Аккерман, «давали нюхати пороху» поселениям на египетском берегу, на островах в Мраморном море.

О предках, что кочевали и разводили костры на этих благодатных черноморских берегах, мы вспоминали не раз. Жили они вольно и просто, «харчами не перебирали» (т.е. не особо выбирали из возможных продуктов питания. — *Примеч. ред.*). Это касалось как их походной, так и повседневной пищи. Вечерами, когда я собирал плавник на диком берегу, ветер вдруг доносил из глубины тысячелетий ее одурманивающий... знакомый запах. Голод и любопытство движут миром. Ну, не могло, не могло быть по-другому здесь у этой кромки прибоя, на этой гальке, под этим солнцем и сто, и пятьсот, и тысячу лет назад. Разжеывая кислое яблоко, помешивая кашу в котелке, разгрызая мидию или сухарь, я невольно ставил себя на место казацкого морского пехотинца. Где он ночевал? Чем питался? Что вообще привело его сюда? «Пойду на Низ, чтоб никто голову не грыз», —

говорили запорожцы, с первыми весенними ветрами отпра- вляясь в дальний путь к низовьям Днепра — и дальше к морю.

Запорожские, донские, а позже кубанские казаки часто по прихоти судьбы становились отчаянными «пенителями моря», отправлялись в дальние заморские страны по приказу, исполняя сторожевую службу, в поисках славы и добычи, однако не последнюю роль все-таки играли тяга к полной опасностей и лишений, но вольной походной жизни, азарт погони за неуловимым морским ветром, стремление померяться силой со стихией, испытать приключения на незнакомом берегу. Во все времена здесь на причерноморском малоазийском «пяточке» их хватало. Почти на всем протяжении южный Анатолийский берег либо обрывист и скалист, либо спускается в море террасами. Мы часто оставляли велосипеды на обочине и подходили к обрыву, осматривая пляжи и камни. Вот в этой живописной замкнутой со всех сторон бухточке могли вполне спрятаться запорожские «чайки». А тут за древним молом между валунами казаки могли притопить свои суденышки и выбраться на берег.

Этот островок, похожий на папаху, плывущую по волнам, возле чистого и опрятного, как многие портовые поселения Анатолии, городка Гиресуна запомнился своим необычным среди морской голубизны нарядным зеленым видом. Мы задержались на берегу, наблюдая за тем, как местные рыбаки бросают на мелководье *сачму* — сетку в виде круга, который на дне накрывает рыбу. Остров казался диким, неприступным. Из-за отмелей и прибрежных камней подойти к нему даже на небольшом суденышке было сложно. И тут мне пришла в голову мысль, что именно эта неприступность и могла привлечь казацких морских пехотинцев. Они ведь специально выбирали места, где враг не ожидал их появления... Кроме острова Кефкена в пятидесяти милях восточнее Босфора вдоль малоазийского побережья нет крупных островных земель. Любой надводный камень, любая скала, прикрывающая вход в бухту, были для казацких мореходов спасительным островком, за которым можно было укрыться, спрятать свои легкие суда.

...Далекий чужой берег и следы предков на его пляжах и кручах. И память о прошлом. Она сидит в нас прочно, как кованый гвоздь в дубовой обшивке корабля. Что в недалеком будущем и в обозримой перспективе? Что за гребнем волны, поворотом реки и изломом дороги? — вот вопросы, которые всегда с нами и в нас. Ночью, когда над морем и горами распахивалось звездное небо и ясно прослеживался на небосклоне звездный путь, вспоминались слова поэта: «Куда ведет степное бездорожье — не все ль равно! Но посреди реки гудит камыш, дымится Запорожье, курятся чубы, веют бунчуки...»

Против бури

...Босфор удивил меня множеством рыбацких фелюжек — одни торопились в море, другие уже возвращались с рыбного промысла. Было такое впечатление, что рыбаки добывают рыбу как бы не всерьез, ради шутки — казалось, многие из них просто катаются на легких разукрашенных суденышках по морю, наслаждаясь его солнечным простором. Проезжая мимо океанских корабельных монстров, черноусые, худощавые, загорелые до черноты турки весело махали руками, будто бы приглашали разделить с ними эту несуетную рыбацкую радость, счастье возвращения домой. Разноцветные огни, которые вечером со всех сторон «подожгли» Стамбул, усилили ощущение праздничности. Вообще, наблюдая за тем, что происходило по берегам Босфора, в уютных черноморских бухточках или на золотистых пляжах, вглядываясь в подернутую солнечной дымкой морскую бирюзовую даль, мне трудно было представить другое состояние черноморской стихии. А между тем она не всегда бывает благосклонна к тем, кто бороздит ее воды или в ее глубинах добывает хлеб насущный.

На Анатолийском побережье я обратил внимание на каменные молы, которые были похожи на хвосты огромных рыб. В зависимости от того, откуда дует ветер, рыбаки ставят свои суденыш-

ки в восточных или западных гаванях. Ветры тут, как мне объяснили рыбаки, бывают весьма своенравными. В одной старой книге я прочитал, что «в буре Черного моря делаются черными сердца человеческие». В полной мере суровый нрав моря испытали запорожские казаки. Не всегда им улыбалось морское счастье, не всегда их дорога по морю была солнечной и гладкой. Весенний поход 1614 года, например, был для казаков во всех отношениях неудачный. Жестокий шторм раскидал по морю казацкую флотилию. Многие суда нашли свою погибель в морской пучине, часть «чаек» была выброшена на Анатолийский берег, где сечевики приняли неравный бой. Долго после этого старые кобзари в своих думах оплакивали погибших мореходов: «По Черному морю супротивна хвилья вставае, судна казацки на тры частыны розбывае. Одну частыну взяла — в землю агарянську занесла, другу частыну — гирло Дунайське пожерло, а третя де ся мае — в Чорному море потопае...» И весной, и даже в летнюю пору, а особенно осенью казакам приходилось и на весла налетать, спасаясь от надвигающегося шторма, и спешно воду вычерпывать во время ливня, и соленую воду сплевывать, и под обрывком сорванного ураганом паруса от грозových стрел прятаться. Опыт выживания запорожских мореходов посреди разбушевавшейся морской стихии — в крови у донских, кубанских, яицких казаков (их недаром именовали по названиям известных водных протяжений), прославивших себя и своих днепровских собратьев на разных морях. В конце XIX века 400 уральских казаков, промышляя зимой на каспийском льду рыбу, внезапно попали под теплые дожди. Спасаясь на тающих льдинах, сметливые уральцы из шкур забитых лошадей изготовили бурдюки (ими, кстати, повсеместно пользовались степные соседи запорожцев). Потом надули их воздухом, прикрепили к саням и плавали по морю, питаясь одной рыбой, почти два месяца, пока не спаслись.

Нередко, когда на судно вдруг опрокидывался водяной вал, высотой с колокольню, запорожцы бросали весла и неистово крестились. Часто действительно лишь одна молитва могла спасти мореходов посреди разбушевавшейся стихии. Как сообщают хро-

ники, застигнутые бурей запорожцы «исповедовались Богу, Черному морю и своему атаману кошевому». Главным небесным покровителем казацких мореходов был защитник всех «плавающих, странствующих и путешествующих» святой Николай Угодник. Икона с его изображением, как правило, была на каждой «чайке». Во время шторма мореходы выносили икону на палубу и взывали к ней о спасении... Известен документально зафиксированный в XVII веке случай, когда запорожские казаки, внезапно попавшие на своих суденышках в страшную бурю на Черном море, обратились с молитвой к Николаю Чудотворцу. В молитве они обещали, что в случае спасения несколько дней отслужат монахам Киево-Печерского монастыря. Спасшись, они сдержали свое обещание и действительно исполняли в монастыре черную работу на протяжении двух недель... Случалось даже, что нужно было подумать и о жертве морскому богу. В думе «О буре на Черном море» казаки все-таки не согласились бросить в море в виде жертвы «славного рыцаря и писаря» Алексея Поповича, который письмо священное читал и казаков добру научал... Предвидя грядущие опасности во время морского похода, казаки иногда прибегали к магическим приемам, которые могли облегчить их участь посреди разбушевавшейся стихии. После удачной охоты, например, легкое убитого животного делилось поровну между теми, кто собирался в поход. Это делалось для того, чтоб «казак был легким на воде» и смог вплавь добраться до берега. Надеялись казацкие мореходы на своих небесных заступников, однако и сами не плошали, налегая на весла. «Богу молись, а до берега гребись», — подсмеивались запорожцы, уходя от бури...

Что видно за туманом?

...«Птица не пролетит, караван не пройдет — пустыни дороги Анатолии», — эта турецкая поговорка часто вспоминалась, пока мы колесили по малоазийскому побережью Турции. Доро-

га петляла по зеленым склонам Понтийских гор. Море сверкало и, наверное, тихо пошумливало (нам не было слышно) далеко внизу. Вдруг мы въехали в полосу тумана. То ли это облако напозло откуда-то сбоку, то ли занесло дым от близкого пожара, однако белая пелена скрыла от нас и горы, и море, и дорогу впереди. Я вспомнил, как несколько дней назад, подъезжая к городку Орду, мы увидели тучу, которая чуть ли не в буквальном смысле внезапно свалилась с небес и накрыла прибрежную гору. Туча была лохматой, черной, грозной. В сторону города из нее протянулись дождевые полосы. Будто шайтан наслал на жителей кару. Когда же мы подкатили ближе, тучи как не бывало — по-прежнему сияло солнце и радостно пенилось море. Странно порою возле Анатолийского берега ведут себя облака. Они могут внезапно превращаться в туман, громоздиться в виде гор, мгновенно менять направление движения.

Если во время первых вылазок казацкие мореходы удивлялись этим необычным явлениям, то в последующем использовали их в своих десантных операциях. Туман море покрывает, где казак тот проплывет. В тумане (даже утренняя золотистая дымка могла размыть очертания корабля) можно незаметно пробраться к вражескому судну, легко уйти от погони, незаметно покинуть берег. Или, скажем, быстро пересечь залив и спрятаться в бухточке. «Туман яром, туман дольною», — весело подпевали казаки, осторожно продвигаясь вдоль берега в спасительной туманной пелене. Туман был для них другом, однако мог оказаться и врагом. «За туманом ничего не видно...» — и эти слова нередко срывались с уст казацких гребцов. Однако уже другие нотки слышались в охрипших голосах. За туманом ничего не видно дозорным на берегу, однако часто и мореплаватели чувствовали себя неуютно в туманной пелене. Густые низкие облака, туман часто меняли характерный вид берега или отличительную окраску береговых предметов. «Ложным Босфором», например, моряки называют низменный песчаный берег в районе мыса Карабурун, который в тумане легко принять за насто-

ящий Босфор. Кстати, легко спутать и почти похожие друг на друга сами босфорские берега. Современным мореплавателям легче. Чтобы, скажем, мореплаватели, подходящие к проливу Босфор, не могли принять Анатолийский берег за Румелийский (так называют южный берег Черного моря к западу от пролива), здания на Анатолийском берегу окрашены в белый или красный цвет, а верхняя часть береговых утесов побелена известью. Четыреста лет назад ни здания, ни скалы таким образом никто не помечал... Море было гостеприимно для всех, на суше же бал правили другие законы. Чаще всего берега встречали гостей если не пушечной пальбой, то туманным безразличием и холодным молчанием.

Как двигаться в тумане? Как не перепутать берега и точно попасть в нужное место? У казаков был наметанный глаз, они держали в памяти множество примет, по которым ориентировались и в открытом море, и вблизи берегов. Их близость определяли по цвету воды, высоте волн, которые возле скал часто откатывались назад и образовывали толчею. У Трабзона, который неоднократно брали казаки, восточные ветры вызывают большое волнение и специфическую хаотическую зыбь. Ее местные жители называют «калаш». По этой зыби запорожцы даже ночью могли определить, где они находятся. Кстати, нередко именно во время «калаша» казацкие суденышки старались незаметно приблизиться к вражескому кораблю. Высокие волны скрывали быстроходные «чайки», имеющие низкую посадку... Наблюдатель на носу «чайки» должен был удвоить свое внимание, когда по курсу на фоне морской синевы, которая свойственна открытому водному пространству, появляется вдруг гладкое или покрытое мелкими бурунчиками зелено-желтое пятно или полоса. Это явление, которое моряки называют «цветением моря», указывает на близость мели.

Опытные днепровские лоцманы и рыбаки (их включали в состав десантных команд) нутром чуяли погоду, даже у чужих берегов легко определяли капризы местных ветров. Еще в открытом море по виду Понтийских гор они довольно точно опре-

деляли, чего нужно ждать от гроздившихся над ними облаков. Если летом над вершинами было чисто, то жди ясной и тихой погоды, если же гряда начинала мутнеть и покрывалась тучами, жди ненастья. Казацкие характерники (наделенным сверхъестественными способностями запорожцам отводилась особая роль в морских походах), например советовали капитанам держаться подальше от мыса Керемпе — самой северной точки западного берега Анатолии. Ветры здесь ведут себя непредсказуемо — резко меняют направление, неожиданно набирают силу. На западе Трабзонского залива отчетливо виден мыс Ерос — один из самых высоких мысов южного берега Черного моря. Чаще всего казаки подходили к нему с северо-запада. С расстояния шестидесяти миль мыс казался островом. Чего ждать от чужой земли? Какой будет встреча с ней? Новички налегали на весла, стараясь усиленной греблей «перебить» тревожное настроение, чубатые казаки, проявившие себя в морских походах и этим заслужившие право носить оселедцы, напряженно всматривались вдаль. Вслед за появлением цепочки темно-серых тучек, плывущих от мыса Ерос, следовало ждать свежего ветра с ливнем. Если же небо над мысом было чистым, то погода будет ясной. Значит, впереди — веселый солнечный денек, когда можно и под парусом в свое удовольствие пройтись, и спокойно обозреть чужие берега, и серебристых ставридок на ужин наловить. «Затягивай песню!» — выкрикивал походный атаман...

Что такое «крутить веремню»?

Укус (порою даже назойливое жужжание) одного комара, случается, раздражает больше, чем нападение десятка насекомых. Нередко на суше, а особенно на море запорожцы использовали именно эту одиночную «комариную» тактику.

Внезапно к турецкой галере приближалась казацкая «чайка». Ружейный залп казаков, конечно, не причинял вреда боль-

шому кораблю (хотя порою выстрелы казацких снайперов были довольно меткими), однако был весьма неприятен для турок, отвлекая их от дел и заставляя прятаться за бортами. Лодка тут же исчезала. Однако через час с противоположного борта появлялась другая «чайка». Запорожцы давали залп и ушли за горизонт. Следующая лодка подбиралась с кормы. Казаки опять палили из ружей и отстреливали в море. Так могло продолжаться и день, и два.

Есть в украинском языке слово «шарпать», означающее трепать, дергать. «Шарпаниной» сельские хозяйки и до сих пор, случается, называют блюда, для приготовления которых продукты (тесто, например) не режут, а отрывают щипками. У запорожцев же «шарпаниной» назывались одиночные мелкие, однако частые изнуряющие удары по врагу. Из числа добровольцев постоянно снаряжались специальные команды, чтобы «пошарпать» (или, как еще говорили, «струснуть») басурман. Нередко вместе с опытными воинами, для которых эти «щипки» противника были забавой, игрой, отправлялись и молодые необстрелянные казаки. Для них участие в «шарпанье» было и тренировкой, и проверкой мастерства, и подготовкой к серьезным сражениям. На море такая «шарпающая» тактика, когда на турецкий корабль поочередно нападали одиночные казацкие суденышки, называлась «крутить веремню» («веремия» — суматоха, кутерьма, смятение).

После того как турки окончательно были сбиты с толку, казаки по сигналу внезапно со всех сторон подплывали к кораблю и истребляли его деморализованный экипаж.

Ночной абордаж

Обычно казацкие «чайки» подбирались к галере во время тумана, ночью или при небольшом штормовом ветре. Волны с пенистыми барашками на верхушках мешали туркам разглядеть

казацкие суденышки, имеющие низкую посадку.. К тому же запорожцы опрокидывали (т.е. снимали. — *Примеч. ред.*) мачты, что делало их лодки совершенно незаметными на фоне пеннистого моря. Как правило, «чайки» приближались к галере со стороны заходящего солнца, которое заливало море ослепительным светом, зрительно «расплавляя» в нем маленькие суденышки. С наступлением ночи они устремлялись к кораблю. Одни казаки усиленно, однако без единого звука, налегали на весла, другие готовились к жаркой схватке.

Точно акулы, окружив галеру, сечевики бросались к ее высоким бортам. С помощью абордажных крючьев и лестниц ловкие натренированные казаки буквально взлетали на палубу. Здесь и происходил жестокий бой. Как правило, он был коротким и кровавым. Прежде всего сечевики стремились освободить рабов, прикованных к веслам — *лопатам*. На одной галере было кроме *боевых людей* до полутораста гребцов-невольников, которых «к одной лопате посажено по 5 человек».

Запорожцы никого не щадили. В плен брали лишь вельможных особ, за которых можно было получить богатый выкуп. Трофеями себя тоже особо не обременяли. Побросав в мешки деньги, золото, драгоценности, прихватив дорогое оружие, спешно прыгали в лодки и под покровом темноты скрывались в море. Галеру, как правило, пускали ко дну. Когда рассветало, ничто на поверхности лазурного моря не напоминало о жестоком сражении. Лишь только чайки с жалобными криками носились над гладкими волнами.

«Была Варна издавна славна»

...Во время путешествия вокруг Черного моря мы нередко останавливались на ночлег возле устьев небольших речек. На берегу было много плавника. Я собирал его и прикидывал, с какой стороны сюда могли подобраться «чайки» и струти. Нет

сомнения, что именно эти плоскодонные, с малой осадкой суденышки способны были заходить в несудоходные мелководные речушки Анатолии и проникать в глубь побережья по крайней мере на три, а то и на пять километров. Казацким лоцманам, правда, при подходе к устьям рек все время нужно было быть начеку. Дельты многих рек вследствие непрерывных наносов все более выдвигаются в море. По мутному цвету воды лоцманы даже в тумане могли определить близость берега. К нему подходили тихо, самым малым ходом. Судно могло сесть на грунт и намертво «присосаться» к нему раньше, чем «лотовый» (моряк, забрасывающий измерительный лот. — *Примеч. ред.*), сидящий на носу, успевал измерить следующую глубину.

Именно «речная» тактика казацких мореходов помогла им овладеть многими прибрежными крепостными твердынями. «Была Варна издавна славна, славнее Варны казаки» — поется в народной песне. Как же казакам удалось стать «славнее Варны»? Перед ее штурмом казацкие стратеги задумались. «Од-коль Варны-миста доставаты? Ой чи з поля, ой чи из моря, чи из тои рички-невелички?» Строки старинной думы с хроникальной точностью отразили детали разработки предстоящей боевой операции. В лоб с моря крепость не возьмешь, «с поля» ее тоже не одолеешь. Запорожцы решили подняться вверх по речке Камчия, впадающей в море южнее Варны, перетащить волоком «чайки» в Варненское озеро и неожиданно с запада подойти к крепости. Кстати, украинский консул в Варне рассказал нам, что среди болгар до сих пор бытует предание, что произошло это по совету и при непосредственном участии местных рыбаков, которые были проводниками у казаков. Консул организовал нам экскурсию вокруг Варненского озера и показал камень в Приморском парке, где вскоре (по инициативе варненцев) будет поставлен памятник запорожским казакам, добывшим на варненских берегах себе и болгарам бессмертную славу.

Курс — на Синоп!

...Полуостров походил на огромную рыбину, когда-то в первые дни творения поднявшуюся из мрачных глубин и волею ветров и волн оказавшуюся у солнечных зеленых берегов. Проходили тысячелетия, планета меняла свой лик и окаменевшее морское диво превратило залив в уютную бухту. Я находился «на хвосте чудища» — а вернее, на перешейке, соединяющем полуостров Бозтепе с берегом. Здесь почти на самом краю широкого дугообразного мыса, направленного к Европе, компактно, уютно и красиво разместился турецкий Синоп — как писали древние хроники, город «прекрасный местоположением, замечательный здоровым климатом». Город из сказки и сна, город-мечта, город-легенда. Город, рожденный и обласканный теплой и целебной морской стихией...

Однажды мы заночевали в развалинах старой крепости. Их нам встречалось немало по черноморским берегам. Есть очень древние, от которых камня на камне не осталось, лишь обрывчики, рвы и бугры, покрытые пожухлой травой. Построены эти крепости были в библейские времена. О них сохранились лишь легенды. От воздвигнутых позднее, уже в эпоху греческой колонизации, кое-что сбереглось. Где развалины, а где даже остатки стен, местами вместе с башнями. Крепости по берегам Черного моря разные народы продолжали строить и «после греков», и в Средневековье. Некоторые твердыни до наших дней сохранили свой первоначальный облик. Над зубчатыми стенами, правда, уже развеваются другие флаги, однако это не мешает обозреть их со всех сторон, позаглядывать в бойницы, подняться по разбитым ступенькам на башни и представить, как все было на самом деле много веков назад. В разных местах у старинных крепостей ныне свое предназначение... В турецком Синопе и болгарском Несебре — это окружающая среда, городской архитектурный пейзаж. В цоколях жилых зданий угадывается

мертвая крепостная кладка. Волны бьются о крепостные стены, а брызги залетают в распахнутые окна верхних этажей. Поразила крепость в Белгород-Днестровском (бывшем Аккермане). Красива, величава, мощна. Ничего подобного по берегам Черного моря я не видел. Основана крепость на остатках античного города Тиры. Одни считают ее турецкой, другие — молдавской, а замок-цитадель, по преданию, строили гетуэзцы. Трудно представить, каким образом казакам удалось овладеть этой твердыней. Скорее всего, использовали какую-нибудь очередную хитрость, которых в арсенале у казацких морских пехотинцев было немало. Вот как, например, по преданию была разрушена Кафа (нынешний крымский город Феодосия). Захватив «каюк» торговца фруктами и овощами, казаки переоделись в татарское платье и проникли в город. Обследовав его, запорожцы обратили внимание на стога сена и соломы у крепостных ворот. После этого, договорившись со знакомым *потурнаком* (отуречившимся казаком), что тот в условленное время напоит стражу и откроет ворота, сечевики вернулись на корабль. В полночь часть казацкого штурмового отряда подобралась к воротам, а часть стала у стен напротив тех мест, где находились стога. По условному сигналу они были подожжены, одновременно открылись и ворота. Казаки ворвались в город и, перебив турецкое войско, освободили невольников.

В хрониках и летописях, в донесениях послов и записках о путешествиях различных авторов, когда речь идет о нападении казаков на черноморские крепости, часто упоминается Синоп. У этого провинциального турецкого городка своя «великая» история. География когда-то предопределила историю... Понтом было водное пространство между Европой и Азией, Понтом стало и древнее могущественное государство, столица которого находилась в Синопе. Его крепость, как и другие укрепления и крепостные твердыни на побережье (обнаружилось, что они появились по всему черноморскому кольцу почти одновременно),

были свидетелями того, как вокруг Черного моря осуществлялась связь культур Малой Азии и Балкан, Северного Причерноморья и Закавказья.

Синоп был и остается жемчужиной Анатолийского побережья. Все дороги в Синопе ведут к морю. Спустившись к нему, понимаешь, что по-настоящему жить (в том числе и любить!) можно только на синопских набережных, пирсах и пляжах. Причем здесь не надо для этого ни героических поступков, ни благих деяний. Тут в Синопе это всего лишь возможность просто дышать удивительно свежим и здоровым морским воздухом и прищурясь смотреть в даль, где морская синева постепенно выгорает, обесцвечивается и переходит в небесную блеклую голубизну. Бог создал трудное ненужным, а нужное нетрудным. Его называли Мединет-Юл-Ушак — «город любовников». Как в настоящей любви все в высшей степени чувственно, вдохновенно и сладострастно, так и в этом городе все его достоинства имеют одну цену — высшую. Как утверждают бывалые моряки, Синопский рейд, который совершенно закрыт от северных ветров, единственная самая спокойная и безопасная якорная стоянка для больших и малых кораблей у Анатолийского берега. Вокруг полуострова самая прозрачная и чистая вода — рай для ныряльщиков.

В местном туристском бюро я познакомился с подводником Айшером. Узнав, что я с Украины, он восхищенно затряс руками. И тут же поделился со мной планами об организации совместной подводной экспедиции, в которой приняли бы участие украинцы и россияне. На дне Синопской бухты лежат останки казацких стругов и запорожских «чаек», турецких фрегатов и российских линейных кораблей. Между прочим, Синопское сражение в 1853 году между турецкой и российской эскадрами было последним сражением эпохи парусного флота. Не исключены и уникальные сенсационные находки. С Синопом связаны предания об использовании запорожцами подводных лодок.

В Синопе прошлое и древности удивительным образом становятся обыденностью настоящего, его бытовой приметой. Наклонился над родничком хлебнуть водички — и вдруг прочитал надпись над краником, что деньги на постройку взяты из карманов убитых во время русско-турецкой войны солдат. Нырнул в маску за крабом — подобрал обломок амфоры, ржавый гвоздь или звено якорной цепи... Спустился к гавани и увидел, что она образована остатками древнего мола. Поднялся по выщербленным ступенькам на терраску и вдруг с удивлением заметил, что стою на крепостной башне...

С нее видно далеко. Можно даже обозреть прошлое. Что здесь происходило четыреста лет назад? Как известно, в 1614 году запорожские казаки дважды «ходили на турка». В первом походе их постигла неудача. Буря разметала легкие суденышки, многие даже выбросила на берег. В конце августа запорожцы снова подошли к малоазийскому побережью. С устья Днепра они напрямик двинулись на Синоп. Десант был стремительным и дерзким. При незначительных потерях казакам удалось захватить замок и уничтожить гарнизон. При этом был взорван арсенал, разрушены мечети, сожжены галеры и другие суда, что отставались на Синопском рейде. О том, какой ужас нагнал этот десант на турок, польский историк Станислав Жолкевский писал: «Ни от кого другого, как от казаков, не было тут такой тревоги с тех пор, как турки поселились в Малой Азии». Кстати, узнав об этой позорной баталии, султан пришел в бешенство и приказал повесить великого визиря Насух-пашу. Каким образом казакам удалось «опровергнуть до фундамента» этот город? Скорее всего, казаки взяли его, разделившись на несколько отрядов. Это была одна из «верных» десантных тактик запорожцев. Выбрав безлюдную дикую бухту (посланные разведчики заранее обследовали местность), казацкие морские пехотинцы высаживались там и, оставив под охраной «чайки» (или даже притопив их), по суше незаметно подбирались к городу. «Войско сухопутное — одна рука, а сухопутное и морское — две», — утверждали казаки.

Откуда подходили казацкие отряды? С запада? Однако здесь все ровно и голо на многие километры. На пляже, что был выгнут серпом, даже крохотный челн представлял с крепостных стен отличную мишень. Казаки могли высадиться дальше за самым северным на Анатолийском берегу мысом Иджебурун (здесь через несколько дней мы прошли несколько живописных укромных бухт), а потом, совершив рейд в глубь полуострова, подобраться к городу с юго-запада. Однако, скорее всего, отряд двигался с востока, откуда прибыли и мы. От длинного и каменистого мыса Герзе берег почти до самого города во многих местах прорезан долинами. Вдоль побережья возвышаются холмы, поросшие редким лесом. В песчаных бухтах легко спрятать небольшие суденышки, а за холмами не видно скрытно передвигающихся отрядов...

Степные дороги мореплавателей

На одной из плит, из которых сложена Каменная Могила под Мелитополем, выцарапан парусник. Откуда этот рисунок? Есть разные предположения. Вполне возможно, что его оставили путешественники, чьи суда плыли по реке Молочной. О ее полноводности и даже судоходности в прошлом в какой-то мере свидетельствует половецкое название Сютень, означающее «кормилица», «мать», «молочная вода». Существует немало легенд о мореплавателях, чьи суда бороздили... наши степные просторы. И славянские воины, и скандинавские викинги, и запорожские казаки знали немало тайных путей, позволяющих им быстро и незаметно для врага попадать из одной водной системы в другую... Например, такое предание. Совершив набег на Кафу (Феодосию), гетман Сагайдачный стал готовить казацкий флот для похода домой. Но внезапно он узнал, что в устье Днепра его ждут турецкие суда. Силы были неравные, и Сагайдачный пошел на хитрость, изменив первоначальное решение. Казацкие

«чайки» пересекли Азовское море и вошли в Молочную. Поднявшись до ее верховий, они перетащили суда в Конку и по ней уже попали в Днепр. Недаром некоторые ученые переводят геродотовское название Конки Пантикап, как «водный путь». В древности полноводная Конка действительно была простым и удобным обходным водным путем из Днепра в южные моря. В ее верховьях можно было перетащить легкие суда в ту же Молочную или Берду, впадающие в Азовское море. Были и другие «степные» водные пути. Например, из Днепра суда заходили в Самару, потом шли по ее левому притоку реке Волчьей (некоторые исследователи, кстати считают, что название это произошло от слов «волок», «волочить»), в которую впадает Гайчур. Название этой речки, состоящее из тюркских слов *gai* — вольно, легко и *чул* — степь, говорит о ее полноводности и доступности для судов в прошлом. От Гайчура через Берду уже рукой было подать до моря... Через правые притоки Самары суда запорожских казаков могли попадать в Северский Донец, из него — в Дон и дальше — в Каспий. В старину реки называли «божьими дорогами». На географической карте 1614 года одна из самых живописных рек степного Приазовья Берда названа Богданом. Это название, как и тюркское слово *берды*, обозначает «данный Богом». Что ж, степные малые реки действительно часто были для путешествующего люда подарком судьбы, некими путями, однажды счастливо обнаруженными и легко освоенными.

Впрочем, нередко не так уж и легко... Ведь мы забыли про волоки. Для того, чтобы перетащить судно через водораздел, нужно было изрядно попотеть. Или изобрести какой-нибудь оригинальный способ передвижения по суше, аки по воде. Вот строки из «Книги путешествий» турецкого историка Эвлия Челеби (этот автор упоминается выше, как Эвлия-эфенди, т.е. «господин Эвлия». — *Примеч. ред.*): «При всем этом в правление Ибрагима хана случалось, что кяфиры-казаки перетаскивали на своих спинах, словно носильщики с ляжками, триста “чаек” по суше, по землям казаков и по землям валахов, потом

выходили в Черное море, грабили и опустошали его побережье». Легкие долбленые суденышки могли нести на плечах, более тяжелые передвигали с помощью деревянных катков, которые подкладывали под дно по мере продвижения вперед. Во время плавания эти чурбачки использовались вместо сидений. «И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидев это, испугались». Это строки из «Повести временных лет». Когда древнерусские ладьи подошли к стенам Царьграда на колесах, наводя ужас на его защитников. Вполне возможно, что «степные» мореплаватели могли и к своим кораблям приделывать колеса. Или даже использовать для транспортировки судов мощные возы степняков с широкоободными колесами. На одном из рисунков французского художника Ж.-А. Мюнца, который побывал на Украине в середине XVIII столетия, изображена перевозка судов по суходолу в обход Кодакского порога. Большая лодка транспортировалась специальным удлиненным возом (колесными парами) с четырьмя пароконными упряжками. Вполне вероятно, что с помощью подобных тележных устройств перетаскивались по степи из одной речной системы в другую и суда запорожцев...

Правь смелее, лоцман!

«Охи-Вздохи» — так иногда называют в народе два скалистых островка посредине Днепра между левым берегом и островом Хортица. Тяжелые «вздохи» вырывались из груди путешественников, когда они снизу приближались к грозным днепровским порогам. «Ох!» — радостно и облегченно вздыхали они после того, как в сопровождении лоцмана проходили скалы...

Именно с грозными днепровскими порогами связано название запорожцев. Не удивительно, что их считали самыми

ловкими и искусными лоцманами на великой реке. Часто именно умение казака преодолеть порожи́стый участок Днепра, провести через него судно или плот определяло его «запорожскую» сущность. Где-то в конце XVI века на левом берегу Днепра над самым грозным Ненасытецким порогом обосновалось несколько казаков, которые помогали путешествующему люду, торговцам, послам, паломникам, добытчикам рыбы преодолевать порожи́стые гряды и заборы. Чуть позже центром лоцманства стал Кодак, где по приказу запорожского Коша была организована лоцманская служба. В 1750 году выше Старого Кодака на карте появилось селение Лоцманская Каменка.

Когда-то улицы тут назывались просто «сотнями». Лоцманская служба (а ее правилами и ритмом жило все село) требовала порядка, размеренности и даже некоторого единообразия. По одной из таких «сотен» мимо хибарок, сарайчиков, гаражей, хлипких навесов я поднялся к крайним домам старинного лоцманского поселения. Едва собрался перейти улицу, как навстречу мне вышла старушка в старом вылинявшем халате и синем платке. Она едва переставляла ноги и, если б не лопата, которую она использовала вместо палки, наверное, и шагу сделать не смогла бы. Я поздоровался и стал расспрашивать про лоцманов, которые жили здесь. Мария Ильинична Бойко оказалась весьма памятливей и разговорчивей старушкой.

— Так я ж сама дочка лоцмана, и дед тоже гонял плоты через пороги. У нас тут все — и Бойки, и Вороньки, и Омельченки — лоцманского роду. Гришка Омельченко вот недавно умер, считай, он и был последним лоцманом днепровских порогов. А я хозяйина своего дня три как поховала (схоронила своего мужа. — *Примеч. ред.*). Вот одна осталась...

— А Григорий Бойко вам кем мог доводиться?

— А это кто такой?

— Знаменитый казацкий лоцман, который жил еще при царе Николае. Ему сам министр путей сообщения пожаловал синего сукна кафтан с серебряными кистями и обшивками.

— А шо, лоцманы, как и казаки, любили выражаться — здоровые, красивые, со всех боков ладные дядьки были. А тот Бойко, точно, «нашего баштана гарбуз». У нас тут как было? Парубок с Каменки, а девка с Кодака. Или наоборот. Все наши на кайдачанках переженихались. Пришлых не сильно жаловали. Так что новая семья все одно лоцманской становилась. Не всем, правда, давалось это рискованное ремесло. Семь год нужно было на плоту ходить, чтоб стать законным наученным лоцманом. У нас с детства все пацаны мечтали плоты гонять. Раз батько приходит, а брата Петра нема. «С лоцманами на низ ушел», — плачет мать. А батько только усмехается, усы закручивает — гордился сыном. Он, как порогов не стало, сильно затужил, в колхоз пошел и вскорости умер...

— А что еще вы помните о лоцманской службе?

— Плоты сверху литвины пригоняли. Внизу тут у нас возле *каплички* (часовня. — *Примеч. ред.*) останавливались и нашим лоцманам сдавали. Только они могли те страшные пороги одолеть. Сама царица специально приезжала, чтоб посмотреть, как наши казаки страх на порогах переносят. Хоть и тяжкий труд был у лоцманов, а вольный, веселый. Кашу лоцманскую прямо на плотах варили. Она у них «заливной» называлась. Отчего так? Бо юшкой рыбной заливали. Рыбу в камнях прямо на ходу и добывали подсакками. Кашу потом ту на разные *свята* («святые дни», церковные праздники. — *Примеч. ред.*) варили. Такая у них уже традиция была...

Рыбалка, каша, а то и чарка — это уже после порогов в *тиховодах* или на зеленых островах между заборами. Во время же прохождения порожистых гряд лоцманам было не до жиру в кулешах и юшках — остаться бы живу в бурных потоках. «Так страшно, что всякий раз, когда я через них иду, так и хлеба не ем: два дня плыву, два дня почти и крошки во рту не бывает», — вспоминал один старый лоцман, которому на берегу сам черт был не брат.

Жителям прибрежных городов и сел, речным капитанам названия скрытых под водой днепровских порогов и каменис-

тых забор сегодня ни о чем не говорят, а в старину каждый камень, который чернел в русле, имел свою приметку, характер, голос. Страшно было проходить эти пороги. У лоцманов были свои правила их прохождения. «В опасных местах люди выходят, и часть их придерживает лодки на длинных веревках, а часть заходит в воду, они поднимают лодки над острыми камнями и медленно переносят», — описывал Эрих Лассота свое путешествие по порожиному Днепру. Можно не сомневаться, что точно так же поступали и днепровские рыбаки, и запорожские казаки. Для прохождения порогов, как правило, выбирали погожий безветренный день, когда «ничто и не шелохнет». Перед стартом рассаживались по местам, «чтоб все доброе садилось, а злое убегало», потом по команде поднимались, обнажали головы и молились на восток. «Господи, благослови! Дай, Боже, час добрый!», — крестился седоусый атаман. Самым опасным местом считалось так называемое Пекло в грозном Ненасытце. «Попавсь у Пекло, буде тебе и холодно и тепло», — грустно шутили лоцкаменские старики, наблюдавшие с бугра за вереницами плотов, которые сопровождали их дети и внуки. Опытные лоцманы наставляли новичков: если лодку или плот разбивало, то следовало плыть, держась за обломок, лицом против воды, чтоб видеть несущиеся на тебя доски и бревна. Самые бесстрашные и отчаянные соскакивали с разбитого плота и ныряли на дно реки, где сидели до тех пор, пока не проносило все обломки.

Готовясь к сплаву, особое внимание обращали на исправность длинного весла — *стерна*. Его изготовляли из цельного мачтового дерева длиной до 20 метров, на конце вытесывалась длинная лопасть. Со стерном лоцман стоял на корме, на носу же крепилось второе весло, которое называлось «дрыгалкой» или «бабайкой». На протяжении всего пути лоцман, держась за руль, напряженно вслушивался в плеск воды, ловя подозрительное повышение или снижение его тона.

...Князь Потемкин в 1783 году реорганизовал лоцманскую службу около днепровских порогов. Это было связано с освое-

нием степного края, сооружением портовых городов Херсона, Николаева, Одессы. Большие и малые суда, караваны барж, вереницы плотов день и ночь шли по реке. Их встречали и проводжали загорелые, скуластые, молчаливые проводники из Лоцманской Каменки — авторитет казацких лоцманов на Днепре был очень высок. Как-то Потемкин продемонстрировал Екатерине II искусство днепровских лоцманов, организовав прохождение через пороги флотилии речных судов. На царицу, что видела немало экстравагантных зрелищ, которыми не переставали тешить ее фавориты, эта операция произвела сильное впечатление. Руководил проведением лоцман Полторацкий, которого потом наградили «вельможеством» — офицерским чином и дворянским званием. На лоцманах лежала особая ответственность. В самые смутные времена лоцманские вольности были неприкосновенны для власти. Лоцманы освобождались от налогов и рекрутчины, вели открытый, независимый образ жизни, во всем блюли честь и законы своих свободолюбивых предков.

Ныне бывшая столица днепровских лоцманов — это южное предместье Днепропетровска. Административно она входит в городскую черту, однако Лоцкаменка (так кратко ее называют) продолжает сохранять свое историческое, связанное с казачеством и его традициями лицо и по-прежнему претендует на некоторую исключительность. Об этом гласит надпись на камне, установленном рядом с местным Дворцом культуры: «Тут возле Кодацкого порога с середины XVII столетия была основана слобода Лоцманская Каменка и организована казацкая береговая служба, которая дала начало *громаде* (обществу. — *Примеч. ред.*) днепровских лоцманов». Давно уже нет порогов и опасным лоцманским ремеслом тут уже никто себе на хлеб не зарабатывает, однако лоцкаменцы, храня в памяти дарованные им вольности, образовали свой комитет общественного самоуправления. Над входом в него рядом с украинским трезубцем висит даже герб Лоцманской Каменки. В центре его между черными треугольничками, символизирующими днепровские пороги, изображен казак с веслом...

VIII. УКАЖУТ ДОРОГУ ЗВЕЗДЫ

Дымовые сигналы

Не проходило и часа, как запорожцы узнавали о приближении врага к границам контролируемых ими земель. Весть разносилась по степи почти мгновенно с помощью древнего способа — дымовых сигналов. Как же и чем они производились? Можно было просто поджечь «шатер» из заготовленных заранее дров или кучу сухого *курая* («верблюжье сено» — степное и пустынное растение. — *Примеч. ред.*), а сверху набросать травы. Однако дрова загорались медленно, а курай, наоборот, сгорал слишком быстро. Казаки придумали весьма хитроумное устройство, дым от которого подымался столбом вверх и был замечен издали. Называлось оно «фигура» и представляло собой своеобразный степной маяк «из смоляных бочек». Основой «фигуры» служили шесть просмоленных бочек, которые ставили в форме круга с пустотой посередине. На них водружались следующие пять бочек, потом — четыре, выше — три и на них — еще две. Чтоб эта башенная конструкция была устойчива, бочки обвязывали просмоленными канатами. Пустота внутри заливалась смолой. Сооружение венчала бочка без дна. На ней и устанавливали блок, через который пропускали веревку с «клоком мочалы», вымоченной в селитре, или пучком соломы на конце. Как только дозорные узнавали о приближении врага, они вытягивали веревку за внешний конец, поджигали соломенный пук или мочало и опять опускали их внутрь «фигуры». Она тут же превращалась в огромный дымный факел, который был виден издали. В ясную безветренную погоду этот костровой сигнал мог быть замечен на расстоянии пятидесяти километров.

В плавнях подобные сигнальные башни сооружались из сухого тростника. Его поджигали и накладывали сверху зеленые стебли. Сквозь них и струился вверх дым, сообщающий об опас-

ности. Случалось, такие вышки делали в два этажа. На нижнем располагалась растопка, а на верхнем — уже само топливо (в виде вязанки хвороста или снопа из сухого тростника). В дождливую погоду сухую растопку легко было поджечь. От нее воспламенялось уже основное топливо. Иногда в критической ситуации, чтоб сообщить товарищам о приближении врага, казаки могли поджигать отдельно стоящие деревья. Их вспыхнувшая крона давала мощный, далеко заметный световой факел.

Робко по тропке, в лежку по стежке...

Вольно в степи ветрам и людям, однако некуда в чистом поле деться дороге — и узкие в один след стежки, и широкий напотапанный шлях для всех доступны, всем приметны. Другое дело плавневые дебри. Тут у запорожцев было много тайных дорог и троп, известных только им. Некоторые были проложены через топкие места. Неосторожный шаг вправо-влево, и человек оказывался в трясине, из которой не так-то просто было выбраться. Например, между озерами на правом берегу реки Конки вилась гряда, известная у казаков как Слепая. Она была настолько узкой и незаметной среди густой плавневой растительности, что осторожно, почти наощупь пробираясь по ней, приходилось все время сильно напрягать зрение или, как говорили казаки, «слипать».

Через плавни пролегалo множество торных дорог. Удивительные это были протяженья. В зависимости, скажем, от того, на север или на юг двигался путник, одна и та же дорога называлась по-разному. Скажем, Балчанской именовалась дорога, ведущая от Верхнетарасовского перевоза до селения Балки. В обратном же направлении она была известна, как Тарасовская. Однако порою по этим шляхам не так-то легко было пробраться. Во-первых, во время половодья или после дождей эти протяженья исчезали под водой и пользоваться ими можно было, толь-

ко хорошо зная броды и обходные («боковые») пути. Во-вторых, дороги эти тщательно охранялись казацкими дозорами. Заставы, как правило, устраивались возле перевозов через реки. Известна была, например, Микитинская (Никитинская) застава на правом берегу Днепра возле Микитинского перевоза, через который проходил старый казацкий шлях, связывающий Великий Луг с отдаленными районами Запорожья.

В хитросплетении плавневых тайных троп разобраться мог лишь опытный лугарь-следопыт. Скажем, перед протокой Три Бродки дорога вдруг обрывалась. На противоположный берег вели броды, расположенные в трех разных местах. Для переправы через мелкие протоки казаки использовали поваленный ветром сухостой или срубленные деревья, из сучьев, ветвей устраивали гати через топкие места. Нередко после преодоления опасного места жерди прятались в камышах, кустах или между деревьями. По иным тропам в густом ивняке можно было пробраться лишь согнувшись или даже ползком. Нередко эти проходы-пролазы тщательно маскировались, и их нелегко было заметить в зарослях.

Шаг за шагом

Дорога ходоков в лицо не знает. Зато они должны хорошо и ориентироваться на местности во время долгого пути, и знать назубок все его колдобины и «вырвихвосты». Запорожцам приходилось пешком преодолевать большие расстояния. Однако они не боялись этих дальних походов — с детства были приучены мерять ногами степные версты. «А вже весна, а вже красна, из стрех вода капле, молодому козаченьку мандривочка (путешествие. — *Примеч. ред.*) пахне», — на разные голоса на хуторах звучали песни-веснянки, которыми родные провожали казаков в дальний путь. А как известно, домашняя дума в дорогу не годится. У казаков были свои дорожные правила и законы. Где

стал, там и стан. В дороге и врага назовешь родным отцом. В объезд, так к обеду, а прямо, так, дай Бог, к ночи. Пеши — без промешки. Чудные правила, будто и не людьми они установлены. И тем не менее все разумно, четко, проверено на опыте. Что, например, и сегодня может быть удобнее той же сумы, которую степные казацкие ходоки носили через плечо. В ней мог уместиться весь дорожный скарб. Наипервейшая забота в пути — ноги, которым предстояло одолеть не один десяток, а то и сотню верст. Особенно доставалось путникам зимой. Приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы защитить конечности от холода. Об обычаях степных скитальцев спасаться от мороза немец Вердум, который в XVII веке путешествовал по Украине (в том числе и по землям запорожских вольностей), писал: «Простые люди, хотя бы мороз был самым сильным, обертывают утром ноги пучком соломы и натягивают на это сапоги, выдерживая так целый день на морозе». К подобному способу прибегали и запорожцы, используя в дороге вместо соломы сухую траву.

У казаков-лазутчиков, которые не только пешком преодолевали марафонские дистанции, но и добывали «языков» в тылу у неприятеля, незаметно и бесшумно подкрадывались к расположению врага, существовали свои особые приемы ходьбы. По траве запорожцы продвигались, высоко подымая ноги, чтоб не слышно было шорохов. По воде шли медленно, не вытаскивая опущенную в воду часть тела. Это называлось у казаков «двигаться напором».

На твердом грунте опытные казацкие ходоки сначала ставили носок, а потом плавно опускали каблук, на мягком, наоборот, опускали пятку, после чего спокойно наступали на всю ступню. Через камни и бревна старались перешагивать, не вставая на них. В плавнях, где под ногами было много сухих веток, приходилось часто замирать, прислушиваясь к ночным звукам. Очередные шаги нередко совпадали с криками птиц, звуками, производимыми дикими кабаном, рыбой. На узких плавневых троп-

ках казаки нередко перемещались так называемым «боковым» шагом. Это было плавное, как бы текучее движение. По скользкой мокрой поверхности запорожские следопыты передвигались дробным (т.е. частым. — *Примеч. ред.*) «притирочным» шагом, по сыпучему грунту использовали плотный «катящийся» шаг, в высокой траве — «сметающий».

Что островок, то тайный уголок

— Вон, видишь в поле груша? А рядом камни... Там и зарыт казацкий скарб.

Не веришь? Поехали — покажу...

Николай Драгун работает учителем (преподает физкультуру, учит ребятишек трудиться, рисовать, однако при необходимости может и историка заменить) в селе Добрая Надя, которое находится на северном берегу Каховского моря. Живет в соседней Ильинке. Раньше она называлась Грушевкой. Именно здесь на своей пасеке и умер знаменитый запорожский ватаг Иван Сирко. Об этом можно сегодня прочитать на стеле при въезде в село. «Ой не витер в поли грае, не орел летает — ото ж Сирко з товариством по степу гуляет», — выбито на памятном знаке. Для Николая эта надпись и все, что связано с Сирком и запорожцами, отнюдь не только седая древность, место которой на страницах учебников и пыльных музейных полках. Когда учитель начинает рассказывать об истории села и его тихих, утопающих в вишневых и грушевых садах уголков — *кутков* (один из них, кстати, до сих пор называют Сирковкой), о находках на месте старого кладбища, где под большими крестами лежали сечевые старшины, о разрушенной часовенке — *капличке*, в которой до войны еще *правили службу* за казацкое воинство, глаза его загораются трепетным счастливым огоньком, а ноздри начинают шевелиться, будто парень старается уловить вдруг донесшийся из глубины веков терпкий полынный аромат запо-

рожской вольницы. Не удивительно, что окриту и казацкие места по балкам и степным урочищам Николай знает, как свои пять пальцев. Через минуту он завел мотоцикл, я чуть ли не на ходу прыгнул в коляску и мы помчались к ветвистой груше, что росла почти на краю вспаханного голого поля. Вокруг груши лежали гранитные валуны. Между ними почти правильной квадратной формы отверстие, присыпанное землей. Николай спустился вниз и обвел рукой квадрат:

— Тут оно и лежит...

— Что оно?

— Казацкое добро... Может, лодка золотая, а может, конь.

Многие пробовали до них добраться, камни вон взрывали, — все напрасно. Не дается казацкий скарб. А груша, сколько себя помню, все время здесь росла. Отец рассказывал, что ее спилили, а она опять ростки пустила. Не иначе что-то в земле ей силу дает...

Для быстрого и незаметного передвижения у казаков часто возникала необходимость на время избавиться не только от тяжелого оружия, например, пушек, но и от копий, сабель, топов. При себе оставляли только пистолы и кинжалы. Возвращаясь из походов, ожидая нападения врага, заранее примечали места, где можно было бы спрятать самое ценное. Собственно сама пограничная жизнь обязывала подумать о надежных убежищах и укрытиях — *схованках*. Где же и как запорожцы прятали оружие и драгоценности? Как маскировали спрятанное? Какие меры принимали, чтоб враг не смог добраться до казацких сокровищ?

Множество легенд и преданий связано с кладами запорожских казаков. Недаром один из трудов известного украинского этнографа Я.П. Новицкого так и называется «Запорожские и гайдамацкие клады». «Расходились казаки со своей рады, выбрали из-под камней великии клады», — поется в одной народной песне. Тот, кому довелось побывать в местах бывших Запо-

рожских Сечей, вероятно, слышал от старожил о ценных находках. Днепровские рыбаки до сих пор уверяют приезжих, что клады на землях бывших запорожских вольностей и искать не надо — они сами в руки просятся. Характерен в этом отношении рассказ о находках на острове Хортица, который когда-то записал от одного местного жителя исследователь запорожского казачества Д. Яворницкий: «В старину, бывало, как пойдешь по разным балкам на острове, то чего только не увидишь: там торчит большая кость от ноги человека, там белеют зубы вместе с широкими челюстями, там повывернулись из песку ребра, поросшие высокой травой от времени и воздуха, сделавшиеся, как воск, желтыми. Задумаешь, бывало, выкопать ямку, чтобы сварить что-нибудь или спечь, — наткнешься на гвоздь или кусок железа; захочешь сорвать себе цветок, наклоняешься, смотришь — череп человеческий, прогнивший, с дырками, сквозь которые трава проросла, а на траве цветы покраснелись; нужно тебе спрятаться от кого-нибудь в пещере, бежишь туда, и наткаешься на большой медный казан или черепяную чашку, или еще что-нибудь в этом роде». Километрах в двадцати ниже Хортицы днепровский берег (ныне это побережье Каховского моря) представляет собой высокие глинистые кручи. Когда-то здесь на северной оконечности Великого Луга находилось урочище, с которым связано немало историй о казацких тайниках. «Эта местность, — замечал один путешественник, — называется у селян Заломами и, наверное, служила запорожцам местом надежной “схованки”, так как имеет много глубоких и широких расщелин и пещер».

В поисках казацкого следа я побывал во многих уголках Нижнего Поднепровья. Почти в каждом днепровском селе, у жителей которого я выпытывал подробности из жизни запорожцев, мне рассказывали о казацких кладах. Часто даже точно указывали места, где они зарыты. Старожил села Беленького, где однажды пришлось заночевать во время путешествия, Владимир Иванович Головкин был радушен и словоохотлив. Едва зашла речь

о кладах, он тут же вспомнил о Прирве. Так нынешние рыбаки называют протоку в плавнях чуть ниже Лысой горы.

— Раньше там братья Канцыберы жили, так и озеро называлось. Когда же вода порвала берега, озеро превратилось в протоку и стало Прирвой. Братья были у казаков что-то вроде казначеев — охраняли зарытые сокровища. Каждый сечевик, уходя в поход, прятал свое богатство и обязательно вкладывал записку. В ней подробно объяснялось, как поступить с кладом, если его владелец погибнет. Содержание этих записок знали только сторожа — братья Канцыберы. Кому, чего, сколько завещали заповождцы — неизвестно, однако какую-то часть обязательно называли пропить за упокой казацкой души. Братья в точности все исполняли. В округе уже знали: если они приезжали в село и выкатывали народу бочку горилки — значит, где-то пролилась братская кровь и разрыта очередная казацкая схованка...

После плавневых островов и каховских берегов я отправился в район днепровских порогов. И здесь я привычно внимал старожилам, охотно делившимся с гостем воспоминаниями о старине, записывал рассказы об удивительных находках. Или о том, что можно найти, если повнимательнее рассмотреть, глубже порыть.

— Чуть выше Ненасытца татары золотого коня на «каюке» большом перевозили. Уходили от погони, торопились — «каюк» тот взял да и черпнул нашей днепровской водицы. В потоке все и сгнули. Много людишек порог тот погубил. И до татар, и после них, когда плоты по реке гоняли. А конь там на дне между камней так и остался. Мне так деды брехали, а я вам прибрехую...

Солнце быстро скатилось за балку. Сгустились сумерки, размыв очертания деревьев. Однако в хату идти не хотелось. Мы сидели в саду, жевали твердые груши и слушали рассказ старика о кладах и кладонскателях, искавших возле порогов счастья. Почти в каждом селе о них знали множество чудесных и занимательных историй. Бывший директор школы из левобережной

Васильевки-на-Днепре поведал нам о барже с яблоками, которая разбилась возле Ненасытца. Жители окрестных сел пришли на берег с корзинами и стали собирать «урожай». В правобережном Никольском-на-Днепре рассказывали, что километрах в трех от самого грозного днепровского порога находилась Войсковая балка. Там когда-то «на самой течее ручья» нашли множество червонцев. Поговаривали, что это были остатки запорожской скарбницы. В селе Орлянском вспомнили про «кладомана», который после войны изрыл всю балку Балчанскую в поисках казачьего скарба. В селе Волосском одна старушка, крестясь и озираясь по сторонам, рассказала о горшке с монетами, спрятанном под водой в одной из расщелин Змеиного острова.

У порогов часто теряли, однако нередко и находили. Между камнями, на отмелях, в кручах. Река требовала плату за прохождение порогов. Быстрая вода отбирала добро, она же часто и возвращала утерянное. В отличие от людей. На острове Майстровом перед Ненасытцем когда-то нашли целую амфору, полную византийских монет. Это мог быть клад, зарытый разбойниками, которые грабили проплывающий по реке люд или рыскали по берегам в поисках разбившихся в порогах судов. На острове Перуне в старину был погреб, в котором запорожцы, по свидетельству столетних дедов, зарыли целый «каюк» денег. Возле Перуна до сих пор можно встретить ныряльщиков, которые не только рыбу стреляют, но и лелеют надежду наткнуться под водой на золотой казацкий клад. Один из Пурисовых островков ниже Вольного порога назывался Сорокатысячным. Рассказывали, что там спрятано запорожцами сорок тысяч монет. А на соседнем островке того же Пурисового архипелага «от скалы двенадцать ступней» закопано двенадцать казацких пушек красной меди, набитых червонцами...

Вообще рассказы о казацких кладах полны самых неожиданных сюжетных ходов, «ужасных» подробностей, живописных деталей. «Деньги закопали и затоптали лошадьми, чтоб не осталось следа. А примета такая: как солнце восходит — встань на курган и

смотри на свою тень; заметь то место, где кончается голова, беги и копай. Сверху будет железное кольцо, тяни и вытянешь шкворень; копай глубже, затем — дужка и казан», — подобные истории (нередко за дармовое угощение они сочинялись на ходу) звучали в корчмах, на переправах, возле рыбацких костров. Среди кладонскателей бытовали рассказы о жеребцах, что ржали в могилах, где были похоронены запорожцы, волках, которые нападали на землекопов, пытавшихся добраться до казацких сокровищ, чабанах с *сопилками* (дудочками. — *Примеч. ред.*), указывающих дорогу к золоту, сопливых старичках (тому, кто из сострадания вытирал слюни, старик рассыпался драгоценностями), веселых сечевиках, восседающих на бочонках с деньгами, — каждому встречному казак предлагал водку или деньги, кто выбирал монеты, тот вместо него оставался сторожить клад.

«Подальше спрячешь, поближе найдешь», — советовали тем, кто собирался зарыть сокровища. Однако надежно спрятать клад часто не было проблемой для тех, кому взбрело в голову избавиться на время от накопленного богатства. Сложнее обстояло дело с запоминанием места. Чертили планы, составляли путанные описания, но нередко, чтобы не оставлять следов, наделись только на память. Рассказывали, как однажды дед, в молодости участвовавший в казацких походах и часто возвращавшийся домой с богатыми трофеями, повел внука к заветному месту в овраге и ни с того, ни с сего принялся стегать его ниже спины. Сек-сек дед и наконец спрашивает: «А за что тебе такая крутая березовая каша, знаешь?» — «Нет, не знаю», — хнычет внук. Старый казак вздохнул и взмахнул прутом. Плачет хлопец, слезами заливается — никак не поймет, за что выпала ему такая жестокая порка. Раз, другой высек его дед, а на третий внук наконец догадался о замысле родича. С помощью лозины тот вгонял в молодую память завещание о кладе.

И возле порогов, и на островах Великого Луга, и по берегам малых степных речек я слышал столько удивительных, волнуя-

щих воображение историй от местных «сведущих» людей, что всегда хотелось вернуться в эти очаровательные уголки. И еще раз послушать, и еще раз поискать. Нет, земля и вода в местах запорожских вольностей раскрыла далеко не все тайны, корнями уходящие в казацкую историю края. Ведь не зря же у запорожцев одна из речек Великого Луга называлась Скарбной (даже три Скарбных речки отмечены были на карте в районе нынешнего Никополя). Кроме устных преданий есть немало и письменных свидетельств о запорожских кладах. Французский инженер Боплан в своем знаменитом труде «Описание Украины» утверждал, что Войсковая Скарбница казаков находилась немного ниже устья речки Чертомлык на довольно большом острове, на котором казаки строили свои челны. Он будто бы окружен со всех сторон тысячами других островов, беспорядочно разбросанных по разлившейся реке. «Уверяют, — писал Боплан, — что казаки скрывают множество пушек в протоках Войсковой Скарбницы, но где именно, никто из поляков вам не укажет, ибо они в тех местах не бывают; от казаков же не могут выведать сей тайны, да из них немногие и знают о том. Они скрывают под водой не только пушки, отбиваемые у турков, но и деньги, которые берут только в случае необходимости. Каждый казак имеет на островах свой тайный уголок. Возвратясь с поисков над турками, они делят добычу и все, что они получают, скрывают под водой, исключая вещи, повреждаемые оною». А вот что о подводных и прочих запорожских тайниках можно прочитать у Николая Гоголя, сила воображения которого приподняла завесу над многими загадками казацкой истории: «Землянки, пещеры и тайники в днепровских утесах, часто под водою, на днепровских островах, в гуще степной травы, служили им укрытием для себя и награбленных богатств». Между прочим, в августе 1679 года, когда турки подступили к самой Сечи, казацкий ватаг Иван Сирко все сечевые ценности с Чертомлыка перевез на затерянный в плавнях остров Лебедиху. Там в тайных местах и было на время спрятано оружие, реликвии, драгоценности.

На следы запорожских кладов можно наткнуться и в других далеких от Запорожья краях. В станице Раздорской (Ростовская область) до сих пор можно найти стариков, которые выдают себя за потомков последнего кошевого Запорожской Сечи Петра Кальнишевского. Из рода в род тут передается легенда о существовании клада, который Калнышевский перед ссылкой на Соловки успел спрятать на где-то Дону. Клад этот якобы можно опознать по золотой медали с бриллиантами, полученной прославленным атаманом из рук самой императрицы за победу над турками.

Подземные пролазы

В плавневых селах до сих пор можно услышать рассказы о таинственных подземных ходах, которые выводили к днепровским кручам. Многие и сегодня уверены, что вырыты они были еще при запорожцах. Старик из одного приднепровского села рассказывал, например, про впадину в своем огороде: «Как орешь это место, то земля будто бухкотит; а весной в эту “росколюку” лед ползет, а вода аж ревет — и не видно, куда она выходит оттуда. Что оно такое, не можем разобрать. Не погреб ли это запорожский?»

Известны случаи, когда сечевики, убегая от врага, внезапно исчезали, будто сквозь землю проваливались. Вполне вероятно, что беглецы скрывались в хорошо замаскированных пещерах, из которых вели подземные ходы прямо в Сечь. Среди заросших травой рвов, траншей и валов на месте бывших казацких столиц находили обширные провалы. Детальных планов сечевых укреплений не сохранилось, однако можно предположить, что в этих местах под землей пролегали тайные ходы. В описании укреплений Чертомлыцкой Сечи есть, например, такие строки: «Да для ходу по воду сделано на Чертомлык и на Скарбную восемь форток (пролазов), и над теми

фортками бойница, а шириной де те фортки только одному человеку пройти с водой».

На правом берегу Днепра чуть ниже балки Червоной известно было урочище, которое местные жители называли Заломами («залом» на местном наречии означает «углубление»). В глинистых кручах урочища было много расщелин и пещер, через которые, по преданию, запорожцы попадали в подземные ходы. Вот как описывал эту местность один путешественник: «Место очень грандиозное, очень живописное и очень удобное для тех, кто желал бы скрыться в нем от кого-нибудь. Здесь есть такие расщелины, весьма искусно задрапированные самой природой, в которые легко проваливается не только мелкий скот, но даже и крупный...» В этом же районе неподалеку от села Покровского, где располагалась последняя казацкая столица, протекала речка Подпольная. А знаете, как назывался ее правый приток? Речка Западнянка! Слово *западня* в украинском языке означает, как известно, «провал».

Есть немало легенд о провалах, подземельях и тайных «подпольных» казацких ходах на острове Хортица. Все они расположены в возвышающейся над Днепром северной части острова. Утверждают, что подземные тоннели в отдельных местах представляли собой целые лабиринты (наподобие среднеазиатских кyarизов). Их узкие коридоры были пробиты как в глинистых породах, так и в гранитных образованиях. Для устройства подземных ходов казаки использовали естественные скальные разломы и трещины. Если они пролегли на поверхности, их сверху закрывали камнями и обсыпали землей. Существует даже совсем фантастическое предположение о том, что один из подземных ходов соединяет остров с материковым правым берегом Днепра.

Большинство казацких подземелий в разных местах представляли собой военные коммуникации, через которые можно было незаметно проникнуть в укрепленный лагерь, в случае его осады осуществлять снабжение боеприпасами, пищей, водой.

Через прорезы и ривчаки

Обычно плавневые протоки причудливо петляют в камышовых дебрях. Однако есть среди них удивительно прямые и ровные водные протяжения. Такое впечатление, что плавневая густянка между двумя озерами прорублена одним мощным сабельным ударом. Нередко кроны верб и осокорей, что растут по берегам, смыкаются над водой, превращая протоки в сумрачные тихие коридоры. Словно тени, быстро скользят по ним лодки. Рассказывают, что эти протоки искусственного происхождения. В свое время их вырыли казаки-лугари, чтобы быстро и незаметно для врага попасть из одного озера в другое. По этим прорытым каналам или прорубленным в камышах проходам передвигались не только легкие *каючки-однодеревки*, но и тяжелые грузовые лодки — «дубы», на которых казаки перевозили сечевое имущество в случае внезапного бегства из лагеря, устройства нового стана.

Как правило, искусственными каналами запорожцы «откапывались» от берега, таким образом защищая свой лагерь. Вот что, например, рассказывал старый днепровский лодочник одному путешественнику: «Отбивались они от царицы и сделали тут, от суши “прорез”, а в прорез направили воду из речек; тогда уже вода пошла сюда перед Сечью, а прежнее свое русло, за Сечью, оставила». А в архивном документе 1672 года, где описаны укрепления Чертомлыцкой Сечи, сказано: «Вокруг того города выкопанный ров 5 сажень глубины». В начале XVIII столетия запорожцы углубили ров со стороны степи, а весенние воды затопили его и соединили с протокой Подпольной и рекой Чертомлыком, вследствие чего Чертомлыцкая Сечь оказалась на острове.

Кстати, об искусственном происхождении некоторых водоемов свидетельствуют их названия. Участок реки Конской, например, назывался Прорезь, а рядом находилась протока Ривчак. Словом этим в украинском языке называют не очень глубо-

кий ров, канаву. В плавнях, кстати, можно было найти каналы и протоки, которые назывались рвами, с «добавкой» — Квашин, Соловьянов, Тюпин, Хватовщина... Множество было рукавов и проточек, именовавшихся Раскопанками. Местные жители утверждают, что все они специально «раскапывались» запорожцами. Некоторые даже рассказывали о подземных каналах, которые соединяли плавневые озера.

Переправа — переплава

Для запорожца не составляло труда в мгновение ока перебраться через любую водную преграду. *Переплавами* у лугарей назывались речушки и протоки, которые можно было преодолеть вплавь. Казаки были отличными пловцами, поэтому они легко (особенно, если рядом был верный конь) перемахивали днепровские разливы. В преданиях о казацких характерниках есть рассказы об удалцах, которые могли «перебираться через реки на суконных войлоках или рогожевых циновках». «Они на все способные были, — рассказывали в народе про смекалистых сечевиков, — могли и в речки «переливаться», могли так сделать, что и речка высохнет: только (казак. — *Примеч. ред.*) дойдет до нее, а она и высохнет».

Что ж, для изобретательного и умелого казака действительно ничего не стоило, скажем, связать из того же рогоза или тростника небольшой плотик, на который он клал седла и оружие, а сам вместе с лошадейю плыл рядом. Это называлось у казаков переправляться «на салах». Прибегали запорожцы и к такому оригинальному способу преодоления водного препятствия. В определенном месте плавневой речушки казак заранее закреплял между двумя берегами веревку таким образом, чтобы она полностью находилась в воде. Когда за лугарем гнался неприятель, он нырял в реку, хватался за веревку и, перебирая по ней руками, быстро «вытягивал» себя на другой берег.

На Днепре с древних времен были известны такие переправы, как Таволжанская, Кичкасская, Никитинская, Таванская и множество других, через которые переправлялись на лодках, паромах и плотах. На одном из рисунков французского художника Ж.-А. Мюнца изображена казацкая понтонная переправа. Это поставленные через всю ширину реки одна возле другой лодки, на которые настелены доски. Переправляясь через реку на суденышках различных конструкций, казаки нередко клали поперек них толстые жерди, к концам которых привязывали (пльвших по сторонам суденышка. — *Примеч. ред.*) лошадей (для равновесия по одинаковому числу с каждого края).

Особой тренировки и опыта требовала переправа через плавневые протоки с быстрым течением. О трудности преодоления этих протоков говорят такие их названия, как Быстрик, Скаженная (Бешеная. — *Примеч. ред.*), Ревун. Перво-наперво нужно было определить место брода. Как правило, переправляющийся казак начинал двигаться несколько под углом к течению, опираясь на шест или на копье. Во время переправы отряда ниже по течению выставлялся страховочный пост для перехвата оступившихся казаков. Первым переходил протоку наиболее опытный и сильный сечевик, за ним двигались все остальные. Иногда они для страховки держались за связанные пояса, которые закреплял на берегу первый казак.

Через наиболее быстрые водные протяжения переправлялись парами и шеренгой. Два или три—пять человек, крепко обнявшись за плечи, медленно продвигались против течения. В тот момент, когда один делал шаг, другой его поддерживал. При переправе «крутом» переправляющиеся образовывали круг и передвигались вращением против часовой стрелки. О том, как запорожцы переправлялись через степные реки, видно из «мемориала» казацкого похода к Очаковской стороне в 1769 году. За неделю большой казацкий отряд переправился через речки Синюху, Кодым, Чачиклею, Тилигулу, Дальник, а также перешел вброд Буг.

Болотистые заблуды

...Враг буквально наступал на пятки, однако запорожцы не торопились уйти от погони. Вот казачьий отряд не спеша переправился через гряды и скрылся в зеленой плавневой чаще. По едва подрагивающим метелкам тростника можно было определить продвижение лугарей. Неприятельская конница кинулась за ними, и внезапно увязла в болоте. Вонючая грязь стала засасывать всадников, и когда те выбрались на сухое место, казаков и след простыл.

Гнилая, Гнилуша, Гниляк, Прогной, Квашня — все это названия плавневых водоемов, в которых вода застаивалась и загнивала, превращая плесы и ерики в труднопроходимые болота. Лугарям хорошо были известны подобные «гнилые» места. Они часто располагались в весьма хаотическом беспорядке и нередко меняли свои очертания. Дело в том, что летом болотами, случалось, становились обычные озера. У казаков даже существовал специальный термин для обозначения болотистого высохшего водоема. Его называли «полоем». Топкие же низинки, лужи и ямы, заполненные вонючей грязью, именовались «багном», «квашней», «калилом», «дряговвиной». В плавнях были известны озера Баглуй, Калило, Топчинка, Бугаев Полой, Рудые Полои, забитые летом черным липким месивом протоки Квашня, Разсоха, Поплавка. В этих болотистых плавневых «заблудах» без следа сгинули сотни врагов. Казаки же, зная характер дна «полоев», смело перебредали топкие водоемы. Нередко в непосредственной близости от врага запорожцы буквально ныряли в грязь, в которой спокойно пережидали опасность. Ни водяные блохи, ни пиявки, ни змеи не пугали их. А если вдруг лугарям и приходилось «являть» себя врагу, то после болотной купели они представляли перед неприятелем настоящими чертями. Это производило весьма устрашающий эффект. «Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпе-

чаталась пограничность земли..., бросавшегося с быстротою тигра из неприметных тайников своих или вылезавшего внезапно из реки или болота, обвешанного тиной и грязью, казавшегося страшилищем бегущему татарину» — эти гоголевские строки точно и ярко рисуют образ казака-камышника, не боявшегося «ни огня, ни меча, ни третьего (в-третьих. — *Примеч. ред.*) болота».

Вброд без хлопот

Среди врагов бытовали рассказы о лугарях, которые свободно передвигались по залитым водой плавням. Нередко лазутчики, прячась в чаще, с изумлением замечали казаков, которые, словно тени, бесшумно скользили по туманным озерам. Ничего не стоило сечевикам, вырвавшись из рук врага, по топям и болотам, через плесы и протоки пересечь плавни и добраться домой. Как все это удавалось казакам? Как они умели передвигаться по воде, аки посуху?

В народе говорят: «Не зная броду, не суйся в воду». Казаки хорошо знали водную систему Великого Луга, в особенности мелкие участки водоемов, которые можно было перебрести, преодолеть пешком. Даже широкие водные преграды имели переходы-броды, через которые мог перебраться не только всадник, но и пешеход. В древнегреческих источниках встречаются упоминания о том, что скифы перегоняли крупный рогатый скот через мелководный Керченский пролив, который назывался в античное время Боспор, то есть «бычий брод». Из летописей мы знаем, что броды существовали и на Днепре. Во время засухи река, например, мелела настолько, что «во многих местах через Днепр даже овцы переходили вброд». Самым знаменитым с древнейших времен был Протолчий брод. Из летописи известно, что русские князья, отправляясь в 1223 году на первую битву против татар, «сташа у реки Хортичь на броду у Протолче». Мно-

гие исследователи связывают Протолче с бродом через Днепр в районе острова Хортица, на котором располагалась первая казачья Сечь.

Запорожским следопытам известны были и тайные плавневые броды, которыми можно было пользоваться не только летом, но и во время паводков. Архара, Бандура, Паперушка, Прогной, Дедок, Сухой, Черный, Раскопанка — все это названия плавневых бродов, которыми пользовались казаки. Они прекрасно ориентировались в плавневом водном пространстве, точно знали, в какое время года и где можно пересечь тот или иной водоем. На это, кстати, могло указывать и его название. В плавнях, например, существовало несколько озер, которые в народе называли Близнецами. Дело в том, что, пересыхая летом, они делились на несколько мелких водоемчиков (нередко одинаковых по форме). Лугари запомнили проходы между ними. В дождливое время, когда плесы соединялись, озера приобретали свой прежний вид. Однако по цвету воды, приметам на противоположных берегах легко можно было определить направление и ширину бродов. В отдельных глубоких местах, впадинах и ямках опорой для ноги мог служить камень или коряга, заранее затопленные или врытые казаками. На Днепре и реках, что впадали в него, крупных озерах сечевики знали расположение песчаных кос, их конфигурацию. Например, коса Ребровый Рог была изогнута в форме рога, а коса Просеред доходила почти до середины Днепра. Как и бродами, казаки пользовались косами для стремительного, часто ошеломительного для врага броска через водную преграду. Со стороны же казалось, что лугари буквально летели над водой. Не о таком ли преодолении водной преграды идет речь в легенде о запорожском характернике Кравчине: «Как только окажется рядом Кравчина — там ляхам и хода нет... А если нужно речку перейти, то Кравчина пойдет вперед — и сухо станет. Так, было, сухими переходят запорожцы и Орить-реку...»

Счастье, когда ненастье

Преследуя врага или, наоборот, скрываясь от него в степных балках, плавневых дебрях, среди скал, казаку часто приходилось затаиваться, замирать, прятаться в естественных укрытиях. В совершенстве владея маскировочной техникой, он мог в мгновение превратиться в куст, бугор, корягу. «Казак в Запорогах, что пень при дороге», — говорили в народе, имея в виду и казацкое искусство маскировки. Сделал шаг запорожец по едва заметной плавневой тропке и тут же сгинул да пропал, будто в воду упал. Иногда действительно в воду. Вернее под воду. К небесам высоко, в реку — глубоко, а приходится вертеться, когда некуда деться. Казаку-следопыту и в степи, и в плавнях счастье — дождь да ненастье. Именно они легко скрывали его от чужих глаз. Во время ливня даже скачущий всадник будто растворялся в косых струях; кроме того, потоки воды быстро смывали следы (зимой снегопад заметал их). Сильный ветер заглушал шум и уносил прочь запахи, он трепал высокие степные травы, и запорожец, повторяя движение стеблей, подбирался незамеченным к самому стану противника. Туман резко ограничивал видимость, до неузнаваемости размывал очертания предметов, в его спасительной пелене казаку ничего не стоило, прикрывшись буркой, «стать» пнем, колодой или маленьким стожком. Вместо бурки он мог использовать шкуру убитого зверя, превращаясь при необходимости в тумане в волка, кабана, оленя. «В случае нужды запорожец, бывало, змеей подползет ко врагу, щукой-рыбой подплывет, налетит орлом, срежет подошвы у супостата», — восхищались военным искусством казаков очевидцы. Особое отношение у сечевиков было к оружию, которое они брали с собой в разведку. Как ни любил казак свою саблю или пистоль, как ни лелеял их, в рейдах по тылам врага, засадах старался, чтоб оружие было «темным, тусклым, если можно вороненым, чтоб глаз врага не играл на нем, чтоб оно блеском своим не манило издали ни стрелы, ни пули неприятельской».

Ночь для казака-зимовчака матка — выпишься гладко. Сечевик же часто ночью было не до сна. Кромешная тьма была лучшей для него маскировкой. Тренированный казак, как плавневый филин, в темноте нередко ориентировался лучше, чем днем. Между прочим, даже слабый свет резко снижает чувствительность ночного зрения. Зная об этом, казацкий следопыт, почти не таясь, чуть ли не во весь рост подходил к костру, возле которого располагались вражеские дозорные, дикие кочевники. Чтобы лучше видеть в темноте, запорожец во время ночной вылазки избегал даже смотреть на луну или делал это только одним глазом, плотно закрыв другой. Ни в степи, ни в плавнях на небо не взлетишь, в землю не уйдешь. Однако именно лунный свет, отбрасывая причудливые тени, между которыми легко было затаяться опытному разведчику, был для запорожцев первым и незаменимым ночным помощником. Недаром его (месяц. — *Примеч. ред.*) сечевики называли «казацким солнцем».

Погода на завтра

Одним днем жил запорожец, однако крепко сидел в уме завет предков: сей день не без завтрашнего. «Заглядывать в завтра» приходилось и по хозяйственной нужде — кто как ведает, тот так и обедает, и, планируя боевые операции, опытный командир всегда на два шага вперед думает. И в быту, и на поле брани прежде всего возникала каждодневная насущная необходимость предвидеть изменения погоды. Сильный ветер, например, помогал или, наоборот, мешал стрелкам из лука, его свежие порывы отгоняли комаров, охлаждали разгоряченные битвой тела. Перед затяжным ненастьем не стоило выходить в море, ставить сети, затевать поход. Окружающая природа, с которой запорожец сроднился, как со своей любимой трубкой-люлькой, о многом могла рассказать пытливым казацким следопытам. Восходило степное солнце, и заходило оно, и всегда на виду у сечевика, что с кургана

всматривался в необозримую ковыльную даль. Если светило подымалось при чистом небе и казалось меньше обычного, однако с отчетливыми краями, а его лучи были очень яркими (можно представить это дивное зрелище!), седлай коня и налегке отправляйся в дальний путь: погода не подведет — будет ясной, сухой. Закатный багровый диск летнего солнца, опускающегося в тучу, предупреждал казака, что ему следует поторопиться и поскорее найти укрытие от дождя. Закатилось солнце, засияла луна — первый в степи помощник и советчик казака. Недаром это ночное светило в народе называли «казацким солнцем». Если месяц — *молодык* родился и водой облился (ночью накрапывал дождь), то вскоре заждит надолго. Ожидай дождя и в том случае, если месяц висел так, что на нем «могло удержаться ведро». Кто на ветер сеет, тот и жить умеет — свой доверительный разговор у запорожца и со степным вольным ветром. Кружил, кружил он на ходу своем и возвращался на круги своя к древним курганам и сечевым куреням, предупреждая их обитателей. Верховой ветер — *москаль* в холодную ночь без росы предвещал ненастье. Западный ветер с польской стороны сечевики недаром называли *пласуном* — он тянул за собой дождь. Южный низовик, хоть и носил обидное прозвище *басурман*, однако был в чести у запорожцев, даруя им тепло. Существовали и другие степные приметы, по которым казак определял погоду. Утренняя обильная роса на травах — к сухой жаркой погоде. Над горизонтом — *окоемом* радуга после дождя долго стоит — к непогоде. Если угли в костре, разведенном сечевиком в укромной балочке, быстро покрывались пеплом — к ясной погоде, а если тлели ярко и долго — к ненастью. Крикнет дозорный с высокой могилы, и звук далеко разносится по притихшей степи, достигая соседнего кургана, — жди скорого ливня. Даже в походном строю, не отвлекаясь от мерного шага и не оглядываясь вокруг, казак безошибочно определял, что его ждет завтра. Слякоть и дождь предвещали отсыревшие ремни, хомуты, вожжи, влажный табак и соль, ослабевшие струны на кобзе-утешительнице.

От превратностей погоды казак зависел и в плавнях. Там у него свое «предзнаменование времени», свой погодный календарь, свои приметы, растения-барометры, наблюдательные метеорологические посты. Вдруг в тихую и ясную погоду упала ветка со старого осокоря — жди, лугарь, дождевой *мжички* (сырости. — *Примеч. ред.*). Цветы желтой кувшинки, которая покрывала плавневые озера, вдруг начинали сильно пахнуть и закрываться — ищи, казачок, скорее укрытие, прячься от надвигающейся непогоды. Громко и тревожно крикнул плавневый пугач — доставай зимовчак кожух, скоро похолодает. Казацкий ватаг часто посылал своего слугу, чтобы он послушал шум воды в днепровских камнях. Как сообщал один исследователь казацкого быта, «переливы» воды в порогах издревле «давали возможность местным жителям предугадывать перемену погоды». Особенно в этом поднаторели добытчики рыбы. «Булькает сом — жди дождя ведром», — наставлял, скажем, старый «корячник» безусого юнца. О перемене погоды плавневым рыбакам подсказывали также утки, лягушки, раки, цапли, пиявки и прочая живность, обитающая в воде и возле нее.

Где был — там нет, где шел — там след

Неделями приходилось казакам пропадать в бескрайней степи или рыскать в плавневой густянке, выслеживая врага и добывая пропитание. Как же запорожцы ориентировались среди дикой природы? Как «правили путь» через пущи и пустоши? Как находили обратную дорогу? Среди запорожских казаков весьма ценилась не только боевая, но и следопытская выучка, умение ориентироваться в безлюдной и «беспредметной» местности. По словам одного хрониста, «за знание степных мест казаки получали в награду полковничество или другое какое-либо старшинство». Определиться в незнакомой местности сечевнику помогала прежде всего сама дикая природа: солнце, ветер, речки,

курганы, звезды, травы, кусты, птицы, рыбы, звери. В одной старинной летописи говорится, что казаки «определяли на тех диких степях путь свой днем по солнцу да кряжах высоких земных и могилах, ночью же — по звездах и ветрах да речках».

Прежде всего возникала необходимость разобраться со сторонами света. Летом господствующим ветром в степи был «басурман», который дул с юго-запада, ранней весной с северо-востока часто налетал жестокий суховей. Послунявив и подняв над головой палец, сечевик легко и точно определял, откуда дует «москаль», «дончак», «бессерменский» или «ляшский» ветер. «Степным компасом» называли казаки латук или дикий салат. Если он рос на сухом или открытом, незатененном месте, то листья его на стебле обращены плоскостями на запад и восток, а ребрами — на север и юг. Казаки хорошо знали повадки маленьких насекомых, которые кормили их медом. Степные пчелы строят свои жилища из очень прочного материала. Их гнезда помещаются на камнях или на стенах, обращенных всегда к югу, и похожи на комки грязи, отброшенные колесами повозок или лошадиными копытами... В плавнях свои ориентиры. Кора деревьев, например, с севера темнее и грубее, чем с юга. В первой половине лета трава вокруг пней выше и сочнее с южной стороны. После половодья трава была наклонена в сторону проток, протекающих, как правило, в широтном направлении. И в плавнях, и по степным урочищам «в трупцах травяного леса своих пустырей» казаки никогда не терялись, ориентируясь по заранее сделанным «скрутям громаднейших трав и нарубкам на кустах». Пробираясь через плавневые заросли — *поломы*, все время запоминали путь, отмечая предметы, которые могли служить ориентирами: пень — *выворотень*, поваленное дерево, характерный изгиб ручья. Нередко забирались на высокий осоколь, чтобы обозреть окрестности.

В степи, «словно в сухом море не было ни дороги, ни тропы, ни следу». Зато была звездная карта над головой. Яркие созвездия Чепига, Квочка, Пасека, Шлуг, Волосожары, Воз спелыми

гроздьями висели над притихшей степью и не только очаровывали, завораживали степного скитальца, но и указывали, освещали дорогу, направляли осторожный шаг коня. Самым верным и надежным ночным ориентиром для казака был звездный Чумацкий Шлях, протянувшийся с юга на север (кстати, если летом Млечный Путь был полон звезд и светел — к хорошей погоде, тусклый — к ненастью). Был у казаков и настоящий компас. В *кухоль* (кувшин. — *Примеч. ред.*) с водой запорожец бросал маленький кусочек старого сала, в который втыкал обычную иголку, конец ее всегда показывал на север. Казак знал, когда какая птичка просыпается, когда какой цветок раскрывается. По ним часто и определял время. Чумаки нередко брали с собой в дорогу петуха, который «хотя и без курицы, при всяком месте был: он пением своим показывает им время по ночам».

Татары и ногайцы знали степь, «как собственную пазуху». Преследовать их было очень трудно. Скрываясь от погони, они все время разделялись на все меньшие и меньшие отряды, практикуя так называемые «разделения» и «разбеги». Причем делали это так искусно, что следы, «оставленные ими по степной траве, исчезали, точно круги от брошенного в воду камня». И все же казацким следопытам удавалось выследить коварного врага. Как сообщали очевидцы, сечевики прибегали к следующей разведывательной тактике. Двигаясь по степи табором, запорожцы высылали «во все четыре стороны по одному казаку для отыскания так называемой живой татарской сакмы (лошадиных следов) по траве». Где был человек в плавнях или степи — там его нет, а где шел — там след. Нет, например, огня — да огнище знать. Степное пожарище долго пахнет, да и по остаткам кострищ можно было догадаться, как давно и в каком количестве прошли кочевники. В выборе направления к лагерю неприятеля, кочевому стану дикого степняка надежными ориентирами служили остатки снаряжения и вьючных животных, погибших во время дальних переходов, полуобгрызенные кости, засохшая кровь, обрывки одежды на униженных шипами кустах шиповни-

ка, оброненные мелкие бытовые предметы. В дикой степи не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Однако часто случалось так, что степняк терял, а казачий следопыт находил. И отыскивал след, и определял тропу...

Птичий язык

Из ложбинки, что огибала курган, вдруг раздался скрипучий голос куропатки: «Скиржи-скиржи, скиржи-скиржи!» Казак остановил лошадь и прислушался. И снова малая птаха «заскиржикала». Запорожец облегченно вздохнул. Все правильно — как и предупреждали его, это подал сигнал затаившийся в балочке казачий разведывательный отряд. Он означал, что дальше до самого Днепра путь свободен. Всадник повернулся в сторону ложбинки и прокричал перепелкой: «Пить-пилить, пить—пилить!» Дал знать товарищам, что понял их.

Помните из гоголевского описания степи: «Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов». О ком речь? О самом многочисленном и голосистом отряде воробьиных. К нему принадлежат и вороны, и сойки, и ласточки, и соловьи, и дрозды. Всех их можно встретить в краях за днепровскими порогами, где обитали казаки. Они неплохо разбирались в птичьем степном хоре и, заранее договариваясь об условных сигналах, подражали голосам разных птиц, диких животных. «Как вдруг станет ему самому тоскливо в курене сидеть, он выйдет та как свиснет-свиснет, а тогда еще крикнет-крикнет — так по всей плавне эхо и пойдет, аж на Кучугурах и на Лысой горе слышно. То у него был такой знак для товарищей, что жили по Великому Лугу», — рассказывается в одной запорожской легенде о казачьих обычаях. То, что свисты и выкрики казаков имели четкое назначение и были не просто беспорядочным набором звуков, подтверждают некоторые исследователи быта сечевиков. Вот что, например, пишет Д. Яворницкий: «При постоянном сношении сичевых

козаков с козаками-зимовчаками между теми и другими выработались особого рода условные пароли, термины и приемы. Сичевые козаки, приезжавшие в зимовник, не слезая с коней, должны были прежде всего три раза прокричать: «Пугу! пугу! пугу!». Хозяин, услышав крик, отвечал приехавшим два раза: «Пугу! пугу!» «Пугачом» на Украине называют филина. «Во время запорожских порядков много водилось пугачей: были они по всем оврагам, было их множество по скалам на Днепре, а еще больше — на Великом Лугу», — вспоминали старики из приднепровских селений. Среди них бытовал и такой рассказ о казацких шутках-играх. Один сечевик по прозвищу Зозуля залезал на дуб и оттуда подавал сигналы: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!..» Его товарищ прятался в траве и себе развлекался: «Под-подъем! Под-подъем! Под-подъем!» И немного погодя: «Ховал! Ховал! Ховал!» Вполне вероятно, что это было не только развлечение, а и своеобразная тренировка.

Достоверно известно, что с помощью птичьего языка казаки имели возможность общаться на расстоянии. Иногда на довольно значительном. Например, вечерний рев выпи во время свадебного сезона слышно чуть ли не за два километра. Характерное «ббуу-ббуу» выпь производит, окуная клюв в воду. Обладающему мощным басом казаку ничего не стоило воспроизвести этот рев, чтобы предупредить товарищей о нападении противника. Он мог делать это и просто голосом, приставив ладони рупором к губам, а мог воспользоваться рогом или таким инструментом, как «рева». Она представляла собой скрученную из коры коническую трубу. Толстый конец ее закреплялся какой-нибудь колючкой, а тонкий надрезался и чуть разлохмачивался. За характерный и громкий рев выпь в народе называют «бугаем», «гукалом». У многих других пернатых в краях, где обитали казаки, подобные народные меткие «говорящие» названия. Ворон — «кракун», удод — «дудило», голубь — «гуркотливец», горлица — «птукач», чирок — «трескунок», чайка — «кигитка», соловей — «травлюк». Как известно, казаки награждали друг друга весьма звучными необычными про-

звиздами. Вполне вероятно, что и птиц, чьи голоса они копировали, запорожцы называли по-своему, что впоследствии отразилось в народных названиях пернатых аборигенов степи и плавней. В одной народной украинской песне есть такие слова: «Ой, не путай, пугаченьку, в зеленому байраченьку...» Много в казацком краю было и других ночных птиц, обладающих характерными, громкими, пугающими голосами. Вот что сообщал, например, о находящейся на острове Хортица балке Генералке этнограф Яков Новицкий: «Вдали от поселений человека, окруженная неприступными скалами, балка эта всегда привлекала наше внимание силой ночных хищных птиц. Как только смеркнется, совы, неслышно перелетая с дерева на дерево, начинают свой неприятный крик, который так трудно передать... Не меньше тут и сычей, однако они избегают людей и перегукиваются вдали от них. «Глухие и монотонные ночные крики «пууу-гу, пуу-гу», которые издает филин, как и отрывистые звуки «ху-ху-ху-ху-хуу», принадлежащие серой сове-неясыти, равно как и воронье карканье или карканье коростелей пугали плавневых рыбаков и добытчиков зверя. Что уже говорить о незваных гостях, вражеских лазутчиках, непривычных к лесному бездорожью плавней степняках. Они нередко, услышав доносящийся из темной плавневой чащи, пронзительный вскрик незнакомой ночной птицы, грозное «рохканье» вепря-единца или волчий вой, оцепеневали в диком страхе. «Застигнутый в тущобах травяного леса своих пустырей в одиночку, запорожец, чтоб обмануть чутье врага, чтоб заставить его потерять концы поисков, сбить его со следу, «разметить» сметку его в разные стороны, невидимкой подымет лай лисицей, завоет волком, закричит по-туриному, зашипит по-змеинному», — писал историк Г. Надхин в конце XIX века в статье «по случаю истекших ныне ста лет от падения Запорожского Коша» об умении запорожских следопытов специально издавать «пугающие» птичь и звериные звуки, усиливая и сгущая их влияющую на психику неискушенного человека колоритную «свирепость» и мистическую окраску.

IX. ИДУ НА ДОБЫЧУ

На ловца и зверь...

О звериных богатствах плавневого Великого Луга и Дикого Поля рассказывали много чудес. «Тут тех зверей, тут тех птиц так видимо-невидимо было: так пешком по степи и ходят», — вспоминал один переселенец. Другой замечал: «А зверей? А птиц? Волки, лисицы, барсуки, дикие козы, *чокалки* (шакалы. — *Примеч. ред.*) («тот же волк, только злее волка»), виднихи (выдры) — так один за другим и бежат, так и пластают по степи... И какая ж сила той птицы была? Как поднимется с земли — солнце застелит; а как сядет на дерево — веток не видно: один ком висит, а как спустится на землю, то земля, точно пол в хате, так и зачернеет». По одной из версий, название расположенной на казацких землях слободы Половицы (нынешний город Днепрпетровск) происходит «от половье, в смысле улова или полеванья, так как в лесах, принадлежавших слободе, ловили зверей». Не удивительно поэтому, что и в степи, и в плавнях запорожец был искусным и удачливым добытчиком мелкого и крупного зверя. Недаром в одной исторической хронике о запорожских казаках сказано, что они обитали «ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями». В другом исследовании, написанном позже, о запорожцах можно прочитать: «Чтобы войско могло стоять в этой пустыне кошем, отряды его должны были заниматься охотой и рыболовством».

От животных казак защищался, их же он выслеживал, поражал, обрабатывал и употреблял в пищу. Звероловство было для запорожцев насущным занятием, будничным ремеслом, и в то же время своеобразным спортом, тренировкой, разминкой перед ответственными военными операциями. Волков, например, соревнуясь в силе и смелости, сечевики просто-напросто «кия-

ми избивали, а из кожи сапоги да кожанки делали». Диких лошадей (их называли «тарпанами»), устраивая настоящие тренировочные скачки и состязаясь в ловкости, ловили арканами. Для поимки степных скакунов использовали и сети — *тенета*. «Ловящиеся всегда тенетами...», — сказано об этой охоте в одном старинном труде о казаках. Самые отчаянные запорожские звероловы ездили стрелять тарпанов в отдаленные степные урочища. От кабанов (а они были «пудов в десять, а то и больше весом»), как рассказывали очевидцы, иные храбрецы отбивались с помощью длинных кнутов. Утихомиривали грозных вепрей и с помощью таких средств: «Ездили с ружьями да саблями по плавням и все жгли камыши; так уже тогда немного напугали их, а то просто страшно и выйти». О грозных вепрях, что обитали в плавневых пущах, очевидцы рассказывали следующее. Разный зверь водился в плавневых дебрях. От иных чудищ и отбиться невозможно было. Даже заговоренные пули не помогали охотникам. Оставалось одно: спасаться бегством. Для этого тоже нужны были и ловкость, и смекалка, и опыт. Рассказывали, например, о толстых и длинных полозах, которые обкручивались вокруг людей и душили их. Опытные звероловы поучали новичков: «За людьми он катился колесом, а чтоб не догнал — нужно убежать против солнца: он тогда не видит». Вообще звероловство в диком краю часто сопряжено было с опасностями и лишениями. Как писал один автор, «для того, чтобы выследить зверя, особенно зимой, нужно было скитаться по безмерным степям, залегать по глубоким балкам, заглядывать в темные овраги, отыскивать норы зверей, копать ямы, расставлять сети, капканы и иногда в погоне за зверем по целым дням зимой терпеть голод и холод, летом испытывать зной и жажду». Все это закаляло запорожцев, укрепляло их характер, вырабатывало необходимые для пограничного воина умения выслеживать врага и скрываться от него.

К звероловству в плавневых дебрях и дикой степи были причастны почти все, однако не на каждого ловца «бежал» зверь. Среди запорожцев ходили легенды про охотников, которым не

было равных среди других народов по обе стороны Днепра: «Джереливский сам ковал ружья и умел заговаривать их. Большой охотник был, он и не боялся ни тучи, ни грозы; ему дикий жеребец ухо откусил и, если бы не влез на дерево, то и носа не было бы! Капканами ловил любого зверя, а то раз, как налезло десятка полтора волков в капканы, — взяли и затащили их в Днепр».

Разными способами казаки добывали зверя. Сурков и сусликов выкуривали из нор дымом или выливали водой, на них также ставили «норные» петли, «тропными» петлями (их могли делать даже из лыка) ловили зайцев, косуль. Казацким следопытам хорошо были известны плавневые и звериные тропы. На них чаще всего они и «настораживали» капканы, силки и другие самоловные орудия. Перед установкой этих ловушек заядлые курильщики (а трубочкой-носогрейкой среди казаков баловались многие) тщательно мыли руки, натирали их полынью. Самыми добычливыми в плавневой чаще считались самострельные ловчие снаряды: настороженные, готовые к выстрелу луки, согнутые в дугу деревья с закрепленными на конце деревянными или металлическими «клыками», что протыкают жертву при распрямлении. Широко применялись различные западни, чаще всего ловчие ямы. В некоторых местах они «настораживались» на тайных тропах, ведущих к зимовникам, казацким лагерям. Нередко в них попадал не только зверь, но и вражеские лазутчики.

Путешественников прошлого поражало обилие пернатых в казацком краю. Плавневый Великий Луг представлял собой настоящее птичье царство, в котором «правили бал» утки, гуси, лебеди, голуби, куропатки. Добыть дичь было гораздо легче, чем убить зверя. «Как пойдешь на охоту, то домой несешь, будто ведра на коромысле», — вспоминали старики о трофеях птицеводов. «Стрепетов сильцами ловили, *дрохв* (дрофа — «степной страус», крупная, плохо летающая птица. — *Примеч. ред.*) волоками таскали, а тетеревей, когда настанет гололедица, дрюками били», — рассказывали очевидцы о способах, какими казаки

добывали дичь. Нередко в полевых условиях ее готовили, обмазав глиной и присыпав углями костра. Иногда выпотрошенную тушку наполняли какой-нибудь крупой.

Среди запорожских ловчих были охотники, которые специализировались на добыче какого-нибудь одного вида. Так, в хрониках сообщается о казацких *лисичниках*. Так назывались казаки-звероловы, которые «с ружьями, собаками, сетками, капканами и железами» добывали лисиц. Охотой — *лисичничеством* запорожцы занимались ради лисьего меха, который составлял «предмет торговли, пошлины, подарков и одежды».

Дал Бог рыбу, даст и хлеб

Днепр и его плавневые протоки были главными кормильцами запорожских казаков. Для большинства из них рыбный промысел был жизненно важным ремеслом, а нередко и единственным средством к существованию. «Дал Бог рыбу, даст и хлеб», — говорили сечевики, подразумевая, что богатая рыбная добыча и накормит в досталь, и оденет, и обует. Запорожские казаки не говорили «ловить рыбу», а употребляли выражение типа «добываться», «идти на добычу». В одной казацкой думе на вопрос, «чем ты ясен, чем ты красен», Днепр якобы отвечает: «Ой, ясен я казаками, казаками й бурлаками, бурлаками й рыбалками. Они ж меня звеселяют, они ж с меня добыч мають».

Некоторые исследователи считают, что даже само слово «казак» произошло якобы от речной косы — наиболее удобного для рыбного промысла места. Во всяком случае, точно известно, что казаков-лугарей, которые рыбачили в плавнях на углых, наскоро смоленых челнах — *коряках* называли *корячниками*. Известный историк Н. Костомаров был, например, твердо убежден, что вольные рыболовные ватаги за днепровскими порогами, их рыбацкие станы — *уходы* явились предтечей казацких сечевых объединений. Острова Рыбальский, Крючок, озера

Харчове, Домаха (рыбацкий стан), Щучино, Сомовое, Карасеватое, Лямовое (от *лямы*, с помощью которой вытягивают сетку), Саковое, протоки Чопы, Осетровая, Раковка, Клокунка (дощечка, которой приманивают сома), селение Матня (мотня — ловчая часть рыболовной сети. — *Примеч. ред.*) — долгое время в плавнях Великого Луга сохранялись эти казацко-рыбацкие названия. В Самарском монастыре была найдена икона, на которой были изображены лес, озеро и вытекающая из него река. Казацкий иконописец изобразил на доске трех запорожцев: один стоит у моста и удит рыбу, другой притаился в камышах и целится в уток, а третий варит кашу. Что ж, боги покровительствовали сечевикам не только на поле брани. Боплан, например, прямо писал: «В мирное время охота и рыболовство были основными занятиями казаков».

Так или иначе, однако запорожским рыбакам на Днепре (казацкие рыбацкие промыслы также размещались на Буге, по берегам лиманов, на Азовском море) не было равных в умении добывать рыбу. Некоторые умельцы даже исхитрялись ловить рыбную живность голыми руками. Этот способ добычи рыбы у казаков назывался «лапавкой». Чтоб рыбу есть, надо в воду лезть. Тут уж ничего не поделаешь. Сухим из воды выбраться не удастся, если пошел на «мокрое» дело. Вот как это могло происходить. Один казак греб по тихому светлому озеру, другой всматривался в его глубину. Заметив стайку отъевшихся за лето золотистых *коропов* (карпов. — *Примеч. ред.*), которые дремали над ямкой, запорожец быстро скидывал одежду и бесшумно уходил в глубину. Разглядев самую здоровую рыбку, казак цепко хватал ее правой рукой за жабры, а левой — за хвост и выныривал к лодке. Напарник оглушал очнувшегося коропа колотушкой и прятал в мешок. А ныряльщик отправлялся за новой добычей. Если потревоженная стая уплывала, рыбаки быстро находили новую — рыбы в плавневых озерах в те времена было столько, что, по свидетельству некоторых, она, «сердешная», даже задыхалась от своего множества. В мелких плавневых озерах и болот-

цах ногами или палкой просто подымали ил со дна — рыба искала чистую воду на поверхности. В этот момент ее или хватали руками, или оглушали палкой. В летнюю жару полусонную рыбу казачки-ныряльщики «нащупывали» в камышах, береговых норах, под корягами. Кстати, исполосованному боевыми шрамами, закаленному казацкому воину ничего не стоило сунуть в рачью нору ступню. Раки цеплялись за пальцы, и таким образом ловец легко добывал их и мешок, и два. Между прочим, именно раки нередко были основной целью «ловчих» усилий казацких добытчиков подводной живности. Они знали в плавнях места, где раков было больше, чем песчинок на дне. Например, по воспоминанию старых людей, в «главной» плавневой реке Конке в казацкие времена ловилось «такое множество раков, как ни в каком другом притоке Днепра; в какой-нибудь час, и даже меньше того, два человека вытаскивают их целыми мешками; их тут хоть лопатой гребь».

Нередко в плавнях можно было видеть притаившегося над протокой казака с острогой в руках. Это могла быть просто палка с остро заточенным концом. Нередко его дополнительно расщепляли, чтоб получилось побольше острий. Часто в качестве остроги использовалось «штатное» оружие — копье или кинжал, который привязывался к древку. Намного эффективнее копья был трезубец, который мастерили, используя гвозди, которыми пришивали доски к бортам «чаек». Узкие плавневые протоки позволяли наносить удар как можно вертикальнее. В этом случае из-за преломления лучей света в воде вероятность промахнуться была меньше. Если днем не удавалось найти рыбу, то ночью при свете факела можно было бить рыбу острогой хоть с лодки, хоть с берега.

«У умелого и долото рыбу ловит», — говорили о казацких умельцах добывать рыбу живность. Для очутившегося в плавневых дебрях запорожца ничего не стоило поймать рыбешку, скажем, с помощью...сорочки. Лугарь выбирал молодое деревце, имеющее форму рогатки, и делал из него круглый каркас сачка.

А чтобы затянуть дно каркаса, к нему привязывали сорочку. Этим приспособлением черпали воду против течения вблизи камней в заводях. Добыть рыбешку в мелководных илистых озерцах можно было и с помощью простой старой корзины без дна. С «накрывачкой» (так называлось это орудие лова) в руках казак бродил по теплomu мелководью и внезапно «накрывал» участок илистого дна. После этого нашаривал внутри зарывшихся в ил карасей и линей. Большие бездонные корзины, которые назывались «мочилами», устанавливались в мелководных заливчиках и использовались как садки для живой рыбы. В плавнях было много ивовой лозы, из которой казаки, отдыхая от ратных дел, плели не только корзины, но и верши (рыболовная снасть. — *Примеч. ред.*).

В связи с содержанием живой рыбы в садках у казацких рыбаков существовали различные приметы. Считалось, например, что в определенные дни рыба не могла находиться в «замкнутой» воде. Вот что, скажем, рассказывал одному исследователю казацкого быта старый плавневый рыбоуд об обычаях запорожских рыбаков: «А возьми, хлопче, *каюк* та поедь повыкидай *яте-ря* (колья. — *Примеч. ред.*) из озер та из речек, потому что в страстную пятницу рыбу грех держать в запрудах». Что ж, действительно, хоть запорожец и был воином, гулякой, рубахой-парнем, однако в нем были сильны и прирожденная хозяйственная жилка, и мудрая рассудительность, и ощущение того, что он не временщик на этой земле, а полноправный и долговременный хозяин. Один старый днепровский рыбак, вспоминая свою молодость, прошедшую в плавнях казацкого Великого Луга, рассказывал: «Рыба какая была тогда, такая есть и теперь, только ее не осталось и сотой доли: вылавливают, не дают вырасти. В старину так не делали. Бывало, старые люди говорят: «Ловите, хлопцы, рыбу, но не переводите — грех!» Так, было, и поступаем. Наловили рыбы: ту, что побольше, берем, что поменьше, выбрасываем в воду — пусть растет».

Вообще ловля рыбы в плавнях с помощью различных ловушек была весьма эффективной, к тому же именно этот способ,

основанный на применении всевозможных хитрых «ловчих» устройств, был наиболее близок природе казака-следопыта, казака-зверолова, его постоянной готовности выследить, обмануть, застать врасплох, загнать врага и зверя. В низовьях Днепра, например, практиковалась ловля с помощью так называемых гардов. По описанию одного исследователя, гард был «устроен из двух перегородок наподобие лестниц, положенных боком одна против другой в воде между камнями и немного полурасстворенных, чтобы в них могла проходить без особого затруднения плывущая вверх рыба». Вверху устраивалась еще одна перегородка во всю ширину реки. Рыба скапливалась между перегородками, откуда ее вылавливали или вычерпывали. Перегородки обычно плелись из лозы или тростника. Обычно гарды принадлежали казацкой артели из 2—4 человек, между которыми выбирался ватаг — *гардовничий*.

Ловили запорожцы рыбу и подсаками — *хватками*, и неводами, и бреднями, и волокушами, и различного рода сетями. *Накидкой*, например, называлась сеть, сплетенная в виде круга. Когда ее кидали, она накрывала рыбу, при извлечении же из воды окружность стягивалась и рыба оказывалась в западне. *Регелей* именовали рыбацкую снасть в виде трехгранной пирамиды, обтянутую с боков сеткой. Про казацкие времена плавневые деды вспоминали: «Рыбы той столько, что как воткнешь регелю в Днепро, так аж ручка трещит, как назад потянешь». Для добычи белуг и осетров применялись самоловы. Они представляли собой веревки, к одному концу которых привязывались камни, а к другому — поплавки. К веревкам крепились поводки с крючками. Для мелюзги их жала были безопасны, крупным же рыбам почти не удавалось проскочить между веревками, не задев ни одного крючка.

Для добычи рыбной живности применялись и совсем уж необычные способы. Вполне вероятно, что лугари знали о «вредных» свойствах некоторых растений, яд которых способен был если не умертвить, то на время парализовать рыбу. В одном очер-

ке о рыбной ловле в районе днепровских порогов дед-рыбарь рассказывал автору (известному исследователю казацкого быта) следующее: «Это было за год до воли (т.е. за год до Манифеста об отмене крепостного права, в 1860 г. — *Примеч. ред.*) осенью. Пошли мы с Михайлом Вельским рыбачить в порог. А перед этим сделалось так тепло, что аж лед провалился около Вовниг; пришли мы и давай в отдушины ворхоту пускать и кукольванить рыбу». Я порылся в старых словарях и обнаружил, что выражение «кукольванить» означает «ловить рыбу, отравляя ее высушенными плодами кукольвана». Дialeктное словечко «ворхота», наверное, употреблено в значении ворох, пучок. А что же такое «кукольван»? Скорее всего, это одно из народных названий плевела опьяняющего (его еще называют «болиголов», «дурейкой»), известного своими наркотическими свойствами. Возможно, речь идет и о дреме белой (ее тоже в народе называют «куколем»), действующей как легкое снотворное.

Для добычи рыбы казаки привлекали и прирученных животных. Например, выдр. Вот что писал об этом Д.И. Яворницкий в «Истории запорожских казаков»: «Поймав маленькую выдру, запорожец приручал ее до того, что она, подобно кошке, ложилась у его ног и даже спала вместе с ним под одеждою, которою прикрывался казак: вырастив такую выдру, запорожец употреблял ее для рыбной ловли: она входила в воду, добывала там рыбу и возвращалась в ставку к своему хозяину, продолжая делать это несколько раз».

С полянки — по корешку, с куста — по ягодке...

«Когда куст расцветет, тогда и казак заживет», — говорили в народе об отчаянных запорожцах, которые устраивали засаду на врага в плавневых зеленых дебрях и глухих степных балках. Однако имелось в виду и умение казака разжиться съестными запа-

сами, добыть себе пропитание в диких садах и огородах, созданных природой. И голодно, и холодно, и домой далеко среди водного безбрежья плавней. Этой водой, конечно, сыт не будешь, однако то, что росло в воде, под водой и возле воды, уже, после определенной обработки, могло оказаться на столе и среди съестных запасов лугаря. Весной и летом на берегу Днепра такой-сякой бурьянец и хлеба буханец — и уже сыт закаленный, неприхотливый запорожец. «Казак не гордун, что оборвет, то и в *кавдун* (желудок)», — путешественников, которые встречались с запорожцами на степных перепутьях, удивляла их способность обходиться в еде тем, что росло и цвело вокруг. Запорожец в диком краю за порогами был следопытом, первопроходцем, воином, однако прежде всего, как и его далекий предок, он был собирателем — копателем корешков, добытчиком диких плодов.

«Захотелось казаку зеленого чесноку», — говорили в народе о желании запорожца встретиться с девушкой. Нередко об этом в условиях дикой природы он мог только мечтать. С чесноком же, который рос на плавневых полянках, проблем не было. Поэтому лугари часто шутили: «Лакомая еда — с чесноком лебеда». Что ж, для них молодая лебеда и дикий чеснок или лук были часто едва ли не повседневной весенней пищей. Весной употребляли в пищу заболонь. Эту находящуюся под корой ивы, клена, тополя нежную пленку варили, пока она не разбухла и не превращалась в однородную массу. После этого ее слегка остужали и ели. Кстати, в диких условиях под открытым небом употребление продуктов сомнительного качества было возможным лишь с острой приправой. Поэтому запорожцы которые знойным летом не имели возможности долго сохранять добытую рыбу или дичь, часто «заедали» их диким чесноком или луком (черемшой), а позже — перцем. Количеству перца, который обитатели запорожских степей (в том числе и кочевники) добавляли к разным блюдам, удивлялись даже иностранцы: «Местные люди, которые едят перец так же, как мы стручковый горошек,

так приправляют его, что запах мяса теряется». Перец лугарям заменяла щепотка измельченных листьев или семян гидропипера — водяного перца. А вместо горчицы они могли употреблять «пастушью сумку». И в поле, и в плавнях запорожцы знали много других съедобных растений. И крапива, и подорожник, и стрелолист, и чистяк, и спорыш, и рогоз, и ряска, и кубышка желтая — все шло в дело, всему находилось место в казацких кашах, все имело свой вкус и цвет в походных «варевах с зельем» (так еще называли жидкие юшки, заправленные дикими травами).

И по берегам Днепра, и в степных балках много дикой фруктовой и ягодной всячины, которая годится и сразу в рот и для заготовки «в год». Даже не обладающий нюхом и опытом Робинзон человек всегда найдет в степи и плавнях, чем «потешить» голодный желудок. Разные авторы сообщали о растущих в краях за порогами диких яблонях и грушах, сливах и вишнях, орехах и абрикосах, шелковице и ежевике. «Когда выгоняют коров в стадо на пастбище, то привязывают к их рогам кошелки; вечером вернутся и приносят полные кошелки ягод — сами так и падают», — рассказывали старые казаки-зимовчаки о ягодных богатствах края. Кстати, поговаривают, что название слободы Половицы, на месте которой был основан город Екатеринослав (нынешний Днепропетровск), произошло от клубники (по-украински «полуница»), «в обилии росшей здесь». Немало было по днепровским берегам вишен — «величиною в сливу». Один путешественник отмечал, что «ягода на вишнях такая вкусная, как и та, что растет в садах». Правда, здесь речь могла идти и о дикой черешне, которая тоже встречается на юге. Даже виноград попадался в плавневых дебрях. И сегодня его лозы можно встретить в плавнях. Обвивая сухие деревья, они нередко свисают над протоками, придавая им живописный «тропический» вид.

К ягодному богатству степных балок бывает трудно подобраться из-за оборонительных колючек и шипов многих ягодных кустарников. «Красно наряжено, да шипами усажено», —

говорят в народе по этому поводу. Однако наличие в плодах шиповника, боярышника, барбариса (а именно о них прежде всего речь) жизненно важных для человека веществ, сделало эти растения весьма популярными среди казацких добытчиков. Первенство тут несомненно принадлежит шиповнику. Из его плодов казацкие знахари готовили поливитаминные чаи, которые были хороши при упадке сил, способствовали повышению защитных сил организма. Почти круглый год у неприхотливого к почве, морозоустойчивого и теневыносливого боярышника поистине боярский наряд. И царские достоинства у плодов. Их использовали для приготовления напитков. Ягоды также высушивали, мололи и добавляли в муку... Терн — это своего рода дикая слива (одно из народных названий его «тернослив»). Из плодов терна готовили варенье, мармелад, пастилу, а также соки, сиропы, эссенции. Ни с чем несравним вкус любимых степняками вареников с терном.

Издавна в краях за порогами местные жители собирали дикie груши — *гнилички*. «Груш, бывало, как осыплется с веток, так бери грабли и собирай в кучи: так и лежат на солнце, пока не попекутся», — вспоминали о грушевых богатствах края старики. Между прочим, именно «попеченные» на солнце или чуть подгнившие во время хранения под соломой груши считались раньше в селах деликатесным лакомством, а также плодами весьма полезными для слабого желудка. За что и были прозваны «гниличками» (а еще — «дулями», «кукишами», «гливами»). Кстати, они были первыми витаминными плодами первобытного человека — их остатки найдены при раскопках верхнеэнеолитических стоянок. У диких груш есть одна интересная особенность: семена их лучше прорастают, пройдя через кишечный тракт человека или животного. «Гнилички» раньше мочили и сушили на зиму, из них варили компоты — *узвары*, добывали уксус, спирт, и даже «грушевую горчицу»... Среди «дикарей» для сборщиков раньше были весьма привлекательны яблоневые плоды. У даже поспевших диких яблок — *кислиц* специфический кисловатый

вкус. И только первые заморозки доводят плоды до готовности — они становятся почти сладкими. «Яблоко-кислица везде пригодится», — говорили в народе. Все эти плоды собирали и заготавливали запорожские казаки. «Осенью, когда как раз гады попрячутся в норы, ходим, бывало, по груши и кислицы. Вот, бывало, как разгребешь листья под деревом, так и наберешь мешок груш. Да еще не какие-нибудь — мягкие да вкусные...» — так было по плавневым днепровским берегам и двадцать, и сто, и двести, и, наверное, триста лет назад. Есть о чем вспомнить казацким потомкам, есть о чем поведать внукам...

Грибная пожива

В траве, под землей, в густом кустарнике, в ворохе листьев — везде казак-следопыт находил для себя спасительную поживу. Даже в глухую зимнюю пору голод не заставлял его грызть собственные кулаки. Пробираясь по плавневым дебрям, запорожец обращал внимание на стволы старых деревьев. Только там в это время года можно было найти снедь. И довольно лакомую. Трудно сказать, кто первый из лугарей решил положить на зуб эти маслянистые оранжевые грибки. Однако нет сомнения, что однажды отчаянный плавневый зверолов или неутомимый добытчик рыбы все же попробовал на вкус этот единственный съедобный зимний гриб. Его так и называют зимним опенком. Встречается он во время оттепели на старых отживших свой век вязах и кленах. Во время морозов гриб этот замерзает, а оттаяв, продолжает расти дальше. Зимой в плавнях можно встретить грибников, которые добывают опята даже из-под снега. Не мог не обратить запорожец внимания и на еще один популярный и ныне среди любителей тихой охоты древесный гриб. Речь идет о вешенке. Вполне возможно, что название «свиное ухо» этому грибу присвоили казацкие охотники за кабанями. Забираясь в плавневые дебри, они часто находили обросшие «многоэтаж-

ной» вешенкой пни. Нанизав на веревку, эти грибы можно сушить впрок (так, кстати, и ныне поступают сезонные обитатели плавневых островков). По крайней мере, для казака-зимовчака эта грибная заготовка была неплохим продуктовым подспорьем. Можно не сомневаться, что среди угощений, которые плавневый хуторянин выставлял перед гостями из Сечи, были не только свиные хрящики и ребрышки, но и блюда из «свиных ушей». Между прочим, вешенку в плавнях тоже можно встретить в глухую зимнюю пору. Годились в пищу и молоденькие трутовички. Из старых же трутовых «копыт» казаки заготавливали трут, с помощью которого добывали огонь.

Известно, что среди запорожских казаков было немало выходцев из северных лесных краев. А уж они умели разбираться в грибах, знали толк в грибной поживе. В плавневых лесах и степных балочках можно было встретить и весенние первенцы-сморчки, и шампиньоны, и сыроежки, и свинушки, и разные виды рядовок. Все эти грибы годятся в пищу даже в сыром виде. Вполне вероятно, что казак для навару и запаха вместе с сухой таранью мог покрошить в походное варево, скажем, в тот же кулеш, растущие рядом с костром какой-нибудь крепкий мясистый грибок, знакомую съедобную травку. После дождя на плавневых полянках появляются белые пупырчатые шарики дождевиков. Их мякоть плотна и упруга, не уступает по вкусу знаменитым белым грибам. После созревания гриб этот превращается в своеобразную «пылевую мину» — наступишь на него ногой и из-под ступни тотчас вспархивает буроватый дымок (за это гриб в народе прозвали «чертовым табаком»). По направлению полета легчайших спор дождевиков даже в самую тихую погоду казацкие следопыты определяли слабо заметное движение воздуха. Это давало им, например, возможность во время охоты подобраться к зверю с подветренной стороны. А запорожские знахари использовали дождевики для врачевания ран, прикладывая к порезам грибную «шкурку». В казацком быту находил применение и неприглядный вездесущий навозник. В народе его про-

звали «чернильным грибом». Можно допустить, что знаменитое письмо турецкому султану запорожцы писали чернилами, добытыми из старых навозников.

Не грех в пору и в чужую нору

В самых неожиданных местах умудрялся добывать запорожец пропитание. Голод — лютей зверь, и нет от него спасения ни самому зверю, ни птице, ни человеку. И так уж повелось, что в голодную пору друг у друга заимствуют съестные запасы и зверь, и птица, и человек. В условиях пограничья такое «заимствование» съестной (и не только!) добычи считалось обычным делом. Надо было только знать, где, что и как лежит. Казацкие следопыты знали. Обычным делом для них была добыча, скажем, дикого меда. В муравейниках они отыскивали заготовленных впрок гусениц и их личинки. Не терялись сечевики и в степи.

Известно, например, что некоторые зверушки (например, мыши или хомячки) набивают свои норы зерном про запас. Запорожцы, обшаривая балочки, находили такие норы и разрывали их — горсть зерна, добытая из-под земли, была для степного скитальца иногда подарком судьбы. Мыши, кстати, выручали многие народы. Традиционным блюдом у сибиряков, например, раньше были клубни сараны, которые заменяли и хлеб, и картофель. Некоторые охотники приспособились добывать этот питательный харч из запасов различных зверьков (в том числе и тех, кто обитал в подземных норах).

Наблюдая за направлением полета и поведением птиц, запорожцы легко вычисляли места их гнездования. В птичьих гнездах, которых было немало, и на днепровских обрывах, и в густом кустарнике степных балок, и на кронах плавневых деревьев, и в камышовых озерных дебрях сечевики находили семена и плоды растений. Весной в гнездах лугари добывали яйца и неоперившихся птенцов. Кстати, яйца водоплавающих (а их, как извест-

но, в плавнях было великое множество) были как для сечевиков, так и для казаков-зимовчаков наиболее удобным и безопасным видом «дикого» продукта. Их можно есть даже тогда, когда начал развиваться зародыш. Сваренные вкрутую, они могут сохраняться несколько дней и удобны в переноске.

При сильном голоде казаки не брезговали выкапывать из ям и нор недавно убитых зверей и птиц, которых загребали некоторые хищники. Например, «продуктовые заначки» волков в балках можно было определить по холмикам свежей земли.

ГЛОТОК ВОДЫ

В плавнях и по днепровским берегам воды — хоть залейся, только нагнул — и черпай пригорошней, сколько душе угодно. Не всегда, правда, в плавневых болотистых заблудах эта вода была пригодна для питья. Однако сметливых казацких следопытов это несколько не смущало. И не потому, что их крепкие желудки легко «справлялись» с сомнительной влагой. Для обезвреживания имеющей неприятный вкус и запах воды лугари пользовались, например, корневищами аира, который в народе называли «татарским зельем». Предполагается, что растение это попало в днепровские плавни через посредство татар. Казаки быстро смекнули, в чем польза от горько-жгучего, с приятным запахом «ирного (аирного) корня». Его бросали в расположенные поблизости от казацких поселений водоемы, и если растение приживалось, то вода считалась пригодной для питьевых нужд домашней скотины и людей. Кстати, высушенные корневища казацкие кашевары использовали в качестве пряностей, добавляя их в юшки и кулеши. В странствиях по безводным степным просторам и соленым морям нередко приходилось брать питьевую воду с собой. В баклажки, бурдюки и бочонки с водой тоже клали аирный корень. Для сохранности драгоценной влаги использовали и трофейные серебряные монеты.

«Блаженна вода, не мутяща ума». Речь о чистой, здоровой и прохладной влаге. Чтоб она такой сохранялась в походе на протяжении длительного времени, ее сберегали в специальных емкостях. Это могло быть деревянное ведро с двумя днищами. В отверстие в верхнем дне вставлялась воронка, через которую наливали воду. Пили ее через трубку из бузины или тростника. Вода в таком ведре меньше нагревалась, особенно если оно было чем-нибудь прикрыто. На Украине в некоторых местностях до сих пор август называют «барильником». В бочонках — *барильцах* в старину хранили воду. Казацкие умельцы выдалбливали их из липы и вставляли в кадки большего размера, которые размещались на борту судна. Пустоту между стенками заполняли *тырсой* (травя-ковыль. — *Примеч. ред.*), сухим мхом, камкой (этой травы много на побережье Азовского моря). Если вдруг во время шторма бочки с запасом питьевой воды разбивались, то запорожцы не предавались унынию. Они находили влагу в самых неожиданных местах. Скажем, утоляли жажду дождевой водичкой. Или выдавливали ее из... рыб. Да, существовал и такой способ добычи пресной жидкости.

И в засушливой степи, и на морском побережье казаки легко «угадывали» места, где можно было быстро, даже с помощью одного кинжала вырыть неглубокий колодец. В балках близость подземной воды определялась по зеленой траве, первому пару на заре, роению мошек и комаров после захода солнца. На азовских косах, куда, случалось, причаливали казацкие «чайки», запорожцы рыли совсем мелкие колодцы — *копанки*. Вполне пригодная для питья вода-верховка на косах образуется из пресной воды осадков, которая накапливается в толще ракушечника и не смешивается с морской водой.

У каждого народа свои «питьевые» традиции. Для украинца, например, нет лучшего наслаждения, чем «покуштувать» в жару холодного узвара — крепкого компота из разных видов фруктов. Именно такой напиток из ягод и фруктов — *дикарей* часто варили казаки в плавневых зимовниках. Любил во время

зная обитатель плавневой густянки побаловать себя «кислячком» — квашеным молоком. Еще лучше, по мнению и казака-гречкосея и удалыца-сечевика, утоляла жажду кислотоватая (молочная. — *Примеч. ред.*) сыворотка.

Обухом не ударишь, искры не увидишь

И в степной балочке, и на плавневых островках, и по берегам Днепра костер и согревал, и кормил казака. Для сметливого проворного лугаря не составляло труда добыть огонь в самых неблагоприятных условиях. «Та выкрещем огню, та запалим люльки», — поется в одной казацкой песне. Что ж, если возможно было быстро и даже как бы походя, между прочим «выкресать» огонь для маленькой курительной трубки, то для большого костра добыча искры была совсем уж делом пустяковым. «Из-за пояса вытянул кресало и губку, пропитанную порохом, и высек огонь. Зажженную губку сунул в ком сухой травы и стал ею махать, пока не загорелась». Это строки из одной «казацкой» повести. Что ж, примерно все так и происходило.

Огниво пряталось в широкие шелковые пояса, существовали для «кремней и особые сумки», которые подвешивались к крючкам, пришитым спереди к кожаным поясам.

Костровую искру запорожец мог добыть, нанося по камню твердой породы (скажем, куску гранита) соскальзывающие удары обратной стороной ножа, лезвием или обухом топора. «Обухом не ударишь, искры не увидишь», — говорили по этому поводу в народе. В качестве трута использовались древесная пыль со стволов, изъеденных насекомыми, измельченная сердцевина сухой бузины, сухой размолотый помет летучих мышей, мох, рогозовый пух, пережженная тряпица. Казацкие следопыты знали, как изготовить трут из семян чертополоха, грибов-трутовиков, растущих на гнилых плавневых пнях, губчатой сердцевины некоторых видов камыша, которого было много в плавнях, и

даже спутанных волос с тела. Вполне возможно, что казаки по методу своих «первобытных» предков пытались добыть огонь трением. На Украине, между прочим, до сих пор огонь, добытый во время купальских празднеств трением щепки о старое колесо, называют «живым». А карпатские гуцулы и сегодня, чтоб зажечь в горах ритуальную пастушью «живую ватру», быстро крутят обломок сухого дерева, в заостренный и расщепленный конец которого вправлен трут, между двумя вбитыми в землю кольями. Запорожцы кроме вращения палочки могли добывать «живой» огонь пилением, выпаживанием, сверлением.

Огоньку, что затеплился в середине трута, не по зубам толстые сучья и поленья. Чтоб окрепнуть, ему нужна пожива поменьше и «пожиже». Ему нужна «разжига». С нее, как правило, и начинался большой «обчеський» костер. И в степи, и в плавнях было много «зажигательных» растений. В качестве разжиги использовалась сухая трава, обломки тростника, прошлогодние сухие листья. Даже во время дождя находил казак сушняковую мелочь вербы-краснотала (шелюги) — ее палочки обычно трещат при ломке и легко воспламеняются.

Куча наспех набросанных дров и пламя над ними — в общем-то в обычной мирной обстановке этого было достаточно, чтобы и согреться и быстро приготовить какую-нибудь похлебку. Однако в разведке, дальнем походе, во время дождя или сильного ветра уже требовался особый тип костра, специфическое расположение дров. В зависимости от обстановки, погодных условий и наличия дров казаки использовали разные виды костров. Самым распространенным и удобным являлся тот, в котором дрова были сложены в виде колодца. Для лучшего освещения bivачного места дрова располагались в виде пирамиды или шалаша. Для обогрева был хорош костер, в котором при ветре пламя отражалось от какой-нибудь преграды. Это мог быть плоский камень, вывернутый корень или даже крупные поленья, прислоненные к наклонным кольям в виде стенки. Два положенных друг на друга сухих бревна горели ровно, долго и доста-

точно жарко — и отдохнешь, и выспишься у такого костра. Чтоб бревна не сваливались, по бокам втыкались колышки. Поступали еще и так. В бревнах вырубали желоба, по желобу нижнего бревна раскладывали горячие угли, а на них желобом вниз клали второе бревно. Какой-нибудь вербовый пень или осокоровый корч — *выворотень* (корневище. — *Примеч. ред.*), недостатка в которых в плавнях не было, всю ночь согревали целую ватагу лугарей. В разведке часто казаки жгли костры в ямах, вдоль стенок которых расставляли поленья. Такие костры были невидимы, их легко можно было разводить во время дождя. Чтобы защитить огонь от небесной влаги, а себя от холода, запорожец вставал над чахлым пламенем, прикрывая яму-костровище полами своего жупана или бурки...

Сало... против гнуса

Похлеще турка-басурмана или дикого кочевника был для казаков плавневый враг номер один. Речь идет о «крылатых шпильках запорожских омутов» — комарах и мошкаре, которые заедали до крови и пешего, и конного. Как же защищались запорожцы от этих насекомых? Скот, который пасся в плавнях, по словам одного очевидца, спасался от гнуса «только в воде или в дыму у раскладываемых пастухами костров». Что ж, и так поступали казаки-лугари. Однако в засаде, выслеживая неприятеля, костер не разведешь, в воде тоже не высидишь. Как быть? В этом случае дозорные не терялись, а смазывали лицо илом или глиной. Засохнув, они образовывали плотную, непреодолимую для жала насекомых корочку. Всегда в суме у казака был брусочек сала. Раньше у степняков существовал обычай: после пасхальной заутрени смазывать салом щеки, нос, губы. Это делалось для того, чтобы кожа не трескалась от ветра и солнца. Защищала жировая пленочка и от гнуса. Запорожцы, отправляясь в плавневые дебри, тоже не пренебрегали сальной смазкой. У каждого

сечевика имелся в запасе крутой табачок для люльки — *носогрейки*. Не всегда в дозоре удавалось раскурить ее, а вот натереть лицо табаком, смоченным в слюне, можно было в любую минуту. Не могли прокусить комары и казацкую сорочку, которую сечевики специально вываривали в рыбьем жире и высушивали на солнце. Чумаки с этой целью использовали деготь.

Особенно «доставал» гнус ночью во время сна. Один путешественник писал в своем дневнике, что народы, живущие в болотистых низменностях, спят в золе, чтобы спастись от укусов насекомых. Вполне возможно, что к такому способу прибегали и привыкшие к лишениям запорожские казаки. Чаще всего они, правда, использовали специально сшитый и растянутый на кольях войлочный полог. Его устройство у казаков подробно описал французский инженер Боплан, который в XVII веке состоял на польской службе и занимался строительством крепостей на границе Украины.

Х. ЗАСТОЛЬЕ

Нужен ли ужин?

Никто не знает, не ведает, чем и как казак в степи обедает. Иногда днями у него во рту ни былинки, ни маковой росинки не было. В народе по этому поводу говорили: «Казак живет обачно: раз в неделю обедает, да и то не смачно». Часто и завтрак, и обед совпадали с ужином. А где-то, спрятавшись от врага в пещере, ложились спать и совсем без ужина. Хочешь остаться живым, заройся поглубже в землю, голодай и себя спасай, судьбу не кляни и мысли мрачные от себя гони. «Варили вечерять?» — «Нет» — «Хлеб есть?» — «Нет» — «Значит, крестите пятки и ложитесь спать». Завтрак — завтра, обед — так-сяк, а ужин и вовсе не нужен. И такое нередко бывало в казацкой походной жизни. Меж-

ду прочим, в древности люди не придерживались каких-то определенных правил приема пищи, не утруждали себя соблюдением застольных этикетов. Где добыл зверя, там и трапеза, где наткнулся на дикий плод, там и обеденный стол. В Древнем Риме и Греции было обычным делом питаться один раз в сутки. Пища, как правило, принималась вечером, после дневного труда. Это была своего рода награда за проделанную работу. Днем, понятное дело, пили воду, соки, ели фрукты.

«Как есть хлеба край, так и под вербой рай», — говорили запорожцы. И действительно, зеленая травка под кустом, уютная полянка в плавневой чаще или плоская гранитная глыба на днепровском берегу были для казаков самыми удобными местами для трапез. В любое, кстати, время. Неплохо было и росистым утром на быструю руку позавтракать кусочком сала, лепешкой — *загребом* и горячим ягодным или фруктовым узваром, чтобы днем хватило сил и грести, и тяжелые сетки с рыбой вытягивать, и зверя преследовать. Любил казак, постлав под себя серячину, а под голову подложив кулачину, и полежать после обеда где-нибудь на живописном берегу, посасывая трубку. Обеденная («чем бог послал») трапеза во время знойного дня — передышка для тела и души. Почему казак тучный? Наелся, заснул, уже и не скучно. Это именно о послеобеденной сладкой дреме сказано. Ну а уж после захода солнца возле костра под густыми звездами ужин превращался в длинное оживленное застолье. Часто и на хуторах, и на временных рыбацких поселениях казаки обедали за столами — *сырнами* — маленькими низенькими столиками, за которыми сидели на земле. Сырнами случалось, называли и длинные столы в куренях, за которыми сечевики собирались на общую трапезу.

В самой Сечи, где бал правили порядок и дисциплина, прием пищи был, как правило, четко регламентирован. Утром садились «к горячему завтраку». Ровно в полдень ударом по котлу куренной повар извещал запорожцев об обеде. После захода солнца казацкое рыцарство ужинало. И обед, и ужин часто были

довольно скромными. Если казаки по случаю какого-то праздника или знаменательного события хотели потешить себя, скажем, гречневыми галушками с чесноком или мясом, то делали денежную «складку» и покупали необходимые продукты, которые передавали куренному повару.

Скучно казаку без хлебной крохи, еще грустнее, когда во время обеда не с кем и словом перекинуться. Без оживленной беседы, шутки, громкого тоста ни праздника, ни роста, ни полноценного ужина. «Хоть нечего есть, лишь бы было с кем есть», — шутили запорожцы. Употребление пищи нуждалось в соблюдении определенного ритуала. Скажем, прежде чем сесть за стол, казаки любили пососать люльки и обсудить важные дела. Об одном казацком ватаге рассказывали, как он, когда ему принесли кулич на Пасху, вместо того, чтобы разговляться, обратился к казакам: «Пусть, ребята, кулич постоит, а мы сперва «люльки потянем». Непосредственно перед приемом пищи казаки становились перед иконой в очередь один за другим, крестились и читали короткую молитву о хлебе насущном. Сечевики сидели на узких скамьях вдоль стола. Куренному же атаману оставляли место в красном углу под образами. После обеда или ужина запорожцы снова крестились на иконы и благодарили атамана и куренного повара: «Спасибо, братцы, что накормили казаков!»

Хочь с корыга, абы досыга

Для сообразительного лугаря приготовление пищи на огне и употребление ее не требовало каких-то особых приспособлений, орудий, емкостей. Один из трех скалистых островков неподалеку от северной оконечности острова Хортицы в народе называют Казацкой Миской. Дело в том, что посредине каменного валуна находится правильной округлой формы углубление. Поговаривают, что в этой ямке запорожцы варили галушки. На-

ливали туда воды и бросали раскаленные камни. Подобный способ для нагрева воды применяли жены казаков-зимовчаков. Только вместо камней они бросали в воду горячие ядра. «Во время стирки белья сельские женщины нагревают шар докрасна, а потом бросают его в подготовленный, наполненный водой чан, который здесь называют *шапльком*. Последний сразу же накрывают одеялом, чтобы пар не шел, а в нагретой таким образом воде выпаривают белье», — писал один исследователь казацкой старины.

Варили пищу сечевики и в другой примитивной посуде. Скажем, в сплетенных из лозы котелках, которые снаружи обмазывали глиной. Кипятили воду и в коробах-кастрюльках, наскоро «слепленных» из коры и надетых на рогульки. В этом случае пламя костра должно было касаться лишь поверхности, имеющей непосредственный контакт с водой. Вместо мисок в ход шли листья лопуха, куски коры. Нередко рыбу, куски мяса выкладывали просто на тростник. В походных условиях, во время рейдов в тылу врага не было времени вырезать или выжигать ковши, тарелки и прочую кухонную утварь. Использовали то, что было под рукой. Например, импровизированный туесок-ведро, в котором удобно хранить и переносить воду, изготавливали из короткого бревна. Его вымачивали в воде, после чего выбивали или выдавливали сердцевину так, чтобы остался цельный цилиндр, состоящий из первичной и вторичной коры. Дно закрывали деревянной пробкой. Если под рукой не было ножа, казаки не терялись и использовали заточенные кости, рога и зубы-клыки диких животных, обточенные раковины моллюсков. Те же раковины (скажем, озерных перловниц), вставленные в расщепленную на конце палочку, могли заменить ложку, а из веточки с заостренными двумя, а то и тремя концами выходила отличная вилка.

Большой рыбе глубокая вода, большому казацкому гурту — вместительная посуда для приготовления пищи. Здесь уже черепками и корзинами не обойдешься. Во многих источниках,

где речь идет о казацкой еде, упоминаются казаны. Большой частью они были медные («из красной меди»). Однако часто использовали и чугунные котлы, которые назывались «чугунами», «баныками». Где-нибудь в степной балочке казак готовил себе пищу в маленьком казанке, куренные же повара имели дело с огромными казанищами, которые «клекотали, будто котлы в аду». Один из авторов писал, что казацкие блюда готовились «в таких исполинских котлах, в которых можно было просто плавать по юшке или по борщу в маленьком човнике-душегубке».

«Теперь казак взялся варить обед. Вырубил между корчами над рекой три колышка и воткнул их в землю так, что верхом они сходились. К этому вершку между колышками привязал медный казанок...» Это строки из одного рассказа о быте казаков. Они действительно для приготовления пищи в плавнях или степи мастерили разнообразные устройства из камней и веток (чаще это были треноги). Случалось, во время дождя располагались под кошами и фургонами, где варили пищу на щепках из разбитых возов». В куренях же для куховарских нужд использовались печи, которые стояли в сенях. Над этими примитивными очагами торчал железный шкворень, на котором на железных крюках подвешивались огромные котлы.

«Войдя в курень, казаки находили кушанья уже налитыми в “ваганки”, или небольшие деревянные корыта...», — читаем мы у Д. Яворницкого. В связи с употреблением еды из общей посуды (а часто это действительно было что-то вроде корыта) сами сечевики шутили: «Нам хоть с корыта, лишь бы досыта». О корытах, из которых ели запорожцы, упоминает и их потомок дед Россолода: «Ели больше из корыт, так как мисок не любили: блошицами, говорят, воняют. Черепяной и стеклянной посуды тоже очень не любили. И как им с тем черепком и стеклом и возиться? Еще перебьешь! Посуда у них делалась больше из меди или из чугуна; котлы, кастрюльки — это их было, а горшки, кувшины и кухлики, — это уже или турецкое, или *городянского* (сделанное горожанами — *городовиками*. —

Примеч. ред.)». По свидетельству того же деда, в «черепяных» (то есть глиняных) горшках казаки чаще не пищу готовили, а «свою добычу прятали».

Деревянная посуда была довольно распространена в казацком быту. «Посуда была вся деревянная: и рюмки, и ковши — все из дерева», — сообщает один автор. В плавнях достаточно было разной прочности древесины, из которой легко можно было выстругать любую посуду. Чаще горячую пищу повара наливали или накладывали в «здоровенные, временами в сажень в обхвате деревянные мыски», по праздникам же случалось ели «из новых кленовых тарелок». Однако казакам известны были и железные миски. В описании имущества кошевого П. Кальнишевского значатся 12 медных мисок «с крышками и без крышек». «У меня так: хоть рак, но на тарелке», — «выставлялся» перед гостями зажиточный казак-зимовчак, среди кухонной посуды которого можно было встретить и тарелки, и миски, и сковороды. Некоторые блюда нуждались в особой посуде. Рыба, скажем, подавалась на железном «стябле» — «своеобразных ванганках, плоских, с небольшой шейкой для процеживания через нее юшки».

Хоть к корыту с тетерей, хоть к миске с борщом нужна и ложка. В основном у запорожцев были деревянные ложки, однако случались и «такие, как теперь у господ». Ложки часто выстругивались казаками на быструю руку из вербы и носились за голенищами сапог, почему и назывались «захалавными». С такой ложкой и к своему куренному столу, и к плавневой рыбацкой юшке, и к гуртовой полевой каше, и «на дурныка» (к чужому столу — «на дармовщину». — *Примеч. ред.*) — (будешь. — *Примеч. ред.*) к селу. Ложки также могли прятаться в особых поясных футлярах — *ложечниках*. Между ложками видны и половники — «огромные ложки на предлинных *тычках* (черенках, ручках. — *Примеч. ред.*)». Этими половниками кошевые и куренные повара размешивали и насыпали разнообразные блюда. Как пернач для полковника, а копьё для казака-воина, так и полов-

ник для повара был почетным знаком его «благородного состояния». Часто повара на тычки с половниками натягивали шапки и махали над собой, призывая сечевое рыцарство к обеду или ужину.

Хлеб хлебу брат

«Хлеб и соль, паны-молодцы!» — поздравлял гость казаков, переступив порог куреня. «Едим да свой, а ты возле порога стой!» — выкрикивали сечевики. «А я к вам со своей паляницей», — улыбался путник, вынимая из сумки буханку. Услышав эти слова, казаки сразу предлагали гостю почетное место возле казана с ароматной юшкой. Кто-то при этом непременно добавлял: «Казак казаку, а хлеб хлебу завсегда брат». Не тяжело вообразить подобную обеденную сценку на Сечи. «Где хлеб и вода, там уже нет голода, когда есть хлеба край, то и под вербой рай, и стол — престол», — говорили в народе. Хлеб да вода — казацкая еда. Этого часто было достаточно, чтобы продержаться, уйти от погони или, наоборот, настичь врага. Всего было достаточно у казаков: и воды, и верб, и неба, и земли, а вот хлеба часто не хватало. «Хлеба печеного у казаков не водилось», — рассказывал старый житель Великого Луга одному исследователю казацкого быта. Из уст другого рассказчика было записано такое: «Одного только и мало было у них, печеного хлеба; вместо хлеба отвечала тетеря».

«Его вернешь в плуг, а он в Луг», — говорили про упрямого свободолюбивого запорожца. Что ж, действительно казаки-сечевики не сеяли и не выращивали хлеб. «Казацким хлебом» называли военные трофеи, захваченные в походах. Однако совсем без хлеба не обходилось казацкое войско. Разными путями попадала на Сечь мука. Прежде всего от хуторов и мельниц натурой взималась «хозяйственная десятина», во-вторых, казаки ежегодно от разных правительств получали «мучное» жалование.

Часть его шла на выпекание хлеба. Конечно, то не были караван и паляницы. Вспомним по этому поводу гоголевского Тараса Бульбу, который обращался к своей жене: «Нам не надо пышек, медовых пряников и всяких там пундиков». Со временем, становясь хозяйственниками, сечевики и на хлебном поле стали проявлять такую же сметку и упорство, как и на поле брани. В народе, например, об этой перемене в образе жизни запорожцев говорили: «Как был кошевым Лантух, нечего было класть в лантух (мешок), а как стал Калныш, пошли и паляницы, и корж, и кныш». У казаков-зимовчаков даже мельницы появились. Вот что о них рассказывала одному собирателю казацкой старины старуха из приднепровского села неподалеку от нынешнего Днепропетровска: «Повыше стояли казацкие ветряные мельницы, и не такие, как теперь — немецкие, а меньшие, покрытые камышом. На Днестре — водяные мельницы на байдаках и, бывало, стучат день и ночь».

Когда речь идет о казацком хлебе, часто упоминают *малаи*. Так назывались небольших размеров пресные или издрожжевого теста кукурузные, гороховые или пшеничные хлебцы. Иногда малаем называли вообще плохо выпеченный («глывкый», говорят украинцы) хлеб. И в курене, и в бурдюге, и в походе на быструю руку можно было приготовить пресный хлебец в виде коржа. Это древнейший вид хлеба, который наши далекие славянские предки называли «пряжьмо», «опресноки». В разных местностях на Украине пресные коржи были известны как «липеники», «ляпуны», «пляцки», «плескачики», «палянички». Существовало немало видов коржей: «матротеники», «хомы», «горохляники» — коржи и коржики из размоченного и растолченного гороха, «сколотяник» — корж на «сколотине» (остатках от сбитого масла), «плескана» — корж из гречневой лемешки, «катлама» — хлебец, который жарили в бараньем жире. У запорожцев популярными были коржи — *загребы*. Что это такое? «Последний запорожский рассказчик» Никита Корж (его прозвали

так за то, что он однажды как круглый корж скатился с вершины кургана) вспоминал: «Кроме хлеба, который употребляли очень редко, они пекли коржи и называли их загебами, так как приготовленное тесто клали в натопленную печь и загебали золой или жаром». Как видим, даже казаками осознавалось различие между «хлебом», процесс выпекания которого из дрожжевого пшеничного теста был довольно продолжительным, и простыми «коржами», которые можно было быстро приготовить в походных условиях даже на раскаленном камне.

«Кухарка мудрой стала, когда хлеба не стало» — говорят в приднепровских селах. Бесхлебье в голодные (*тесные*) годы заставляло селян прибегать к опыту запорожцев, которые умели обходиться необходимым и довольствоваться простым и малым. Французский писатель Оноре де Бальзак, который в середине XIX столетия побывал на Украине, писал на родину: «Возможно, что не удастся Вас поблагодарить за ту услугу, когда Вы приедете на Украину, в этот рай земной, где я приметил уже 77 способов приготовления хлеба, что дает высокое представление о способностях населения комбинировать самые простые вещи». Это умение «комбинировать самые простые вещи» могло быть позаимствовано у находчивых и сметливых запорожских казаков. В первую очередь это касалось добычи муки из диких растений и хлебопечения.

В степи можно было найти множество злаковых растений. Для различных мучных смесей и добавок степняки собирали зерна куриного и сорного проса, перловника, ячменя дикого, колосняка, овсюга, толокнянки. Повсеместно казаки-зимовчак использовали, как добавку к муке, семена лебеды (за что она и получила название травы — *мучника*). «Как уродится лебеда, то уже не беда», — оптимистично замечали лутари. Они собирали, вымачивали, варили, высушивали и перемалывали на муку желуди. Муку в плавнях также добывали из высушенных корневищ тростника, рогоза, камыша, кувшинок. Случалось, что перебивались и мучной добавкой пыльцы от тычиночных соцветий.

тий рогоза, которые по весне стряхивали на старые жупаны. Измельчали на крупу и муку высушенные семена водяного ореха-чилима. В плавнях его было навалом. Плоды чилима для мучных и прочих потребностей добывали с помощью сшитого шерстью наружу куска овечьей шкуры, в которую помещали груз. Шкуру эту тягали по водоему, и к ней прилипали рогатые орешки. Осенью они опускались на дно. Зимой лугари долбили лед, опускали в проруби подсаки и таким образом намывали чилим...

Весной в тесто для лепешек в самых различных пропорциях резали и толкли зелень — крапиву, подорожник, луковые перья, щавель. Хлеб из такого зеленого замеса назывался зельником. Зимой в муку для хлеба-грушеника добавляли перетертые сухие груши, которых было много по плавневым урочищам.

На хлебной мякине казака не проведешь. «Он сухари сушит», — так нередко говорят о человеке, который собирается в странствие. Сушить сухари, собираясь в поход, часто приходилось и запорожским казакам. «А иногда толокна только, да сухарей толченых в сутки раз вкушали», — сообщалось в одной летописи о питании запорожцев. Сумка с сухарями для них — и пожива на каждый день, и драгоценный дорожный запас. «Лучше сухой хлеб с водой, чем калачи с бедой», — шутили запорожцы. Под «бедой» они понимали неволю, которая для них была хуже смерти. Сухарями часто приправляли горячие жидкие блюда, их могли просто грызть, запивая родниковой водой. «Потапцями» называли сухари, натертые чесноком, политые маслом и заправленные водой. Сухари — *суцики* готовили для длительного хранения. Запорожцы учились и у степняков, которые в походе везли «небольшой запас поджаренного на масле и подсушенного на огне в виде сухарей теста». Запас сухарей есть не просил, однако нуждался в уходе и определенных емкостях для хранения. И здесь есть чему поучиться у казаков. Вот что об этом писал Боплан: «Сухари они сохраняют в большой бочке длиной в десять стоп и шириной в четыре стопы, которую крепко привязывают к лодке; сухари вытягивают через втулку». В го-

лодное лихолетье или в длительном суровом походе запорожцы, случалось, довольствовались «толчеными сухарями, часто заплесневелыми, с зеленью, утешая себя поверьем, что от этого человек будет лучше плавать».

Самое первое блюдо

Как нельзя представить моря без воды, сада без деревьев, так для украинца нет обеденного стола без миски борща. Борщ — это гордость украинца, красота его стола и жилища, азарт, вдохновение и творческий полет мысли, душевная грусть и невысказанная любовь, розовая мечта и волнующее воспоминание, предмет для безоговорочного обожествления и вместе с тем вещь, которая утоляет вечную жажду самопознания и самоутверждение. Борщ — это великолепие и щедрость украинской природы, богатство и мудрость белобоких хаток, наслаждение и утеха их будней и праздников. Борщ — это символ надежной крыши над головой, родственного тепла, семейного согласия и покоя.

Едва научившись добывать огонь, наши далекие предки начали готовить горячую жидкую пищу, которая легко усваивалась. Сначала это были незатейливые похлебки — в походных условиях, на кочевых стоянках, тем более имея ограниченный запас продуктов, не было возможности колдовать над казанком, что висел над открытым костром. Запорожские казаки, которые много времени проводили в походах, были довольно неприятельны к юшкам, которые на скорую руку готовили на коротких стоянках. И лишь тогда, когда на пространствах Великого Луга появились зимовники с печами, а возле них огороды, казацкие кашевары стали больше внимания уделять приготовлению первых блюд. Особую изобретательность они проявляли, закладывая овощи и приправы в «варево с зельем» — так наши далекие предки называли жидкую пищу. Что только не кипело в казацких горшках и котелках! Часто приходилось бросать в варе-

во все, что росло на огороде, еще и добавлять дикое зелье. В старинной постной украинской кухне есть блюдо из свеклы, зеленой ботвы, лука и масла. Все это было «стянуто» в посудину, поэтому само блюдо называлось «волоком». Наверное, без особого преувеличения это название подходит и ко многим жидким блюдам, в которые «сволакивалось» все, что росло вокруг дома и что могли переварить крепкие желудки людей, которые много и тяжело работали. В «вареве с зельем» могло быть и такое растение, как борщевик, который в народе называют просто «борщом». В старину из него часто варили похлебки, заготавливая в сушеном виде на зиму. Отвары эти напоминали по вкусу куриные бульоны. Между прочим, у некоторых народов (в частности, у словаков, которые живут в Карпатах) «борщом» называют похлебку, для которой в голодную пору на огороде и в лесу удавалось нарвать и нарвать разных листьев и корешков. Что ж, и запорожские казаки, которые хорошо знали съедобные свойства диких растений, часто из-за недостатка продуктов заправляли свои похлебки всем, что попадалось под руку, чем были богаты плавни Великого Луга и степные балки.

Постепенно стала определяться борщевая рецептура, самые необходимые составные части. Среди них выделилась свекла, которую украинцы часто называют просто «борщом». Большинство исследователей считают, что возможность сохранять этот овощ на протяжении года, приятный вкус, а особенно яркий красный цвет свекольного варева и определили название известного далеко за пределами Украины первого блюда. На огородах казаков-зимовчаков хватало и свеклы, и капусты, и других овощных компонентов борща. На иных богатых хуторах его варили разве что не каждый день. Всяк на свежих вольных харчах был паном своему животу, поэтому наедались душистого варева вволю, от души — казацкое череве не дерево, раздастся.

На Украине существует не один десяток разновидностей борща. Человек хорош, когда на себя похож. Так и борщ. В каждой местности свои рецептура и приемы его приготовления.

Какие же борщи чаще всего готовили в низовьях Днепра, где были разбросаны казацкие хутора-зимовники? Жиденький борщик, в котором крупина за крупинкой гоняется с дрючиной, не мог вызвать восторга ни у хозяина, ни у гостей, ни конечно же у повара. «Жидким борщом со свищами лишь голову мыть» — шутили в народе. В настоящем, «от души» приготовленном борще ложка должна стоять прочно и прямо, как верстовой столб в степи. Поэтому борщ часто не наливают, а «насыпают». Как правило, к борщу варилась пшенная или гречневая каша. «Сыпь борщ, клади кашу — люблю, дети, мать вашу!» — выкрикивал удовлетворенно хозяин, садясь за стол. Кашу нередко сыпали прямо в борщ или, наоборот, ее заправляли борщом как подливкой. «Борщ без каши — вдовец, а каша без борща — вдова», — шутили зажиточные казаки.

Голод не свой брат, он всему научит казака. Скажем, как, порезав на куски бычью кожу, приготовить из нее борщ, как поймать и обработать дичь, чтобы получить питательную похлебку, как использовать для борщевого варева птичьего потроха. Нередко казаки варили борщ с рыбой, которой было много в днепровских плавнях. «Пусть идет дождь, наловим рыбы — будет борщ», — шутили лугари. «Борщ из сулы (судака. — *Примеч. ред.*) мудрый», — посмеивались завзятые борщевики, которые хлебали рыбное борщевое варево, забрасывая за уши длинные усы. Довольно питательным блюдом был постный борщ с фасолью. Фасоль вообще могли варить отдельно, а потом класть в почти готовое варево или даже поштучно добавлять в миски. Немало любителей борща с фасолью отдавали предпочтение холодному кушанью. По мнению знатоков, на юге в жару холодному борщу нет равных.

Специфика борщевого варева — в его кисло-сладком вкусе. К каким только добавкам не прибегали повара, чтобы «угадать» его. Сок свежих вишен, яблоки, зеленые абрикосы, терн, сыворожка, рассол, свекольный квас — все шло в дело, все имело свою борщевую пользу. Не бывает борща (впрочем, как и капустняка

и других первых блюд) без конечной заправки. Как для художника последний мазок, так для повара заправка, которая уже окончательно делает «варено с зельем» борщом. Как правило, заправку составляют сало, лук, чеснок, которые могут использовать в виде зажарки или «затолчки». Для затолченной заправки сало мелко секут вместе с чесноком и луком или специальным толкачиком растирают в деревянной плошке. Борщ также могут заправлять растертым пшеном или поджаренной мукой. Когда-то существовало поверье: если хозяйка мнет пшено и облизывает *макогон* (большой пест. — *Примеч. ред.*), то ее муж скоро облысеет. Старые казаки, заботясь о сохранности своей когда-то роскошной чуприны, внимательно следили за хозяйками, колдовавшими у печи.

Популярным среди плавневых жителей был зеленый борщ («зеленец»), который начинали готовить весной, когда появлялась первая зелень. Его еще называли щавелевым, так как щавель был главным компонентом весеннего борща — *зеленца*. Между прочим, на Украине растет до десяти видов дикого щавеля. Большинство из них были известны и казакам, и жителям приднепровских хуторов. Кроме щавеля в зеленый борщ крошили разнообразную огородную зелень, а также листочки молодой лебеды, крапивы, чистяка. «Мы выросли на зелах-лободах», — вздыхали старые казаки-зимовчаки, вспоминая борщи своей юности.

С борщом в казацком краю связано немало чудесных историй. Считалось, например, что особую активность русалки проявляли на Троицу. Если в это время лугарю вдруг взбредет в голову прогуляться по днепровскому берегу, то нужно обязательно прихватить с собой полынь. Русалка могла выскочить из воды и спросить: «Что мне мать варила?» Необходимо ответить: «Борщ и полынь». Водяница тогда ойкнет и исчезнет, словно ее и не было. Исследователю казацкой старины Дмитрию Яворницкому во время путешествия по казацким местам рассказывали об одном зажиточном казаке-зимовчаке, что жил в Капуловке ря-

дом с Чертомлыцкой Сечью. В народе поговаривали, что тому богатею деньги подкидывали черти. За это он угощал бесов борщом. «А люди того не и не видят, — рассказывал путешественнику один лодочник. — Наварят Грицьку казанище борща, ведер десять, или даже больше, и смотрят, как это он все поест. Им и невдомек, что вокруг Грицька три черта. Только нальют борщ в казан, а его уже и не стало: «Хап! хап! хап!» Так все и похапают. «А что, нахрекались борща?» — «Нахрекались!» — «Ну, тепер снова за работу!..»

Сало к душе пристало

Научила беда и запорожского воина, и казака-зимовчака, и селянина-гречкосея коржи с салом есть. Повсюду под небом Украины сало — ценнейший в традиционном народном питании продукт, немеркнувший символ благосостояния и богатства. Кому марципаны, кому «птичье молоко», а украинцам — сало. Один немецкий путешественник, который странствовал по казачьим землям, утверждал, что «украинцы любят сало, как медведи мед».

К пышным трапезам вельмож запорожские казаки относились иронически. Для них богатый и щедрый стол — это прежде всего простая, свежая и сытная пища. Нередко неприкаянный бродяга-лугарь вздыхал: «Если б я паном был, то сало ел, салом закусывал, на сале спал и салом укрывался». А о зажиточном казаке-зимовчаке завистники говорили: «Живет, как в сале». Шутки шутками, а сало действительно было для казаков и дома, и в походах ценнейшим продуктом. Рассказывали о казацком грудном чаде, которое надрывалось в колыбели: «Тату, люльку! Мама, сала!»

Говорят, что запорожцы стали употреблять сало, лишь бы подразнить басурман, которые свинину и на нюх не переносили. Это, конечно, шутка. Дикая свинья — своеобразный звери-

ный символ плавневых камышовых дебрей... Казацкие звероловы, как известно, часто охотились на вепрей: «Дикие кабаны были пудов по десять или более весу: насилу шесть мужиков на сани затащат», — писали свидетели. Случалось, что хуторяне ловили по степным балкам и (диких. — *Примеч. ред.*) поросят, которых откармливали для мясных и прочих нужд. Если есть в хозяйстве казака-зимовчака свинка, то будет и сало, и щетинка у их сечевых товарищей.

Первые поселенцы плавневого края за порогами были прежде всего рыбаками и охотниками. От их умения обработать добытое и из него создать необходимый пищевой запас зависела, без преувеличения, жизнь жителей плавневой густянки. Их «пищевая» изобретательность и хозяйственная сноровка передались и потомкам сечевиков. От свиньи, которую добывали казацкие охотники, ничего не оставалось. И потроха, и кишки, и кровь, и кости — все шло в дело, использовалось для пищевых (и иных. — *Примеч. ред.*) нужд. Но ценнейшим продуктом было сало. Лучшими емкостями для засаливания сала считались деревянные корыта — *ваганы*, хорошо пропаренные бочки-сальницы, глиняная посуда, мешки. Дно того же корыта или бочки, случалось, выкладывали вишневыми веточками, бруски сала пересыпали ржаной мукой, соломой, просеянной золой. «Есть сало, и нельзя достать, высоко висит», — это сказано о сале, которое сохранялось в полотняных мешках, подвешенных к потолку в курене.

Злые люди наслаждаются, заливая кому-то горячее сало «за шкуру». Так, скажем, (причем в самом прямом значении) делали заморские враги запорожцев. Добрые же, заботливые хозяева, к которым безусловно принадлежали и плавневые зимовчаки, находили жидкому горячему салу более полезное применение. Из сала они вытапливали смалец, без достаточного запаса которого зимой чувствовали себя как без рук. Жир вытапливали как из свежего сала, которое «сидело» на мясе под шкурой, так и из нутряного. «Глупое сало: как в печь, то молчит, как из печи, то кричит», — удивлялись люди. О сале, крещенном огнем, го-

ворят, что оно «шкварчит». Пережаренное сало, которое остается после вытапливания жира, называют «шкварками». Их драгоценный запас казаки сохраняли в смальце и использовали для разнообразных блюд. В южных регионах скотоводы таким образом «прячут» от знойного солнца куски мяса. По всей вероятности, казаки научились добывать смалец и сохранять в нем шкварки (а часто и поджаренные кусочки мяса диких свиней, коз) у своих степных соседей. Так или иначе, но будничное меню запорожцев трудно представить без сала, смальца, шкварок. На сале и с салом всякое казацкое блюдо (а нередко это была просто жиденькая юшка — *лободянка*) веселело, приобретало питательность и вкус.

«На закуску наложили сала», — читаем мы у И. Котляревского в «Енеиде». Что ж, сало действительно способно было без лишних хлопот скрасить казацкие завтраки и полдники, существенно дополнить постный обед, выручить в дороге. «Нет мяса — ешь сало!» — шутили сечевики. Сало, горбушка хлеба, перышко дикой луковицы были лакомой едой для тех, кому свободно дышалось в степи и плавнях. Старые *казарлюги*, которые любили после рюмки надеть сало на прут и испечь его в огне костра (а именно так часто приходилось готовить пищу плавневым жителям), утверждали, и небезосновательно: «Если уж есть сало, то так, чтобы по бороде текло». Что уже говорить о каше, кулеше, разнообразных похлебках, сдобренных салом, шкварками!

Злая судьба научила казаков и сало есть, и смехом перебиваться, когда его не было. «Живет, как в сале», — это сказано о зажиточном и веселом казаке-зимовчаке. «Как салом кто его помазал», — говорили о человеке, который вдруг повеселел. Свое дело и здесь действительно делало сало. Казаки часто салом в морских походах смазывали кожу, чтобы она не трескалась от солнца и соли. Сало кормило и одевало плавневое казачество. Жазиточные зимовчаки, которых в документах называли «промышленниками», скажем, поставляли продовольствие русско-

му войску. В 1773 году во время российско-турецкой войны из зимовников в действующую армию продавалось «вино, сало и другие продукты».

Для кого сало — лакомство, а для кого — продукт, вызывающий отвращение. Его, скажем, не любит потусторонняя нечисть. Казаки-характерники утверждали, что, когда на пути казацкого отряда вдруг в степи появится вихрь, то кто-то из братчиков должен крикнуть: «Куцый (куцый — черт. — *Примеч. ред.*), сала! Куцый, сала!» Бес, который сидит в вихре, испугается и убежит. Казаки поговаривали, что запорожцу, который прихватит на тот свет кусок сала, и в аду, где черти хвостами переплелись, не будет хуже, чем под солнцем на родных днепровских берегах. Правда, сечевнику, которому и под вербой с люлькой в зубах рай, который «роскошествовал» на хлебе, сале, диком луке и другой простой пище, можно было не торопиться в гости ни к чертям, ни к ангелам. Где вольно и просто, там живут лет по сто.

В степи и хрущ мясо

Неизвестно, когда впервые и как древний человек добыл зверя или птицу и отведал их мяса — однако нет сомнения, что еще с пещерных времен мясная пища вошла в рацион наших далеких предков. Технология обработки и хранения мяса, приготовление из него разнообразных блюд и их потребление зависели прежде всего от географических и климатических условий, способа хозяйствования, национальных привычек. Местность за днепровскими порогами была богата на зверя, птицу, рыбу — «вдоволь там всего было: и зверя прыскучего, и птицы летучей, и рыбы плавучей». Однако запорожские казаки не были исключительными мясоедами. Это отмечают многие авторы. Да, казаки занимались звероловством, но «сугубо для мехового промысла, а не для продовольствия». Мясные блюда запорожцы потребляли «иногда, хотя и не часто». Будничной поживой для

них все ж таки были зерновые растения. А те казаки, которые «хотели есть мясо или рыбу, покупали их за собственные деньги в складку».

Кто покупал, выменивал, а большинство добывало в плавнях или степи. Казаки конечно же не были вегетарианцами и знали вкус блюд из мяса как домашних животных, которых держали по хуторам зимовчаки, так и разнообразного дикого зверья. «А уже (если. — *Примеч. ред.*) есть — то ешь, что хочешь: есть и птица, есть и зверь степной», — вспоминал о богатстве Запорожского края один переселенец с севера. Можно даже отметить некоторое «гурманство» жителей казацких земель. Так, один из авторов писал, что «с мяса употребляют лишь филейную вырезку, остальное выбрасывают». Однако подобное отношение к мясной поживе все-таки было не характерно для казацкой суровой жизни, в которой было больше дней, чем колбас. Каким же мясным блюдам отдавали предпочтение казаки? Как и когда их употребляли?

Боплан встречал «в Диком Поле, возле порогов вдоль Днепра, животное, похожее на нашу козу, но с тонкой и гладкой шерстью». Речь идет о сайгаках, которые путешественник называет «сугаками». Удалось ему и отведать сайгачатины, о чем он сообщал: «Я пробовал мясо этих животных, оно такое же вкусное, как мясо косули». Нет сомнения, что мясо и косуль, и сайгаков пробовали и запорожцы. Далее Боплан пишет о диких лошадях: «Мясо их вкусное, нежнее телячьего, и, что касается меня, то оно не весьма приятное и пресное. Здешние люди, которые едят перец так же, как мы стручковый горошек, так приправляют его, что запах мяса теряется». Раньше в степях за порогами было немало диких коней-тарпанов. Из разных источников известно, что запорожцы ловили этих животных и по примеру соседей-татар употребляли в пищу конину. Степные кочевники с древних времен умели для своих насущных пищевых нужд заготавливать и использовать конину. Запорожские казаки, которые нередко жили в тех же условиях, что и степняки, учились у

кочевников довольно оригинальной технологии обработки мяса. Вот как, например, по словам Боплана, это делали татары: «В наиболее мясистом месте начинают резать мясо самыми большими кусками, толщиной один-два дюйма. Нарезанное мясо кладут коню под седло, очень сильно стягивают ремнями и садятся верхом. Ездят два-три часа, так как войско делает длинные переходы. Потом соскакивают на землю, снимают седло и переворачивают куски мяса; пальцами собирают с коня пену и кропят ею мясо, лишь бы оно не усохлось. Потом снова кладут седло и так же крепко его затягивают. Снова ездят два-три часа. Теперь, по их мнению, мясо готово, оно будто испечено. Вот как выглядит их любимое кушанье.

Что же касается других частей лошадиной туши, которые не годны для того, чтобы их резать на большие полосы, то татары варят их с солью, не собирая пены, так как считают, что вместе с накипью исчезает и вкус мяса». Кровь тоже шла в дело. Ее варили с мукой.

Ведя разговор о мясных кушаньях, которые запорожские казаки позаимствовали у соседей-кочевников, нельзя не упомянуть про *пастраму*, о которой речь идет в описаниях быта ногайцев и крымских татар. Что это такое? Дадим слово известному исследователю казачества А. Скальковському. Вот что он пишет в «Истории Новой Сечи...»: «Пастрама — важное изобретение жителей степи, особенно в XVI и XVII столетиях. Это кусок баранины, чаще всего верхняя часть ноги, высушенная или завяленная с солью. Она была похожа на балык, и казаки брали ее в дорогу в тороках. Когда отряд имел возможность для роскоши, то добывали муку, варили мамалыгу и клали туда для вкуса шмат пастрамы». Кстати, *пастремою* в старину на Украине называли кусок сала или мяса, которые клали в ловушку для приманивания зверя. Из бараньего желудка и кишок также готовили *рубцы* (гляги). Наиболее распространенным вариантом этого блюда были «хляки с пшеном». Вообще, суровая жизнь, которая не баловала рыцарей степи, приучила их использовать в

пищу все части туши добытого зверя. Ни капли крови не пропадало у находчивых степняков. Кулинарной сноровке у них могли поучиться и иные хлопотливые жены зимовчаков. Боплан, скажем, писал, что они во время обработки туши, «если имеют под рукой муку, то пальцами перемешивают ее с кровью, как это делается, когда изготавливают свиные колбасы. Потом эту смесь варят и жарят в казане и с большим аппетитом поедают». Кровь шла также для приготовления кровяной колбасы, которую на Украине называли «кровянкой», «крашанкой», «кишкой».

Немало по степным балкам и в приднепровских плавнях было всякой дичи. «Как пойдешь на охоту, то домой несешь ее словно на коромысле», — рассказывал один житель Великого Луга. Казаки нередко в полевых условиях готовили куропаток, фазанов, стрепетов, уток, обмазав их глиной и положив в золу под костер. Готовность кушанья определяли по потрескиванию глины. Иногда они потрошили тушку и наполняли ее какой-нибудь крупой (скажем, тем же пшеном). Часто и мясо обжаривали над углями. Куски мяса могли нанизывать на прутья или подвешивать на веревке над костром. К веревке крепилась деревянная лопаточка. Степной ветерок двигал ее, вместе с ней крутилось и мясо, равномерно обжариваясь со всех сторон. Кстати, обработанное огнем мясо лучше сохранялось во время похода.

Голодный живот и камень смелет. Нередко в дикой степи, где часто не столько было еды, сколько беды, дело шло не просто об утолении голода или жажды, а иногда о физическом выживании. И тогда казаки, которые, скажем, спасались от врага и не имели возможности добыть себе пищу, «потребляли оленье копыта, ели рога и старые кости диких зверей, которые валялись по степи». «В степи и хрущ мясо», — утверждали казаки. Шутили, конечно, однако часто им было не до шуток, когда заканчивалось продовольствие. Тогда действительно приходилось ловить и потреблять сурков, мышей, змей, гусениц, слизняков, тех же майских жуков-хрущей, ну, может, и не хрущей, а, скажем, саранчу. Во время ее появления в степи «в самый светлый

солнечный день не видно солнца, кажется, что оно запрягалось за толстые тучи». Часто, как сообщает Боплан, саранча сама «просилась» в рот: «Когда мы садились за стол, то и здесь эти насекомые не давали покоя: резал на тарелке ломоть мяса и перерезывал одновременно саранчу. Едва лишь рот раскрывал, чтобы занести туда еду, сразу же должен был выплевывать насекомого». Издавна разные народы именно саранчу использовали в пищу в жареном или печеном виде, отрывая голову и крылья. Еще, скажем, Геродот писал, что африканцы ловят саранчу, сушат ее на солнце и перед едой обливают молоком. По всей вероятности, и жители южной степи (как кочевые народы, так и запорожские казаки), случалось, включали саранчу в свое «голодное» меню. Не брезговали они и улитками, и слизнями, и червями, и цикадами, и муравьями. Умели и добыть их, и обработать соответствующим образом. Известно, например, что кузнечиков казацкие пустынноики высушивали и мололи на муку, из которой готовили каши, пекли хлеб. С помощью длинных жердей вытягивали на берег водоросли, в которых всегда находилась какая-нибудь спасительная «мясная» пожива. Комаров, от которых в плавнях не было спасения ни пешему, ни конному, казаки тоже использовали для пользы желудков. Тем более что их и ловить не нужно было — они сами набивались в казаны с юшкой. Наверное, среди веселых, ни при каких обстоятельствах не унывающих запорожцев находились шутники, что называли ее «гнусной». Даже зимой в стеблях и колючих головках репейника можно было набрать всяких козявок, годившихся в пищу...

Варили рыбу «на стябло»

Рыба в казацком питании была таким же обычным продуктом, как хлеб для гречкосея. Еще бы! Запорожец с бедой, как рыба с водой, — в жизни сечевиков было достаточно и беды, и воды, и рыбы. Один этнограф, который странствовал по берегам

Днепра, так писал о небольшой степной речке: «Чтобы поймать карасей, линей, раков, бабы, не раздумывая, брали рядна (холсты. — *Примеч. ред.*), запаски (передники. — *Примеч. ред.*) и налавливали столько, сколько не наловишь ныне неводом в Днепре». Это в степи. А что делалось в плавнях Великого Луга! Рыба там, как упоминал один старый рыбак, «несчастливая, даже задыхалась от собственного количества, а раков штанами ловили». Как видим, для запорожца или для жены казака-зимовчака не составляло труда добыть рыбу для собственного стола. Как же ее обрабатывали? В каком виде употребляли? Какие из нее блюда готовили казацкие повара?

Казаки, по свидетельству разных авторов, быстро и умело «разбирались» с большим количеством выловленной рыбы. Прежде всего ее сортировали, потом освобождали от чешуи, потрошили, вынимая жир, внутренности, икру, которые складывали отдельно. После этого тушки (в основном красной рыбы) на протяжении суток весной и нескольких часов летом вымачивали в воде и дальше «карбовали» — делали надрезы на боках. «Приготовленную таким образом белую рыбу, — сообщал один исследователь казацких промыслов, — солили каждую в отдельности, потом складывали в бочки, давали немного постоять так, дальше снова вынимали из кадок, «банили» в воде, нанизывали на бечевки и развешивали на солнце, специально выбирая для этого ясные дни и ветреную погоду».

Чтобы в рыбе не заводились черви и она не портилась при хранении, вымоченную после соления рыбу, случалось, раскладывали утром на росистой траве. Вообще много чему можно было поучиться у казацких заготовителей рыбы, которые знали немало оригинальных способов ее обработки и продолжительного хранения. Жизнь в условиях дикой природы научила всему. В том числе и тому, как бережливо, без отходов — до чешуинки и перышка обработать добытое. Все, что к губе голодной поры, будут есть и зубы. Даже рыбы внутренности. Скажем, соленый жир из красной рыбы «употребляли с хлебом, как сало». Добы-

вали жир и из других пород рыб. Их внутренности складывали в одну большую кадку и оставляли на несколько дней. После этого весь этот рыбный со специфическим запахом *гамуз* (смесь. — *Примеч. ред.*) вываливали в котел, заливали водой, варили и собирали жир, который всплывал на поверхность.

Важной заготовительной операцией считалась обработка икры («кавяра»). Этим занимались специалисты из числа рыбаков, так называемые «кавярники». Для собственного употребления заготавливали в основном икру осетра, севрюги, белуги, которую очищали от перепонки, перетирая сквозь проволочное сито и засаливая. Для продажи паюсную икру готовили таким образом: «Вынув из рыбы икру и даже не очистив ее, а лишь обсыпав солью, они набивали ее пластами в кадку вплоть до верха, и на верхний пласт клали тяжелый гнет; просолив так икру определенное время, вынимали отдельными пластами, «банили» в воде и вялили на солнце, пока она не становилась твердой».

Запорожцы умели заготавливать рыбу даже без соли. «За недостатком соли сохраняют рыбу в золе, засушивая ее в больших количествах», — сообщал Боплан. Речь здесь действительно может идти не о вяленой, а именно о сухой или сушеной рыбе. «На Украине (даже. — *Примеч. ред.*) сухая рыбка с шафраном — будешь жить с казаком, как с паном», — поется в одной народной песне. В низовье Днепра для повседневных пищевых нужд рыбу и вялили, и сушили. «Рыбка сухенька — похлебка вкусенька», — говорили в народе. Сушить можно было большую и маленькую рыбу, присоленную — и совсем без соли. Кстати, пресно-сушеная рыба сохраняется лучше, чем солено-сушеная, которая быстрее отсыревает. Влагу из рыбы удаляли в печах, разложив ее на сухих камышинах или на щепках. Сушеную рыбу было удобно брать с собой в дорогу. Казаки варили ее в походных условиях, предварительно потерев в ладонях. «Варите, хлопцы, чебака, та й помянем чумака (сушеная рыба была одним из основных товаров, привозимых чумаками. — *Примеч. ред.*)», — в этой народной песне, скорее всего, речь идет о сушеной рыбе (конкретно — леще).

И в походе, и дома у казаков в почете были разнообразные рыбные похлебки. В принципе для казацких поваров несложно было в любых условиях приготовить простую и питательную похлебку — *присол* — набросал в котел всяческого рыбного добра, которое удалось добыть, немного поварил, присолил, и похлебка готова. «Хотя и рыба потирушка, а хороша юшка», — шутили по этому поводу казаки. Однако не обходилось и без специфических казацких похлебок со своим неповторимым запахом и вкусом. Скажем, «щербой» у запорожцев называлась мучная болтушка, приготовленная на рыбном отваре. Позднее так стали называть крутую похлебку, свареную из разных пород рыб. Рыбу, которая давала навар для похлебки, как правило, употребляли отдельно. Осетры, карпы, сомы подавались на камышевых подстилках или же на «стябле». Так называли железный поднос с шейкой для процеживания похлебки; по другим сведениям, «стябло» представляло собой просто доску с выдолбленной серединой, чтобы не сбегала юшка. Один путешественник в своих путевых заметках пояснял, что «варить рыбу на “стябло” означало после варки большого количества рыбы складывать ее “на образ (т.е. в виде. — *Примеч. ред.*) клеток”, которые представляли собой квадратную кучу, вышиною по колено. Рыбу на подносах — *стябла*х подавали головой к атаману, который с головы и начинал трапезу. Иногда вареную рыбу могли поливать похлебкой, в которой толкли чеснок с солью. Такая приправа называлась «саламуром».

В походных условиях, во время вылазок в плавни за добычей, рыбу готовили очень просто. Небольшие тушки накалывали на ветви, которые наклонно втыкали в землю вокруг костра и поворачивали к костру то одним, то другим боком. Большую рыбину резали на куски, присаливали и жарили над костром наподобие мясного шашлыка. Кстати, рыба для казаков часто была тем же самым мясом. «Что сомина, что свинина», — утверждали знатоки. Рыбу нередко пекли прямо на камнях, которые нагревали, поместив в костер. Запекали рыбную добычу и в зем-

ле. Тушки завертывали в листья, скажем, лопуха и зарывали в землю так, чтобы пласт грунта над рыбой был не толще трех пальцев. Сверху разводили костер. Где-то через час рыба была готова. Вкусной выходила рыба, запеченная в глине. Рыбу натирали солью, завертывали в листья, обмазывали глиной и клали в золу. Когда глина начинала потрескивать, рыба считалась готовой. Часто рыбу запекали в глине, ничем не обертывая, — в этом случае ее пекли вместе с чешуей, которая снималась вместе с глиной.

Днепр и его притоки были постоянными и надежными казачьими кормильцами. Вот почему часто за рыбной трапезой казацкие атаманы провозглашали такой тост: «Братцы, не сердитесь на Днепр, чтобы он не сердился на нас!»

Всегда наши — кулеши и каши!

Первой среди первых и вторых кушаний была каша для казаков. Недаром поваров они называли «кашеварами». «И дурак кашу сварит, была бы крупа, криница и водица», — шутили казаки. Между прочим, запорожцы, хотя и не привередничали, черпая ложками из казанка любые варева, все же отличали кашу от кулеша или тюри. «Если кто против обычая запорожского не любит мамалыги или тетери — главных кушаний казачества и варит себе кашу, того зовут Кашею или Кашеваром», — рассказывал об обычаях сечевиков их бравый потомок Никита Корж.

Каша пришла к запорожцам, как и ко всем украинцам, из глубокой древности. Там, у древних ариев мы находим такое слово, как «карши» — борозда, пашня. Для нашего далекого предка прожить жизнь — это пройти с плугом через дикое поле, засеять его зерном, позаботиться, чтобы оно взошло, и собрать урожай. Это — главное. Дальше уже — будничная суета, обычные хозяйственные хлопоты. Зерно очищали в «круподержках»,

обрабатывали в домашних «крупорушках», толкли в ступах. Очищенное от чешуи и растолченное зерно превращалось в крупу. Вари воду — вода будет, сыпь крупу — каша будет.

Разных консистенций каши варили из пшеницы, ячменя, гречки, проса (пшена), овса, кукурузы, «сарацинского пшена» — риса. Любимым блюдом запорожских казаков была пшенная каша. «Лишь (было. — *Примеч. ред.*) бы пшено, а каша будет», — говорили они. Отправляясь в поход, запорожцы перетирали пшено с салом. Крупа тогда не намокала, и ее можно было употреблять даже сырой: промытое пшено обсыпали мукой и заливали водой. На привалах запорожские кашевары нередко, чтобы не тратить времени, готовили кашу старинным способом: замоченную крупу сыпали в полотняный мешочек, который погружали в горячую воду. Пшенную кашу варили с разными добавками: тыквой, фасолью, яблоками, сухими грушами и сливами. *Лободянской* называлась каша из молодой лебеды и пшена.

Мирных украинцев-домонтарей недаром называли «гречко-сеями». Гречку они сеяли, гречку в виде каши они и потребляли. Вкус гречневой каши из очищенной целой или измельченной крупы нравился всем, поэтому говорили, что гречку люди хвалят (в отличие, скажем, от овса, который вынужден «сам себя хвалить»). Случалось, поджаренную гречневую крупу брали с собой в дорогу. Если не было возможности ее варить, то употребляли сырой. И селяне из лесных и лесостепных «украин», и казаки-зимовчаки (их тоже часто называли «гречкосеями») исправно поставляли своим охранникам-сечевицам не только гречку, но и пшеницу, и просо, и ячмень.

Как из крупинок — каша, так из дней-зернышек состоит жизнь. Каша издавна была символом родственного круга, дружбы, соединения неприкаянных душ. Часто в степи возле вечерних костров за казанком с кашей казаки и чумаки вспоминали родной дом, товарищей, что погибли. Из глубокой древности пришел обычай «прощаться» кашей с умершими. Ритуальная каша была обязательным блюдом на поминальном столе и каза-

ка, и гречкося. Ее варили из ячневой или пшеничной крупы, заливая медовой сытой.

Своя символика и магическая роль у каши в праздниках и обрядах календарного цикла. Главное блюдо на постном рождественском столе — кутья. Ее готовили из хорошо высушенных, сбрызнутых водой и после этого освобожденных от чешуи зерен пшеницы или ячменя. На ночь зерно заливали водой, а утром варили. Заправляли кутью перетертым маком, измельченными орехами, изюмом, медом, сахарным сиропом. Зерно символизировало жизнь, которая пробуждалась после поворота солнца на лето, а мед — сладость будущего бытия на небесах. Существует поговорка: «Бежит, будто к каше». Казаки надеялись, что запах праздничной каши-кутьи услышат на том свете их товарищи и примчат к родному сечевому гурту в рождественскую ночь («встреча» с душами предков, родных и близких в ритуальные дни — рудимент языческих ритуалов, прочно вошедший в «народный календарь» славян. — *Примеч. ред.*).

С кашей у запорожцев связано немало днепровских названий. Как известно, казацкие лощманы нередко варили кашу прямо на плотках. Острый камень в одном порожищем месте они называли Казаны, вспоминая про казанок с кашей, который здесь потонул. Счастливым пройдя последний порог, казаки варили кашу на скалистом островке, который был у них известен как Кашеварница. Есть на Днестре скала с ямкой, похожей на ступу. О ней рассказывают такое. Как-то сошлись в поединке турок и запорожцев. Бились, бились — никак не может басурман одолеть казака. «Мало каши съел!» — закричали сечевики, которые наблюдали за поединком. Турки услышали это, выдолбили в скале ступу, натолкли пшена и наварили каши. Глотнул турок каши и рванулся к казаку. А тот стоит неподвижно и лишь отмахивается от неприятеля, как от назойливой мухи. Сечевики снова за свое: «Мало еще каши съел!» «Хапанул» турок еще каши, схватил казака и оторвал его от скалы. В тот же миг и лопнул супостат. Казаки посмеялись и пошли доедать свою кашу.

Полевой, степной, береговой кашей называли кулеш. Блюдо это было в особом почете у казаков. У каждого блюда своя «душа». Если, скажем, вареники для украинца — это уютный вишневый садик и домашнее торжественное застолье, то кулеш — это степные ветра, глубокие сочные травы, неудержимый зов дороги, казацкая воля. На народной картине изображены два запорожца, один из которых варит на тагане кулеш. Под казаком можно прочесть такую надпись: «Хотя я в степи веселюсь — одним кулешом опохмелюсь».

Из чего же и как готовят кулеш? Питательный, душистый, вкусный кулеш — это прежде всего хорошо, до «седьмой» воды промытое пшено. Его кладут в подсоленную кипящую воду в таком количестве, чтобы кулеш, когда его снимут из огня, имел плотность сметаны. Мало пшена, много воды — выйдет крупник — голоух, пересыплешь крупы — получишь крутую кашу, в которой и «палку не провернешь». К пшену добавляют порезанный картофель и варят, пока крупа полностью не разварится и не превратится на кашеобразную массу. Иные в кипящее варево кладут для запаха и вкуса мелко посеченное сало. В конце кулеш заправляют маслом, шкварками с луком, чесноком, посыпают зеленью петрушки, укропом. Не лишним для вкуса будет и яйцо, которое разбалтывают минут за пять до окончательной готовности варева. Вкуса и питательности кулешу прибавит и кусочек мяса, и рыбина. Запорожцы нередко крошили в кулеш сухую тарань (вид рыбы. — *Примеч. ред.*), которую брали с собой в поход. Как известно, картофель на Украине появился лишь в конце XVIII столетия. Что же вместо него бросали казаки в кулеш? По берегам многочисленных водоемов Большого Луга можно было встретить такое растение, как стрелолист. Издавна его клубни многими народами использовались в пищу как заменитель картофеля. В Северной Америке его даже называли «белым картофелем» индейцев. По всей вероятности, запорожские казаки тоже не пренебрегали этим даром плавневой природы, кроша клубни стрелолиста в кулеш и другие горячие блюда.

Кулеш с дымком — это кушанье косарей, рыбаков, чумаков, казаков и вообще странствующих людей. Где стал в чистом поле, там и стан... Где стан, там и кулеш. А где кулеш, там полноценный обед. Ведь степная каша — это и первое, и второе блюдо. «Злыванной кашей» или просто «злывухой» (от слова «сливать». — *Примеч. ред.*) называют жидкий кулеш, из которого можно слить похлебку. Это питательное варево (его иногда заправляли отдельно) ласкает тепленькой жидкостью желудок, прежде чем туда попадет густая смесь из каши и картошки.

Вечерами под налитыми загадочным серебристым светом гроздьями степных созвездий, неторопливо опустошая казанок с ароматным варевом, путники рассказывали, было, о «гадючьем кулеше». На посвист запорожца-характерника, который жил в одиночестве в степной балке, сползались разные гады. Он ловил их, варил, дважды сливал отвар, а в третий бросал пшено и картофель. Если съешь ложку такого кулеша, то станешь понимать язык всех степных гадов...

Мучные болтушки

И среди плавневых разливов, и в ветреной стылой степи не обойтись было суровому и закаленному запорожцу без горячего варева. Оно и сил прибавляло, и желудок тешило, и душу согревало. Особенностью казацкой походной и повседневной кухни было использование различных мучных болтушек. Брюхо не мешок, в запас не поешь. А вот торбочка с мучным припасом, который, как известно, и беды не чинит, и есть не просит, всегда была у казака под рукой хоть в родном сечевом курене, хоть в походном шатре, хоть в степной балочке.

Южные украинские степи называют «типчаковыми». *Типчак* (иначе — кострика, русское название «овсяница») был разве что не самой распространенной дикой степной злаковой культурой. Есть разные виды типчака. Известно, что зерна некото-

рых из них были первой поживой людей, которые странствовали по степными дорогам. Через некоторое время из типчака и подобных ему злаковых культур (скажем, овсюга) и появился «культурный» овес — один из основных продуктов питания наших далеких предков. От способа его обработки и возникло название популярного в народе блюда — овсяного толокна. Знакомо оно было и запорожским казакам. Овес некоторое время варили в горшке, потом высушивали в печи и толкли в домашней ступе до тех пор, пока от зерен не отставала чешуя, а зерно не превращалось в мелкую сечку. Из нее и готовили толокно. «Толокницею» называли толокно с водой или квасом. В одном из первых источников казацкого летописания «летописи самовидца» сообщается, что казаки «иногда толокна только да сухарей толченых в сутки раз вкушали». Что ж, беда часто вынуждала запорожцев толочь не только овес и сухари, а и любой корешок, ягоду или зерно, найденные в диком поле. Не было поживы, приходилось толочь воду в ступе — и то дело, и то утеха для голодного желудка... Из овса раньше также готовили кисель. Упоминание об этом блюде можно найти еще в летописях Киевской Руси. В отличие от толокна для овсяного теста здесь необходимо было закисание (отсюда и название блюда). Для приготовления киселя овсяные зерна подсушивали (почти поджаривали до красного цвета, чтобы уничтожить присущий овсу горьковатый вкус) и мололи, получая овсяную муку. Кое-где на Украине за овсяным киселем закрепилось второе название — «жур», «джур». Так часто называли и казацкого слугу-товарища, оруженосца. Нет сомнения, что дружба киселя — *джура* с казацким желудком была такой же крепкой, как и дружба казака с его верным боевым помощником — джурой.

Даже для казаков-сидней такое блюдо, как «кваша», считалось лакомством. Хотя готовилось просто. Брали две части ржаной и одну часть гречневой муки, а также небольшое количество солода. Все это смешивали, разводили кипятком до густоты жидкого теста и ставили на ночь в тепло для заквашивания. Та-

кое кисло-сладкое «молодое» тесто утром варили в горшке и употребляли на завтрак или ужин, а со временем и как третье обеденное блюдо. Квашой часто угощали гостей, шутя: «Пришел казак под окно, чтобы наша кваша была, как вино». Для седочубых казаков-зимовчаков, что жили в достатке при скоте и хлебе, не стыдно было предложить квашу и заморским гостям, что, случалось, заворачивали в казацкие земли. «Пусть же идет грек с винами, с пивом да в нашу квашу», — усмехались они, поглаживая длинные усы.

Простота приготовления и питательность такого мучного блюда, как *лемешка*, сделали ее популярной среди широких слоев населения. Знали ее вкус и казаки. Готовилась лемешка таким образом. В котелок или горшок с подсоленным кипятком сыпали подсушенную гречневую муку, тщательно перемешивая ее деревянной мутовкой (на три части воды брали около одной части муки). Некоторое время после этого загустевшая мучная колотуха «потела» в печи. Употребляли ее с маслом или молоком. «Лемешка хлебу перемешка», — шутили казаки (речь шла о холодной лемешке, которую брали с собой в дорогу — из нее изготавливали плоские коржи, которые поджаривали на масле). «Плесканой» называли коржи из лемешки (к ней добавляли растолченные и просеянные конопляные семена), которые складывали в горшок и запекали в печи.

Так же, как и «лемешку», готовили мамалыгу — только не из гречневой, а из кукурузной муки. Кстати, степняки часто называли мамалыгу «лемешкой» или «малаем». Встречалось и такое название, как «дед» — здесь и господство мамалыги над другими блюдами, и уважение к ней. На мамалыгу идет, как правило, мука мелкого помола, которую до того, как пускать в дело, следует еще подсушить и просеять сквозь сито. Поддела для повара — угадать точное количество воды. Оптимальное соотношение: одна часть муки — две-три части воды. Только закипела подсоленная вода, можно сыпать муку. До полного загустения, которое и определяет готовность блюда, мамалыга варится при

медленном кипении около получаса. И все это время ее нужно ловко и тщательно от середины до краев перемешивать, прижимая мутовку к стенкам посуды. «Не терши, не мявши не есть мамалыги», — говорят в народе. Как пестик — муку, так и мутовка в конце концов покажет мамалыгу. Она уже «заряжена» питательностью и вкусом, уже подает голос — дышит, («пухтит»), просится на волю в гурт едоков, которые расселись за столом... Однако еще немного терпения. Загустевшую мамалыгу ложкой, смоченной в воде, отрывают от стенок казанка, сбивают к середине и на некоторое время оставляют на огне, чтобы она пропеклась снизу. Готовность мамалыги определяют, втыкая «колотушку» в середину — потом быстро крутят ладонями, выдерживают и смотрят: если мамалыга не прилипла к деревянной палочке, то ее можно снимать из огня.

Казанок с готовой мамалыгой «отвешивают» — несколько раз хорошо встряхивают и выворачивают на стол. Чтобы мамалыга быстрее выскользнула из котелка, его дно можно накрыть мокрым полотенцем. По всем правилам приготовленная мамалыга должна высидеть посреди стола, как шапка Мономаха, — не разваливаться и сохранять форму казанка. Как правило, казанок переворачивают на чистое полотенце или специальный деревянный кружок с ручкой, к которой привязана нить. Этой нитью и режут мамалыгу на порции.

О мамалыге упоминают и некоторые исследователи казачьего быта. В частности, о ней мы узнаем из рассказа Коржа: «Они готовили малай, или мамалыгу, — тесто из пшена и кукурузы, которое ели без соли, но с соленым сыром...» По всей вероятности, запорожцы через соседей-молдаван уже в XVIII столетии (а возможно, и раньше) привыкли к новой культуре (кукурузе. — *Примеч. ред.*). Блюда из нее готовились и употреблялись так же, как и давно знакомые казакам лемешка с гречневой мукой и малай («казацкий хлеб») из пшеничной муки.

«Саламаха-затираха, затрем-поедим», — говорили в народе об этой жидкой мучной каше, которая принадлежала к попу-

лярным казацким блюдам. Упоминание о ней находим во многих источниках. В казацкой думе XVIII столетия, скажем, речь идет о «житней соломахе с туслуком (тузлук — острый соус. — *Примеч. ред.*)». В «летописи Грабянки» привлекают внимание такие строки о пище запорожцев: «За харч им служило обычное квашеное тесто, которое они варили жидко и называли соломахой».

Саламаха не нуждалась в особых хлопотах и кулинарной премудрости. Из гречневой, ржаной, пшенной или пшеничной муки (какая была под рукой) разбалтывали жидкое тесто, вливали в подсоленный кипяток и «заваривали». Готовую мучную «колотуху» заправляли маслом, смальцем, затирали чесноком. В дальнем походе любое горячее кушанье — и харч, и развлечение, и лекарство. Именно таким универсальным походным блюдом для казаков была саламаха. Вот что пишет о ней Боплан: «Также берут с собой пшеничную кашу и муку, размешанную на воде, которую они едят, смешав с пшеном; это для них и пожива, и напиток, она имеет горьковатый вкус и называется саламаха, то есть смачное кушанье. Я не нашел в нем особого вкуса, а если и потреблял в пути, то только потому, что ничего лучшего найти не мог». Издавна известно, что о вкусах не спорят. И то, что чужеземцу показалось невкусным, было для казаков лакомым блюдом. Тем более часто при отсутствии хлеба. Йоганн-Готлиб Георги, описывая быт казаков, отмечал, что печеный хлеб они заменяли «саламатой».

Татары называли «салмой» мелко крошеную или тертую в руках лапшу. От этого, наверное, и происходит казацкая мучная каша. Рыбаки в низовьях Днепра *саламахой* или *саламуrom* называют затертый салом или маслом чеснок (нередко с мукой) как заправку к борщу или соус к рыбе, в состав которого входят растертый чеснок, соль, перец, разбавленные рыбным отваром.

Блюдо, которое варили с крупой и мукой одновременно, называлось «тетерей». В казацком быту она была привычной, как будничная сорочка. Гетман Павел Тетеря будто бы получил

свое «пищевое» прозвище за то, что казаки не могли обойтись без него, как и без любимого блюда. Тетерю ели в походе, подавали на обед в сечевом курене, не стыдно было угостить этим блюдом и гостей. «Троянцам всем дали тетери», — писал И. Котляревский (в своей шуточной «Энеиде». — *Примеч. ред.*).

Вот рецепт приготовления тетери из одной старинной поваренной книги: «Взять гречневого теста, расколотить, как на блины. Промыть пшена столько же, как и муки, и сварить в горшке, посолив и положив масла. В конце все вместе нагреть, чтобы закипело». Тетеря могла заправляться также жидким ржаным тестом. Иногда вместо муки использовали гречневые или ржаные сухари, которые предварительно вымачивали в квасе. Похожее на кулеш варево заправляли салом с луком и чесноком, хреном с квасом, луковой зажаркой. За серо-желтый цвет кушанье это еще называли «рябком». Иногда тетерю делали с галушками — пшеничными или гречневыми.

Часто казаки готовили тетерю на мясной или рыбной юшке. «Уха рыбная с квасом, сарацинским пшеном и мукой, такую пищу называли они тетерей», — писал Й.-Г. Георги про это, одно из наиболее распространенных казацких блюд. Как видим, для тетери здесь мог использоваться и рис — «сарацинское пшено». А вот строки из книги Жана-Бенуа Шерера «Летопись Малороссии, или История казаков-запорожцев»: «Пища их была очень простая. Обед состоял из двух блюд. Первое называлось «саламаха», она напоминала кашу, приготовленную с мукой, водой и солью. Второе называлось «тетеря» и представляло собой смесь муки, крупы и проса. Оно было более жидким, чем саламаха, так как в него добавляли много слабенького пива или рыбной юшки». Здесь еще один «необычный» компонент — «слабенькое пиво». На праздник, для почетных гостей тетерю могли готовить «к воде и меду». Вот что об этом рассказывал одному исследователю казацкой старины дед из приднепровского села Кушугумовка: «Тетеря и мед — это казацкая еда была. Тетерю варили из муки и пшена. Это

тесто замешивают, чтобы прокисло, тогда варят кулеш; как только пшено начнет раскипаться, бросают тесто и доваривают. Когда готова тетеря, тогда разводят мед в горячей воде, бросают туда тетерю и едят как кутью. Тетерю можно есть с медом холодную и горячую». Здесь, как видим, речь идет о заквашенном тесте для тетери — очень характерная рецептурная деталь. О ней сообщают и некоторые другие авторы, которые интересовались технологией приготовления казацких блюд. «Тетерей называлось тесто из ржаной муки, разбавленное молоком или водой с медом; его как замешают, то оно становится жиденькое-жиденькое, потом киснет, после чего уже делается густым; тогда оно и готово. Как захотел какой запорожец есть, то сейчас берет казан, вешает его на огонь, наливает в казан воды, в воду кидает тетерю, к тетере добавляет пшена, а к пшену рыбы или раков, тогда и варит» — в этом народном повествовании, как видим, в деталях описана характерная технология приготовления любимого казацкого блюда. «Братко» — разновидность тетери, ее своеобразный брат. В пшенной кашнице разбалтывали вместо кислого ржаного пресное пшеничное тесто — вот и вся технология приготовления этого казацкого блюда.

Различные горячие мучные болтушки в холодную пору не раз спасали запорожцев в стылой ветреной степи или промозглых осенних плавнях. Боплан, например, писал, что казаки «три раза в день едят род похлебки из горячего пива с маслом, перцем и хлебом и тем предохраняют свои внутренности от холода».

Вареники доведут, что и хлеба не дадут

«Ой, чулы, чулы, чулы, ой, чулы, чулы вы (слышали ли вы? — *Примеч. ред.*), любил казак дивчину и с сыром пироги» — любовь к вареникам (а здесь речь именно о них) слепила свое кубельце (свила свое гнездо. — *Примеч. ред.*) в душе украинца-каза-

ка рядом с любовью к любимой. Чудное соседство, не так ли? Дальше в песне речь идет о том, как казак, когда напали враги, схватил вареники и оставил дивчину. Однако все закончилось счастливо. Парубок все-таки спас любимую. Правда, после того, как... съел вареники. В другой песне поется о том, как вареники толкнули казака на преступление, в котором он сам и сознался, возвратившись из гостей: «А я ж той *бараболы* (картошки — *Примеч. ред.*) та й не поедаю, на полке вареники — на них поглядаю. Стала свечка догораты, стала потухаты, а я за те вареники та й шмыгнул из хаты!»

Вареники — на стол, беда — за порог. Издавна вареники для украинца были символом благосостояния, сытной безоблачной жизни. Исключительными любителями этого блюда были запорожские казаки. Один из исследователей казацкого быта сообщал о «горе вареников, творожников и галушек», которая давала сечевикам телесное наслаждение во время громких банкетов у себя в Сечи. Среди дикой степи, на чужбине казаку оставалось лишь мечтать о богатом и щедром застолье, центром которого, как правило, была окутанная пахучими дымками миска с блестящими тугими варениками...

Распространенность блюд из отварного теста в восточной кухне подталкивает некоторых исследователей к мысли, что вареники попали на Украину с востока. Скажем, из той же Турции, где издавна готовили пельменеобразное блюдо под названием «дюш-вара». В самом деле, с турками у запорожских казаков были довольно тесные отношения. И много полезного они переняли у «бусурманов», с которыми встречались не только на поле брани. Однако еще более тесно были связаны украинские хлебопашцы, казаки-гнездюки с хлебным полем (мукой и тестом) и водой, которая «варилась». И неужели сообразительный казацкий артельный кашевар или проворная хозяйка не могли догадаться завернуть или зашипнуть в тесто какую-нибудь начинку, которая осталась после приготовления, скажем, первого блюда?

Вареники — еда для торжеств и красных дат, а значит, и мука для нее должна быть высшего сорта. Пшеничная, просеянная, тонкого помола. Для теста, как правило, берется холодная вода; лучше всего, если она будет из колодца, — тесто меньше будет высыхать и лучше склеиваться. Кройка из теста «одежки» для вареников — дело для ловких рук и точного глаза. Что положишь в вареник, таким и будет его вкус, таким будет и праздник за столом, и похвальное слово гостей. Начинка — это душа вареника, его животворная сущность. Именно в начинке — неповторимый вкус украинских вареников, их специфичность и отличие от блюд из отварного теста у других народов. В разнообразии (а речь идет прежде всего о нем) начинок отразились щедрость и разноцветье украинской природы, исключительное плодородие земель, пестрота обычаев и вкусов, вдохновение и творческий полет казацких кашеваров и хозяек — *чепорух* (щеголих. — *Примеч. ред.*). Несколько слов о варениках... без начинки. Речь идет о «вареницах» — тонких лоскутках пресного теста, которое осталось после приготовления вареников. «Слепые» вареники — это вареницы, края которых слеплены по всей длине: снаружи — тесто, а внутри — пустота.

Всегда находилось на столе и запорожца, и казака-зимовчака место для вареников с творогом, с тушеной, квашеной или свежей капустой, протертой вареной фасолью, ягодами (особенно вишнями). Настоящий праздник для едоков во время зимних «мясниц» были вареники с мясной начинкой, которые кое-где называли «гилунами». А знаете вы, что такое вареники «с песком»? Сало поджаривали и сыпали муку, пока она не вбирала весь жир. Эту начинку и клали на вареницы. Приходил пост, всем прижимал хвост — только не завятым любителям вареников, которые с удовольствием смаковали вареники с любой постной начинкой... Скажем, с «урдой». Растолченные конопляные семена (или жмых) немного поджаривали и растирали в макитре. Потом, залив кипятком, вымешивали, процеживали и ставили на огонь. Густой желтоватой массой, которая при этом образовывалась, и начиняли вареники.

Когда хлеб, тогда и ум, когда вареники, тогда и веселье, и розыгрыш. Как известно, запорожцы любили посмеяться друг над другом. Для шутки казацкие повара начинали некоторые вареники сухим горохом, перцем, семенами, даже золой. Такие изделия назывались «пырхунами». Так дразнили и того, кому попадался вареник с сюрпризом. На Масленицу вареники наряду с блинами и оладьями были главным угощением хуторян-лугарей, которые охотно принимали гостей со всех казацких волостей. Запорожцы, что останавливались у своих плавневых друзей, шутили по этому поводу: «Вареники доведут, что и хлеба не дадут».

Полный пень головень?

Слово «галушка» для украинца, на все случаи жизни, за ним он и в карман не полезет. Однако остроумное словцо — при случае, а еда — на каждый день. Отнюдь не редкими среди запорожских казаков были разнообразные «галушечные» прозвища, однако еще чаще в их мисках оказывались шарики теста. Это — простое и, наверное, очень давнее кушанье. Легко предположить, что в процессе приготовления жидкого мучного варева в кипяток случайно попал кусочек теста. Выловил его повар, отведал и сразу повеселел: оно! — есть чем заполнить желудки голодных соплеменников. Пустой живот и камень перемелет, а мягенькие горячие шарики теста для него — это уже настоящий дар судьбы.

Как же и из чего готовятся галушки? Начнем с мелких, размером с горошину, которые можно глотать по десятку за один раз. В большинстве регионов Украины это старинное блюдо известно как «затирка». Как правило, затирка готовится в корыте или широкой миске, чтобы был «размах для руки». Тонким слоем рассыпается пшеничная мука, взбрызгивается водой (к ней прибавляется соль, иногда немного соды) и сразу затирает-

ся ладонью до образования мелких шариков. Можно растирать (вместе с мукой) и уже готовое крутое подсоленное тесто. Делают это как руками, так и ложкой.

На галушки используется любая мука, но чаще — пшеничная и гречневая. «Под вечер подавали ужин — большей частью гречневые галушки с чесноком», — писал один из исследователей казачьего быта про «галушечную» трапезу запорожцев. Сечевые повара любили галушки за простоту приготовления. Круто замесив тесто, от него отделяют кусочки и бросают в кипяток. Вот и вся первичная технология. У каждого кулинара, правда, свои движения и точность, свое рецептурное совершенство. Один раскатывает скалкой тесто в корж, режет полосами, от которых уже и отщипывает кусочки. Второй делает из теста колбасу, скручивает ее в бублик, вешает его на руку и прямо над посудиною с кипятком отрывает от нее шарики. Третий натренировался «распотрашивать» буханку теста, отщипывая ее с разных сторон. Такие галушки называются «рваными» («рванцы») или «щипаными» («щипанцы»). Это галушечное блюдо когда-то еще называли «шарпаниной» — очень легко представить запорожского казака, который весело «шарпает» тесто, бросая куски в кипящее варево. Есть умельцы, которые не щиплют, а режут тесто, при этом выходят галушки-резанцы. Можно отделять кусочки теста и ложкой, смоченной в горячей воде.

Галушки, как правило, варят до тех пор, пока они не всплывут на поверхность. Позор для повара, если при этом они слипнутся, превратившись в большой безобразный «галух». Заправляют готовые галушки маслом, сметаной, творогом, шкварками. «Зазубрить» галушки (и другие блюда) — это значит заправить их чесноком. Именно такие «зазубренные» галушки особенно нравились запорожцам. Не лишней для здорового казачьего желудка была и питательная галушечная жидкость. Картофель, немного моркови, заправка из сала и лука, галушки, в конце зелень — дух от такого варева способен был и мертвого на ноги поставить. А вообще для галушек родной стихией может

быть любая похлебка. Даже... Рассказывали об одном чудаковатом старом запорожце, который, отойдя от казацких дел, любил у себя на пасеке потешить душу компотом с галушками.

Галушки надо есть горячими, иначе они быстро теряют свой неповторимый нежный вкус. Хозяйки в таких случаях говорят, что тесто синее, «тужавеет», приседает. Часто во время ужина галушки натыкали на «шпичаки» — веточки с двумя или даже тремя отростками. На народной картине с казаком Мамаем на переднем плане изображены запорожцы, один из которых подает товарищу чарку, а второй держит большую галушку, наколотую на вилку — *шпичак*.

Где праздник, где развлечение, без которых нельзя представить казацкой жизни, там часто галушки — и как еда, и как забава. «Где это вы, дружки, галушки ели, что вы понемели; дайте дружкам юшки полить галушки», — шутят гости на свадьбе (кстати, на Полесье издавна свадебных гостей, которые лишь наблюдали за процедурой, называли «запорожцами»). Печальные трапезы нередко тоже не обходились без галушек. «Пять казанов стояло юшки, а в четырех были галушки», — Иван Котляревский, описывая поминки, которые Эней справлял с троянской общиной, поминальное меню открыл галушками.

Кашу едят молча и сосредоточенно, во время галушечной же трапезы всегда есть место шутке, меткому словцу, сказке, небылице. По преданию, из «Запорожской миски» (так в народе называют круглое углубление в камне возле острова Хортицы) запорожцы когда-то ели галушки. Кусочки теста черпали ложками, привязанными к палкам, и через «миску» кормили друг друга. Забавляясь во дворе, сельские дети, взявшись за руки, кружили, пока кто-нибудь не падал. При этом все смеялись и пели: «Дрибу, дрибу, дрибушечки, накушались галушечек. Эй, эй, до воды, накушались лободы». «Полный пенъ головень. Что это такое?» — спрашивал, попыхивая люлькой, старый казак своего юного слугу. «Галушки!» — кричал тот. Чубатый суровый воин ухмылялся и продолжал тренировку, подбрасывая новую загад-

ку: «Сидит дед за подушками, стреляет в бабу галушками». Юноша задумывался. О галушках, которыми можно стрелять в людей, он еще не слышал. Что это может быть? «Дождь», — авторитетно заявлял сечевик (в данной загадке «дед» — Небо, «баба» — Земля, подушки — тучи. — *Примеч. ред.*). И тут же, хитро подсмеиваясь, «выдавал» о запорожцах, которые, когда у них заканчивались ядра, стреляли по врагу галушками. Путешественники, которые останавливались в казацких зимовниках, рассказывали о волшебных землях, где растут деревья, ветви которых осыпаны галушками, как вишнями, — расстилай дерюгу, ложись на спину, и галушки сами в рот будут падать. Странами теми правят цари, которые едят золотые галушки. «И вчера галушки, и сегодня галушки! Приди, приди, серденья, на пуховые подушки!» — соблазнила казака чернобровая красавица. И бравый сечевик, случалось, поддавался ее «галушечным» чарам.

Не диво для украинца галушка размером с кулак. Когда кто-то вдруг запинался в разговоре, то говорили, что он подавился галушкой. Речь именно о такой большой галушке — «галухе». От нее, вероятно, и пострадал Данило, который, как известно, не умер, а его галушка задавила... Старые люди рассказывают, что Мазепу когда-то казнили галушками. Приготовили двенадцать галушек: одиннадцать пятипудовых и двенадцатую семипудовую. Подавали кушанье на вилах. Мазепа съел одиннадцать галушек, а последнюю не смог проглотить. Крикнул: «Не надо!» И умер.

Однако не умерла, жива в народе память о том и другом казацких рыцарях. Не умерла, стойко держится в Запорогах и по другим днепровским берегам слава украинских галушек.

Мед и в рот, и в год

«Терпи, казак, горе — будешь пить мед», — успокаивали товарищи запорожца, который попадал в затруднительное положение. И казак держался, терпел, помня, что дома его ждет жбан-

чик, наполненный ароматным медом. Он, как свидетельствуют разнообразные источники, не был недоступным лакомством для запорожских казаков. Даже тогда, когда казачество лишь зарождалось за днепровскими порогами. Без преувеличения можно даже утверждать, что часто именно «медовая жизнь и привлекала в плавни первых поселенцев Великого Луга. Скажем, ревизоры Каневского замка в XVI столетии свидетельствовали, что казаки «на уходах» за порогами постоянно живут и неплохо себя чувствуют «на меде из пасек, из сапетов и ситяг там себе мед, как дома». Мед, как писал один автор, представлял «их роскошь».

«Дали полизать меда сквозь стекло», — жаловался один гость, которому выставили скромное медовое угощение. Второй по этому поводу вздыхал: «Помазали губы медом, а облизать не дали». Мед для крестьян был всегда драгоценным продуктом, который тратили экономно, аккуратно, с расчетом. Для запорожских казаков, особенно тех, что жили в зимовниках, мед был повседневной пищей. А уже гости могли потреблять медовую плавневую благодать хоть ложкой, хоть ковшом — их за это никто не укорял. Еще бы! Один путешественник, описывая казацкие земли, сообщал, что «случайно образованные в земле ямы часто бывают наполнены медом, так что большие медведи, которые добирались до них, околевают от обжорства». «А пчелы той, а меда? Мед и в пасеках, мед и в зимовниках, мед и в бурдюгах — так и стоит в липовых кадках; сколько хочешь, столько и бери, — больше всего от диких пчел», — вспоминали старики о бывшем «медовом» приволье казацкого края.

В чем и как сохраняли мед? В каком виде и с чем потребляли? Мысль бездельника водой довольствуется, а душа трудяги наслаждается медком. О хижине немощного, к тому еще и лентой не обделенного казачка, который был не в состоянии запастись на зиму хотя бы жбанчиком меда, зажиточные зимовчаки пренебрежительно говорили: «Как там не мед, так там и не масло». Мед, как правило, сохраняли в жбанчиках — *медянках*, сделанных из коры, выдолбленных из липы «лагунках», бочонках

разных размеров, глиняных горшках. Деревянные емкости для меда хорошо просушивали, прогревали и обливали внутри воском. Сверху мед (особенно тот, что брали с собой в дальний поход) также иногда заливали воском.

«Или мед пьет, или кандалы трет» — это будто о казаке сказано. Запорожец знал вкус разных медовых напитков. Дело в том, что в старину мед в основном потребляли в виде сыты, медовухи, квасного меда. О медовом напитке упоминает, скажем, Котляревский в «Энеиде»: «Чи будем пить мед, чи брагу? Чи будем мы себе братья?» Сыту готовили из пресного меда по такой технологии. Сначала медовые соты закладывали в бочонок и заливали крутым кипятком, в который бросали разогретый камень. Мед постепенно растворялся, а воск уплывал. Сыту перееживали, охлаждали и использовали по мере нужды. Между прочим, этот напиток (конечно, в сочетании с другими продуктами) мог в полной мере удовлетворить потребность казаков в полноценной пище. «Ядыхом мяса, лук и хлеб к сыти», — читаем в старинной летописи. Казаки, наследуя пример предков, потребляли ту же тетерю «к воде и меду». Вполне возможно, что медовая сыта является корневой основой слова «насытиться» (скорее, наоборот. — *Примеч. ред.*). Сытой запорожцы заправляли рождественскую и поминальную кутью. Кстати, распространенное в казацких землях название кутьи «канун» означало именно «мед». Медовые напитки разной крепости получали, заправляя медовую сыту хмелем, солодом, пряностями, ягодами; нагревали, парили, варили и, добавив дрожжей, оставляли для брожения в теплом месте на несколько дней, недель и даже месяцев. Вот старинный рецепт, по которому могли готовить мед и запорожские казаки: «Взять 7 ф. (около 3 кг. — *В.С.*) меда, рассытить 1,5 ведрами воды, спарить и процедить. Добавить дрожжей и солода столько, сколько берется, когда варят пиво из ячменя. Все это вливается в бочку и ставят напр. в теплый погреб, где и оставляют бродить от 2-х до 3-х месяцев, в это время бочку нужно доливать сытой. Как перестанет бродить, слить сыту

с дрожжей, положить пряностей, которых кто любит, и разливать по бутылкам. Чем старее мед, тем он лучше». Различали «ставленный» и вареный мед. Технология приготовления их была почти одинакова. В сыту для приготовления вареного меда добавляли больше воды, ставленный мед выдерживали в погребах и год, и два, и три. В зимовниках казаки имели возможность приготовить популярный среди запорожцев «вишняк». Очищенные от косточек вишни (наверное, можно было использовать и другие ягоды — скажем, ту же ежевику, которой было много в плавнях) насыпали в маленький бочонок, заливали их медом (две трети ягод, одна треть меда), хорошо закупоривали и ставили в прохладное место, температура которого была не больше восьми — двенадцати градусов, для медленного брожения.

Лук подлизывался к меду: «Медок, медок, как я хорош с тобой». На это мед ему пренебрежительно бросал: «Так я и без тебя хорош!» Можно, наверное, простить меду это бахвальство. Он на него иногда действительно имел право, выступая нередко «спасателем» казацких желудков. Когда-то шутили, что с медом мужик и лапоть свой съел. Казакам, которые в походах нередко попадали в затруднительное положение, приходилось иногда потреблять даже части своей кожаной обуви, дикие растения и разнообразных насекомых. Не всегда даже крепкие казацкие желудки переваривали эту пищу. Мед, конечно, не мог превратить эти «блюда» в лакомства, однако способен был в прямом и переносном смысле подсластить горечь сомнительного качества продуктов и вообще затруднительного положения.

Добавка меда к тесту делает хлеб более вкусным и пахучим. Он дольше сохраняется, не черствеет. В старину пользовались популярностью разнообразных размеров и форм медовые пряники. Известны были эти изделия из «медового» теста и запорожским казакам. Один из уголков расположенного в тридцати километрах от Запорожья днепровского села Беленького, которое ведет свое начало от запорожских зимовников, называется Медянкою. Старые жители села утверждают, что первым посе-

ленцем здесь был казак Медяник, который проявлял чудеса в изготовлении различных медовых «вытребенек».

Рыба, которой было много в плавнях, как и мед, была разве что не повседневной пищей запорожцев. А знаете ли вы о соединении этих продуктов? Сохранились старинные казацкие рецепты, в которых речь идет о приготовлении рыбы с медом. По меньшей мере благородным осетром чувствовала себя тарань, которую обкатали в муке, положили на сковороду и, прежде чем жарить, облили медом. В медовой юшке, случалось, варили куски карпа, который для казацких рыбаков был всегда желанной добычей.

Принюхиваясь к жбанчикам, наполненным медом, сечевики вспоминали одну «медовую» историю. Однажды Екатерина пригласила к себе на обед запорожцев. Решив посмеяться над ними, она выбрала среди казаков тех, что имели самые длинные усы, и приказала подать им сметаны. Сечевики переморгнулись и говорят: «Прикажи, матушка, принести нам сначала полевой сметаны, что пчела наносила, а тогда съедем и эту». Перед казаками поставили большую миску меда. Казаки выпили его, помазали остатками меда усы, закрутили их за уши и стали есть сметану.

Узвар — лесов дар

У каждого народа свои «питьевые» традиции. Для украинца нет большего наслаждения, чем в жару «покуштувать» холодного узвара — крепкого компота из разных видов фруктов и ягод. Удовольствие от этого напитка, насыщенного ароматами лета, получает размлевшая возле печного огня душа и зимой. «Сливка — слионка, а грушка — минушка» — однако не тогда, когда они в компоте. Дело в том, что компот-узвар одновременно и напиток, и сытная еда, которая вполне годится для послеобеденного перекуса. Недаром его называли и «похлебкой», и «юхой».

Где же и когда возник этот популярный на Украине напиток? О чем бы ни мечтал селянин-гречкосей, как бы ни был озабочен добычей хлеба насущного, он не мыслил своей жизни без уютного фруктового садика. Поселившись на живописных берегах плавневых речек и озер, казаки-зимовчаки сразу же окружали свои хуторки садами. Тем более для того, чтобы выкопать саженец яблоньки или груши, достаточно было лишь выйти за ворота своей усадьбы. В плавневой гуще можно было найти любое фруктовое дерево. Хочешь — выкапывай его и высаживай в своем садике, а хочешь — просто броди по берегам проток и собирай плоды. Разнообразных ягод тоже было полно вокруг — не ленись только нагибаться. Полон чан — сам себе пан вольный казак за порогами. Все, что в чане, правда, еще нужно было сохранить, обработать. Не всегда у лугарей было на это время. Что делать? А если залить садовые дары и лесную добычу водой и немного поварить? Что выйдет? Вкусный питательный фруктово-ягодный компот — *звар*, повсеместно на юге Украины известный как *узвар*.

Особый аромат и сладость узвара в грушах... А именно этого добра в южных плавнях и по степным балкам хватало. Здесь можно было найти и Грушевские зимовники, и речку Грушевку, и Грушевскую балку, и Грущате озеро, и урочище Грушки, и села Грушевку и Грушевский Кут. Названия эти происходят от зарослей диких груш. Кроме них, в компот попадали и яблоки, и сливы, и вишни, и абрикосы, и разные ягоды. Все это росло и в плавнях Великого Луга, и в усадьбах казаков-зимовчаков.

Летом узвар варили из свежих плодов и ягод, зимой из сухих плодов (его могли называть «сушняком», «сушеницей»). Когда-то для будничного потребления компоты готовили без затей: свежую фруктовую и ягодную добычу варили, настаивали и процеживали, «сушину» заливали кипятком и парили в печи.

«Узварная еда — к порогу хода», — говорили хуторяне-лугари. Узвар, как правило, был *расходным* напитком, блюдо — *выганяйлом* — он подавался в конце застолья, когда соседи или за-

гостившиеся казаки-сечевики собирались домой. Узвар, который на Рождество готовили вместе с кутьей («до пары»), завершал торжественную «святвечернюю» трапезу. «Иди кутья на покуть, а узвар — на базар!» — восклицал хозяин. Когда еще шумный базарный день (а в плавневых дебрях ему и неоткуда было взяться), а пока — щедрое и веселое рождественское застолье. Зимой в пограничных землях — замирение и тишина (бураны, мороз и снега делали степную местность труднопроходимой и неразличимой для разведки. Походы поэтому совершались в теплое время года. — *Примеч. ред.*). Время для праздников, гостеваний, борщей и компотов. И узвар в разрисованном диковинными цветами горшке вместе с кутьей отправлялся на покуть. Там в красном углу под «божником» ему и место. Поклонится казак старинной иконе — поклонится и узвару...

На основе узвара возник и другой напиток — «вареная», «варенуха». В готовый компот добавляли немного сахара или меда и заправляли его пряностями (черным и душистым перцем, лавровым листом), запекая все вместе в печи. Употребляли его как горячим, так и холодным. У И. Котляревского встречаем: «А после танцев варенухи по *филижанци* (по фляжке. — *Примеч. ред.*) подняли...» Что ж, для казака, который в гостях «вшварил гопака», а после этого опрокинул кухоль узвара или варенухи, жизнь снова сияла своими яркими победными красками...

Гуляй, душа, без кунтуша!

В северной части острова Хортицы находится небольшая живописная балка, которую в народе называют Брагарней. Поговаривают, что именно здесь запорожские казаки готовили брагу. С древних времен вино-пиво не были дивом для наших предков. Однако брага не вызывала у пирующих похмелья, от пива у них не сводило желудки, а от меда не болела голова. Дело в том, что это были слабые напитки, которые на долгих громких бан-

кетах и тризнах текли реками и по усам, и под столами. Знали (и безусловно понимали!) вкус разнообразного хмельного зелья и запорожские казаки. Вот легенда о том, как оно появилось на запорожских землях. Жил в степи казак-отшельник. Однажды затосковал он и задумался, чем бы таким душу потешить. Вдруг пришел к нему черт и спросил: «Чего скучаешь?» — «Так один же», — ответил запорожец. Черт и предложил ему: «Вот понюхай этого порошка. Будто вас двое станет». Казак понюхал, чихнул раз-другой — и в самом деле веселее стало. Спустя некоторое время бес дал ему трубку: «Закуришь, и словно вас трое станет». Задымил бедолага — совсем повеселел. Будто оказался в кругу друзей. В конце концов, черт принес жбанчик и сказал: «Выпьешь и сразу вас станет до десяти». Казак, не долго раздумывая, опорожнил сосуд. И закачалась земля под ногами, затанцевало все вокруг. И показалось бедолаге, что вокруг него собралась толпа — все смеются, поют, танцуют...

У И. Котляревского в «Энеиде» мы можем прочесть о том, как казаки «и брагу кухликом тянули», «и кубками пилы сливянку, мед, пиво, брагу, сыровец». Брагу готовили из просяного или ржаного солода (искусственно пророщенного, подсушенного и размолотого зерна), густо запарив его кипятком. Некоторое время настаивали, потом разводили холодной водой и процеживали сквозь сито. Славилась казацкая кухня и наливками. Спелые ягоды вишен, терна, ежевики, которых было много в плавнях по берегам Днепра, присыпали сверху небольшим количеством сахара и выбраживали на протяжении двух-трех недель. Иногда для крепости и надежного хранения добавляли водки. Наливки казаки-зимовчаки берегли для важных okazji, ими часто встречали дорогих гостей из Сечи. Запорожцы любили запивать «все пивком», которое, по словам одного исследователя народного быта, было «любимым напитком малороссиян». «У них были и пивоварни, свое пиво было», — вспоминали очевидцы, побывавшие в казацких землях. Пиво готовили из ячменного солода, которое разводили теплой водой — и получен-

ное сусло кипятили с добавлением хмеля. Потом с помощью дрожжей смесь сбразивалась и некоторое время созревала. Существовало немало технологий изготовления пива. Вот, скажем, рецепт пива запорожского из одной старинной поваренной книги: «Взяв 3 скл. сахара и полсклянки хмеля, растертого хорошо с мукой, всыпать в островерхую торбу. Держать котомку под крапом с кипятком, а под острый конец поставить барильце. Надо, чтобы выбежало 12 бутылок кипятка и бежало умеренно. Пиво прохолодить в барильце, чтобы было настолько теплое, как молоко из-под коровы. Тогда влить 2 скл. темной доброй патоки и полсклянки самых наилучших дрожжей, и скоро пиво перешумует, разлить по бутылкам, закупорить и до употребления держать на холоде». Запорожцы и сами «делали» пиво «на своих пивоварнях», и покупали его у торговцев. Некоторые кабаки на Запорожье имели специальные погреба со льдом для хранения пива, а среди хозяйственных сооружений зимовников зажиточных казаков были и «пивницы», где среди других спиртных напитков сохранялись и кадки с пивом. Запорожские казаки знали вкус и заморских вин. Один из исследователей казацкого быта писал, что во время банкетов, которые давали «телесное наслаждение», разнообразные напитки, среди которых было «венгерское, крымское, то есть судакское, и валахское вино (малвазия)», представляли казацкую «роскошь» и «лились целой рекой».

Неизвестно, кто впервые и где додумался перегнать через простой аппарат брагу, полученную в результате брожения продуктов, которые содержат крахмал и сахар. Однако по всем земным уголкам, среди больших и малых народов распространились крепкие напитки, добытые в результате паровой перегонки браги. Ученые люди утверждают, что «горелочка оковитая» через торговцев-генуэзцев в XIV столетии попала на берега Днепра и сразу пошла гулять по украинским землям. Здесь быстро сообразили, из чего и как ее выработать. Мастерами водочных дел можно назвать и запорожских казаков, у которых вино-

курение занимало не последнее место в хозяйственной жизни. «Водка у них всегда была», — вспоминали старые люди. «Все казаки умеют... изготавливать блюда, варить пиво, мед и вино, вырабатывать горелку» — это свидетельство Боплана об умении казаков изготавливать спиртные напитки. Для того чтобы добыть плохонькую «веселуху», достаточно было примитивного перегонного устройства. Вот рассказ одного деда из приднепровского села, который записал Яков Новицкий: «Запорожцы сами гнали водку. У них караванов (винокурных заводов. — *В.С.*) не было, а так прямо выберет в степи глубокий яр, сделает хибарку да и гонит... Там у него чан и весь инструмент, как и в караване. Водка была гораздо лучше, чем теперь».

Оковитая водка — это, как известно, лучший сорт водки, которой не стыдно было и банкетный стол украсить, и дорогого гостя встретить. Поговаривали, что название это возникло от крепости напитка — «аж глаз вынимает». На самом же деле, в этом слове легко прослеживается латинское «аква вита» — «вода жизни» (под таким названием водка впервые появилась в Европе). Казаки часто (где ради шутки, а где, чтобы подчеркнуть важность момента) «оковитой» называли любую водку. А вообще — у нее немало лиц и одежек. Добротная крепкая водка могла быть «пенняком», «гардаманом», «запридухой». У «мутящей» же воды низкого качества и соответствующие насмешливые названия — «сивуха», «лепетуха», «дымка», «чикилдиха».

Значительно выше простой водки, которая лишь заставляет кровь играть, а ничего не дает уму и сердцу, ценилась настоящая («моченая») водка. В степи и плавнях было достаточно плодов, цветов, трав, на которых запорожские «водочные» деды готовили спиртные «травняки» и «кореньковые» водки. У И. Котляревского узнаем про «водку простую и калганку», у другого автора речь идет о казацкой трапезе, во время которой стол «аж прогинался под бутылками с медом, инжирными и папоротными водками». В старинных рецептурных книгах можно встретить упоминание о таких настойках, как «шафрановка», «кали-

новка», «полиновка», «перчаковка». У наших казацких предков (тех, конечно, которые отошли от военных дел и «сели» на хуторское хозяйство) среди щедрой природы в живописных уголках Великого Луга хватало и желания, и времени, чтобы из водки сделать напиток, который бы удовлетворил вкус самого капризного и переборчивого любителя хмельного зелья. Когда гостю, который заехал к зажиточному казаку, чем-то не нравилась «кусака» (крепкая водка с имбирем, кардамоном, перцем), хозяин мог предложить ему «старку» (крепкий выдержанный водочный напиток, настоянный на дубовой коре, чабреце, мяте, зверобое, душице, тысячелистнике). Больше времени и терпения требовалось для приготовления старинной «мокрухи», которую с вишневым соком настаивали до полугода, или «кантабаса», настоянного на почках смородины. Среди старинных казацких напитков находим и благородную «тертуху гетманскую» — закрепленный водкой сок спелой земляники с сахаром, и сладенький «воронец» — водку с медом, и «спотыкач», сваренный с разнообразными ягодными и другими добавками.

С огневой обработкой связано и приготовление казацкой «варенухи». «В Запорожье и во всей Украине этот напиток очень уважали и угощение варенухой считалось в определенной мере проявлением дружбы и уважения к гостям», — писал А. Скальковский. Другой исследователь казацкого быта Д. Яворницкий, упоминая среди казацких хмельных напитков варенуху, даже объясняет, что это «смесь водки, меда, сушины — преимущественно изюма, винограда, груш, яблок, — свареных вместе с имбирем и другими пряностями». Не обошлось без этого любимого казацкого напитка и гуляние у Дидоны, которое с юмором описал Котляревский: «А после танцев варенухи по филижанци принесли, и молодницы-цокотухи здесь баляндасы понесли; Дидона крепко заюрила, горшок с вареною разбила...» Основой варенухи был компот из сушеных слив и груш, разнообразных ягод, который настаивался ночь. Затем этот насыщенный напиток процеживали, добавляли красный острый перец, мяту, ду-

щицу, чабрец и, по возможности, заморские пряности — гвоздику, корицу, душистый перец. Потом, положив меда и влив немного водки, парили в печи. Горячая варенуха зимой быстро согревала желудки сечевиков, которые совершали дальние переходы по стылой ветреной степи, летом же холодная варенуха хорошо бодрила и утоляла жажду. Угощали хозяева плавневых и степных хуторов дорогих гостей из Сечи и «запеканкой». Так называлась водка, настоянная на кореньях, травах, пряностях. Горловину горшка с этой смесью заклеивали тестом и ставили в теплую печь.

«Полные чары всем наливайте, чтоб через винця («венцы», т.е. края. — *Примеч. ред.*) лылось», — в разных углах Украины на разные голоса звучат эти вдохновенные слова. Что же собой представляли когда-то эти «полные чары»? В каких емкостях хранили водку запорожские казаки? Из чего и как ее пили? Попробуем и это выяснить. За казаками, которые гуляли после похода, их слуги носили спиртные напитки в «ведрах и казанах». Про «водочные» казаны узнаем из рассказа деда Джигири из приднепровской Кушугумовки, который записал Новицкий: «У богатых была мода держать водку в медных казанах. Вошел в сени — казан стоит с водкой, а на казане висит корячок. Кто захочет, берет корячок и пьет». Тот же дед детально объяснял, что собой представлял казацкий «корячок»: «Водку запорожцы пили не рюмками, как мы, а деревянными корячками с двумя ручками: одна сделана коньком, а другая — кольцом. У них не было моды угощать, а кто захочет — нальет коряк из баклаги и пьет на здоровье». Коряки были «больше вербовые, хорошо выструганные, такие, что аж отливают». Похожей на корячок был и деревянный черпачок — *михайлик*, ручка которого оформлялась в виде крючка, что позволяло его вешать на разную посуду. Обычно во время общих трапез сечевиков в курене возле блюд «стояли разные напитки — водка, мед, пиво, брага, наливка — в больших деревянных коновках с повешенными на них деревянными коряками или михайликами». В казацком обиходе было принято

и «чаркование» — спокойное, вежливое, «порционное» принятие спиртных напитков из деревянных, металлических или даже хрустальных рюмок. Про рюмки, корячки, «михайлики» и их вместительность можно прочесть у Д. Яворницкого: «Напитки пили из металлических рюмок, а чаще из деревянных михайликов, вместительностью от трех до пяти или более наших обычных рюмок: “а у друтого такой ковш, в котором можно и мизерного жидка утопить”, “а у кого такая рюмка, что и собака не перескочет” ... Немало казаков имели не только деревянные ковши или простые металлические рюмки. Старшины или зажиточные владельцы зимовников нередко бахвалились перед гостями более драгоценной посудой для питья (трофейной или подарочной). Из исследования А. Скальковского мы, скажем, узнаем, что «у многих были серебряные рюмки и посудцы, а у кошевого Акима Игнатовича — хрустальный кременец (прибор для водки), который один гость (малороссийский старшина Зарудный), как сказано в жалобе Корзины 1752 года, разбил спяну.» А вот какую посуду держал у себя на хуторе гоголевский полковник Тарас Бульба: «На полках и по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, разные серебряные кубки, позолоченные рюмки всякой работы: венецианской, турецкой, черкесской, что попали в светлицу Бульбы разными путями через третьи и четвертые руки, что было обычным делом в те бурные времена».

«Душа меру знает», — шутили казаки во время веселых трапез, где водка и другие напитки лились рекой. Душа с готовностью принимала их и из разнообразных черепашек, которые, как известно, дольше живут, чем целая посуда, и из чарок, и из бокалов, и из ковшей, и из кружек, и из бутылок. На народных картинах, где изображен казак Мамай, рядом с ним из посуды, предназначенной для питья, чаще всего встречаются разноцветные бутылки, штофы, украшенные геометрическими узорами, кувшиноподобные графины. В дорогу запорожцы брали водку в деревянных и глиняных флягах, носили ее также на ремешке

через плечо в «плесканах» — сосудах в виде плоского круга, «ко-
лачах» — глиняных трубах, согнутых в виде колец («колачи» иног-
да делали с низкими ножками, чтобы можно было ставить на
стол или платок, расстеленный на траве). Часто «рыцари дорог»
пили прямо из этих сосудов.

Горя не заедают, а запить можно. В жизни запорожцев дос-
таточно было и холода, и голода, и горя всяческого. «Если бы не
та сивуха, згинул бы казак как муха», — шутили сечевики. От
них можно было услышать и такое: «У нас в Сечи обычай — кто
«отче наш» знает, тот утром встал, умылся и чарку ищет». «Чем
грешен?» — «Малым родился, пьяным умер, ничего не знаю». —
«Иди, душа, в рай». — Это о запорожце был, который, «когда
не пьет, так вши бьет, а все ж не гуляет». Многие исследователи
отмечают, что сечевики «любили поесть, выпить и погулять». Вот, скажем, строки из дорожных заметок Г. Боплана: «В пьян-
стве и гулянии они старались превзойти друг друга, и едва ли
найдутся во всей Европе такие беззаботные головы, как казац-
кие. Нет в мире народа, который мог бы сравниться в пьянстве с
казаками: не успеют проспать, как снова напиваются». В та-
ком образе жизни казаки усматривали даже своеобразный смысл
бытия, которое дано человеку для веселья и радости. Живопис-
ные днепровские виды и щедрая природа Великого Луга разви-
ли у казаков именно эту философию. Хорошо было жить в Сечи
еще и потому, что здесь за порогами по берегам плавневых озер,
в уютных балочках «только спать и лежать, да водочку кружать». По берегам Днепра у запорожцев было немало мест для «гуля-
ния». Скажем, в Музычиной балке на острове Хортица сечеви-
ки «пили и музыку водили». А близ села Беленького, что распо-
ложено на правом берегу Днепра, склоны одной горы в народе
называли Гульбищем. Поговаривали, что именно здесь запо-
рожцы устраивали «гульбища». Для этой цели они даже обору-
довали «пивницу» для кадок с водкой, вином, медом, которая
затворялась огромной железной дверью, а на холме поставили
каменный стол с такими же лавками вокруг. Не всегда, правда, и

не всюду возможно было свободное «беспросыпное» употребление хмельных напитков и гуляние с надлежащим широкой казачьей душой размахом. Для военных вылазок, добывания пищи в плавневых чащах, охоты в степи, повседневных хозяйственных дел нужны были ясный ум и трезвая голова. Поэтому в мечтах удалого казачка свободно, без ограничений потреблять водку можно было лишь в старости. О седых дедах, которые доживали век на печи, говорили: «Куняет казак и наливает, наливает — выпивает, выпивает и куняет — свой век казачий доживает». Об одном старом, но еще крепком казарлюге-хуторянце рассказывали такое. Как-то перед смертью захотел он водки: «Ох, тяжело мне, дети, поднесите хоть чарочку. Может, немного отойдет». Дети поднесли водки и говорят: «Подождите, отцу, пусть она оттаяет». Казак удивился: «Разве замерзла?» — «Замерзла, тату, замерзла», — понурились дети. «Тогда и жить незачем, когда водка стала замерзать», — вздохнул казак. Повернулся на другой бок и умер.

Как правило, казаки употребляли водку с прибаутками, шутками, тостами. С казачьих времен пошло гулять по Украине громкое призывное: «Будьмо!» О казаке, который любил провозглашать тосты, рассказывали такую бивальщину. Дело было знойным летом. Сечевик, что странствовал по степям, решил отдохнуть в уютной балочке. Прилег под кустом и достал жбанчик с водкой. Наклонил его над чаркой и приготовился выпить. Но в последний миг остановился: нет рядом товарища, и день вроде будничней — ни красной даты, ни события значительного. Как же быть? Какой повод найти, чтобы увлажнить пересохшее горло? Тогда запорожец решил обратиться к виновнице его растерянности. «Кто ты?» — спросил он. И вдруг прозвучал тихий кроткий голос: «Оковита». Казак не долго удивлялся и опять поинтересовался: «Из чего ты?» — «Из ярого жита», — послышалось в ответ. «А откуда ты?» — «С неба». — «А билет (паспорт, удостоверение личности. — *Примеч. ред.*) у тебя есть?» — «Нет, нема», — испуганно ответила водка. «Гут тебе и тюрьма», — вы-

дохнул бравый сечевик, довольный тем, что нашелся повод для выпивки. Запрокинув голову, он тут же отправил чарку в «тюрьму» — темную пустоту желудка.

И все же запорожские казаки не были беспробудными пропойцами и гуляками без царя в голове. В походах казакам было строго запрещено употреблять водку — в огне и дыму битвы и без «дымки» и «веселухи» горячо и «весело» было. Того же, кто нарушал это правило, скажем, во время плавания к турецким берегам, без колебания выбрасывали за борт. А вот после победного похода уже сам Господь выдергивал затычки-чопы из водочных бочонков, угощая водкой сечевиков. Как правило, происходило это в многочисленных шинках и корчмах. Около полутысячи разнообразных питьевых заведений насчитывалось в XVIII столетии «по вольности запорожской». «Корчма, корчма, княгиня, почему в тебе много добра казацкого гибнет!» — вздыхали старые люди. Часто загулявшие казаки пропивали не только дорогой трофейный кунтуш, а и шаровары, сапоги и даже рубашку. В народе говорили: «Не на то казак пьет, что есть, а на то, что будет». В связи с этим интересно современное народное толкование названия села Бабурки, что находится на западной окраине города Запорожья. Когда-то казаки, возвращаясь после похода на Сечь, непременно останавливались здесь в корчме, где всем заправляла крутобровая молодница. Нередко дело доходило до того, что сечевики расплачивались с ней за выпитую водку обувью и одеждой. Опомнившись на Сечи в родном курене, запорожцы вздыхали: «Бабы урки, бабы урки». Якобы с тех времен балка, где при дороге стояла корчма, а со временем и село стали называть Бабуркой. Среди многочисленных плавневых островков печальной популярностью у запорожцев пользовался один дикий покрытый болотами клочок суши. Сюда на съедение комарам сечевики высылали неисправимых пропойц. Лучше всяких уговоров и увещаний действовала эта ссылка.

Водка и другие спиртные напитки присутствуют во многих казацких обрядах. Оковитой отмечались победы, разнообра-

ные сечевые торжества, печальные события тоже не обходились без нее. Когда казак заканчивал земной путь, «в гроб клали иногда и бутылку с водкой, так как покойник любил ее». Для бедолаги, завершившего земные дела, был предназначен и прощальный тост во время печальной поминальной казацкой трапезы: «Пусть ему легко лежать, пером землю держать!» Один исследователь казацкого быта упоминает запорожского предводителя Карпа Полторакожуха, которого даже похоронили в водочной бочке. Так от колыбели до гроба текла водка между цветистыми берегами казацкого жития-бытия...

XI. ДЕЛА НАСУЩНЫЕ

Новое имя — другая жизнь

Казак в Запорогах, что пень при дороге. Разные пути вели в степные края, разные судьбы переплетались на островках Великого Луга. У тех, кто становился членом казацкого братства, были веские причины скрывать свое прошлое. А вместе с ним имя и фамилию. Так возникли знаменитые казацкие прозвища. Штыря, Харман, Сторчак, Подвечеря, Кабанец, Горб, Шмат, Шкода — эти и сотни других подобных «ненастоящих» сочных прозвищ значились в списках куреней Запорожской Сечи. Чиновники различных рангов, разыскивая беглых крепостных, вероотступников, укрывающихся от податей ремесленников, преступников, постоянно делали запросы кошевым атаманам. Однако из Сечи приходил неизменный ответ: в сечевых списках подобных фамилий нет. Когда запорожца спрашивали имя и фамилию, он частенько отшучивался таким вот примерно образом: «Хоч дивись на мени та ба не вгадаеш, видкиль родом и як зовуть ничичирк не скажеш, а коли трапилось кому у степах бувати, то той можеть и призвище мое угадати, а в мене имья не одно, а есть

их до ката, а ты як хоч назови на все позволяю, а бы лишь назвав Крамарем (торговцем. — *Примеч. ред.*) за те то и полагаю». Слова эти принадлежат автору старинной картины, на которой изображен запорожский казак, играющий на бандуре. Надпись под ним «представляет собой как бы речь казака, его похвальбу».

Ритуал «перекрещивания» казака, награждение его прозвищем диктовались и условиями, в которых происходила перемена имени, и самой личностью желающего присоединиться к сечевому товариществу. Чаще всего прозвища отражали внешний портрет, особенности характера, род занятий прибывших на Сечь. Головатый, Чуб, Бородай, Горбонос, Хмара, Побегайло, Сердюк, Чумак — казаки не ломали голову над придумыванием очередного прозвища. Одна голова да десять языков у казацких весельчаков. Нередко награждение прозвищем было если не тренировкой ума и сметки, то своеобразным развлечением для бывалых сечевиков, и экзаменом для новичков. Как должен был вести себя молодец, когда его называли, скажем, Пукалом, Курочупом, Товчигречкой, Дуроляпом или Пужайчередой? Кому-то эти клички казались обидными, оскорбительными, и они, случалось, даже с кулаками бросались на товарищей. Таких не уважали. Большинство все же выдерживали характер. Лишь подсмеивались над шутниками: «Хоть горшком назови, только в печь не сажай». Сказано на глум, а ты бери себе на ум. Пригодится и в походе, и во время разведовательной операции в тылу врага, и если вдруг попадешь в плен. С тех давних времен гуляют по Украине хлесткие сочные фамилии. Сегодня по обе стороны Днепра можно встретить и Жуйбатька, и Потихенченка, и Нетудыхату, и Недрыгайла, и Запупырченка, и Бабиродича, и Тягнирядна (по-русски — Крадиполотно; самый частотный и одновременно «неуважаемый» вид кражи у селян. — *Примеч. ред.*). Попадаются и такие совсем уж «чудернацкие» фамилии, как Валяйбаба, Заплюйсвечка, Покотипотылыця. Рассказывают, что во времена оные в одном приднепровском колхозе председателем был Непейвода, а его заместителем — Загубигорилка.

Наделение прозвищем преследовало еще одну цель — воспитательную. Тому, кто набедокурил, проявил нерасторопность, струсил в бою, подвел товарищей, могли прилепить такую кличку, что, по словам классика, «только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь». Зато работяг, силачей, храбрецов, весельчаков награждали почетными звучными прозвищами, которые ко многому обязывали. Новое имя — новая судьба и другая жизнь. Пусть в диких краях за порогами. Но в чистом поле и на вольных ветреных перепутьях. Пусть в старой шкуре. Но с обновленной душой и обретенной надеждой...

В каких богов верили?

У Бога дней много, у казака забот не меньше. Мы не знаем, кому и как поклонялись первые плавневые поселенцы, степные отшельники. Дикая природа и ее грозные явления нет-нет да и наталкивали на мысль о существовании некоей высшей силы, что властвовала над всеми и вся. Так, например, один путешественник, дивясь неумной гневной силе днепровских порогов, заметил, что «самая холодная душа и та невольно почувствует потребность в молитве и невольно ощутит близость всемогущего Творца». Скорее всего, по примеру предков по случаю и житейским надобностям лугари и степные скитальцы верили в разных местных речных, озерных и полевых богов и божков, охранителей их скудных жилищ, курганов, пастбищ и торных путей.

Бог не без милости, казак не без счастья. Бог был для сечевика его переменчивой всемогущей судьбой, которая, как и Бог, и отымет, и подаст, и вымочит, и высушит. На Бога казак всегда надеялся, однако и сам не плошал в суровом ратном деле. Победа над врагом — это прежде всего победа над собой, своими слабостями. Пограничная беспокойная жизнь, походы, постоянные стычки с противником закалили казака, выработали в нем приемы своеобразной внутренней защиты от страхов и сомне-

ний. Однако, страдая от ран, постоянно заглядывая смерти в лицо, он полностью не мог избавиться от них. И тут часто спасала «вера в промысел Божий». За воином — право начинать бранное дело, за Богом — его заканчивать. Дважды силен тот, кому покровительствуют небеса, кто находится под их защитой.

Запорожцы не жаловали в своей среде женщин. Лишь власть одной признавали над собой... Зимой земля — под покровом снега, летом — зеленых трав, осенью — опавшей листвы и в любое время года — под покровом неба. Птиц защищают перья, зверя — мех, человека — крыша его жилища, а всех живых существ — небесная кровля. «Никто и ничто не может обойтись без Покровы», — объясняли знатоки, что во всем привыкли видеть крепкую природную основу. «Покровой» называют Богородицу, которая сняла со своей головы белое покрывало — *покрыву* и раскинула ее над прихожанами, одновременно молясь за их спасение от беды. Вольному казаку воля, а спасенному еще и небесный Рай. Длинная белая «покрова» Божьей Матери стала своеобразным оберегом запорожского казачества. Сечевики считали себя детьми Богородицы, а поэтому не стеснялись на иконах, «сооруженных» казацкими малярами, изображать себя в казацких костюмах, при оружии. На одной такой иконе из уст атамана «протянута» к уху Богородицы молитва: «Молимся, покрой нас честным твоим покровом, ибави от всякого зла». На что Богородица отвечает: «Избавлю и покрыю, люди моя». Небесная казацкая берегиня была заступницей запорожцев, под ее защитой они не боялись ни разъяренной стихии, ни злых вражеских сил. Ее изображение было выбито на нательных крестах. Священной для каждого казака была Покровская церковь на Сечи, от ее порога запорожцы выступали в поход, к сечевому храму и возвращались — благодаря Покрову за спасение.

Чтили казаки и других небожителей. Архистратиг Михаил был «невидимым руководителем запорожцев на войне», Николай Чудотворец защищал их в дальних походах, на морях. Кстати, нередко казаки не кому-нибудь, а Богу присягали в том,

что, если во время похода они утаят добычу и не подадут ее правильно своему куреню для раздела на войско и товарищество, то пусть Бог их «покарает в этом и будущем веке». Как правило, третью часть добычи «от всякого меча и весла» запорожцы отдавали в монастыри и церкви. За соблюдением ритуала таких дележек, присяг и клятв строго следили усердные служители православной веры. Среди них встречались и «высокие молитвенники», и «ревностные исполнители заповедей евангельских и преданий апостольских». Некоторые набожные казаки даже устраивали у себя в зимовниках часовни, превращая хутора в своеобразные монашеские скиты. Чаще же всего в дикой степи или плавневой гуще, где трудно было отличить «попа от козла, а церковь от скирты», где невозможно было жить строго по колокольному звону, запорожцам приходилось наскоро молиться «на сход (восход. — *Примеч. ред.*) солнца», как попало осенять себя крестным знаменем. В бурдюгах же вместо икон можно было видеть святых, небрежно намалеванных на кусках коры. И хотя в духовных лицах, которые почти во всем были «повинны» войсковой старшине, сечевики ценили прежде всего «начитанность в слове Божиим», грамотность, трезвость, голосистость, в казацкой вольной среде встречалось немало и так называемых «диких попов», что были чем-то не угодны официальным церковным властям.

В мирное время многие казаки отправлялись пешком «на прощу» (покаяние. — *Примеч. ред.*) — поклонялись святым местам, разбредались по монастырям, где говели, исповедовались, приобщались к высоким идеям веры. В конце жизни престарелые, недужие и «зубожалые» (больные и беззубые. — *Примеч. ред.*) сечевики находили приют в церковных «шпиталях» (больницах. — *Примеч. ред.*), спасались по монастырям, которые имели «большое поможение из Запорожья». Самым главным у казаков считался Самарский Свято-Николаевский пустынный монастырь. Он, кстати, был единственным монастырем в пределах запорожских вольностей.

Первые монахи в Самарской толще (так запорожцы называли густые дубравы) появились в 1576 году. Этим годом и определяют основание скромной монашеской обители, ставшей впоследствии крупным монастырским поселением. Вообще Посамарье было для казаков укромным надежным местом, где можно было спокойно заняться добычливыми промыслами, предаться хозяйственным делам, укрыться от внезапного набега степняков. Запорожцы недаром называли Самару «святой рекой» — тут и рыбы было вдоволь, и зверя по берегам достаточно, и древесного строительного материала в лесах хватало. И сегодня, подъезжая к Новомосковску, обращаешь внимание именно на лесистость местности, первозданную плавневую глушь.

Монастырь расположен в нескольких километрах от города — на обочине шоссе стоит даже указатель. От трассы до монастырских ворот можно пройти минут за десять. По тенистой аллее шагаешь бодро и легко. Будто уходишь от суетного мира в жизнь иную — давнюю, потаенную, полную сказок и преданий. Лесная дорога незаметно становится уличным протяжением. Справа на заборе табличка «ул. Монастырская, 1». Это адрес монастыря. Ворота распахнуты. Во дворе пусто. Пахнет укропом и молодыми яблоками. Вокруг тишина. Слышен лишь шелест малых птиц и тихое журчание воды. Ослепительно белые стены храма, часовни, трапезной, братских келий, свежая лесная зелень и чистое голубое предзакатное небо — так здесь было и век, и два, и три назад. Запорожцы облюбовали эту обитель возле Самары еще в XVI веке, построив в честь своего небесного покровителя Николая Чудотворца деревянную церквушку. С тех пор здесь находили покой «абшитованные» (отставные) казаки, отошедшие от военных дел старшины, пострадавшие на поле брани воины, а вокруг охотно селились казаки-зимовчаки, добытчики рыбы, звероловы. Однако даже опека запорожского рыцарства не спасала монастырь от многочисленных бед, разорительных вражеских набегов. Но казацкая святыня вновь возрождалась и «организовывалась» — для новых подвигов и мо-

литв, высоких мыслей и духовных свершений. Во время Новой Сечи Кош передал монастырю обширные угодья с мельницами, сенокосами, лесами. При монастыре были устроены лечебницы, школы, дома — *вیتالни* для странников и гостиницы для паломников. Монастырский городок на Самаре вполне мог бы стать столицей казацкого ордена...

О давних временах и казачестве напоминает лишь большой черный крест на заросшем высокой травой бутре возле монастырской ограды. Внизу на плите выбиты слова: «Спынися (остановись. — *Примеч. ред.*), перехожий, и в час ясный чи непогожий, пиднисши серце пломинке у высь, за Украину щиро (истово. — *Примеч. ред.*) помолысь! Казацкий Пустынно-Самарский монастырь Св. Николая». О чем молятся нынешние монахи (их тут сегодня и десятка не наберется)? О чем молились запорожцы? Что просили в своих молитвах? Воли? Покоя? Спасения? Где, в каких землях их обрести?

Гостина

Теплый тихий вечер. Скользнули над рекой туманы. Зажглись над плавнями первые звезды. Казаки потянулись к костру, который весело играет пламенем на песчаной косе. Над огнем покачивается закопченный казанок с душистой юшкой. Свет костра привлекает одинокого казака-камышника. «Улов на рыбу!» — приветствует бродяга присутствующих. «Хоть и не рыбно, так юшно! — выкрикивает какой-нибудь шутник. — Ложку имеешь? Прислоняйся к казанку — не обделим». Или, например, такая сценка... Возле степного костра сгрудились чабаны, которые пасли общественных сечевых овечек. Послышался топот копыт. Из темноты выросла фигура всадника. Это из Сечи от войскового табунщика прибыл посыльной. «Хлеб-соль, паны молодцы!» — восклицает запорожец. «Едим, да свой, а ты у порога постой!» «Нет, братцы, — усмехается сечевик. — Так не пойдет. Дайте и мне место».

И тут же вынимает из ложечника, что висит на поясе, вырезанную из груши и украшенную вензелями ложку. Подобные «гостевые» диалоги с разнообразными вариациями и интонациями можно было услышать в разных уголках казацкого Великого Луга. Для запорожских казаков гостеприимство было той извечной и крепкой земной основой, тем заведенным с дедов-прадедов порядком, на котором держалось бытие. «Сей обычай был у запорожцев не только к приятелям и знакомым, но и к посторонним людям, и наблюдали сию страннолюбия добродетель строго и неупустительно», — отмечали современники приветливость сечевиков. Плавневая юшка или казацкий степной кулеш часто превращались в трапезу, которая соединяла многих незнакомых до этого людей. Чумака чумака, рыбака рыбака, а казак казака издали видят. Под разными крышами свободному запорожцу приходилось быть гостем, часто и он сам принимал гостей. Разные люди попадали к казакам. Иные месяцами жили среди них. И никто не смел сказать гостю: «Ты даром казацкий хлеб ешь». Если же кто из сечевиков все же укорял чужака за гостевую дармовщину, то его свои же и одергивали: «Ты, братец, видать, заказаковался, что так к гостям относишься».

Дорога ведет от ворот, к воротам, наконец, и приводит. Гора с горой не сойдутся, а человек с человеком, как и вода с водой, обязательно встретятся. Разные пути и проселки приводили к воротам. Среди них в старину были и «гостинцы» — дороги, которыми двигались чумаки, паломники, кобзари. Позднее на Украине «гостиной» стали называть вообще и гостевание, и гостевые ритуалы, и подарки, и самых гостей. Немного нужно было дорожному человеку, который оказался под гостеприимной крышей. У него одна забота — немного отдохнуть и дальше пойти. Путник лавки не засидит, кровати не заспит. Это хорошо понимали запорожские казаки, которые сами много странствовали. Часто в степных бурдюгах и плавневых хижинах, которые никогда не замыкались и были «открытыми всегда и для всех», казаки специально для бродячего люда оставляли на виду про-

дукты. Путник при желании мог даже разложить костер и приготовить из них себе обед. По запорожскому обычаю, пришлый человек, поев и отдохнув под чужой крышей, в знак благодарности делал из дерева маленький крестик, который оставлял в бурдюге. Вот как об этом обычае гостеприимства рассказывал кущугумовский дед Джигирь: «Кзаки ни в чем не таились. Как идут куда — курень не закрывают. Войдешь в курень — казан висит, пшена мешочек, мука, вяленая рыба, а удругого и ваганы меда стоят. Хочешь, мед ешь, хочешь, тетерю вари или кулеш. За еду ничего не скажут, а брать из куреня — не бери: узнают — дадут нагаек». Если же хозяин неожиданно приходил и заставал гостя, то был рад ему, как брату, и встречал «будто отца, ведь только и родни ему в широкой степи, что пришлый человек».

В казацких землях существовал определенный ритуал встречи гостей. Часто сечевики гостили в зимовниках казаков-гнездюков. Приблизившись к плавневому хутору, гость трижды выкрикивал: «Пугу, пугу, пугу!» Это был условный гостевой сигнал, услышав который хозяин дважды отвечал: «Пугу, пугу!» Гость радостно восклицал: «Кзака с Лугу!» Однако недоверчивому зимовчаку и этого было мало. Он продолжал допрос: «А с какого Луга — с Великого или Малого?..» И тут же, убедившись, что перед ним свой брат казак, степенно отвечал: «Если с Великого, то иди до круга». После обмена условными сигналами хозяин приглашал гостей в дом. Сечевики кланялись и говорили: «Атаман, товариство, ваши головы!» На это зимовчак вежливо отвечал: «Ваши головы, ваши головы». И тут же интересовался: «Откуда же вы будете?» — «Базавлук!», — восклицал кто-то из гостей. «Саламаха и тузлук!» — радостно выкрикивал хозяин (иными словами — «хлеб и соль». — *Примеч. ред.*). Это уже был прямой намек на то, что «гостина» не обойдется без угощения. Летом оно, как правило, происходило на дворе. На колоритной жанровой картине Фотия Красицкого «Гость из Запорожья» (1901) изображен зеленый уютный селянский дворик. Посредине сидит запорожец, с плеч которого свисает кунтуш. Перед ним на траве — ска-

терть, уставленная напитками, нехитрой снедью. Рядом с гостем — гордый хозяин. Вполне возможно, что это средней руки хуторянин-зимовчак. Его жена привела двоих детей — сына и дочку. Пусть запомнят на всю жизнь и своим детям расскажут, как надо принимать сечевиков. Чаще же всего, особенно в ненастную пору, гостей приглашали в дом: «Пусть полы не висят (т.е. — не настелено деревянных полов. — *Примеч. ред.*), вот скамья вам, ваши ноги вам для дороги, а не для нашего пола. Садитесь, чтобы все доброе садилось». Пока хозяйка накрывала стол, можно было немного отдохнуть, расслабиться. «Как вы здесь поживаете?» — спрашивали гости. «Посредине: как вчера, так и ныне», — сдержанно отвечал хозяин. «Ну, а у вас как на Сечи дела?» — «Живем помаленьку, с ноги на ногу. Отбываем службу — когда в дружбу, когда за так». Ответ всех удовлетворял: не годилось хозяевам, не накормив, расспрашивать гостей, не годилось и гостям лезть в душу хозяевам. И вот, наконец, все сели за стол.

Оказать внимание гостю, уважить его для казака-зимовчака — это прежде всего сытно и щедро угостить его всем, что он смог вырастить и добыть. «Если бы не мы и не вы, то мы б тут не были и горилочки не пили» — где гости, там и веселая трапеза, где гостевое застолье, там и хмельное зелье. Так уж с дедов-прадедов повелось на казацких землях. «Поставив тарелки, ставь и по чарке горелки, — приказывал суровый зимовчак жене и добавлял: — Дай, Боже, гостя в дом, то и я погуляю при нем. Мы люди простые: хлеба скибку, сяку-таку рыбку, сала кусочек, соли щепочек и горилочки чарчину (чарочку. — *Примеч. ред.*), — заморюсь, чихну и опять начну». Гостю — лакомый кусок, полная чара, почет и уважение, но и он в долгу не оставался, благодаря хозяев, скажем, таким тостом: «По такой мове (за такие слова. — *Примеч. ред.*), бывайте и вы здоровы. Дай вам, Боже, с неба, чего треба». После обязательных традиционных тостов за хозяев и гостей, громкие победы и богатые трофеи со всех сторон начинали сыпаться шуточные прибаутки, благие пожелания, розыгрыши. «На здоровье нам, на зло врагам, на безголовье боль-

шим панам и тем чертовым сынам, что завидуют нам!» — выкрикивал один гость. «Чтоб пилось и елось, и назавтра хотелось, а служба и работа чтоб и в голову не шла!» — качал рюмкой перед носом у соседа другой захмелевший остро слов. «Бывайте здоровы, живите гаразд (долго. — *Примеч. ред.*), как у вас не станет, вертайтесь до нас!» — едва ворочал языком третий любитель окочивитой. «Ну-ка, самарцы, потянем по чарце!» — пугая детей, обвинял земляков четвертый казак. «Дай, Боже, чтоб все было гоже, а как не гоже, то не дай, Боже», — крестился на печи подслеповатый дедок с длинными седыми усами. Из песни слов не выбросишь, из-за стола гостя быстро не выставишь. От пустой рюмки стыдно, а от полной жаль отпускать гостей. И все же наступало время прощаться. Пили, по казацкому обычаю, «на коня» — «отъездное» («гладили дорогу») и поднимались из-за стола.

Случалось, что гости оставались и на день, и на два, гостили и дольше. И это уже не очень нравилось хозяину. «Беги, посмотри, что бурлаки делают», — приказывал он хлопчику, что прислуживал ему. Тот возвращался и докладывал: «Вошей бьют». — «Ну еще задержатся», — вздыхал гнездук и продолжал кормить гостей. Через несколько дней слуга говорил, что казаки начали «лататься» (зашивать порванную походную одежду. — *Примеч. ред.*). «Ну теперь скоро пойдут», — определял хозяин. Так и выходило. Гости, наконец, собирались в дорогу. Какое угощение, такое и благодарение: «Спасибо Богу и мне, а хозяину нет: он не накормит, так другой накормит, а с голода не умрем». Старый зимовчак не обижался: он сам был когда-то казаком, под разными крышами бедовал, поэтому знал и цену казацкой шутке...

Где стал, там и стан

Небом покрыто, ветром огорожено жилище казака в чистом поле. Под голову кулак, а под бока и так. Когда же возникла необходимость спрятаться от врага или непогоды, то за-

порожец не терялся. Для укрытий использовал пещеры в скалах, норы в глинистых кручах, выворотни (вывернутые ветром корни деревьев). До недавнего времени выпасавшие скот в плавнях жители приднепровских сел устраивали в дуплах временные жилища, тайники для вещей (для этого их расширяли с помощью костров). Некоторые умельцы даже двери навешивали. Подобные «дуплянки» могли использовать для укрытий и запорожцы. Ничего не стоило смекалистому и изобретательному сечевнику построить из веток и камыша шалаш. По днепровским берегам немало было пещер, которые казаки приспособляли для своих жилищных нужд. «Каменниками» называли пробивавшихся к сечевикам одиноких степных скитальцев, что жили «в каменных пещерах по берегам Днепра, против его порогов». Знаток казацких «оседлиц» Дмитрий Яворницкий, например, описывает одну «казацкую» пещеру, которую в народе называли «Гайдамацкая хата» — «это огромнейшая пещера, “выклеванная” в скале и могущая вместить в себя до двадцати и даже более человек. По рассказам местных стариков, в этой пещере имели свое пристанище гайдамаки, скрывавшиеся здесь от преследования поляков. Говорят, что пещера эта обита была красным сукном, а после их ухода долго скрывала в себе оставленные ими сокровища...»

«Рой землянку спозаранку», — наставлял опытный лугарь своего товарища, который отправлялся в дальний путь. Неизвестно у какого животного подсмотрел человек, однако вырытые или случайно обнаруженные углубления в земле с древних времен использовались людьми в краях за днепровскими порогами как временные укрытия и даже жилища. Запорожцам земляные убежища сослужили неплохую службу. В степных балках, по днепровским берегам можно было встретить землянки самых различных типов. Вот как, например, описывает земляное казацкое убежище в районе порогов один путешественник: «В землянке устроена была печь с длинной лежанкой, по самой середине стоял столб, на котором висели сумки с разным добром

дедов, и от столба вверх поднималась лестница в виде ступенек, сделанных по земле». Бурдюгами у сечевиков назывались «одиночные, без всяких обыкновенных прибавочных построек, землянки, кое-где разбросанные по безлюдной и глухой степи...» Эти хатки строились быстро, без премудростей и украшательств. Сначала выкапывалась яма, по ее периметру в рост человека делались плетенные из лозы стены. Снаружи они обмазывались глиной, перемешанной с кизяками, подбивались по низу землей и обставлялись кураем. Крышу делали из плетня или покрывали камышом. Для строительства бурдюгов часто использовался дерн. Окошки в таких хижинах были маленькие, круглые «как тарелочки», вместо стекла натягивался соминый пузырь, печь представляла собой очаг из диких камней, которые быстро нагревались и отапливали бурдюг. Такие хижины редко запирались, были всегда открыты для бродячего люда. Гость находил продукты в бурдюге, отъедался, отсыпался, а уходя, оставлял часть своего продуктового запаса. В виде благодарности посреди стола втыкал маленький крестик из дерева.

В походах запорожцы жили в палатках, шатрах, кошах — войлочных шатровых укрытиях. «Ой, хмарится-туманится — стал дождь накрапать. Гей, пора нам, хлопцы-добры молодцы, намет (палатку) напінать. Натянули намет, намет красный, голубые стены», — поется в одной народной песне. Нередко походные жилища устанавливались на возах или на помосте с двумя колесами. Коши «обшиты были кругом полостями и, для удобства передвижения с места на место, устроены были на двух колесах». Побывавший в XVI веке у запорожцев дипломат Эрих Лассота писал в своем путевом дневнике, что казаки поместили гостей в «шалашах, называемых ими кошами, которые сделаны из хвороста и покрыты, для защиты от дождя, лошадиными кожами».

В Сечи традиционным жилищем казака был курень. Это была своего рода казарма, в которой жили боевые подразделения сечевиков. Она представляла собой просторное помещение

без перегородок с помостами вдоль стен. Посредине стоял длинный узкий стол — «сырно». По краям его могли просверливать отверстия для свеч. Курени строились из деревянных колод, глины, покрывались тростником, дерном, шкурами.

Без любви, но и без печали

От балки Бабурки, по которой протекает речка Средняя Хортица, произошло название селения, а потом и целого микрорайона города Запорожья. Рассказывают, что в балке когда-то жил запорожец Бабура... Есть и такая версия происхождения названия. В казацкие времена через балку проходила дорога, возле которой стояла корчма, где всем заправляла крутая шинкарька. Казаки нередко расплачивались с ней за выпитую горилку сапогами и шапками. Очухавшись на Сечи в родном курене среди товарищей, вздыхали: «Бабы урки, бабы урки». Так балка стала Бабуркой — местностью, где жила бессовестная шинкарька — «баба урка».

Что ж, факт общеизвестный: казаки не особо жаловали женщин. Не то чтоб совсем обходились без них, однако и не спешили соединить с ними свою судьбу, обходясь мимолетными встречами. «На казаке нет знака, пусть девка отбивает, как сама знает», — говорили в народе. Во всяком случае женщинам в казацкую столицу вход был заказан. «Самый древний и самый строго сохраняемый обычай у запорожских казаков, — замечал француз Лезюр, — был тот, который исключал, под страхом быть казненным, появление в Сечи женщины; отступление от этого обычая никогда не проходило безнаказанно, и в этом случае удивительнее всего то, что эта оригинальная республика устроилась в тех местах, где было, по преданию, царство амазонок». В чем тут дело? Почему запорожцы-сечевики отказывались от подруг, которые так облегчали жизнь их собратьев казаков-зимовчаков, державших хутора на плавневых островах? Высшей святыней и ценнос-

тью для запорожца была свобода. Ради нее он готов был отказаться не только от семьи, но и вообще от общения с женским полом. Степь да воля — казацкая доля. Попадая к сечевикам, человек невольно привлекался к товариществу, некоему таинству сутобо мужского круга, символически венчался с «невестой» — свободой. «Оженись на вольной воле, на казацкой доле», — утверждал прозорливо поэт. К тому же обзаводиться семьей в условиях постоянной готовности к походам и войнам, частых стычек с врагом, кровавых набегов было небезопасно. Другой «женской» фигурой казацкого символического венчания была смерть: «Взял себе паняночку — в чистом поле земляночку...» Эти два традиционных образа дополняли друг друга. Кто посвящал свою жизнь свободе, подвергал себя множеству опасностей и, в конце концов, встречался со смертью, которая, кстати, трактовалась нередко как избавление от несвободы земной жизни.

Казак — охотник, воин, игрок, однако прежде всего он, наверное, человек, и женщина в круге его бытия — одна из главных жизненных необходимостей, как потребность в еде и питье. Как же обходились казаки в диких краях без женщины? Чем и как утихомиривали природную страсть? В известной народной песне про атамана Сагайдачного поется, что «он променяв жинку на тютюн та у, необачный». Так ли уж *необачным* (т.е. опрометчивым, неосмотрительным) был на самом деле казацкий ватаг? Дело в том, что казацкие знахари знали немало трав, которые в смеси с табаком снижали половую возбудимость и успокаивали нервы. В этом отношении примечателен, например, зверобой — средство «от 99 болезней». В том числе и от повышенной потенции у мужчин. Еще более «разбивает силу похоти» настой цветов желтой кувшинки. Ее желтыми кубышечками летом были усеяны плавневые озера. В старину кувшинку называли одолень-травой — с помощью ее лепестков казаки одолевали соблазн и обретали спокойствие духа. В плавнях было много и других растений, которыми лечились «от любви». Скажем, от излишней возбудимости запорожские знахари-травознаи советовали дю-

жим молодцам пить отвар из ряски или сок, выжатый из тростника. Между прочим, благотворное действие ряски на нервную систему подтверждено и современными исследованиями. Успокаивало и «ублажало» похоть пиво, которое так любили казаки. А если еще запарить три-четыре шишки свежего хмеля в *кухле* (кувшине. — *Примеч. ред.*) кипятка, то «любовные» заботы совсем улетучивались.

Без любовных утех и женской ласки жили запорожцы в диких пущах за порогами, однако они не печалились, не предавались расслабляющему дух унынию. Было много других азартных порывов, счастливых состояний и блаженных мгновений. Похлебают, скажем, казак горячего кулеша с дымком, попьет пивка, подымит люлькой, в которую набит ядреный табачок в смеси со зверобоем, подремлет на горячем песочке возле Днепра — и представится ему, что рай на земле возможен и без длинноволосых полногрудых созданий...

Одному мука — десятерым наука

Где правда? Какая она? «Бог тебе судья», — говорили, когда не знали, чем и как покарать виновного. Судил Бог, однако судили и люди. Божий суд на небе, человеческий — на земле. Степь и воля были самой большой ценностью для казака, но в то же время запорожцы понимали, что в их бедах виновата часто не доля, а именно безграничная, неконтролируемая воля. Поэтому в обыденной жизни Запорожья без суда проходил едва ли хоть один день. Куренной в собственном доме был для казаков и отцом, и начальником, и судьей. Судьями также выступали и старшины. А вообще-то мирили, разрешали спорные вопросы, разбирали конфликты военные судьи. Однако нередко случалось так, что по неписаным законам обычного права судила сама казацкая община. «Где три казака, там два третьего судят», — говорили в народе.

Чья вина, того и грех, и кара. Драчунов обычно запирали в пушкарню или сажали в яму. *Залого*(охрана) была к таким заключенным снисходительна, охотно удовлетворяла их мелкие просьбы. Нередко «под честным караулом» оказывались казаки, что ожидали судебного приговора или во время следствия, которое проводилось «по самой справедливости, зрым оком».

Популярным наказанием на Сечи было привязывание виновного к позорному столбу и избивание его кнутом, розгами или палками. Эти орудия лежали в ногах осужденного, и казаки, проходя мимо, били или хлестали с силой, которая зависела от антипатии к провинившемуся. Иногда наказание кнутом осуществлялось на специальной деревянной «кобылке». По-разному вели себя осужденные. Одни ныли, другие громко кричали, большинство же мужественно терпело боль. И лишь когда их освобождали, усмехались: «Исписали спину, что и курице негде клонуть». За оскорбление начальства, случайное убийство человека, что не принадлежал к сечевому товариществу, а также должников привязывали к пушке на площади. Иногда должник оставался привязанным до тех пор, пока кто-нибудь не соглашался заплатить за него долг. За ранение в пьяном виде товарища ножом изредка допускалось «переломление одной ноги на сходке», за большую вину калечили ногу и руку.

Суровая кара ждала убийц. Кто лишал жизни своего «братчика», того вместе с убитым клали в гроб и закапывали в землю. За повторное воровство и другие тяжкие преступления виноватого ждала виселица... Ожидая приговора суда, казак размышлял: «Если будут бить, то не будут вешать, а как будут вешать, то обойдется без побоев». Если все-таки его собирались казнить, сечевик прощался с товариществом и горько усмехался: «Пошли наши в гору (наверх. — *Примеч. ред.*) — по два на виселицу». Иногда преступника цепляли за ребро железным крюком. Случалось, что по «басурманскому» обычаю осужденного сажали на кол. Такая смерть называлась «столбовой». В старинных хрониках встречается детальное описание этой казни — «ост-

рый конец кола пронзал всю внутренность человека и выходил между позвонками на спине». Обидно? Больно? Страшно? Однако такими были суровые неписанные законы пограничной жизни. Одному казаку мука — десятерым наука...

По промыслу и ремеслу

«И швец, и жнец, и на дуде игрец», — говорили о сельских умельцах, ко всякому делу охочих и способных. Это будто про запорожца сказано. Поп жил с алтаря, писарь — с каламаря, а казак — с войны, вольных добычливых промыслов. Чтоб выжить в диком краю, нужно было уметь и рыбу поймать, и птицу подстрелить, и травку целебную найти, и корешок съедобный различить. А для этого необходимы были различные снасти и орудия лова, посуда и одежда. А еще жилье, транспорт, оружие. И в походе, и на хуторе, и у себя в курене запорожец был сам себе и ловец, и швец, и плотник, и кузнец, и шорник. Сечевнику не приходилось долго носить за плечами ремесло. Что ухватит казак, то сразу же и сделает, куда направит мысль, протянет руку, там уже работа, дело, что требует и специальных знаний, и опыта, и умения, и сноровки. Дикая природа кормила казака, она же и учила многим ремеслам, и развивала способности, заложенные предками — охотниками и рыбаками, и требовала на каждом шагу решительных действий, изобретательства. Сечевики ценили товарища за храбрость, силу, рыцарство, а еще за сметку, умение показать себя в любом деле. Запорожцу, который прошел огонь и воду, был на коне и под конем, мог и рыбу с кручи поймать онучей, и кашу без огня сварить, и коня на скаку подковать, и черта с рогом склеить. И различными женскими рукомерами владел казак: и в походе, и на рыболовецком стане был он сам себе и стряпухой, и посудомойкой, и швачкой, и прачкой. Вопреки расхожему мнению о запорожце, который, если не воюет, то горилку пьет или вшей бьет, многие путеше-

ственники, побывавшие у казаков, отмечали их «ремесленную» занятость. «В стране Запорожской вы найдете людей, которые умеют все ремесла, необходимые для общественной жизни: плотников для постройки домов и лодок, стельмахов, слесарей, мечников (оружейников), гарбарей, швцов, бондарей, кравцов», — читаем мы у Боплана. «При самой Сичи жили разные мастера — котляры, пушкарники, кузнецы, слесаря, сабельные мастера, сапожники, портные, плотники», — это строки из трудов признанного знатока казацкого быта Дмитрия Яворницкого. Казаки, которые достигли совершенства в каком-нибудь ремесле, были на особом положении в запорожской общине. Профессионалы-ремесленники «по их казацкому манеру и обыкновению» работали за плату и числились в куренях наравне с другими казаками, однако строевой службы не отбывали «ради своего ремесла».

В окружающем растительном мире запорожец быстро находил и приспособлял под свои хозяйственные нужды различные растения. В почете у лугарей было главное плавневое богатство — тростник, камыш, рогоз. Тростником они покрывали свои жилища, рыбацкие шалаши, из тростниковых снопов сечевики делали обвязку для «чаек», а пеплом от сожженных метелок тростника присыпали раны. Рыбаки из рогоза плели маты, пасечники — ульи, а пастухи — шляпы — *брыли*. «На казаке и рогожа пригожа», — это сказано о запорожце, умеющем сплести из рогоза пусть даже и неказистую на вид, однако служащую отличной защитой в непогоду одежку. А чтоб рогозовые (как, впрочем, и другие) изделия не портились и не загнивали, их вымачивали в дубовой коре. «Он из песку веревки вьет», — говорили о сметливом мастеровитом казаке. Веревка из песка — это, конечно, преувеличение, а вот то, что возможно изготовить крепкую веревку из растительных волокон, сомнения не вызывает. Лугарю ничего не стоило сплести длинную и крепкую веревку из листьев рогоза, стеблей камыша. Родными были для казаков-лугарей плавневые верболозы. Верба, известное дело, груш не

родит, с нее и дрова никудышные — но в то же время верба не боится влаги. Из вербовых колод казаки выдалбливали посуду, корыта, челны. Повсеместно лугари использовали вербу для различных каркасных сооружений. Ограды — *тыны* из верболоза были характерной приметой плавневых зимовников. Из ивовых прутьев запорожские мастера плели корзины, короба, ятера. Для хозяйственно-бытовых надобностей шли в дело и жгуты травы, которой было много и в степи, и на плавневых островах.

Особенно ценились среди запорожских казаков *гарбари* — мастера, которые занимались обработкой шкур. Шкуры нередко были главной целью охоты запорожских звероловов. Ведь шкура — это и одежда, и подстилка, и крыша над головой. Однако, чтоб она стала таковой, ее нужно было должным образом обработать. О казацких кожевниках у одного древнего автора есть такие строки: «Некоторые из них есть и художники, — выделывают сыромятные кожи и овчину...» Почему «художники»? Да работа такая — тонкая, деликатная, творческая. Самое главное — умело убрать куски мяса и жира. Операция эта называлась мездрением. Шкуру клали на колоду, обструганную с одной стороны горбылем, и скоблили тупым ножом — *мездряком*, обломком косы. Чтобы мездра легче снималась, ее посыпали смесью из отрубей и ржаной муки и выдерживали в соляном растворе. Особо жирные места смазывали глиной, которая впитывала жир, а саму шкуру обрабатывали киселем из овсяной муки. Обязательной операцией было дубление, при котором употребляли настой дубовой или ивовой коры. Было еще много других технологических приемов, которыми в совершенстве владели запорожские *гарбари*...

Ой чумаче, чумаче...

«Как вспомню про чумачку (чумацкое ремесло, чумацкая жизнь. — *Примеч. ред.*), то аж сердце мне сожмет от сожаления, что ее нет, минула. То ж жизнь была! Вот какой я старый,

но и теперь бы полетел, лишь бы только услышал, что где-то были такие чумаки», — вздыхали седые деды, которые не могли забыть свою овечьную степными ветрами чумацкую молодость. Затаив дыхание, с горящими глазами слушали рассказчиков парубки. Зажиточные гречкосеи, правда, смотрели на это несколько иначе. «Ой чумаче, чумаче, жизнь твоя собачья», — жалели они казачков, которым «пахла» (которых влекла. — *Примеч. ред.*) чумацкая дорога. Однако те, готовясь к степному походу, не журились и не теряли бодрости. «А вже весна, а вже красна, из стрех вода капле, молодому козаченьку мандрибочка (путь-дорога. — *Примеч. ред.*) пахне», — на разные голоса на сельских улицах звучали веселые песни-веснянки. Разве может домосед понять душу странника, которому крышей служит небо, а постелью — трава? Домашняя дума в дорогу не годится. Под силу ли, по уму ли самому справному господарю, твердо и надежно сидящему на хлебной земле, разобраться в мыслях чумака, отправляющегося по весне за тридевять земель искать долю?

Издавна возникла у людей потребность обменивать, продавать и покупать различные товары. Погнало горе к морю пить — часто за самым необходимым приходилось ехать за сотни, а то и тысячи верст от родного дома. Торговля во все времена была делом почетным, однако небезопасным. В дикой степи от чумаков, как и от купцов, что с караванами отправлялись, скажем, по Шелковому пути, требовались и смелость, и выносливость, и хитрость, и практическая сметка. «Не хочешь казаковать, иди чумаковать», — советовали старики внукам, в которых играла молодая кровь. Некоторые исследователи считают, что торговцы-чумаки появились в степи даже раньше казаков. На землях запорожских вольностей чумаки были объединены в артели, в то же время они, имея при себе соответствующее вооружение и боевой опыт, даже входили в состав Запорожского низового войска. Позже чумацкий промысел распространился по всей Украине и стал известен далеко за ее пределами.

Во все времена к чумацкому промыслу имели прямое отношение запорожские казаки. Французский консул при крымском хане Пейсонель писал в 1788 году: «Украинские казаки и запорожцы приходят в Очаков, привозя баранье сало, табак, снасти, коноплю, российское полотно, дрова, точильные камни, уголь, вяленую рыбу и рыбий клей и вывозя оттуда греческие и аккерманские вина, соль, сушеные плоды, масло, сало, сафьян и седла». «Чумаче, чумаче, у тебя лицо козаче», — говорили в народе. А народная песня «Ой з-за Дону, з-за реки» начинается словами «Ой з-за Дону, з-за реки выходили чумаки, черноморские казаки». И чумацкое вооружение, и военная тактика степных торговцев не раз выручали запорожцев. Например, народная песня «Ой что то за крячок» воспекает взятие в 1637 году донскими и запорожскими казаками Азова. В этой поэтической балладе описываются детали боевой операции, в частности рассказывается о том, как казаки, переодевшись чумаками, привезли в крепость вместо товара вооруженных воинов. Нередко чумаки выступали в роли разведчиков, связных, казацких почтарей. В 1675 году Иван Сирко отправил письмо гетману Петру Дорошенко через «случившихся на ту пору» в Сечи чумаков. Торговцы нередко останавливались в хатах казаков-зимовчаков. Безопасность чумака была не только обязанностью хуторянина-лугаря, но и источником его дохода. Частенько случалось, что чумаки подолгу задерживались в Сечи, нередко оставались в Великом Лугу на всю зиму. «Сидит пугач на могиле та все: "Пугу! Пугу!". Собирайтесь, славные чумаченьки, зимовать до Лугу», — поется в народной песне. Бывало и так, что хуторянин, наслушавшись рассказов чумаков о дальних странах и вспомнив свои боевые походы, бросал хозяйство и становился торговцем: «Фортуна, небого, послужи немного. Служила в казацтве, теперь послужи в чумацтве».

Если запорожцы сами и не ездили по степям с товаром, то обязательно сопровождали чумацкие обозы, защищая их от нападения степняков. За это чумаки платили сечевикам «ралец» —

подарок-плату проводникам. За переправу через реки, проезд на паромках и по мостам казаки брали с чумаков особую пошлину — «мостовое».

Кто же они, украинские чумаки? Откуда вообще взялось это слово? Здесь единого мнения нет. Одни считают, будто оно происходит от татарского «чум» или «чюм», что значит «ковш». Деревянный корячок в дороге был действительно удобной посудиною для питья. Другие, соглашаясь с татарским корнем, настаивают на том, что у татар этим словом называли извозчика. Кто-то вспоминает чуму, которая свирепствовала на юге, — из-за торговцев эта страшная болезнь могла быть занесена и в Украину. Чуму называли «черной болезнью» — на лубочных картинках она изображалась в черной одежде. Чумаки, сорочки и штаны которых для защиты от гнуса были «пошмарованы» дегтем, внешним видом напоминали эту не весьма приятную гостью с косой. В персидском языке слово «чумак» означало палку с утолщением на конце. Часто в степи можно было встретить и путника с такой палкой, и чабана с «герлигой», и чумака с палкой — *кыйком*. Недаром в народе говорили: «Кий в степи чумакам хозяин».

А вот какое объяснение этого термина я услышал во время экспедиции по чумацким южным дорогам от одного старого степняка в соломенном «брыле» с лихо загнутыми полями.

— Слово это, не сомневайся, состоит с двух частей, — авторитетно подняв вверх корявый палец, заявил он. — В степи раньше маков было, что тебе сейчас *соняшников* (подсолнухов. — *Примеч. ред.*). Вот тебе и одна часть — «мак». Ехал чумак, залюбовался их цветом. Хотел как-то выразить свой восторг, но то ли от красоты невиданной, то ли от ветра, то ли от лени у него дыхание сперло. В голове всплеснулось: «Чудовый мак!», а с губ слетело: «Чу... мак!» Такая вот клопотень выходит...

Чумацкие хлопоты начинались еще весной. Главной заботой были выбор и покупка волов. В воз — *мажу* впрягали, как правило, пару волов (*паровица* — пара волов с возом). Ярмо из-

готовавливалось трех типов: обычное, сошное (для неравных по силе волов) и *бовкуи* (для одного вола). Ярмо нередко украшалось различными узорами, на них также могла выжигаться и фамилия владельца. Чумаки этим нередко занимались в пути около степных костров. Иногда рога волов покрывали позолотой, разукрашивали разноцветными лентами, а во время праздников облепливали свечами. Некоторым волам на шею вешали *калатайла* — деревянные колокольчики. Заранее оборудовали и большие грузовые возы. На них чумакам нечего было бояться степной непогоды. Хочешь под воз залезай, хочешь под «застьолу», которой прикрывают зерно, а можешь и на возу схорониться. Крытые сверху от непогоды чумацкие повозки назывались «палубцами». А товар хранили в специальных кожаных мешках. И соли ничего не грозило (основным товаром чумаков была именно соль. — *Примеч. ред.*). Ее прятали под «напрядку» — вымоченную в дегте мешковину. Каждый чумаки имел при себе «истык» — палочку с железным наконечником, которой очищал колеса от налипшей грязи — *чорноземли*. Ее в степи после ливней хватало.

Много чего хитромудрого напридумывали чумаки — смекалкой и предприимчивостью представители древнего купеческого племени не были обделены. «Они не ученые, ничего не знают, чвалаями ходят, бесов проводят», — говорили о них гречкосей. Что ж, у чумаков были свои секреты и тайны, свое характерничество и знахарские приемы, свои дорожные законы и правила. К встрече с дорожными сюрпризами и чудесами они готовились заранее. Так, вернувшись из церкви после пасхальной заутрени, гречкосей торопились к праздничному столу, чумаки же первым делом натошак мазали освященным салом лицо, нос, губы, чтобы летом в дороге не потрескались от ветра и солнца.

На женах лежала забота об исправности одежды. Одевались чумаки просто. Просторная сорочка из сплошного полотна, которая в народе называлась *чумачкой*, шаровары или штаны из

грубой ткани, сапоги. Если вдруг штанина выскочивалась из голенища сапога, то шутили, что чумак сало украл (сунул за пазуху, а оно провалилось в штаны. — *Примеч. ред.*). Деньги и ценные вещицы чумаки прятали в кошельках-гаманах на груди или засовывали в *чересы* — широкие кожаные пояса, сшитые из двух ремней.

Верхней одеждой чумакам служили свиты различных покровов, кафтаны-чумарки, кожухи, плащеподобные кобеняки и опанчи. Торговцы побогаче предпочитали бурки и короткие щеголеватые жупаны из телячьей кожи, подбитые дорогой материей. Головы от зноя и непогоды прикрывали соломенными шляпами-брылями или шапками.

И вот прикуплена новая и подлатана старая одежда, упакован дорожный припас, уложен инструмент и кашеварные принадлежности — чумаки готовы в дальний путь. Трудной и опасной была чумацкая дорога. Поэтому и выезжали из села обозами, состоящими из десятка возов. Чумак-новичок никогда не путешествовал в одиночку, а всегда пытался пристать к артели. Во главе ее стоял опытный, степными ветрами и злой судьбой исхлестанный ватаг. Он ехал впереди на возу, запряженном лучшими («как с воды») волами. Рядом с ним сидел петух — *будимир*, которого брали с собой для отсчета времени в пути. В каждом обозе был свой кухарь, который отвечал за казаны, миски, продукты. Ложки же чумаки всегда держали при себе за голенищами сапог.

Обычно покидали дом под вечер. Совсем недалеко отъезжали от села и начинали готовить ужин. Так поступали для того, чтобы поблизости от родного жилища можно было проверить груз, подправить повозки перед тяжелой дорогой, кто-то даже успевал еще позабавиться с любимой или она сама прибежала в лагерь «на огонек».

С первыми лучами солнца обоз трогался дальше. Широкая пыльная дорога тянулась по безграничной степи. Чумаки не торопились, были уверены: тише едешь, дальше заедешь. Отдыха-

ли после знойного длинного дня на живописных берегах рек и озер, около криниц в балках. Где чумаки стали, там и стан. А где стан, там и веселый костер, и душистый дымок над казаном с кулешом, и захватывающее повествование о различных степных чудесах. Ночью над лагерем загорались звезды и протягивался звездный Млечный Путь — Чумацкий Шлях, в стороне от которого светилось созвездие Чумацкий Воз (Большая медведица). Под ним чумаки пели длинные и грустные песни.

Звучали они и в корчмах, и на заезжих дворах, и в селах, где торговцы останавливались. Повсюду чумаков встречали хлебом-солью. Сначала накорми, а потом расспроси. И старые, и малые заглядывали в рот путешественникам, за плечами которых не одна сотня степных верст. И Крым, и *крам* (товар) интересовали селян. «Эй, мама, чумаки едут, эй, мама, рыбу везет, пригласим, дадим хлеба, будет, мама, в доме рыба!» — выкрикивала детвора, заметив обоз, который приближался к селу. С радостью встречали чумаков «алчные» корчмари и веселые шинкарки. Иногда торговец «без царя в голове» так загуливал, что, распаленный водкой, бросал на пол шапку и кричал: «А мне уже не до соли, когда играют на басоли!»

... Так достигали чумаки Крымского перешейка. Здесь, у Перекопа, их ожидали с нетерпением. Дело в том, что продажа соли приносила немалый доход казне крымского хана. В 1764 году пристав перекопского промысла Баба-Иман писал кошевому атаману: «Соль произошла обильно противу прошедшего года: как обычай, села хорошо. Да при том же воды и травы в Крыму также и на пути везде изобильно, так что очень спокойно ныне для чумаков, а для скота кормов достанет... Да при том прошу прислать к нам возов два для вас, одолжаюсь самой чистой соли на ваш расход накласть. Причем прошу в незамедлении чумаков присылать за солью».

Со многими народами общались чумаки на ветреных солевых перепутьях, разным говорам внимали, разные диковинные обычаи наблюдали, под разными крышами угощались. Под

плеск соленой морской волны и звон цикад двигались их возы вдоль побережья. Но все больше хотелось услышать говор зеленой днепровской воды, шепот плавневых верб, клекот аиста над соломенной крышей. Уже ни вино не успокаивало, ни песня не утешала, ни молитва не лечила душу. И вот *валки*, повернув на север, стали спускаться с перевалов. Чумацкий воз (название созвездия. — *Примеч. ред.*) тряхнуло разок-другой на небесных ухабах-*черторожах*, и из него рассыпались по темному небосклону яркие звезды. Под ними раздавались хлесткие удары кнутов — *воловодов* и звучали зычные голоса:

— Цоб! Цобе! Но! Гей, с долины в долину та на милу Украину!

«Добрая штука те овцы...»

Что и в какой мере отпущено человеку судьбой? В чем его счастье? Попробуем взобраться на курган и обозреть степь и ее прошлое. Кем были наши очень далекие предки? Прежде всего кочевниками-скотоводами. Чем в основном занималось население степи в не очень отдаленные времена, лет эдак двести—триста назад? Выпасом и перегоном скота. Великая и щедрая степь принимала всех, и многие народы, замороженные ее богатством и красотой, «другого идеала счастливой жизни, кроме мирного пастушества, не видели». Об этом, в частности, свидетельствуют многие топонимы края за порогами. Само за себя говорит название реки Молочной. Кстати, среди коров самой молочной породой в Украине считается красная степная. Половецкое слово «сютана» (в древних летописях Молочная известна как Сютень) означает «кормилица, мать». Сочные травы по берегам реки являлись прекрасным кормом для скота кочующих по степи племен. Название самого большого левобережного притока Молочной речки Юшанлы означает «удовольствие», «наслаждение». Наибольшее наслаждение получал скот, который выпасался на здешних заливных лугах. Удовольствие от вы-

соких надоев конечно же получали и скотоводы. Названия Утлюкского лимана и впадающих в него речек Большой и Малый Утлюк связывают со словом *отлюк* — луга, выгон, пастбище, место, поросшее травой. К скотоводческим занятиям кочевников имеют отношение и тюркские названия близлежащих селений: Атманай (так называется и небольшая речушка, что впадает в Сиваш) — «недоступная для лошадей», Алтагир — «шесть лошадей».

Кочевника позвала в степь его отара, стадо, табун; казак стал вольным и быстрым как ветер благодаря коню. Забота о нем — наипервейшая насущная необходимость. Вот почему на особом положении в казацком войске были те, кто обихаживал, выпасал, присматривал, лечил лошадей и другую казацкую скотинку, которая кормила и одевала большое и разношерстное степное братство. Скотники, пастухи, чабаны, табунщики, гуртоправы считались едва ли не боевым подразделением подвижного запорожского войска. Недаром крытая пастушья повозка *коми* стала Кошем, обозначая все войско Запорожское, его главный сечевой стан.

Рядом под боком была степь, где «сена по колено, свежего поила по стойло». Без особого надзора («пустопашь») или под наблюдением опытных табунщиков по степи бродили казацкие кони. Неприхотливость, спокойный нрав, выносливость запорожских «огирей» (так у казаков назывались лучшие кони) славились даже в Западной Европе. Запорожцы-зимовчаки занимались и разведением рогатого скота, которым они иногда даже рассчитывались вместо денег. Дикие, безлюдные, заросшие густой и сочной травой островки Великого Луга были идеальным местом для выпаса коров, свиней, коз. Река Базавлук («баз» — скотный двор), протока Чабаны, Воловое озеро, балка Скотоватая — в этих плавневых названиях отразилась специфика занятий запорожцев-лугарей. А вот строки из одной старинной книги, что описывает урочища неподалеку от нынешнего Запорожья, в районе села Григорьевки: «В старину, на этой местности,

у «Великого Луга» были первые и наилучшие конские заводы запорожского казачества». После уничтожения Сечи заводы перешли в ведение казны, а слобода, образовавшаяся тут на берегу Конки, стала называться Консководовкой.

«Добрая штука те овцы — и кожух, и свита, и губа сыта», — шутили запорожцы. Поэтической страницей степи издавна было овцеводство. Им с удовольствием и немалой выгодой занимались и запорожские казаки. У иного казака была не одна тысяча овец. Их выпасом занимались специальные пастухи — чабаны. Предводители овечьих отар, которые большую часть года проводили в степи под открытым небом, имели довольно живописный вид. Овечьи пастухи были одеты в грубые полотняные сорочки, пропитанные салом; на шароварах, заправленных в разбитые сапоги, выделялись кожаные заплатки. Талия чабана была перехвачена широким поясом, украшенным медными пуговицами и бляхами. С одной стороны болтался рог с дегтем и *квачем*, которым смазывали ранки животных, с другого — висели щипцы для выдергивания червяков из ран (загноившихся ран скота. — *Примеч. ред.*), футляр-ложечник. Через плечо была перекинута торба — *гаман*, в которой хранились дорожные вещи. Чабан опирался на длинную палку с закруглением на конце — *герлигу*. Это был и посох, и оружие, и поперечина для походных казанов, однако главное предназначение «герлиги» — придерживать за ноги некоторых слишком резвых баранов. Чабаны часто одаривали сечевиков подсоленным овечьим сыром — брынзой. Она долго хранилась, и ее удобно было брать с собой в походы.

Летом от зноя в степи еще можно было укрыться в какой-нибудь балочке, зимой же пастухам негде было спастись. «Вот это поднимется ветер и начнет рвать землю: рвет-рвет, сыплет-сыплет песком», — рассказывали очевидцы про так называемые «драные» зимы, когда северо-восточные ветры сметают все на своем пути, «обдирая» даже землю. Как выжить? Как выстоять? Часто оставалось одно: спасать себя и скот стремительным бег-

ством к днепровским берегам. «Которые поспешали, то и в Луге зимовали, а которые не поспешали, то и в степи пропадали», — поется в одной думе.

В народе казацких пастухов, табунщиков, чабанов нередко почитали за характерников, ведающих не только великими тайнами степи, но и секретами человеческих душ. Множество легенд, таинственных, курьезных историй, скажем, об овечьих «ватгах» можно и сегодня услышать в степных селах. Об одном чабане рассказывали, что он однажды подслушал беседу двух каменных баб на кургане, другой своей «герлигой» зацепил какой-то стебелек, а под ним оказался клад, третий додумался заткнуть овечьей шерстью источник, что питал степную речку. Река обмелела — и в ней застряли вражеские корабли, которые преследовали казацкие «чайки». После победы над врагом чабан очистил родник, и река вновь стала полноводной.

Очистит зола, прополощет вода

Чем занимались запорожцы в свободное время? Как управлялись со своим хоть и не мудреным, однако требующим ухода вещевым хозяйством? Один исследователь казацкого быта писал о буднях сечевиков: «После завтрака каждый брался за свое дело: кто латал одежду или чинил сапог, а кто шел на Днепр стирать сорочку. А сорочка у казака была одна: выстирает ее в реке, обсушит на солнце и надевает опять». Что ж, казак и в походе, и у себя дома был и швец, и жнец, и на дуде игрец. Приходилось заниматься и сугубо женскими делами. Той же стиркой. Летом это было просто... Прямо в одежде бултыхнулся в речку или, не снимая сорочки и шаровар, прошелся вдоль бережка с бреднем — и уже будто в обновке. Поступали еще и так. Привязывали белье к веревке и бросали в стремнину. Свободный конец веревки прикрепляли к нависающей над водой ветке. Бурлящая между узкими берегами плавневых протоков или

кипящая в *заборах* и порогах вода за день добросовестно выстирывала казацкую одежду. Приходилось, правда, иногда и руками изрядно помять, потереть те же шаровары, или даже палкой поработать над ними. Недаром слово «прачка» означает, что белье не просто слегка трепали, кое-как полоскали, а именно «прали», то есть жали, давили, колотили вальками, прилагая значительные усилия. Такая стирка у казаков называлась *сухоперками* («сухоперкой» или «перепранкой» могла именоваться и старая рубаха, для стирки которой не требовалось особой тщательности).

Существует мнение, что запорожцы, много времени проводя в диких шлавневых пущах, «ни одежды, ни рубах почти до сносу не переменили, а мыть и совсем не знали». Однако это не совсем так. Обычай надевать перед боем, ответственной разведывательной операцией чистое белье имел и свое сугубо практическое значение. По запаху, исходящему от грязной одежды, враг мог учуять затаившегося в засаде следопыта-лугаря. Сорочка, как известно, была второй душой для запорожца. В его здоровом теле и крепкой одежде должен был сохраняться и «чистый дух», который не смог бы учуять ни зверь, ни человек.

Запорожские казаки стирали одежду не только в реке. В чанах, казанах, корытах они нередко парили белье в горячей воде, которую нагревали, бросая в нее раскаленные камни или даже ядра. Подобным образом в краях за порогами (они еще долгое время оставались неосвоенными) поступали и потомки запорожцев. Вот что об этом, например, писал ученый этнограф Я.П. Новицкий: «В Приднепровском крае приходилось видеть много находок запорожской старины, особенно много встречалось там пуль и бомб. Большой шар (пушечное ядро. — *Примеч. ред.*) есть почти у каждого хозяина приднепровского села, но предназначение совершенно неожиданное — они теперь принадлежат женщинам. Во время стирки белья сельские женщины нагревают шар докрасна, а потом бросают его в подготовленный, наполненный водой чан, который здесь называют шаплы-

ком». Все это была безмыльная стирка. Для более тщательной очистки нательного белья использовали растительные мыла. Скажем, мыльнянку (в народе ее еще называют «собачим мылом») или зорьку белую. Высушенные и измельченные корни этих растений, содержащие «мыльное» вещество сапонин, с водой дают много пены. Праздничные сорочки отбеливали с помощью золы. Чего-чего, а ее после казацких трапез и ночных посиделок у прибрежных костров везде хватало. После «золы» белье могло еще дополнительно крахмалиться в процеженных высевках или остатках постного пшеничного кулеша. Этим, правда, больше занимались не сечевые казаки, а лутари-зимовчаки. Вернее, даже их молчаливые надежные жены.

Посыпь мне соль на рану...

На войне как на войне. Никто из казаков, даже если он непосредственно не принимал участия в боевых действиях, не был застрахован от огнестрельных ран, переломов, ожогов. «Терпи казак горе, будешь пить мед», — говорили запорожцы. Умение терпеть не только душевную, но и физическую боль, вызванную ранением, весьма высоко ценилось у казаков. «Говорили, что больно, когда шкуру с живого человека сдирают, а оно будто комашня кусает», — подобными «шутниками», способными превозмогать с улыбкой на запекшихся кровью устах любую боль, гордилось все сечевое братство. О них слагали легенды. Как, впрочем, и о тех, кто и на поле брани, и у себя дома в Сечи мог облегчить страдания раненого товарища, кому были ведомы секреты врачевания ран, унаследованные от предков.

Обычно в дикой степи или плавневых дебрях казак был сам себе и лекарем, и знахарем — *шептун*ом, и даже хирургом. Из опыта, например, он знал, что при ударах в область живота наибольшие нарушения наступают при наполненном желудке. Поэтому перед атакой сечевик никогда не наедался до отвала. А пе-

ред разведывательной операцией всегда пил крепкий отвар чабреца, чтобы предупредить приступ кашля, который мог выдать его в засаде. Попала соринка в глаз, пока продирался через камышовую чашу, — тут же, не отставая от товарищей, наклонялся над водой и быстро моргал. Ушибся, спрыгивая с коня или вытаскивая лодку, — сорвал веточку полыни, растер в ладонях и приложил к больному месту. Укусила гадюка — не мешкая разводил костер, раскалял кончик ножа и прижигал ранку. Для остановки кровотечения употреблялось все, что было под рукой: сахар, мед, сажа, табак, пережеванный хлеб. Порезы даже могли круто посыпать солью, считая, что она, несмотря на первоначальное жжение, благоприятно действует на рану. У одного из исследователей казацкого быта мы можем прочесть о том, что казаки «для заживления ран прикладывали к больным местам растертую со слюной на руке землю». Это старый испытанный воинами разных народов метод. По мнению казацких лекарей, простая земля «отнимает очень скоро всю боль» и «не допускает раны до опухоли, разгорания и загноения». Огнестрельные раны нередко после промывки их чистой родниковой водой закладывали свиным салом или же мозгами только что убитого животного.

В большом ходу у казацких полевых лекарей были различные травы. Тем более, как замечал один путешественник, «на островах по реке Днепру — чай дикой, шалфей, персик, и других трав, принадлежащих к аптекам, достаточно». Днепровский остров Таволжаний (он располагается рядом с ныне затопленным, а некогда знаменитым скалистым островком Перуном, к которому когда-то, по преданию, прибило волнами деревянного идола) получил свое название от тонкой красноватой ивы — таволги. Старые рыбаки, удовлетворяя любопытство путешествующего люда, рассказывали, что «запорожские казаки пользовались таволгой, которая росла на острове, как целебным растением: они делали из молодых побегов таволги отжимки и тем лечили своих беговых лошадей от задержки мочи, чем они часто

болели». К нарывам, ожогам прикладывали листья лопуха, мяты, делали примочки из ромашки, застарелые раны присыпали порошком из корневищ аира болотного. Его, кстати, называли в народе «татарским зельем». Запорожские казаки, как и их воинственные степные соседи, применяли это растение для обеззараживания воды в источниках. Корень также жевали во время эпидемий тифа и холеры. Древним проверенным кровоостанавливающим средством был тысячелистник, известный среди степняков еще как «краванник». Популярностью у казаков пользовался подорожник, который в народе называли и «поранником», и «семижилыником», и «гойником». Нередко и в степных походах, и в плавневых дебрях запорожцы страдали от различных фурункулов и нарывов. К ним обычно и прикладывали подорожник. Чаще всего казак это делал сам, не прибегая к помощи лекаря-травозная. Промытый в чистой воде лист растирали или разжевывали до появления густого сока, а затем влажный мякиш «пришлепывали» к больному месту. Верху его прикрывали целым листом. После этого только забинтовывали. Трудно было во время таких операций, вообще в походе или на охоте соблюсти не то что стерильность, а хотя бы элементарные правила гигиены. И все же казаки старались в полном смысле не ударить в грязь лицом. Они даже заботились о чистоте зубов, которая освежала и молодила кровь. Зубы чистили веточками с расплюснутым концом, вместо порошка могли употреблять золу.

«Сырость плавней способствовала укоренению в Запорожье разных заразительных лихорадок... В пору цветения камышей нападали на них перемежающиеся лихорадки, ожесточенные горячки», — отмечали в своих путевых дневниках путешественники. Как же и чем боролись с этими недугами? Употребляли крепительные порошки из дубовой и вербовой коры, пили взвары из трилистника водяного, чай из бузиного цвета. Испытанным лечебным средством и в походе, и дома были различные водочные настойки. Вот что написано в одной старинной книге про этот популярный казацкий метод:

«Они и лечились настойками: голова болит — с перцем горелки; гостец ломит (ревматизм) — с перцем горелки; живот болит — ченчибельной снять соняшницы; лихоманка трясет — тютюнкковой, или полынной».

Известный лекарь-травознай, академик Украинской академии оригинальных идей Евгений Товстуха, реконструировал не один десяток рецептов казацкой народной медицины. В ее арсенале есть лекарства предупреждающего действия — настои и отвары для улучшения свертываемости крови и профилактики сильных кровотечений, которые казаки пили перед жестокими сражениями. Предположительно состав некоторых из них был таким: листья крапивы двудомной — 50 г, трава тысячелистника — 40 г, трава душицы — 40 г (настой); или же корень калгана — 40 г, плоды шиповника — 30 г, плоды груши — дички — 30 г. (отвар). Использовали запорожские врачеватели и водку, которую, кстати, в походы брали исключительно для медицинских целей. «Так, от лихорадки они пили водку с золой или ружейным порохом, полагая на чарку пенного вина ползаряда пороха», — свидетельствовали очевидцы.

Час потехи

На острове Хортица есть балка, которую в народе называют Музычиной. Рассказывают, что в этом месте часто собирались запорожцы, чтобы попеть и поплясать. Километрах в четырех от Вышетарасовки (село на северном берегу Каховского моря) раньше находилась идеально ровная высокая площадка, известная среди местных жителей как Тарасово Гульбище. Когда-то здесь стоял огромный каменный стол с такими же лавками вокруг. Рядом устроен был винный погреб, который запирался железными дверями. Здесь, по преданию, сечевики «пили, ели, прохлаждались и с огромной высоты горного отрога любовались широким и далеким Днепром».

Вообще запорожец не жаловал шумных сборищ — пограничная жизнь приучила его к сдержанности, скрытности, подтянутости. Однако время от времени казак позволял себе расслабиться. Для этого у него были особые места. Открытые, широкие, живописные — или, наоборот, уютные, потаенные, где все было приятно телу и душе. Короткая или длинная дана судьбой жизнь, но она одна и радости в ней должно быть больше, чем печали. Так считал запорожец, который и дело ратное знал, и от трудов праведных не уклонялся, однако и погулять, повеселиться, потешить себя и товарищей песней, танцами, музыкой любил и умел. Путешествуя по местам запорожских столиц, академик Яворницкий не раз вздыхал об ушедшей навсегда запорожской вольнице — этой земной райской обители для сильных, мятущихся душ. Ему прежде всего представлялась казацкая «жизнь во всем разгуле, во всем широком просторе: тут и бандуры звенели, и песни звонко разливались, тут же и лихие танцоры кружились таким вихрем, от которого пыль поднималась столбом, земля звенела звоном...»

«Войско казацкое идет, как пчела гудет», — говорили в народе. Походный «гул» возникал не только вследствие бряцанья оружием. Очевидцы рассказывали, что казаки в походе продвигались, «играя на жалейках, бьючи в бубны». И в походной жизни, и во время несения пограничной службы и конечно же на отдыхе различные музыкальные инструменты были для запорожца, что для селянина коса или топор. Музыка без языка, а народ собирает. Нередко по вечерам, приняв чарку-другую доброго вина, насладившись горячим сытным ужином, запорожцы кучковались на берегу Днепра и, встречая первые тихие зори, «по-своему веселились: играли на кобзах, скрипках, ваганах, лирах ("рылях"), басах, цимбалах, козах, свистели на сопилках, свистунах, — одним словом, на чем попало, на том и играли».

«И швец, и жнец, и на дуде игрец», — говорили о лугарях, что знали толк в разных ремеслах. В том числе и в игре — хотя бы на бузинной или камышовой сопилке. Силой духа и голосом

сердца добывались звуки и из маленькой дудочки, и из больших духовых труб. Они были хорошо знакомы казакам — их голоса часто раздавались на сечевой площади, в походе. Существовала целая система сигналов, с помощью которых горнисты извещали товарищей о разных событиях. Запорожцы ласково называли их «сурмовыми свирелями». Одним из древнейших ударных инструментов был бубен. Обтянутый кожей деревянный обруч со звонкими «висюльками» — вот и вся его нехитрая конструкция. «Славны бубны за горами, а глянь ближе — собачья шкура!» — шутили запорожцы.

Под одним из народных рисунков, где изображен казак Мамай, можно прочесть: «Сидит казак, на кобзе грае, что замыслит, то все мае». Этот струнный инструмент стал даже своеобразным символом запорожца. Кобза была для сечевика и боевой подругой, и утешительницей, и хранительницей старых обычаев. В одной думе казак на пороге смерти, прощаясь с кобзой, так обращался к ней: «Кобза, жена верная, бандура моя малеванная (расписная. — *Примеч. ред.*)! Куда ж мне тебя деть?» В казацкой среде очень ценились профессиональные музыканты-кобзари. Каждый старшина старался иметь при себе такого слугу, который бы не только развлекал его и гостей, но и искусной игрой помогал поддерживать порядок среди вольных сечевиков. «В сказке ложь, а в песне правда», — утверждали бывалые запорожцы. Казацкие кобзари в своих песнях-думах не только кручинились, разносили грустные известия, вздыхали о прошлом, но и славили героев, обнадеживали, передавали товарищам опыт поколений. Где-то в середине XVII столетия на смену кобзе пришла бандура. И кобзари, и бандуристы чаще были певцами чужих легенд, старинных «дум», по мере же накопления жизненного и певческого опыта, тренировки памяти начинали и свои собсчтвенные казацкие песни сочинять.

Смелость во время потехи — храбрость в деле. Иногда казацкие игры принимали вид своеобразных состязаний, во время которых сечевики демонстрировали свою удаль и сноровку.

Чаще всего это проявлялось в зажигательных вихревых казацких танцах. Кружась и подпрыгивая, казаки развлекались, и в то же время тренировались, отрабатывая танцевальную манеру рукопашного боя. Рассказывают, что знаменитый кошевой Сирко специально ездил во Францию, чтобы научить короля мушкетеров танцу «казачок», который впоследствии стал одним из самых популярных европейских танцев.

...Что навсегда потеряно? Чьи следы на обочинах торных путей? Чем сегодня жива наша память? Дуда знает, что играет. Знает это и труба, и скрипка, и кобза. Знает — музыка, знает — песня, а значит, будет знать и память.

О казаках и казачестве

Андрющенко В.Л., Федосов В.М. Запорожская Сечь как украинский феномен. — Киев, 1995.

Антонович В.Б. О казацких временах на Украине. — Киев, 1991.

Апанович Е.Н. Вооруженные силы Украины первой половины XVIII ст. — Киев, 1969.

Апанович Е.Н. Рассказы о запорожских казаках. — Киев, 1991.

Архив Коша новой запорожской сечи (Описание дел 1713–1776). — Киев, 1994.

Запорожская сечь. Сборник статей, отрывки из книг. — М., 2004.

Запорожская старина. Сборник научно-краеведческих материалов. — Запорожье, 1995.

Бойко А.В. Запорожский зимовник последней четверти XVIII столетия. — Запорожье, 1995.

Боплан Гийом. Описание Украины. — Львов, 1990.

Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. — Киев, 1994.

Завицкий В.И. и др. Казацкие забавы. — Луцк, 1994.

Запорожцы. Сборник. — Киев, 1993.

- Из украинской старины. Альбом.* — Киев, 1991.
- Исторические песни.* — Киев, 1961.
- Козаки.* Из серии «Иллюстрированная история Отечества». — СПб., 1999.
- Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. — СПб., 2003.
- Кащенко А.Ф.* Рассказы про славное Войско Запорожское низовое. — Днепропетровск, 1991.
- Клиновецкая З.* Страви й напитки на Украине. — Киев, 1991. Издание репринтное. С издания: Киев — Львов, 1913.
- Кравцевич В.Я.* Украинский державный флот. — Киев, 1992
- Летопись Гадячского полковника Григория Грабянки.* — Киев, 1992.
- Малевиц Л.М.* Азовское казацкое войско (1828—1866). — Запорожье, 2000.
- Марченко Т.Н.* Козаки-мамай. — Киев: Опoшне, 1992.
- Мыцьк Ю.А.* Козацкий край. Очерки по истории Днепропетровщины X—XVIII ст. — Днепропетровск, 1990.
- Мыцьк Ю.А., Плохий С.Н., Стороженко И.С.* Как козаки воевали. — Днепропетровск, 1990.
- Мышецкий С.* История о казаках запорожских. — М., 1847.
- Новицкий Я.П., Сокульский А.Л. и др.* Народная память о казачестве. — Запорожье, 1991.
- Савельев Е.* Древняя история казачества. — Новочеркасск, 1915.
- Сергийчук В.И.* Именем войска запорожского. — Киев, 1991.
- Сечевая скарбница.* Легенды и предания Нижней Надднепряныны. — Запорожье, 1999.
- Сечинский В.Е.* Чужинцы об Украине. — Киев, 1992.
- Скальковський А.О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. — Дніпропетровськ, 1994.
- Сокульский А.Л.* Морские походы запорожцев. — Днепропетровск, 1995.
- Супруненко П.П.* Легенды казацкого края. — Запорожье, 1995.

Супруненко В.П. Мы — украинцы. Энциклопедия украиноведения. 2 тома. — Днепропетровск, 2000.

Украинское казачество. Малая энциклопедия. — Киев — Запорожье, 2002.

Чабаненко В.А. Великий Луг Запорожский. Историко-топонимический словарь. — Запорожье, 1999.

Челеби Э. Книга путешествий: походы с татарами и путешествия по Крыму (1641—1667). — Симферополь, 1996.

Шаповал И.М. В поисках сокровищ. — М., 1968.

Шевалье Пьер. История войны казаков против Польши. — Киев, 1993.

Шерер Жан-Бенуа. Літопис Малоросії, або Історія козаків-запорожців та Козаків України або Малоросії. — Киев, 1994.

Яворницкий Д.И. Днепровские пороги. — Днепропетровск, 1989.

Яворницкий Д.И. Иван Дмитриевич Сирко. — Днепропетровск, 1990.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков (в 3-х томах). — Киев, 1990—1991.

Яворницкий Д.И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. — К., 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

НАПУТНОЕ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
I. ВОЙСКО СЛАВНОЕ, ДЕЛА ГРОМКИЕ	6
Что в имени твоём, казак?	6
«Волю имеем за дражайшую вещь...»	9
Сечевые столицы	12
Сечевики и зимовчаки	13
Атаман и старшины	16
Знатные радцы	19
К голове — булава...	21
Войсковой круг	23
Казачи-мамаи	25
II. ВЕРНОСТЬ ЗЕМЛЕ И ПРЕДАНИЯМ	27
Степные вольности	27
Река казацкой славы	29
Великий Луг Запорожский	31
Прекрасный, высокий и уютный остров	37
По казацкому следу	44
Белогорье	45
Пушина	47
Тарасово гульбище	48
Хата казака Несвата	49
Островитяне	50
Возле древнего перевоза	51

При Чертомлыкском Днеприще...	53
Два памятника	54
Последний оплот	56
Где Базавлук?	57
На речке Каменке	59
Олешье	60
Шаг за порог	62
Между берегами	63
Шумели «на погоду»... ..	67
Чьему роду нет переводу?	69
Город-крепостница над Днепром	72
«Из-за острова на стрежень...»	75
«Там за балкой у реки...»	79
Куда метят молнии?	81
Обходной путь	83
По Дону гуляли... ..	84
Вояж к Таману	95
Дунайская развилка	99
На косах Азовских	106
Соловецкий узник	113
Афонская обитель	125
Лесбос, Мальта, Беларапия...далее везде	132
III. НА КАЗАКЕ И РОГОЖА ПРИГОЖА	137
Что за душой?	137
Крепки телом, сильны духом	141
Мешай дело с весельем... ..	143
Зачем казаку оселедец?	146
В сорочке единой	147
Не жнет, не косит, а жупан носит	149
Шириной в Черное море	153
Пара сапог	154

Дело в шляпе	157
Что стоит подпоясаться?	159
«Люлька в зубах зашкварчала...»	161

IV. КАЗАЦКОМУ РОДУ НЕТ ПЕРЕВОДУ .....

Богатырская сила	163
Днепровские характерники	166
Из глубины веков	170
Тайная наука	171
«Порубали сами себя»	173
Волчий след	174
Рука мертвого атамана	177
Казак братом силен	179
В здоровом теле — здоровый дух	180
Думы мои, думы... ..	182
На каменном ложе	185
Под сенью священных дубов	187
Вещий сон не обманет	189
Пустынные обитатели	192
Черт знает... что?	194
И рушник вышиваный на счастье, на долю... ..	198
Жили вертко, помирали терпко... ..	200

V. РЫЦАРИ КОСЫ И КИНЖАЛА .....

И рубит, и колет, и режет	203
Топоры — до поры	206
Копейное дело	207
Коси коса!	210
Сабельный удар	212
«Ой, нагаечка моя...»	214
Предательские якорцы	216
«Как натяну лук я, брязну тетивой...»	218
Пуля не дура	221

Запорожская вольница	443
В пушечном дыму	223
Ракетный переполох	224
VI. НАУКА ПОБЕЖДАТЬ	226
Испытание новичков	226
Круговая повестка	227
Рано встает охрана	229
Разведка донесла	232
Достойный ответ	234
Татарский танец	235
Ломовая схватка	236
Казацкий разгордяш	238
На коне и под конем	239
Воздушные трюкачи	242
Саперы-могильщики	243
А воз и ныне там... ..	245
Пчелиное оружие	247
Огненный щит	249
Из грязи в князи	250
Боевой гопак	251
Раззудись плечо, размахнись рука!	253
Бегство из плена	254
VII. ПЕНИТЕЛИ МОРЯ	256
И пловцы, и ныряльщики	256
По воле весел и ветра	258
Как выглядела казацкая «чайка»	262
Поднимались прямо со дна моря... ..	264
Гавани-тиховоды	265
Озера на замке	267
Дерзкий прорыв	268
В дальнем походе	269
Казацкое море	271

Против бури	275
Что видно за туманом?	277
Что такое «крутить веремью»?	280
Ночной абордаж	281
«Была Варна издавна славна»	282
Курс — на Синоп!	284
Степные дороги мореплавателей	288
Правь смелее, лоцман!	290
VIII. УКАЖУТ ДОРОГУ ЗВЕЗДЫ	295
Дымовые сигналы	295
Робко по тропке, в лежку по стежке... ..	296
Шаг за шагом	297
Что островок, то тайный уголок	299
Подземные пролазы	306
Через прорезы и ривчаки	308
Переправа — переплава	309
Болотистые заблуды	311
Вброд без хлопот	312
Счастье, когда ненастье	314
Погода на завтра	315
Где был — там нет, где шел — там след	317
Птичий язык	320
IX. ИДУ НА ДОБЫЧУ	323
На ловца и зверь... ..	323
Дал Бог рыбу, даст и хлеб	326
С полянки — по корешку, с куста — по яголке... ..	331
Грибная пожива	335
Не грех в пору и в чужую нору	337
Глоток воды	338
Обухом не ударишь, искры не увидишь	340
Сало... против гнуса	342

Х. ЗАСТОЛЬЕ	343
Нужен ли ужин?	343
Хочь с корыта, абы досыта	345
Хлеб хлебу брат	349
Самое первое блюдо	353
Сало к душе пристало	357
В степи и хрущ мясо	360
Варили рыбу «на стябло»	364
Всегда наши — кулеши и каши!	368
Мучные болтушки	372
Вареники доведут, что и хлеба не дадут	378
Полный пень головень?	381
Мед и в рот, и в год	384
Узвар — лесов дар	388
Гуляй, душа, без кунтуша!	390
XI. ДЕЛА НАСУЩНЫЕ	400
Новое имя — другая жизнь	400
В каких богов верили?	402
Гостина	406
Где стал, там и стан	410
Без любви, но и без печали	413
Одному мука — десятерым наука	415
По промыслу и ремесло	417
Ой чумаче, чумаче... ..	419
«Добрая штука те овцы...»	426
Очистит зола, прополощет вода	429
Посыпь мне соль на рану... ..	431
Час потехи	434
О казаках и казачестве	437

Научно-популярное издание

История казачества

Супруненко Владимир Павлович

ЗАПОРОЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.И. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *Б.В. Петухов*

Корректор *Г.Н. Страхова*

Дизайн обложки *Г.Н. Фадеев*

Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 19.07.2007. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14. Тираж 3000 экз. Заказ .

*Простолюдины Малороссии.
Иллюстрация из книги «Родная старина.
Отечественная история в рассказах и картинах»*

Малороссийский мужик

Малороссийский казак

Малороссийские женщины

Малороссийская девушка

Малороссийский казак

Малороссийский казак-сотник

Полковник малороссийского полка

Малороссийский писарь

Малороссийский мещанин

*Знатный малороссийский
шляхтич*

Малороссийский казак

Богдан Хмельницкий

Малороссийский казак

Богдан Хмельницкий. Подданство Малороссии

Запорожская Сечь. Реконструкция

*Запорожцы пишут письмо турецкому султану.
Фрагменты картины. Художник И. Репин*

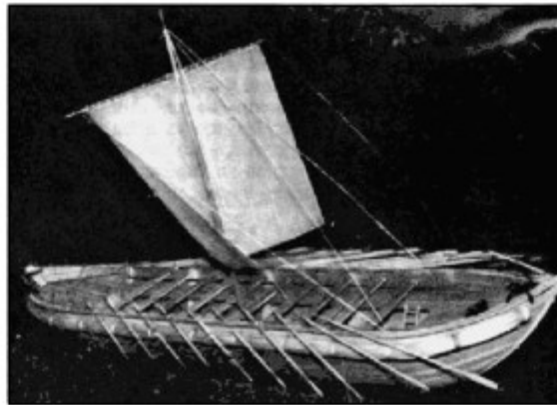
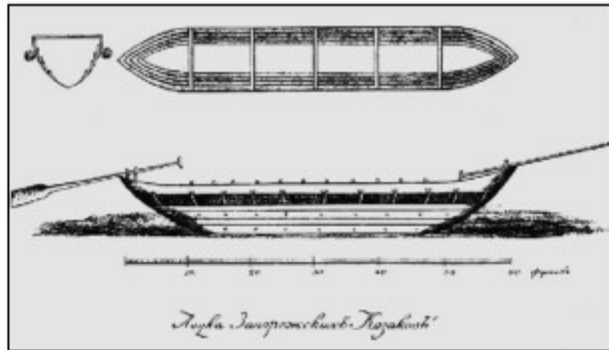
*Начало русско-турецкой войны.
Переправа русских войск через Дунай*

Янычары

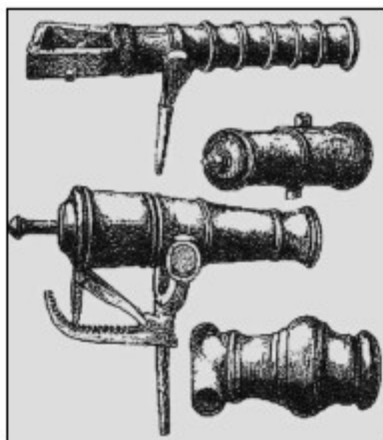

Казак, убивающий турка

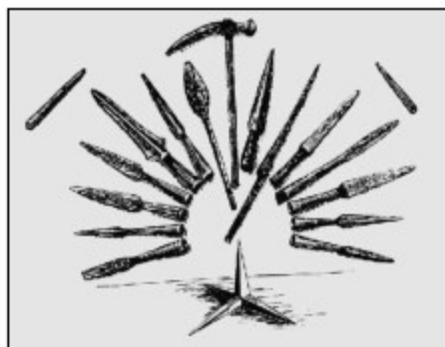

Суда запорожских казаков

Пушки запорожских казаков

Якорцы и копья

Серебряные литавры запорожских казаков

Запорожские казаки

Верхняя одежда запорожцев. Художник И. Репин

Запорожские казаки

Стой! Упала трубка с табаком. Художник О. Герасимов

Гость из Запорожья. Художник Ф. Красицкий

Запорожец-бандурист

Прощайте, товарищи. Художник А. Монастырский

*Запорожец Яков Шиян.
Художник И. Репин*

*Запорожское казачество.
Художник С. Васильковский*

Запорожцы около корчмы. Художник Н. Самокиш

*Бунчужный.
Художник Ю. Брандт*

*Казак в дозоре.
Художник Ю. Брандт*

Рождение песни. Художник М. Дерзгус